ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

ПЕРОМ И ШПАГОЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Пером и шпагой

Валентин Саввич Пикуль

Аннотация
НАЧНЕМ С КОНЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. ПОДСТУПЫ. ЗАНАВЕС
БЛЕСТЯЩЕЕ НАЧАЛО
ЛЮДОВИК ПРОСНУЛСЯ
ЕЛИЗАВЕТА ПРОСЫПАЕТСЯ
ФРИДРИХ НЕ СПИТ
ОДНА ИЗ ЛЕГЕНД
АМИНЬ – КОРОЛЬ – БАСТИЛИЯ
ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР
ДИПЛОМАТИЯ И ЛЮБОВЬ
ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ
ИНТРИГИ, ИНТРИГИ, ИНТРИГИ...
ПОДОЗРЕНИЯ
КУДА ДЕЛСЯ ДЕ ЕОН?
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. ПРИСТУПЫ. ЗАНАВЕС
НАЧАЛО СОЮЗА
СУЕТА СУЕТ
ШЕВАЛЬЕ В ПЕТЕРБУРГЕ
ПРОСТОЙ РУССКИЙ ДВОРЯНИН
ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ
БЛИЦКРИГ

ГДЕ ФЕЛЬДМАРШАЛ?
ГОРЯЧИЙ КОТЕЛ ЕВРОПЫ
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ ОПАСНЫ
СЛАВА ТРУБЯЩАЯ
ПРИЕХАЛИ ФРАНЦУЗЫ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ОТКЛОНЕНИЯ. ЗАНАВЕС
МЕМЕЛЬ
ГРОМ СКОРО ГРЯНЕТ
ГРОСС-ЕГЕРСДОРФ
«ПАДЕНИЕ» В ЦАРСКОМ СЕЛЕ
ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ
ФРИДРИХ ИГРАЕТ ВА-БАНК
НАСТУПИЛА ОСЕНЬ
«ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ГОСПОДА!»
БАЛ ПОСЛЕ ОБМОРОКА
ЗИМА-ЛЕТО РУССКОЕ
ЕЛИЗАВЕТА – КОРОЛЬ ПРУССИИ
НЕ ПОЙМАН – НЕ ВОР
РАЗРУШЕНИЕ АВТОРИТЕТОВ
ПОД КЮСТРИНОМ
ЦОРНДОРФ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ПОВОРОТЫ. ЗАНАВЕС
КРУГОМ ОБМАН
ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ…
ПАЛЬЦИГ
КУНЕРСДОРФ

ЧУДО БРАНДЕНБУРГСКОГО ДОМА
ПОЛИТИКИ
ЖАЛКАЯ КАМПАНИЯ
КЛЮЧИ ОТ БЕРЛИНА
МРАЧНЫЕ ТОРЖЕСТВА
КАНУН ВСЕГО
МУЖАЙТЕСЬ, ЛЮДИ!
ПЕРИПЕТИИ
ШУТОВСКОЙ МИР
НА КОНЕ – В КАПИТОЛИЙ
ЕКАТЕРИНИАНСТВО
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. ПРЕВРАЩЕНИЯ. ЗАНАВЕС
КОНЕЦ КНИГИ – КОНЕЦ «СЕКРЕТОВ»

Аннотация

Из истории секретной дипломатии в период той войны, которая получила название войны Семилетней; о подвигах и славе российских войск, дошедших в битвах до Берлина, столицы курфюршества Бранденбургского; а также достоверная повесть о днях и делах знатного шевалье де Еона, который 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной, и в мундире и в кружевах сумел прославить себя, одинаково доблестно владея пером и шпагой…

НАЧНЕМ С КОНЦА

Плох тот народ, который не помнит,
не ценит и не любит своей истории!

В. М. Васнецов

В ночь на 21 марта 1810 года французскому консулу при Сент-Джемском дворе, барону Сегье, крупно везло. Он играл в доме леди Пэмброк-Монтгомери, урожденной графини Воронцовой, лихорадочно делая ставки на удвоение.

Время было уже далеко за полночь, когда лакей, обнося игроков крепким чаем, протянул Сегье поднос, на котором лежало письмо:

— Курьер из посольства. Извольте, барон. Поглощенный выигрышем, консул наспех рванул конверт:

— Извините, господа. Я не задержу вас… И вдруг вскочил, отбросив карты (и все заметили, что удачливый Сегье играл совсем без козырей).

— Война? — переглянулись русские. — Опять война?

— Нет, нет, — утешил их Сегье, чем-то взволнованный. Легкомысленная красавица Екатерина Багратион, которая, колеся всю жизнь по Европе,

давно уже забыла и мужа и отечество, вдруг раскапризничалась:

— Барон, вы меня интригуете, и я не смогу отыграться… Консул глянул на рассыпанные перед ним карты:

— Прошу прощения, я вынужден срочно покинуть вас. Семен Романович Воронцов (отец хозяйки дома) спросил француза небрежно, с равнодушием старого прожженного дипломата:

— Что случилось, дорогой Сегье?.. — Воронцов сделал паузу. — Ежели это не секрет?.. — Опять пауза. — Секрет вашего строптивого императора?

— Господа! — объявил консул. — Секрета никакого нет… Только что отошла в лучший мир девица и кавалер Женевьева де Еон, которая в молодости была послом Версаля при таких высоких дворах, как Санкт-Петербургский и Сент-Джемский!

Лица игроков вытянулись.

— Я уже забыл про эту кляузную старуху, — удивился лорд Пэмброк, фыркнув. — Ах, сколько было шуму из-за этой женщины!..

Посольский кеб, стуча колесами по камням, довез Сегье до пустынной улочки Нью-Уилмен; дежурный констебль поднял фонарь, присматриваясь:

— Кто идет? Отзовитесь…

Сегье захлопнул за собой лакированную дверцу кеба:

— Идет консул Наполеона — императора всех французов!

Полицейский услужливо осветил фонарем подъезд дома — черный, как провал рудничного штрека, давно заброшенного. В пролете лестницы из-под ног Сегье шарахнулась бездомная кошка. Шаткие перила колебались над темью колодца.

На площадке верхнего этажа вдруг брызнуло светом из раскрытых дверей.

— Прибыл консул, — возвестил констебль. Королевский хирург, сэр Томас Кампеланд, раскрыл саквояж и, засучив рукава, натянул длинные шелковые перчатки.

— Великолепно, — сказал он. — Во имя закона и справедливости приступим к осмотру, пока бренное тело покойницы еще хранит тепло прошлой жизни…

Барон Сегье осмотрелся. Бог мой! Он даже не знал, что девица де Еон, этот таинственный дипломат и забытая писательница Франции, жила в такой отвратительной бедности. Почти голые стены, холодный камин, заброшенное рукоделие на пяльцах.

И всюду — шпаги, шпаги, шпаги!..

К нему подошла мадам Колль — приживалка покойницы.

— Когда это случилось? — шепотом спросил ее консул.

— Около полуночи, месье.

— Бумаги, — намекнул Сегье. — Бумаги.., где? Мадам Колль кивнула в угол. Там лежал большой узел, завернутый в шкуру медведя, до полу свисали печати короля и пахло сургучом. Англичане — опередили. «Как всегда...» Впрочем, в этой поспешной описи имущества ничего не было удивительного, ибо полиция Лондона давно подозревала покойницу в чеканке фальшивых денег...

— Внимание! — провозгласил Кампеланд. — Понятых, прокурора и консула прошу сюда подойти... Ближе, ближе.

Сегье шагнул к неряшливой постели, на которой лежала маленькая, но величавая покойница с желтым личиком. Тонкие губы старухи еще хранили предсмертную улыбку, и один глаз ее тускло взирал на любопытных гостей.

— Начинаем, — сказал хирург.

— Постойте, сэр! — остановил его прокурор и повернулся к понятым. — Джентльмены, —

произнес он, взмахнув шляпой, — надеюсь, вам известно то высокое официальное положение, какое прежде занимала в этом мире покойница. А потому прошу отнестись к процедуре осмотра со всем вниманием… Начинайте, сэр!

— Извольте, — ответил Кампеланд, и с покойницы слетело тряпье одеял, пошитых из цветных лоскутьев; затем нищенские юбки взлетели кверху, обнажая стройные мускулистые ноги. — Смотрите!..

И барон Сегье подхватил мадам Колль, которая вдруг рухнула в обморок.

— Все ясно, — сказал врач, сбрасывая перчатки, — покойница никогда и не была женщиной… Можете убедиться сами: великий пересмешник Бомарше был одурачен, и он (ха-ха!) напрасно предлагал ей руку и сердце.

Мадам Колль с трудом обрела сознание:

— Но я-то, господа.., я ничего не знала. Клянусь! Барон Сегье был растерян более других:

— Что же мне отписать в Париж императору?

И, захлопнув саквояж, грустно усмехнулся Кампеланд:

— Что видели, то и опишите, господин консул…

На рассвете к смертному ложу де Еона подсел

с мольбертом художник, и через несколько дней книготорговцы Лондона выбросили на прилавки свежие оттиски гравюр. Эти гравюры были не совсем приличны с точки зрения моего современника, но тогда, в самом начале прошлого столетия, они красноречиво убеждали всякого, что кавалерша де Еон была мужчиной. «И без всякой примеси иного пола!» — как гласило официальное заключение, заверенное понятыми и нотариусом Тайна мистификации секретной дипломатии XVIII века, казалось, была разрешена навсегда.

Но это только казалось.

И когда отгремели наполеоновские войны, человечество вдруг снова вспомнило о «девице де Еон».

Горячился и Дюма-отец (еще молодой, еще не отец). — Англичане плуты!

— вещал Дюма. — Кой черт — мужчина? И здесь нас провели… Конечно — женщина, да еще невинная, будь я проклят! Неужели же автор «Фигаро», сам великий прохвост, мог так ошибаться? И девица де Еон, этот бесстрашный драгун в юбке, ведь дала же согласие на брак с ним. Хороша была бы их первая ночка, если бы Бомарше напоролся на мужчину! Нет, друзья, англичане

— плуты известные, но мы, французы, не дадим себя одурачить. Так о чем разговор?

***

В основном разговор пойдет о секретной дипломатии. Пусть грохочет оружие и стучат котурны женских туфель; пусть трещат, заглушая пальбу мушкетов, старомодные равбы статс-дам, а пудра столбом летит с дурацких париков. Пусть…

Дорогой друг и читатель, наберемся мужества: кареты уже поданы, и нас давно ждут в Версале.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. ПОДСТУПЫ
ЗАНАВЕС

Это было время войн, еретичества и философии…

Когда границы Европы, такие путаные, определяли свои контуры, едва-едва схожие с современными.

Германии еще не было как единого государства, но Пруссия существовала, тревожа мир замыслами своих агрессий.

Это была сильная держава, и ее — боялись.

Колониальные войны уже начались.

Англия, разбогатев на торговле, укрепляла традиции своей политики; в ней хозяйничал Питт-старший, сколачивая, как корабль, громоздкую Британскую империю.

Читались научные трактаты, смаковался разврат и громыхали пушки. Сотни людей обогащались на торговле неграми, а потом, меценатствуя, умирали в нищете, всеми забытые.

В дворцах и хижинах свирепствовала оспа, одинаково уродуя лица принцесс и базарных торговок. Не верьте воздушным прелестям порт-

ретов былого — их оригиналы были корявыми!

Пираты делались адмиралами и пэрами Англии, а нелюдимые рыцари Мальтийского ордена вели затяжную войну с алжирскими корсарами.

Инквизиция еще не была уничтожена; площади городов украшали распятия и виселицы; людей клеймили каленым железом.

А на Москве поймали как раз Ваньку Каина, и он пел свои озорные песни, позже ставшие «народными».

Крепости уже не имели тогда прежнего значения — их научились обходить. Но считалось за честь взять крепость штурмом. Города же имели ключи, и сдавали их победителю на атласной подушке.

Мужчины носили треуголки под локтем, а головы пудрили. Пудра была разных оттенков (даже голубая). Держалась мода на фижмы — и поголовье гренландского кита беспощадно выбивалось ради идеальной стройности женских талий. Корсеты вздыбливали груди тогдашних красавиц, слегка и небрежно прикрытые цветами.

А в горах Вогеза доживали свой век последние медведи.

Бедняки Европы уже ели картофель, но в России им лакомились пока вельможи. Свиньи служили

гурманам, натасканные выискивать гнезда трюфелей. Люди садились за стол с осторожностью, ибо искусство отравления было доведено до совершенства.

Вольтер успел себя прославить, а в России парил пламенный и честный Сумароков. Рокотов и Левицкий начинали пробовать свои кисти, но Антропов уже казался устарелым.

Герцог Бирон находился в ссылке, и корона герцогства Курляндского считалась — якобы! — свободной.

Воинственная Польша носила патриотический кунтуш, но имела на троне саксонского курфюрста Августа III.

Крым — под пятою ханов — был подвластен Порте, и в Бахчисарае источал слезы фонтан (еще никем не воспетый).

А в Запорожской Сечи буянили чубатые «лыцари».

Самым сильным флотом все признавали флот английский.

Русская артиллерия и тогда была передовой в мире.

Париж диктовал свои вкусы, и моды часто менялись.

Макиавелли был настольной книгой поли-

тиков; и был разгар секретной дипломатии — королей и канцлеров, интриг и подкупов.

Плащ и кинжал! Раскрытое письмо и замочная скважина…

БЛЕСТЯЩЕЕ НАЧАЛО

Полное имя этого человека звучало так: «Шарль-Женевьева-Луи-Огюст-Андрэ-Тимотэ де Еон и де Бомон». Мы будем называть его короче: «де Еон» (иногда же назовем и «де Бомон», пусть это не смущает нашего читателя). Среди набора католических имен только одно имя — Женевьева! — имя чисто девичье, благоуханное.

Но оно, это имя, как раз и не играет никакой роли в судьбе человека, который оставил след в истории нашего государства.

Говорят, что отец де Еона был не совсем нормальным, и в детстве де Еона наряжали как девочку. Ходили слухи, что он был девочкой, но отцу хотелось иметь сына, и вот его потом переодели в мужское одеяние. Существует свидетельство, что маскарад этот продолжался долго — в прямой зависимости от споров о наследстве: для получения наследства то был нужен мальчик, то вдруг требовалась девочка. Потому-то, говорят, де Еон отлично и чувствовал себя — когда в юбках, когда в мундире. Говорят еще хуже…

Но не будем повторять всех слухов: спор об этом

человеке не прекращается вот уже два столетия. Постараемся издалека, через хаос времени и событий, разглядеть не легенду, а — человека!

Вот он, с широко раскрытыми глазами, вступает в мир, полный цветения и волшебных очарований… Как же все это начиналось?

***

Добрый друг семейства, аббат Марсене, в последний раз высек мальчика, и на этом домашнее воспитание сочли законченным.

— Мы дали тебе имя!

— гордо выпрямившись, сказала стройная мать, урожденная де Шарантон.

Итак, прощайте сады Тоннера, звоны колоколов по утрам и нежные розы… Громыхающий мальпост, украшенный краснорожей вывеской святого Фиакра, покатил де Еона в Париж, отчаянно пыля и распугивая по дороге откормленных индюков…

В коллегии кардинала Мазарини секли не так любвеобильно. И платил за сечение уже не родитель, а сам король. Практика — суровая вещь, и она доказала, что еще никому из дворян розги не мешали расти и развиваться сообразно природным наклонностям. Не ручаюсь здесь за простых

французов, но зато документально заверено, что короли Людовики с детства каждый день просто объедались розгами!

Маленький де Еон был резв и даровит, прекрасно воспринимая все, что давали аббаты по строгому расписанию: анекдоты и молитвы, супы и горчицу, розги и вокабулы.

Незаметно для наставников он вырос в бесшабашную бестию. Последний раз его выпороли, когда он носил в ухе крохотную сережку — признак мужества. Иезуит отбросил прут и помог де Еону застегнуть панталоны.

— Мы свое дело сделали, — заявил падре, ласковый. — А далее, мой профан, пусть заботится о вас хоть сама Бастилия!

Грудь этого сорванца уже была истыкана уколами шпаг в поединках. Зато не было де Еону и двадцати лет, когда его — как виртуоза шпаги — признали почетным кавалером в лучшем фехтовальном павильоне столицы. Он любил читать Мольера, а у того сказано: «Фехтование есть искусство наносить удары, не получая их...» И де Еону хотелось прожить всю жизнь только нанося удары другим, не получая взамен ни одного обратного...

Быстрыми и легкими туше, победно крича, де

Еон загонял противника в угол. Дразнил острием. Сильными батманами отбивал оружие противника. Издевался в стремительных фланконадах.

Разум его был изощрен и в шахматах. Королевский паж Франсуа Филидор (тогда он был скрипачом при Марии Лещинской) приезжал из Версаля в кафе «Режанс» — это давнее прибежище шахматистов всего мира, длинными пальцами торопливо ставил фигуры.

— Шевалье, — просил он де Еона, — я жду от вас гармонии ума и бойкости фантазии… Садитесь!..

Из коллегии Мазарини юнец выпорхнул в свет со званием «доктора гражданского и канонического права». Гордый этим званием, как петух, отыскавший в земле червяка, адвокат поскакал на душистую родину, где в подвале каждого дома, в тесноте старых бочек, бродило приятное и легкомысленное шабли.

Постаревший отец подозрительно ковырял пальцем печати на королевском дипломе.

— Ну что ж, — сказал он, — пинок в жизнь ты получил, но… Куда полетишь, сын мой? На всякий случай запомни: лучше сказать десять приятных слов фаворитке короля, чем написать десять томов. Живи! Но я тебя.., знать не знаю.

Впрочем, отец вскоре умер, и де Еон получил в

наследство 15000 ливров дохода. Этого бы вполне хватило, чтобы отсылать белье для стирки если не в колонии Сан-Доминго, то хотя бы в Голландию. Однако де Еон мог смело заверить родню при свидетелях, что ни единого су не истратил на «полубобров» (как назывались тогда — еще задолго до Мопассана — красавицы полусвета).

Высокую нравственность шевалье обстреляли картечью эпиграмм и насмешек. Таково было время: мужья стыдились любить своих жен, а жены, чтобы не потерять доступа ко двору, были вынуждены заводить себе любовников.

Вино — да, это совсем другое дело! Наш юный адвокат обожал повальное рыцарское пьянство. Как хороши высокие прохладные бутыли, что тревожным сном покоятся в его погребе.

Книги — о да, конечно! Без них жизнь немыслима и пуста, словно монашеская келья на закате солнца.

Возвысить дух свой над страстями тела — этому он уделял немало забот и даже посетил однажды анатомический театр.

— Я вижу кости, груды мяса, жил и сала, — удивился де Еон. — Но я души не вижу здесь… Нет, это не по мне!

В 1753 году он выпустил свою книгу — «Фи-

нансовое положение Франции при Людовике XIV и в период Регенства». Первые же похвалы пришлись кстати. Парижский интендант, Бертье де Савиньи, как раз подыскивал секретаря из хорошей фамилии — и де Еон заступил его место. Время для интендантов было неспокойное. Совсем недавно толпа голодных матерей окружила коляску дофина и кричала сыну короля прямо в лицо:

— Пусть уберут эту потаскуху Помпадур, которая лишает нас хлеба! Пусть только она покажется перед нами…

Парижская голытьба не знала, что не Помпадур, а сам король спекулировал хлебом. Франция голодала, съежившись возле промерзлых очагов. Даже знатные дамы, чтобы протопить свои наследственные замки, дарили любовь по странной таксе: одна ночь любви стоила десять телег с дровами. Франция заселяла колонии каторжниками и шлюхами, которых хватали на улицах. Иногда — хватали детей и нищих. По пять гребцов на одно весло, со звоном и стоном, выгребали в океан тяжкие королевские галеры, и на знаменах кораблей струились нежные бурбонские лилии.

От Гавра до Ньюфаундленда моря сотрясались от пушек — Англия отнимала у Франции ее

американские колонии. Война между странами объявлена не была. Но если в море встречались французы с британцами, то салютовали так: всем бортом — залп из ядер раскаленных, и — саблю в зубы — вперед! на абордаж!

Франция для французов казалась тогда серым обыденным хлебом, а далекая Канада — сладким сказочным пирогом, и Англия уже вцепилась в этот «пирог» зубами абордажных крючьев…

***

— Бастилия, — говорил де Еон друзьям, — пока мне не угрожает. Заметьте, как осмотрительна моя некрополическая муза! Живых она не тревожит, паря лишь над свежими могилами.

На смерть известного физика графа Пажо д'Онсан-Брэй (у которого Петр I учился механике) он сочинил надгробную эпитафию. А вскоре умерла молоденькая герцогиня Пантьевр, и адвокат в стихах — опять-таки на божественной латыни — воспел ее «благоуханную» кончину.

Де Еон ничего не потерял, до небес превознося заслуги верноподданных покойников. В салонах Парижа вдруг разом заговорили о даровитом адвокате. Шанфор, Бель-Иль, Мармонтель, Лагарп, Дюкло и герцог Нивернуа — вот круг его зна-

комств. Ослепшая маркиза Дюдефан целовала де Еона в надушенную голову, говоря ему при всех:

— О-о, моя дорогая тряпица!.. — Это был верх утонченной ласковости, ибо даже сам король называл своих дочерей воронами, какашками и швабрами…

Вскоре, поднаторев в салонной болтовне, де Еон выпустил в двух томах свои «Политические рассуждения об администрации древних и новых народов». И — не прогадал: к должности секретаря прибавилась еще должность цензора книг по истории и беллетристике. Вольтер в эти дни называл де Еона «светлым разумом», он просил знакомых:

— Познакомьте же меня с этим чудовищем… Но история не сохранила свидетельства — состоялась ли их встреча. Скорее — нет. Они встретились, правда, но значительно позже, когда слава кавалера де Еона уже щеголяла в пышном ворохе кружевных юбок.

Зато нам точно известно, что де Еон проник в дом аббата Берни. Это был очень скверный стихотворец и еще худший министр Франции, ведавший делами иностранными. Но, как утверждали женщины, Берни был весьма «галантерейным» любовником. Вот оно! Отсюда, из

дома Берни, тропинка вела прямо в отель Бельвю, к ногам маркизы Помпадур, бойко стрекотавшей красными каблуками туфель.

***

Ну, а что еще можно требовать от лихого бургундца с серьгою в ухе, со шпагою на боку, болтуна, пьяницы и бретера?

Ей-ей, сам король Франции вел себя в его годы гораздо скромнее. И уж конечно король ничего не писал (и не читал) об администрации и финансах у народов древности!

ЛЮДОВИК ПРОСНУЛСЯ

Не хочется, а — придется. Сам замысел вещи и ход истории к тому нас обязывают.

Сядем же, по завету Шекспира, на землю, покрытую нежной травою, пустим по кругу чашу с вином и будем рассказывать странные истории про королей…

О короли, короли! Простите, но ваши тени мы потревожим.

***

В этот день Людовик XV проснулся поздно и, не вставая с постели, привычно и вяло расставил руки. Вечно унылый дофин помог отцу натянуть рубашку. Тряскими пальцами король нащупал горошины пуговок. Принц Луи Конти, на правах сюзерена, продел ногу короля в скользкий сиреневый чулок.

— Шевалье де Вержен, — шепнул он, — наверное, уже прибыл в Константинополь; барон де Тотт поднимет татар, а наши эмиссары взбунтуют, когда надо, Сечь Запорожскую.

— Да, Порту надо пробудить, чтобы крымский

хан опять тревожил русские пределы… Не давать России покоя!

Конти, присев на корточки, взялся за туфлю короля. Когда Людовика обули, в спальню к нему были допущены иностранные дипломаты, состоявшие при дворе Версаля.

Среди них не было русского, и это наводило Версаль на грустные размышления.

На горизонте европейской дипломатии звезда Петербурга разгоралась все ярче, и Франция уже не раз убеждалась, что пренебрегать Россией — рискованно и неразумно. Но Версаль относился к русским с неприязнью. Почти враждебно…

— Звон золота разбудит и мертвеца, — ответил Людовик принцу Конти с большим опозданием (а дипломаты зашушукались).

Бездумно глядя в окно, король вытирал лицо и руки мокрым полотенцем. В соседней комнате Oeil de Boeuf лакеи со звоном перебирали кофейную посуду.

— И начнем день! — торжественно провозгласил Людовик.

Начало дня — обычно. В узком проходе, между стеной и кроватью, король опустился коленом на кожаную подушку; старенький Часослов — еще со времен Генриха Четвертого — всегда лежал

раскрытым перед королями Франции…

Конти держал отброшенное королем полотенце и прямо в глаза смотрел графу Штарнбергу — послу австрийской императрицы Марии Терезии, с которой тоже не было дружбы у Людовика. Конти смотрел на австрияка, но мысли его были далеко-далеко — на севере. Сейчас Конти всего сорок лет, русской императрице Елизавете Петровне — побольше (под пятьдесят), но это ничего не значит.

«Разве бы я был плохим мужем? — раздумывал Конти. — Или я не гожусь в герцоги Курляндские? Наконец, я могу командовать русской армией…» Людовику, как и Конти, тоже четыре десятка. Но от прежнего красавца, каким он был смолоду, не осталось и следа. Лицо сделалось оливковым, почти сизым. Дыхание короля стало гнусным от несовершенства желудка и частых запоров. К тому же король не мог в обществе связно произнести двух слов. Но и эти слова обычно он выражал (по свидетельству современников) «на подлом языке цинизма и распутства».

Людовик еще молился, а из подвалов Версаля, где размещались кухни, уж слышался ликующий возглас:

— Говяди-и-ина короля!

Дипломаты, кланяясь, спешили отбыть в Бельвю, чтобы засвидетельствовать свое почтение мадам Помпадур (все, кроме посла Пруссии, которому король Фридрих запретил унижаться перед куртизанкой).

— Говяди-ина короля! — разносилось по Версалю, и этот возглас быстро приближался к королевским покоям.

Во главе с метрдотелем двигалась процессия поваров, несших Людовику первый завтрак. Из-под золотых крышек струился пар над фарфором, и все придворные издалека снимали шляпы, раскланиваясь перед «говядиной короля».

Людовик, шевеля губами при чтении, словно школьник, постигающий грамоту, основательно ознакомился с меню.

— Ах, я совсем забыл, — огорчился король, — эти мерзавцы лейб-медики опять посадили меня на диету…

Диетический завтрак Людовика открывало пюре с гренками; затем — громадная тарелка супа из парижских голубей. Король сидел спиною к неприбранной постели; перед ним было раскрыто широкое окно, и в нем виднелись квадратно подстриженные деревья. Ни одна веточка не вырастет длиннее другой — так что глаз короля

всегда спокойно скользит по зелени.

Разодрав фазана за крылышки, Людовик сказал:

. — Россия стала опасна. Саксонский курфюрст сулит нам поддержку. Поляки уже в конфедерациях — на случай, если русские шагнут за Неман. Пруссия же всегда с нами — за друга своего Фридриха я спокоен: вот на кого Франция может положиться!

Все уже вышли, остался с королем один принц Конти.

— Ваше величество, — ответил он, — не ручайтесь дружбою Фридриха, ибо маркиза Помпадур желала бы отомстить королю Пруссии, который имел неосторожность написать эпиграмму на ее возвышенные прелести.

Людовик продолжил о другом:

— Я не скрою, брат, что раздоры с Веною желательно погасить, как того требуют интересы единства католической церкви.

— Но… Англия! — подсказал Конти.

И придвинул королю баранину в чесноке. Разбив десяток круто сваренных яиц, принц ловко очистил их для «многолюбимого».

— Говори, брат, — разрешил ему король.

— Известно, — четко отвечал Конти, — что

в Петербург отправляется из Лондона старая сент-джемская лиса — сэр Вильяме. И говорят, король Георг обещал ему награду золотом, если он выпросит у России солдат для защиты Ганноверского княжества…

— К сожалению, Англия для нас неуязвима, — буркнул король.

— Но зато уязвим король Англии!

Людовик понятливо кивнул: курфюршество Ганноверское, это фамильное наследие королей Британии, находилось под самым боком Франции; «уязвить» Англию можно через захват Ганновера.

— Король Георг, — досказал Конти свою мысль, — несомненно пожелает закупить русских солдат, чтобы оградить Ганновер от наших мстительных посягательств.

— Необходимо равновесие, — произнес король, берясь за жирную ветчину с укропом. — Европу спасет только равновесие!

— Но центр равновесия политического, — не унимался Конти, — передвигается по Европе, и сейчас он, как никогда, близок к Петербургу, Россия стучится в двери Европы не кончиками пальцев, а ломится всем плечом. Мир сузился, и всем становится тесно. Елизавета громче всех

требует себе места под крышей…

— А что Петербург? — рассеянно спросил Людовик.

— Мы располагаем сведениями о России только благодаря госпоже Каравакк, вдове живописца «Луи Каравакк — французский живописец, работавший в России с 1716 года до смерти своей в 1754 году. Оставил немало портретов царской семьи и русской знати; некоторые из них находятся в Русском музее и Государственной Третьяковской галерее. (Здесь и далее примеч. автора.)». Вице-канцлер Михаил Воронцов, как и фаворит императрицы Иван Шувалов, склонен к союзу с Францией. Но зато великий канцлер Алексей Бестужев-Рюмин…

— А подкупить? Пробовали? — оживился король — Воронцова незачем подкупать: он наш.

— А великого канцлера?

— Бестужев, — отвечал Конти, — уже набрался взяток от венского двора и сейчас снова возьмет от английского посла Вильямса по его прибытии в Петербург…

Людовик был окончательно «изнурен» диетой:

— Опять эти.., ваперы! Мой друг, простите своего короля… — Его величество вяло улыбнулся. — Продолжайте: кому из французов удалось про-

никнуть к русскому двору?

— Только живописцу Сампсуа «Сампсуа — французский мастер миниатюрных портретов; работал в России с 1755 до 1763 года.», ваше величество. Увы, но французское искусство, очевидно, сильнее французской политики, если оно просачивается в эту дикую Россию, словно вода в греческую губку.

— А кто этот Сампсуа? Я его знаю?

— Сын швейцара, что служил у герцога де Жевра. Обладая даром живописца, Сампсуа удостоен был трех сеансов при дворе. В разговоре с ним Елизавета сожалела о разрыве с Версалем.

— Надеюсь, Сампсуа с ответом не сплоховал?

— Он сказал, что ваше королевское величество имеет нежное сердце и отвечает Елизавете полной взаимностью…

Концы губ Людовика дрогнули в дремотной усмешке, — он еще не забыл, что когда-то был женихом Елизаветы Петровны.

— Что ответила Елизавета? — спросил король.

— Она отвечала лишь очаровательной улыбкой, которую Сампсуа и воспроизвел на миниатюре, вправленной в табакерку.

В руке принца Конти вдруг щелкнула табакерка, на внутренней крышке ее

— в овале — король увидел изображение прекрасной полнотелой, женщины, которая стыдливо прикрыла веером обнаженную грудь.

Людовик грузно поднялся из-за стола:

— Что делать? Россия никому не нравится, но вся Европа нуждается в ее услугах… Так позаботьтесь же, принц, посылкою в Петербург ловкого человека. Нет, не человека, а — дьявола!

Поддернув шпагу, король пошел было к дверям, но задержался:

— Союз с Россией необходим, чтобы удобнее действовать против России… Изнутри самой же России, и — во вред России! Я не люблю этой страны, о которой мы долго ничего не знали, а когда узнали, то вдруг выяснилось, что именно эта страна способна нарушить равновесие всей Европы…

«Равновесие Европы» — это был пункт помешательства Людовика. Не дай бог кому-нибудь тронуть это хрустальное яйцо! Равновесие — опасная штука, ибо всегда сыщется охотник, чтобы нарушить его.

***

Франция имела тогда громадную армию, и не было в стране несчастнее людей, нежели люди

из французской казармы. Они ели только хлеб из отрубей, на четырех солдат отводилось лишь одно ложе, мундир от убитого переходил по наследству к новобранцу. Их секли, клеймили, вешали, топили, ссылали на галеры. Юридически во Франции считалось тогда, что солдат преступен по самой сути своего нелегкого ремесла.

Зато как сверкал офицерский корпус! Что за лошади! Что за тонкие вина! Что за любовницы!.. В походе офицера Франции сопровождал обоз, а в нем — туалеты, сервизы, парфюмерия, мартышки, зеркала, театры и прочее.

Кто командовал этой армией?

Вопрос, по существу, праздный, — каприз мадам Помпадур решал все…

ЕЛИЗАВЕТА ПРОСЫПАЕТСЯ

Дщерь Петрова, императрица Елизавета, проснулась в этот день гораздо позднее Людовика. Проснулась не в Зимнем дворце (Растрелли еще строил его), а в шепелевском доме своей подружки, Маврутки Шуваловой, что на Мойке-реке — как раз насупротив Строгановского палаццо «Ныне в этом перестроенном до неузнаваемости „шепелевском“ доме находится (со стороны Невского проспекта) кинотеатр „Баррикада“.».

Уныло тикали в углу пыльные «рокамболи». Царапалась в двери кошка, чтобы ее выпустили. Елизавета встала и, скребя в голове, отворила двери; кошка прошмыгнула между ее ног.

— Кой час ныне, люди? — спросила она, зевая. — Да где граф Карлушка? Уж не пьян ли? Пущай кафу мне варит…

Шлепая босыми пятками, простоволосая и распаренная, императрица снова тяжко бухнулась в проваленные пуховики.

Вспомнила тут, как вчера Ванечка ее пьян был, хоть на простынях выноси сердешного, и — закрестилась скоренько:

— Ой, господи, прости ты нас, царица небесная… Граф империи, генерал и обер-гофмаршал Карл Сиверс (гладковыбритый, сытый и трезвый) принес ей кофе.

— Ну, матушка, — весело заговорил он, — а ты напрасно вчерась туза скинула. Тебе бы в шестерик сходить. Глядишь, и я бы тебе волан срезал… Пей вот, пока не остыло!

— Осьмнадцать-то рублев.., тьфу! — сочно выговорила Елизавета. — На эти деньги дом не построишь, только хворост наживешь. Лучше кликни через речку: может, кто из Строгановых и встал уже? Так пущай со мною пофриштыкают…

Сиверс дал понять императрице, что внизу с утра раннего топчется великий канцлер с бумагами.

— Что ему, неугомонному? — надулась Елизавета. — Вели ждать, я еще не прибрана.

На смену Сиверсу пришел царский истопник Алешка Милютин, с грохотом свалил заснеженную охапку дров. Рассыпая прибаутки, закладывал поленья в печную утробину. Богатый астраханский рыбник, Милютин служил царям из чести: топил печки Анне Иоанновне, нажаривал их лютому Бирону, по наследству перешел и в нынешнее царствование «дщери Петровой»…

— Ты почто бос? — пригляделась к истопнику Елизавета, кофеек попивая.

— Ливрею надел, гляжу, а пятки черные… Скажи, друг: почто этикета не блюдешь?..

— Да шепнули сапожки мои. Только было вздремнул малость под лестницей… Проснулся — уже босой: шепнул их кто-то с меня!

Елизавета допила чашечку и скуксилась:

— Не жалеешь ты меня, Алексей Яковлев… Эва! Вьюшки вчера опять закрыл второпях. У меня всю-то ноченьку ребро за ребро так и задевалося… Помру уж, думала!

Милютин поклонился ей в пояс, нижайше, и вдруг чмокнул императрицу в румяную пятку, торчавшую из кружев.

— Эх ты, лебедь белая! — Подбоченясь, истопник прошелся перед ней гоголем — так и выкатился из комнат, приплясывая.

— Да Егоровну-то позови… — смеясь, велела она ему вдогонку.

С треском разгорелись дрова в печи. В двери вдруг просунулась голова великого канцлера Бестужева-Рюмина; он повел носом, на котором из-под слоя пудры явственно проступала ужасная синева старого закаленного пьяницы.

— Матушка-осударыня, — сказал шепотком

страстным, — а я до твоей милости. Дела в Европах завелись немешкотные.

— Погоди, Алексей Петрович, дела — не волки, Европы и подождут. А я нечесана еще! Маврутка-то, спроси, идет ли? Что же, я так и буду одна тут мучиться?

На пороге (без парика, в одном шлафроке на голом теле) появился «ночной император» России — Иван Шувалов, и был он шибко невесел после вчерашнего окаянства.

— С кем это ты так вчера отличился? — спросила его Елизавета с укоризной, но заботливо-нежно, как мать родная.

Шувалов держался вроде блудного сына — виновато-покорственно:

— Да у Апраксиных, матушка, вечеряли. Помню, что кастраты на диво усладительно пели. Потом Разумовский палкой стал бить фельдмаршала, а Нарышкины — те, как всегда, разнимали…

— Ты бы клюковки пососал, — пожалела его императрица. — Небось головушка-то болит?

— Не стою я твоих забот, матушка, — вздохнул Шувалов, наполняя глаза слезами, и долго смотрел на свои розовые ногти. — Быть мне в монастыре, непутевому.

— Вот помру я — тогда намолишься… А пока не

тужись… Иди ко мне, ангел милый.

Она подозвала его к себе и поцеловала с удовольствием.

— Канцлер-то, — спросила потом, — не убрался еще?

— Да нет. Внизу посиживает. Куранты кой час считывает.

— Экий клещ настырный… Знать бы: чего ему надобно? Шувалов без аппетиту куснул моченое яблоко:

— Британский посол Вильяме к нам вскорости на смену прежнему Диккенсу пожалует. Вот и волнуется твой Сюл-ли — как бы не отпихнулись мы от субсидий аглицких!

— А не держи я войско, — нечаянно зевнула Елизавета, — так будет ли Европа считаться с нами? Солдатом и держимся…

— С твоей колокольни, матушка, подале видится, — заскромничал Шувалов. — Только смотри, как бы не пришлось нам, русским, чужую кашню даром месить!

Лицо императрицы пошло бурыми пятнами:

— Я три года в нитку тянулась, а что от меня в Европах получили? И где этот Ганновер — знать не знаю! У меня, эвон, свои заботы: дворец не достроен, а где взять денег — того никто не ведает.

Все округ — только: дай, дай, дай! И никто еще не сказал мне: «На тебе, Лисавет Петровны!..» Может, ты дашь, голубь?

— Я только от щедрот твоих имею, матушка, — обиделся фаворит. — Ежели надобно, так забери остатнее. Одним Христовым именем проживу. Зато вот канцлер твой Бестужев от иноземных дворов немалую выгоду имеет. Вот у кого проси!

Елизавета быстро сплетала волосы в пухлых пальцах.

— Берет, вестимо, — согласилась спокойно. — А кого я на место его поставлю? Бестужев хоть фасон бережет, другие-то еще больше загребут... Да и то истинно: в долгу мы, а что делать? Своей крыши в городе не имею. Летний дворец — развалюха, а Зимний — когда-сь кончат? Что же мне, так и до смерти самой все по гостям ночевать?

Шувалов встал, запахнул шлафрок:

— Фридрих-то, король прусский, тоже обеднял изрядно. Даже пиво и то налогом обклал. И от авансов аглицких не откажется. Вот и пойдем мы с тобой, матушка, воедину с пруссаками, Ганновер воевать противу Франции, тебе столь любезной...

Елизавета скинула ноги с постели, тяжело брякнулась перед иконами разбухшим телом:

— Господи! Да на што мне мука така? Какой еще Ганновер? Да и есть ли такой? Может, его нарочно придумали, дабы меня в докуку привесть… Грешница я великая, уж ты помилуй мя, господи!

Шувалов накинул ей на плечи халат, трухнул в колоколец.

— Канцлера сюда! — позвал зычно. — Да чтоб с бумагами…

Вошел Бестужев-Рюмин — уже под хмелем. Молча, спины не ломая, шмякнул на стол бумаги по коллегии иностранной.

И (задом к Шувалову) сказал канцлер так:

— Я, слава богу, сыт и табаку не прошу у других понюхать. Не для себя стараюсь, а для пущей славы отечества. И корень политики моей — древний, паче того — Петра Великого система!

— Ой, не хвались, Петрович, — свысока возразил Шувалов. — Политика, как и галантность с дамами, строгой системы иметь не может. Иной час и ревность надобно вызвать, дабы удержать прелестную. А по твоей «системе» — Россия с торбой по чужим дворам шляется. У кого не берем только? Даже голландскими ефимками не брезгуем… И то — позор для русского племени!

Рука канцлера, вся в сверкающих бриллиантами перстнях, стиснула набалдашник трости

чистого золота.

— А вы бы, сударик мой, помалкивали о позоре-то. Алешкина корова и помычала, а твоя бы, Ваня, лучше молчала!

— Матушка, — всгавнул фаворит, — ты слышала? Канцлер стянул парик с головы, притворно прижал его к глазам:

— Бог видит, что поклепствуют на меня… Ковы строят!

— Иван Иваныч, — вдруг сказала Елизавета. — Ты, друг мой милый, сейчас не спорь и выйди. Потом приходи с радостью…

Шувалов в злости так саданул дверьми, что посыпалась с потолка трухлявая позолота.

— А ты не реви! — велела императрица канцлеру. — Эвон, Остерман! Тот плакать умел.., во такие, как виноград, слезищи падали. А ты глаза трешь, да сухи они у тебя. Срам один!

Канцлер натянул парик на лысину. Похолодел.

— Прочти, великая осударыня, — указал он перстом в бумаги, — что отписал я тебе доказательно. Теперича мы, в негоциации с Англией, выставим для защиты Ганновера корпус не в тридцать тыщ солдат, как ранее декларировали, а.., все полсотни! И за это даст нам Англия три по ста и пятьдесят тыщ в фунтах своих…

— Креста на них нет, на разбойниках! — сказала Елизавета.

Бестужев любовно стукнул ее пальцем в плечико.

— Ты подпиши, — вымолвил проникновенно, голосом задушевным. — А уж я-то выгоду твою соблюду. И мене чем пять сотен тыщ брать не станем…

Выбрал он перышко поострее — протянул Елизавете, и она с робостью взялась за перо (от учености всю жизнь бегала).

— Буковки-то каки махоньки, — пригляделась императрица. — Нешто нельзя пошире писать? А ежели завтра я все опробую?

— Матушка! — взвыл канцлер, стуча тростью. — Кой годик пошел: все завтра да завтра. Посла-то твоего в Лондоне, князя Сашку Голицына, совсем уже при дворе тамошнем заклевали!

— И что с того? — взъярилась Елизавета. — Коли православный, так и пущай несет крест-то свой. Я-то ведь терплю от политик неприятности разные… Лишний долг-то Россию не украсит!

Канцлер потряс песочницу, держа ее наготове, чтобы присыпать одно лишь слово императрицы, которое решало судьбу не только России, но и отражалось на судьбах Европы.

— Не тужись, матушка. Ей-ей, — уговаривал он, — куртуазии твоей от лишнего долга не убавится, а дело стронется. Черкни перышком. Ну что тебе стоит — вжик, и ты богата!

Но Елизавета Петровна уже отбросила от себя перо:

— Потерпи еще чуток, канцлер… Шутка ли! Целый корпус им дай… Христианские, чай, душеньки. Втравят меня — быть битой. А за какой интерес? У меня Фридрих, враг персональный, на вороту виснет. Питт — хитер, да и я не за печкой уродилась. А потому, канцлер, иди с богом домой и ни о чем не печалься…

Выпроводив Бестужева, Елизавета сама разбудила Мавру Егоровну. Пришла и Анна Воронцова (из графинь Скавронских) — жена вице-канцлера и двоюродная сестра императрицы. Подруги сообща умылись из одного кувшина, тут им наряды новые из лавок привезли купцы двора Гостиного и чужеземные. Елизавета, разрумянясь от волнения, ловко мерила аршином парчу и бархаты, сама резала себе лучшие куски, но платить не платила:

— Купцам скажите, чтобы шли к барону Черкасову, и не плакались чтоб… Барон Черкасов все мои долги записывает!

Когда уже смеркалось над Петербургом и сугробы посинели, она была одета и, довольная, сказала:

— Пора и день начинать. Велите санки закладывать — я давно по городу не каталась…

И помчались сани, а в них — с хохотом — массажистка, две горничных, портниха да еще дура старая (мастерица сказки сказывать). Посреди же них — сама императрица, ее величество!

Рвали кони по Невскому — в стынь, в звон, в иней.

Мимо неслись, вдоль першпективы парадной, кругло подстриженные березы — все в искристом серебре, как драгоценные кубки.

ФРИДРИХ НЕ СПИТ

Но раньше всех в этот день проснулся Фридрих II — король Пруссии и курфюрст Бранденбургский… Проснулся на тощем матрасе, как солдат, в своем тихом Сан-Суси, что отстроен в Потсдаме по собственным проектам короля, сверявшего свое пылкое вдохновение с четкой классикой Палладио и Пиранези.

Мрак еще нависал над спящей Германией; досыпали крестьяне и ремесленники, сборщики налогов и трактирщики, дрожали от храпа солдат казармы Берлина, когда (ровно в четыре часа утра) камер-лакей сорвал с короля одеяло и распахнул окно в заснеженный сад, шестью террасами сбегавший к воде.

— О подлец! — воскликнул король. — Как я хочу спать, а ты каждый день безжалостно будишь меня…

И король выбежал в сады Сан-Суси, темные и заснеженные, ветер раскрылил плащ за спиной. Это не было прогулкой короля, — это был неустанный бег, бег мысли, погоня чувств, столкновение образов, ломка чужих костей, гнев и восторг…

Впереди его ждал день, да еще какой день! Королевский день!

***

Казалось, сам ангел восходит на престол — после смерти кайзера Фридриха-Вильгельма I — этого коронованного капрала, подарившего миру такие живучие афоризмы, как «не потерплю!» или — еще лучше — «не рассуждать!».

Молодой король Фридрих II был мягок в обращении, прост в поступках, писал недурные стихи, чудесно играл на флейте. И никто не знал, что своей любимой сестре (еще будучи кронпринцем) Фридрих признавался:

— Весь мир удивится, узнав, что я совсем не тот, каким меня представляют. Европа думает, что я стану швырять деньги на искусства, а талеры в Берлине будут стоить дешевле булыжников… О нет! Все мои помыслы — лишь об увеличении армии…

Эту армию он вербовал из пленных, из наемников, завлеченных в Пруссию обманом, просто из негодяев и подонков. Но больше всего — вербовкой на чужбине. Причем король логично объяснял, почему выгодно вырвать человека из соседней страны и пересадить его, словно репку,

на прусскую грядку.

— Завербовав чужеземца, — утверждал Фридрих, — я выигрываю четыре раза подряд: во-первых, в мою армию поступил один солдат; во-вторых, противная мне армия потеряла одного солдата; в-третьих, один пруссак остается в кругу семьи, по-прежнему ведя хозяйство; в-четвертых, если солдата убили, по нему плачут на чужбине, а в Пруссии до него никому нет дела… Самое же лучшее, — добавлял король, — когда пруссак сидит дома и даже не знает, что Пруссия воюет!

Царствование свое Фридрих начал с войны за Силезию, которую безжалостно оторвал от Австрийской империи. Причину этой войны он объяснил «наличностью постоянно готовой к делу армии». По Фридриху выходило так: имей армию — и ты уже имеешь законный повод к войне. Правда, желание воевать король оправдывал еще «полнотою прусской казны и живостью своего характера».

Весь израненный в сражениях, рыцарски отважен, Фридрих никогда этим не кичился.

Король не верил в бога, напоказ бравируя своим атеизмом, король презирал религию и духовные распри, владевшие Европой. Он давал приют в Пруссии всем изгоям веры, которых инквизиция

жестоко преследовала на родине…

— Пусть монахи побольше ссорятся, — говорил Фридрих. — Пруссии это выгодно; что католик, что еврей, что лютеранин — мне на это плевать, лишь бы они трудились… А где их расселить? Вот задача: нет войны, и нет новых земель. Но мы извернемся! Мы осушим болота — этим обретем новую страну внутри старой. Без крови! Без пушек! А дети поселенцев будут считать мою Пруссию уже своей отчизной.

Так он и делал. Пруссия молилась по-разному, весьма усердно. Лишь король позволял себе роскошь вообще не молиться. Ему был важен только доход-приход, обращенный на пользу армии. Фридриху удалось то, чего не удавалось никому: он посадил на землю даже бродячих цыган; они жили в колониях и пахали для него землю. А еврейские финансисты, верно служа Фридриху, обеспечивали устойчивость прусского талера… Угнетенные австрийцами чехи валом валили в Пруссию; прекрасные строители, они возводили на пустошах города и крепости, дамбы и плотины.

Никакой «чистоты немецкой расы» не существовало. Говорить о ней — все равно что спорить над дворняжкой, какой она породы: спаниель

или фокстерьер. Фридрих II, получивший титул «Великого», собрал свою нацию из ошметков Европы, — это вавилонское скопление онемеченных славян, изгоев веры, бродяг и ремесленников и стало затем той Германией, на совести которой лежат две мировые бойни. А потомки тех евреев и цыган, которых расселял у себя Фридрих, были сожжены в крематориях Освенцима и Майданека наследниками агрессивной политики Фридриха!

***

Фридрих вернулся во дворец, уже зная, что делать сегодня.

Мокрый плащ волочился за ним по дубовым паркетам. Пинком ноги, бряцавшей шпорой, король распахнул двери в приемную. Толпа министров и генералов Пруссии вздернулась при его появлении — как жеребцы, опрокинувшие коновязь. Ни на кого не глядя, король отделался общим поклоном… Посередине — стул (для него). И он сел. Трость выкинул перед собой, тонкие пальцы музыканта обвили вытертый костяной набалдашник.

— Баран.., здесь? — был первый вопрос короля. Втащили на веревке барана, и король запустил пальцы в его глубокую шерсть, почти чувствен-

но, как в женские кружева:

— Ого! Вот это шерсть… Отличное будет сукно для мундиров. Отныне разводить в Пруссии именно испанскую породу. И не следует смеяться над блеянием глупого животного. По опыту жизни знаю, что один хороший баран полезнее худого гаулейтера…

Король выслушал рапорты из гарнизонов и доклады министров. Потом вперед выступил прибывший из Кенигсберга губернатор восточно-прусских земель Ганс фон Левальд, почтенный старец восьмидесяти двух лет.

— Стул фельдмаршалу! — велел король. Теперь сидели двое — король и фельдмаршал.

— Рассказывай, старина, — оживился Фридрих. Левальд рассказал, что в ливонских землях копятся русские войска, за Неманом размещены воинские магазины. Рубежи Пруссии неспокойны… Король взмахнул тростью, заговорил с пылом:

— Мне известен способ, как спустить с цепи русского медведя. Но кто мне скажет — как его посадить обратно на цепь? Самое лучшее: оставить медведя в берлоге, делая вид, что его никто не замечает. Однако сейчас зверь зашевелился в своем логове. Господа! — воскликнул король.

— Россия страшная страна, и через полстолетия, верьте мне, мир вздрогнет от ее величия!

Фридрих умолк, и стало тихо. Только изредка позванивали шпоры полководцев, стукались об пол низкие ташки кавалеристов, нежно тренькали шпаги придворных. Король думал… Тишина в Сан-Суси, тишина. Ах, какая тишина над дремучей болотистой Пруссией, которая досыпает сейчас свои последние минуты.

— Шверин, — вдруг очнулся король, — что за бумагу, дружок, вы там комкаете в руке? Дайте ее сюда…

Это было прошение о пенсии вдовы капитана, поднятого на штыки в Силезской войне. Король вернул бумагу Шверину:

— Мне очень жаль вдову, но вакантной пенсии у меня нет.

— Ваше величество, у нее, несчастной, дочери без приданого.

Король крутил трость в сухих горячих ладонях:

— Шверин, вы умоляете так, будто я уже отказал?

— Но вы сказали, что вакантной пенсии нет.

— Верно. И — не будет. Но… Шверин, вы плохо знаете своего короля. С сего дня сокращаю свой

стол на одно блюдо. В год это даст прибыль в 365 талеров. Пусть вдова и получает их…

Один из гаулейтеров провинции Бранденбург заговорил вдруг, что состояние дорог в Пруссии столь ужасно, что…

— Перестаньте болтать о дурных дорогах! — закричал король. — Пруссия окружена врагами. И мне не нужны отличные дороги, по которым бы армии врагов докатились до Берлина… Нет! Пусть они застрянут в прусской грязи. А мы будем воевать только на чужой территории, где дороги идеально устроены!

Фридрих встал.

— А ты сиди, старина, — придержал он Левальда. — Ты принес новость… Вот и прикроешь мое королевство со стороны Кенигсберга! Шверин, подойди ближе. Бери двадцать шесть тысяч штыков, ступай в лагерь Кениген-Грец, оттуда заслонишь Силезию от моей венской кузины. Герцог Бевернский, где вы? Кажется, пришла пора изучать карты лесов Моравии и Богемии… Судьбы мира неисповедимы, и как бы не пришлось моей инфантерии шагать по этим лесам!

Он огляделся. Пламя свечей, коптя, качалось в жирандолях.

— А где же Циттен? Почему я не вижу своего

приятеля?

Растолкав придворных, пред королем предстал Циттен, вожак непобедимой прусской конницы. Маленький. Кривоногий. Хрипатый. Бесстрашный. Безграмотный. И — умный.

— Мой добрый Циттен, что ты скажешь о русских казаках?

— Не стоят холостого заряда, король.

— А русские кирасиры и гусары?

— Я свистну, король, и они зашатаются в седлах… Фридрих обернулся к берлинскому губернатору — фельдмаршалу Джемсу Кейту:

— Вот стоит человек, двадцать лет прослуживший под знаменами России. Он не даст солгать… Каковы русские солдаты?

Подтянутый седовласый Кейт поднял над головой жезл, сверкнувший дешевыми рубинами.

— Лучше убедиться королю сейчас, что русская армия великолепна, нежели ждать, когда русская армия переубедит ваше величество в бою! Она очень хороша, хотя и плохо управляется.

— Да, — согласился король, — она хороша… Но привыкла воевать с татарами. Я представляю, как она побежит после встречи с правильной организацией моей армии!

— Король, — отвечал Кейт. — В воле вашего

величества бить русских правильно или не правильно, но русские.., не побегут!

— Даже если их очень сильно побить?

Храбрый Кейт ответил королю дерзким вопросом:

— А разве вы сможете побить русских сильнее, чем их били татары?..

Король с усмешкою на устах удалился. Теперь начиналось самое интересное.

***

Самое интересное — это шпионаж. Экономя на супах и пиве, король не жалел денег на разведение шпионов. Главарем прусского шпионажа в Европе был личный адъютант короля — Христофор Герман Манштейн; этот умный человек долго служил в России, где был адъютантом Миниха; именно он — Манштейн! — схватил из теплой постели герцога Бирона, треснул его по зубам и, связанного, швырнул в коляску... Из русской армии Манштейн дезертировал в Пруссию; имя его отныне во всех губернских городах России было приколочено к виселицам палачами.

Когда король вошел в библиотеку, Манштейн был уже здесь; тут же, возле окна, таилась обтекаемая тень и Финка фон Финкенштейна, этого

интимного друга детства короля.

— Мои добрые друзья, — сказал им Фридрих, — у меня всегда дрожат пальцы, когда я раскрываю заветный портфель… В самом деле, как приятно, сидя в тихом Сан-Суси, знать, что думают о тебе в кабинетах Парижа, Вены, Петербурга… Вот Менцель! — сказал король, показав донесение из Дрездена.

— Личный секретарь польско-саксонского короля Августа Третьего, а смотрите, как верно мне служит! Теперь глянем, что сообщают русские друзья. О-о, как их много у меня… И вот письмо моего друга — наследника российского престола. Кстати, тут пишут, что в России сейчас восстание башкир. Манштейн, это опасно?

— Укус клопа, — отвечал Манштейн. — Клопа раздавят.

— Опять-таки, — призадумался король, — русские раскольники, которые терпят столько неприятностей от духовенства на родине, тоже ищут моего покровительства. Не могли бы мы из Берлина произвести раскольничий бунт в России?

— Цель бунта? — осведомился Манштейн.

— Король всегда попадает в цель… Вот, например: освободить из Холмогор свергнутого царя

Иоанна Антоновича, который, будучи из Брауншвейг-Люнебургского дома, приходится мне родственником. Имей я такой козырь на руках, как наследник престола России, я стал бы играть гораздо смелее.

— Ваше величество, — отвечал Манштейн, — у меня имеется на примете тобольский раскольник Иван Зубарев. Ныне он собирается ехать на остров Мальту, дабы под защитой тамошнего ордена основать колонию русских схизматов. Но я задержал его в Берлине... Что позволено мне обещать ему?

— В таком крупном деле нельзя быть мелочным... Ладно: дать Зубареву патент на чин полковника прусской службы!

Манштейн ушел. За высокими стрельчатыми окнами библиотеки медленно светало, и король (всегда экономный) дунул на свечи. Из сиреневых потемок выступила тень Финка фон Финкенштейна...

— Фриц, — сказал он королю, — мы ведь друзья? И ты не скроешь от меня своих замыслов?

Король придвинул к нему папку с докладами шпионов:

— Прочти.., хотя бы это. Из России — от шведского посла в Петербурге графа Горна. Русский

двор озабочен заключением договора с Англией, чтобы вырвать от Питта субсидию и поставить для Лондона своих солдат в знак уплаты задолженности… Так?

— И ты… — начал Финкенштейн.

— И я! — подхватил король. — Я тоже озабочен тем же. Не будем бояться рискованных решений… Мой друг Людовик немало поработал над «равновесием» Европы. Версаль любит возиться с этим равновесием, как дурачок с крашеными яйцами.

Фридрих вышел из-за стола, усмехнулся, блеснув глазами:

— А не пора ли нам опрокинуть это равновесие к черту?.. Самое главное сейчас — опередить Россию: вырвать от Питта субсидии и договор с Англией, такой же по значению, какой Питт собирается заключать с Россией. Но мы должны непременно заключить его раньше Петербурга… Ты понял меня?

— Ты безумен, Фриц, — сказал королю Финкенштейн. — Вслед за этим ты потеряешь приязнь Версаля, который не простит тебе поставку солдат для Англии — этого главного врага Франции! Не забывай, что Людовик переживает потерю колоний за океаном особенно чувствительно, и

косвенно ты будешь виноват…

— Возможно, — согласился король.

— Но это еще не все! Австрия, твой извечный враг, будет вынуждена встать под одни знамена с Францией, с которой она до сих пор во вражде…

— И это возможно.

— Это же страшно для Пруссии… Что же ты выигрываешь?

— А ты не понял? Но ведь, заключая договор с Англией, я невольно оказываюсь в одном строю с Россией… Этим я снимаю угрозу для Пруссии с востока. Я свободен на западе! Не советую оставлять кошельки на столе — я их заберу для себя… Версаль вряд ли рискнет скрестить со мной шпаги, Австрию же мы умеем побеждать… Самое главное — опередить Россию!

С этим он отъехал в Берлин… Казармы и базары, мукомольни и пороховые мельницы, сукно и посуда, горох и пиво, шаг пехоты и рысь коня, выпечка хлеба и таможня, — до всего король был охотник. Ему казалось, что только он — король! — способен понять и сделать все лучше других.

Единственное, чего Фридрих никогда не касался, так это германской литературы; он даже не догадывался, что такая существует. Немецкий язык, думалось ему, служит лишь для выражения

подлости, грубости и низменности чувств. Сам же он парил, естественно, на французском…

Вечером, как всегда, был концерт в Сан-Суси; Фридрих играл в оркестре на любимой флейте. Но мысли его были далеки от музыки, и «трюбуше» явно не удалось, за что неистовый капельмейстер Кванц не раз дергал короля за косу… Здесь же был и английский посол в Берлине — сэр Митчелл, и глаза Фридриха с нотных листов косили на дипломата. Внимание к Митчеллу в эти дни должно быть удвоено, утроено. Пруссии важно одно: опередить Россию!

А после концерта — ужин в близком кругу людей. Вольтер, Мопертюи, Сен-Жермен, маркиз д'Аржанс, Даге — одни французы. Пруссаков король любил видеть на плацу, а в Сан-Суси он оставлял их далеко за дверью. Разве могут эти грубые чудовища оценить тонкость метафоры или чудесность гиперболы, что пролетает над столом, словно пушечное ядро?.. В полночь Фридрих ложится спать. А ровно в четыре часа утра камер-лакей уже срывает с него одеяло.

— О подлец! — ворчит король. — До чего ты надоел мне…

— Ваше величество, я слишком дорожу службою и не хочу лишиться ее, как мой приятель,

который разбудил вас не в четыре часа, а в пять минут пятого… Вставайте, король!

***

Фридрих II не был похож на других королей Пруссии (ни до него, ни, тем более, после!). Вдохновенный и циничный хищник, человек же — несомненно — остро чувствующий, незаурядный.

Он был доступен в своем тихом Сан-Суси даже простым людям. Не был развратен, всю жизнь чуждался женщин, двор его был скромен, король не имел фаворитов, все были для него равны, в судах он требовал правосудия, и графы при нем сидели в тюрьмах за обиды, нанесенные своим крестьянам.

Фридрих был справедлив. Но это справедливость не человека, а, скорее, машины. Машина четко и бездушно рубит сучья — еловые, березовые, липовые. Сунь туда палец князь — машина срубит сиятельный палец. Сунь туда палец мужик — тоже уйдет без пальца. Ибо машине все равно. Ее дело — рубить! Точно и безжалостно. И в этом ее великая нечеловеческая сила…

…Сейчас Фридрих начнет разрушать «равновесие» Европы.

ОДНА ИЗ ЛЕГЕНД

Молоденькая графиня Рошфор (из фамилии Бланкас) была уроженкой Тоннера, и если верить самому де Еону, то его землячка сыграла не последнюю роль в его путаной жизни.

Эта неглупая распутница, дабы выглядеть образованной дамой, держала у себя в алькове скелет человеческий. В свободное от любви время графиня Рошфор рассуждала о тайнах материи, а многочисленные любовники вешали на череп скелета свои шляпы. От обедни графиня спешила в комедию, из «Комеди Франсез», прямо от Лекена, слуги несли ее золоченый портшез в грязные кварталы Сен-Марсо, где издавна селились мрачные и голодные алхимики.

Но де Еон, когда она стала раскидывать перед ним свои упоительные силки, вежливо отказал ей во взаимности.

— Вот как? — Графиня стала хохотать, потом плакать; в истерике упала на китайский столик, расколотив фарфора мейсенского сразу на сумму в двести пистолей.

Успокоившись, она сказала:

— Нет слов, заслуги вашего ума и сердца столь велики, что я в отчаянии. И, уж конечно, отомщу вам за эту жестокость… Надеюсь, вы не будете на это в обиде?

— О нет! Как и в детстве, я останусь вашим слугою.

— Тогда, — распорядилась она, — снимите на время вашу шпагу и дайте мне ваш костюм… Мы едем в ратушу!

И они поехали в ратушу (переодетые). В хороводе масок женщины быстро узнавали короля, причесанного — ради маскарада — по старинной моде: две косы с бантами на плечах. И, танцуя, никто уже не смел поворачиваться к нему спиною. Но Людовик сегодня не поднял с полу ни одного женского платка, как бы нечаянно уроненного. Он был уже пресыщен и занимался тем, что, выискивая знакомых дам, цинично скабрезничал с ними.

Этих королевских «любезностей» не избежала и графиня Рошфор. Людовик взял ее за подбородок (такая вольность допускалась на маскарадах века восемнадцатого).

— Как это кстати! — воскликнула женщина. — У меня в постели побывало уже четырнадцать королей — не хватало только пятнадцатого!

И пятнадцатый по счету истории Людовик убрал свою руку.

— Про тебя говорят, — сказал он, потупясь, — что ты била любовницей всех моих подданных. Правда ли это?

— Еще бы! Конечно, ваше величество.

— И путалась с аббатом Берни?

— Он так всемогущ…

— И с герцогом Нивернуа?

— Он так умен…

— И с бродягой Монвиллем?

— Он так красив…

— Ну, ладно. А за что ты принадлежишь своему дураку-мужу?

— Ах, он так предан вашему величеству! Рошфор с треском закрыла веер. И концом его, на котором болталась беличья кисточка, указала королю на маленькую девушку, что скромно сидела на антресолях, — одинокая провинциалка!

— Так и быть, — сказала графиня Рошфор. — Жертвуя своим счастьем, я могу подарить вам настоящий «королевский кусок»… Идите!

Людовик взглянул; от него не укрылась угловатость почти мальчишеского тела, и это приятно щекотнуло нервы. Уверенно и смело, не приученный к отказам король направил стопы

похотливого сатира прямо к девице, лицо которой было закрыто маской, только блестели в прорезях восторженные глаза.

— Вы знаете, кто я? — спросил Людовик.

— Нет.., ваше величество, — с умом ответила девица.

— А не любите ли вы собирать по утрам землянику?

— Утренняя роса не по мне.

— Может, вы любите искать в лесу трюфели?

— Я не выношу их запаха…

Людовик потоптался толстыми слоновьими ногами:

— А что, если я сяду к вам на колени?

— Попробуйте, — был задорный ответ, — если не боитесь получить хорошего пинка!

— Может, вы снимете маску?

— Э-э, нет… — ответили королю нежные губы. Лебель, ведавший «тайными удовольствиями короля», всегда торчал за плечом короля, и Людовик уже велел ему готовить комнату для свидания.

— На улице Анжу, — шепнул он.

Но незнакомка торопливо скрылась среди ряженых. Людовик поспешил за нею.

На темных дорожках парка коптили редкие плошки. Высоко в небе кувыркался фейерверк, а

на канатах двигались плясуны.

— Постойте, моя прелесть! Одно лишь слово… Белое платье мелькнуло в зарослях цветов. Топча клумбы, король настигал свою жертву. Но девица вдруг резко остановилась и сорвала с лица маску.

— Оставьте меня! — выкрикнула она. — Разве вы не видите, что я мужчина?

Король пригляделся: перед ним белело нежное девичье лицо с маленькими пухлыми губами. Пальцы незнакомки в смущении тянули с запястий дешевые браслеты из каменного угля.

— Ты хитра, как ведьма, — рассмеялся король. — Но и ведьму можно отличить от сатаны, если ее как следует пощупать…

Незнакомка отбросила от своей груди его руки:

— Со шпагою в руках могу доказать вам, что я не последний мужчина Франции!

— Отчего же я вас не знаю? — спросил король, отступая. — Кто ваш отец? Де Еон назвал себя.

— А мой отец был мэром города Тоннера…

С хрустом ломая кусты, Людовик выбрался на дорогу. В ратуше он сказал инспектору Марэ:

— Графиню Рошфор выслать в деревни. Вместе с пучеглазым идиотом-мужем и со всей ее химией… Она стала слишком дерзка!

Но король все же не удержался, чтобы не рассказать маркизе Помпадур о своем забавном приключении. Великая интриганка задумалась: нельзя ли из ошибки короля извлечь выгоду?

И вскоре де Еон был ей представлен… Мадам Помпадур — маленькая женщина на высоченных каблуках-шпильках, мода на которые дошла до нашего времени. Она была достаточно умна, что доказал Вольтер, посвятивший ей своего «Танкреда». С уверенностью капризного ребенка мадам Помпадур считала, что, пока Франция с королем в ее руках, все дела идут отлично. Де Еон поразился ее страшной худобе (всюду выпирали острые кости) и затаенной грусти. Маркиза ни разу не обнажила из-под шали рук, которые были очень некрасивы. Она свела де Еона, в числе прочих гостей, на свой курятник, где в фарфоровых клетках сладостно кудахтали куры…

Показала на одну из наседок:

— А вот любимица короля. И стоит его величеству появиться, как она сразу же снесет тепленькое яичко.

— Какая прелесть! — заволновались придворные. — Ах, как хочется рассмотреть эту умницу поближе…

На прощание маркиза Помпадур сказала де

Еону:

— Хорошо, грязная козявочка, я буду вас помнить!

***

Примерно так (согласно легенде, которую поддерживал и сам де Еон) состоялось публичное появление кавалера в женском платье. Но эта легенда может показаться весьма сомнительной. Скорее всего, юный адвокат проник к подножию трона через самого брата короля — принца Конти. И здесь уже выступают на первый план не легенды, а подлинные документы.

АМИНЬ – КОРОЛЬ – БАСТИЛИЯ

Как гибкая ящерица среди древних камней, извивается улица Ду-Тампль, напоминая мрачные времена тамплиеров, поверженных еще при Филиппе Красивом. Под сенью рыцарских башен укрывался когда-то роскошный отель, в котором сразу угадывалось жилище королевского вассала.

Чудовищна и странна судьба этого замка! Помпезные картины Оливье сохранили нам память об утонченных ужинах на рассвете с полуобнаженными красавицами; здесь, под этими башнями, селились первые короли Франции (кстати, отсюда же вывезли на гильотину и последнего); тут бывали энциклопедисты и палачи, кардиналы и санкюлоты. Потом из склада провианта Тампль сделался солдатской казармой, из министерства просвещения — бенедиктинским монастырем, а штаб Национальной гвардии вытеснили из него интимные бани среднего пошиба. Наконец остатки Тампля были окончательно срыты, здесь разбили жиденький бульварчик, в ныне статуя Марианны протягива-

ет к парижанам оливковую ветвь, словно умоляя Францию о мире и согласии…

В середине XVIII века Тампль принадлежал принцу Луи де Конти, и этот веселый двор сюзерена был доступнее подстриженного под гребенку Версаля. Конти издавна считался другом философов, Жан-Жак Руссо воспитывал его бастардов, прижитых на стороне. Слава полководца и оратора уже прискучила принцу, — теперь его смущали музы.

Но перо Овидия оказалось капризным, и никак не давалась.., рифма.

В это время в Тампле появился маленький де Еон.

— Не огорчайтесь, высокий принц, — сказал он. — Рифма — это сущая ерунда. В любое время дня и ночи я могу говорить стихами, которые длиною будут, как отсюда, из Парижа, до… Ньюфаундленда!

И скоро он сделался в Тампле своим человеком. Постоянно присутствуя, де Еон обладал способностью не мешать. Представляя его своим гостям, Конти не раз намекал на его женственность:

— А вот и моя прекрасная де Бомон!

Частым (очень частым) гостем в Тампле бывал шотландец Маккензи — наставник детей па-

рижского интенданта Савиньи; при штабе этого Савиньи служил и наш кавалер де Еон. Маккензи упорно причислял себя к знатной фамилии Дугласов, вызывая к себе сострадание как сторонник Стюартов и добрый католик, вынужденный спасаться в изгнании. Вряд ли он был искренним, выдавая себя за якобита (приверженцы дома Стюартов давно уже вышли из моды). Скорее всего, Дуглас-Маккензи как шотландец ненавидел англичан, поработивших его страну.

Однако пристрастие к занятиям педагогикой, склонность к разговорам о политике, бесшумность походки и привычка не поднимать глаза выше губ собеседника — все это выдавало в Дугласе тайного ученика иезуитов, которыми кишмя кишела тогда вся Европа…

Подслушивание же возле дверей в то время не считалось большим грехом, и де Еон был немало удивлен, когда перехватил отрывок тайного разговора:

— Французу не проникнуть в Петербург, — сказал Конти. — Там зверствует канцлер Бестужев: он хватает моих агентов на границе и топит их, словно котят, в Ладожском озере. Зато может проникнуть англичанин благодаря дружбе этих дворов!

— Но я, — возразил на это Дуглас, — лишь знатный шотландец, и в Петербурге посол Вильяме утопит меня в Неве, как якобита. Вы, принц, желаете видеть меня тоже мертвым?

— Нет, живым, — отвечал ему Конти. — Живым и острым, как игла, почти без боли проникающая до сердца русской императрицы. За иглой протянется нитка и свяжет два сердца — Елизаветы и мое… Не удивляйтесь: мне нужна корона. Всю жизнь я потратил на приобретение короны. Согласен быть татарским императором!

***

Кто же был в действительности этот принц Конти? Почему именно с ним Людовик обсуждал политику Франции? Совсем не потому, что Конти был ему двоюродным братом.

Скрытный и трусливый, Людовик всегда боялся открытой политики. Постоянно страшась заговоров против себя, он устраивал коварные (порою непонятные!) заговоры против своих же министров. А для этого ему был необходим «карманный визирь», главарь его подпольной дипломатии, и этим-то «визирем» стал Конти — вечный жених коронованных особ, если эти особы были женщинами…

Посол Людовика выступал от имени всей Франции.

А тайный агент Конти — лишь от имени короля Людовика.

Два различных влияния в политике Франции, порою уничтожавших одно другое, уродливо переплетались, словно гадкие черви. Иногда создавался такой запутанный клубок, что даже сам Конти не мог разобраться — где хвост, где голова. Винить за это Конти нельзя. Ибо король внутри своей «секретной дипломатии», которой руководил принц, создал еще вторую — сверхсекретную! — дипломатию, и она (уже во главе с цензором Терсье) противостояла политике Конти.

Тайные агенты Людовика как бы создавали подземные туннели, которые скрытно вели их к европейским кабинетам; и пока официальные послы Версаля добивались войны или мира, агенты короля расставляли повсюду контрмины, взрывая все, что было создано официальной дипломатией… Получалось, будто Людовик устроил заговор против самого себя. Невероятно? Да, похоже на абсурд. Однако так и было.

Понемногу, малыми дозами, словно давая яд, принц Конти раскрывал перед де Еоном секреты французской политики. Де Еон и не подозревал,

что уже взят на учет секретной службой Версаля, и сейчас (в разговорах, вроде шутя) его подвергали обработке. Лаская болонку изнеженными руками, Конти признался однажды де Еону:

— Мои взгляды скользят по полуночным странам. Там все непрочно и троны колеблются. Династии сменяют одна другую. Смотрите на Елизавету: бочка вина, горсть золота и шайка солдат, выросших из метели, доставили ей трон… И какой трон! Елизавета дважды отказала мне в своей руке. Но у меня есть к ней еще две претензии: у нее свободна сейчас, пока Бирон в ссылке, древняя корона Кеттлеров Курляндских… На худой конец пусть Елизавета сделает меня главнокомандующим всей русской армии.

Де Еон понял, что все эти интимные разговоры ведут с ним неспроста. И не удивился, когда Конти сказал ему:

— Вы мне нужны не только для приискания рифмы на слово «рыба». Вы пригодитесь, шевалье, для более высоких целей. И я не скрою, что уже имел беседу о вас.., там.., за решеткою Версаля! Готовьтесь к маленькому повороту в судьбе… Не боитесь?

Де Еон поклонился, и в потемках Тампля вдруг ослепительно сверкнула в ухе его бриллиантовая

сережка.

***

За спиной де Еона нечаянно решилась его судьба. Маркиза Помпадур по себе знала, какой пронырливостью может обладать женщина, и посоветовала Конти:

— Чего не сделает француз в Петербурге, то исполнит англичанин. Но что не по силам мужчине, надобно доверить женщине.

— Вы, прелестная маркиза…

— Да, да! Почему бы не послать де Еона как женщину?

— Но, прелестная маркиза…

— Да, да! Именно так, как вы и подумали, принц. Де Еон обладает миниатюрными чертами лица. Щеки его, как он сам мне признался, еще не ведали прикосновения бритвы. У него сильные, но маленькие руки избалованной пастушки. И чистый, как бубенчик, голос… Скажите — какую вам еще женщину надо?

Свершилось: через несколько дней принц Конти подал де Еону бумагу:

«Мой дворянин Еон де Бомон да будет доверять всему, что услышит от принца Конти, моего любезного брата, и никому да не скажет он о том ни

слова. Аминь. Король».

Де Еон испугался: невозвратимо прекрасной показалась жизнь, которой наслаждался он до сего времени… Шпага, вино, книги, шахматы!

— Ваше высочество, — побледнел он невольно, — а если я, ссылаясь на занятость науками, осмелюсь отказаться от этой чести?

— Но вы же видели руку короля! — возмутился Конти.

— А если я откажусь, что ожидает меня?

— Бастилия, мой друг… Увы, Бастилия!

Так-то вот юный повеса вступил на скользкую стезю секретной дипломатии. Вступил на нее как раз в середине XVIII века — времени, когда в громе сражений суждено было перекраивать карту мира…

Он сделался скрытным, таинственным и хитрым.

Аминь! Король! Бастилия!

ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР

А на бурных берегах Невы был свой, российский, Тампль, выросший среди мазанок мастеровых, по соседству с первой таможней Петербурга — как раз на том «галерном месте», где ныне высятся классические пропорции здания бывшего сената.

Краткая история русского Тампля изложена красноречиво в судьбе его всемогущих владельцев:

1, князь Александр Данилович Меншиков — сослан в Березов, где и умер, с мужеством приготовив себе место для могилы; дом его перешел к Миниху.

2, граф Бурхард Христофор Ми них — сослан в Пелым, где пробыл 20 лет, читая вслух жене Священное писание и сочиняя гимны; дом перешел к Остерману.

3, граф Андрей Иванович Остерман — сослан в Березов, где излечился от старой подагры, но зато умер от неистребимой злости к русским людям; дом его перешел к Бестужеву.

4, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин..,

не будем забегать вперед: положение русского канцлера еще прочно — при дворе и в политике Европы.

Кто же он был, этот пасмурный и грубый человек, шестнадцать лет не выпускавший руля русской политики? — «Темна вода во облацех...» Обычно при имени Бестужева-Рюмина вспоминают:

— А! Это тот самый, что изобрел бестужевские капли...

Да, это тот Бестужев. Правда, химик Лембке приписывал эти капли себе, а позже они продавались в Европе как «эликсир Деламот». Зато сам Бестужев не признавал за собой авторства тех фальшивых монет, которые он чеканил в Гамбурге — в своей странной аптеке. Вообще это был талантливый мастер по металлу и любопытный химик-экспериментатор — с большой склонностью к алхимии и чародействам магии.

Родился он в Москве; но служить начал в Ганновере. Вернулся же на родину — послом от Англии (!). При Петре I ему показалось несладко, и он подался в Митаву, где его отец был любовником курляндской герцогини Анны Иоанновны, будущей русской царицы (Бирон при Анне появился позже). И только когда Бестужеву было под сорок,

он вернулся на русскую службу. А точнее — стал служить Бирону и всякой другой сволочи.

Когда умирала Анна Иоанновна, Бестужев пал на колени перед Бироном, воскликнув:

— Вся нация желает только вас!

Избежав плахи за свои преступления в эпоху бироновщины, Бестужев не пропал: его выдвигали ум и знание дворов Европы, их взаимосвязь и тайные каналы, по которым текут все нечистоты дипломатии. Как правило, Бестужев взятками от иностранных дворов не брезговал. Но вот от Фридриха II, короля Пруссии, он денег не брал. Фридрих, взбешенный такой необычной честностью, набавил до ста тысяч экю — нет, не берет! Фридрих еще накинул — Бестужев опять от него отвернулся. И король, пораженный до крайности, туго завязал свою мошну.

— Очевидно, — сказал он, — этот сундук надо открывать воровскими отмычками, а не ключами…

— Я слуга честный, — говорил тогда Бестужев. — Христос в Евангелии глаголет: не может раб двум господинам работати, и богу и маммоне служить! И посему, сударь мои, брать пенсион от двух противных сторон я не способен. У меня — система, и говорю о том не таясь, дабы в Европах

про меня ведали.

«Пенсион» — так он называл взятку. Но «система» у канцлера была: союз России с Англией и Австрией — против Пруссии и Турции, а значит, и против Франции, которая была на стороне Фридриха и султана турецкого. Системе этой канцлер следовал все тверже — по мере возрастания подачек от Англии. И здесь, надо признать, он был абсолютно искренним!

— Фридрих шибко захватчив стал, — рассуждал канцлер. — И, ославя его, мы сделаем короля нестрашным и незаботным...

Но сейчас (вот именно сейчас!) Бестужев-Рюмин сильно нуждается в очередном «пенсионе». Получилось так, что Елизавета подарила ему недавно дом остер м а невский, и на его ремонт канцлер разграбил казну России по двум коллегиям сразу. Началась бурная переписка дипломатов Европы: как бы выручить из долгов русского канцлера? Лондон по-купечески скаредно напомнил Бестужеву, что совсем недавно отвалил ему 10000 фунтов: мол, пора и честь знать. Дрезден, также входивший в «систему», плакался на свою непроходимую бедность. А скупердяйка Мария Терезия капнула из Вены на брега Невы столь жиденько, что великий канцлер великой империи

и мараться австрийской подачкой не пожелал.

— Это мне на един зуб токмо! — вспылил Бестужев, и теперь, как манны небесной, выжидал приезда английского посла Вильямса: «Даст или не даст? Сказывают знающие, что тороват сэр…» Иметь друзей канцлер считал дурацкой роскошью. Но зато его одолевали собутыльники: Санти, Прассе и Функ, бывший платным шпионом Фридриха; Бестужев был пьяницей британской школы — твердым в речах и походке. Когда требовалось решать сложный ход в дипломатии, канцлер в одиночестве выхлебывал графин и рисковал, рисковал…

Но рисковал всегда крупно, прибыльно, везуче!

***

В один из дней к дому канцлера подкатил возок нерусский, вылез из него старик суровой видимости, в руке — дубина. Лакеи дышали в мерзлые стекла, чтобы разглядеть гостя.

— Братцы его сиятельства! Братец пожаловали… Выскочила на крыльцо старая карлица. Заплясала по снегу заплатанными валенцами. Брат великого канцлера, Михаила Петрович Бестужев-Рюмин, взял карлицу на руки, словно

дитятко, поцеловал ее, старую и добрую, в дряблые холодные щеки.

— Нюшка, — сказал, — родимая… Рада ли?

— Ой! — ответила карлица и обняла его за шею. Так вот, с уродкой на руках, стуча палкою по ступеням, поднялся Михаила Бестужев в покои — дипломат прожженный, патриот страстный, все изведавший, все вынюхавший. А наверху — его высокое сиятельство, братец младшенький, великий канцлер и превеликий плут.

— Мишка! — сказал надменно с высоты. — Ты бы хоть ноги с улицы вытер. Ковры персицкие-то… Мне на вас не напастись!

Поцеловались братцы. Но совсем неласково — более для прилику, чтобы сплетен лишних не было. Сел старший, как гость, в красный угол. Долго не отрывал глаз от пыльной рамочки, что висела — посередь родни, дальней и ближней, — кривенько. И смотрела на Михаилу Бестужева из этой рамочки красавица, вся воздушная, это — Аннушка Головкина. Едва-едва медовый месяц и дотянул с ней: язык ей вырезали, кнутами выстебали спину и сослали пересчитывать остроги сибирские.

Не выдержал тут воспоминаний Михаила Бестужев, слезу вытер:

— Алешка, скажи… Ведь и ты, подлый, руку к ней приложил?

— А ты не хнычь, — резко отвечал канцлер. — Коли карьер хочешь провесть меж Сциллою и Харибдою, так баб неча жалеть! Вон я, смотри, каков: сына своего родного в Петропавловскую крепость засадил. И пусть сидит! Зато никто мне глаза не колет, что личное прихлебство имею. Не таково время, братец, чтобы мелких людишек жалеть…

— Бог тебе судья, брат, — отвечал Михаила Петрович. — И не о том речь. Прости, коль почешу место, которо чешется. Негоже, братец, ты Россию ведешь. Не в тую сторону наклонил ты ее.., как бы, гляди, не опрокинулась она!

— У меня — система! — сразу вспылил канцлер и прошелся перед братом, крепко стуча башмаками; резало глаз от сияния бриллиантовых пряжек на них.

— Система.., ну-ну! А только Петр Алексеич, царствие ему небесное, в политике гибок был. Яхо змий, бывало! Оттого-то и ладил. Да и ковров персицких не заводил. Из-за рубля сам давливался, а людей за копейку давливал. И система твоя не от Петра корень ведет, а от графа Остермана — врага русского!

Канцлер стройно вытянулся — даже помолодел в гневе.

— Мишшшш-ка, — шепнул он. — А ты, кажись, по дороге ко мне сначала к Ваньке заезжал Шувалову… Опять ковы противу меня? Опять слетаетесь требуху мою клевать, ворррроны?

— Нос-то у тебя долог, — ответил брат, — а откеда дерьмом понесло, того не чуешь… Ведомо ли тебе, что австрийский канцлер Кауниц чуть ли не полы у маркизши Помпадур в сенях моет?

Алексей Бестужев даже растерялся, но тут же огрызнулся.

— Вранье, — сказал. — Кто поверит в сие? Парижу с Веной в друзьях не бывать. Бурбоны с Габсбургами еще со времен кардинала Ришелье царапались. Двести тридцать лет вражда их длится… А наш враг — Фридрих: он Силезию у австрияков отхватил, значит, нам прямая выгода Вены держаться. Поелику Вена, по нраву нам, зуб на турок имеет. А в морях мира да будет навечно Англия, крепкая и денежная… Вот и все. Вот тебе система моя!

— Фридриха потоптать надобно, — кивнул Михаила Бестужев в согласии. — Но, гляди сам, как бы не обмишурили тебя лорды.

— Меня? — захохотал канцлер. — Да я маркиза

Шетарди «Маркиз Шетарди — посол Франции при русском дворе; помогал Елизавете взойти на престол, добивался от нее свержения Бестужева; из-за интриг Шетарди Россия вынуждена была пойти на разрыв дипломатических связей с Версалем.» и того сковырнул отсюда. А уж как силен был! В одном шалаше с императрицей костры жег.., целовался с нею! Только его и видели…

И снова посмотрел Михаила Петрович на красавицу жену: безъязыкая, где-то она ныне мается? И — позлобел на брата:

— Ты и русских людей, по дружбе с Бироном, сожрал тысячами!

Даже бровью не повел канцлер. Ответил с вызовом:

— Так и что с того? Меня жрали, и я жру. Вот, выходит, мне и хлеба не надобно. Коли нужда явится — тебя, брат, тоже сожру, и на тот день сытым буду!

— Душегуб ты, Алешка, — сказал Бестужев-старший, вставая. — Не токмо кровь на тебе, а и…крамола! Вор ты, погубитель…

Канцлер, побелев, вцепился в брата; Михаила Петрович как-то извернулся и огрел его дубиной своей вдоль спины. Но не рассчитал сил. Великий канцлер прямо перстнями, да в лицо ему — рраз!

Покатился старый вельможа с лестницы, а за ним и палка его — тык-тык-тык по ступенькам.

Внизу завизжала карлица:

— Батюшка Михаила.., ой, родненький мой!

— Цыц, — сказал ей тот, поднимаясь. — Цыц, Нюшка… Встал старый дипломат, смахнул кровь с лица, а наверху — канцлер. И поклонился брат брату — старший младшему:

— Ну, спасибочко, братец, за привечаньице. Угостился я славно. Но с сей минут — враг я тебе кровный и страшный!

И — ушел, грохоча палкой. А канцлер в тот же день запил. Пил много, в похвальбе и в лютости. Да все с актерками итальянскими. Опять Санти, опять Функ, опять Прассе… На пятую ночь разгула, в самый-то его угар, ворвалась жена — графиня Альма Беттингер (пиявица, чтоб ей сдохнуть, которую он еще молодым из прусских земель вывез).

— Встань! — сказала по-немецки, ибо другого языка не ведала. — Встань, хоть мертвый встань. Тебя императрица зовет…

Актерок прочь выгнали. Бестужев лег на диван, закатал рукав камзола. Тупо и пьяно смотрел старик, как нож цирюльника рассек ему руку. Черная густая кровь, перекипев от бешенства,

хлыстом ударила в чашку…

— Еще, — велел канцлер, и ему подставили вторую посудину. — Не жалей!

— И щедро наполнил кровью третью чашку (последнюю).

Встал. Пошатнулся. Вытер лысину льдом. Натянул парик. Поехал…

Летний дворец, строенный посреди Летнего сада, был в этот час темен, как гробовина. Лакейский люд притомился — дрыхнул теперь по углам, где ночь застала. Императрица, кутаясь в меха, как привидение блуждала среди зеркал — мутных и неровных; колебалось всюду ее неяркое отражение.

— Пришел? — прошептала она с яростью, и часы в глубине дворца пробили трижды. — Ну, то-то!.. Проспал ты все, пропил! Из чужих уст стороной узнаю, что Австрия с Парижем хотят сделаться купны, старую вражду презря, а ты… Ты это знал?

— Давненько примечаю, — соврал Бестужев, оторопев — Так отчего же молчал, черт ты старый?

— Прости, матушка, — низко склонился канцлер — Но венский граф Эстергази сие не признает за правду… Слухи то, фальшь! Да и сама посуди:

может ли так статься, чтобы Людовикус, друг Фридриха Прусского, и вдруг в политике с венской императрицей совокупился… Потому и молчал, что не верю тому!

— Уходи, — гневно отвечала ему Елизавета. — Грех на тебе, канцлер! Великий грех…

К весне уже растеплело. Почернели в саду деревья. За Литейной частью кто-то невидимый истошно вопил (видать, грабили). Над каналами волокло туманец.

Канцлер, выгребая ноги из талых сугробов, брел к саням.

Рукава камзола его были мокры от крови.

— Езжай, соколик, — велел он кучеру и заплакал…

ДИПЛОМАТИЯ И ЛЮБОВЬ

Судить о русском дворе XVIII века по тем дворцам, что ныне обращены нами в общенародные музеи, — ошибочно и неверно.

Царский двор напоминал тогда бивуак или, вернее, гулящий табор. А придворные — кочевников, скифов! Отсюда и костюм на женщинах был зачастую не женский, а полувоенный; штаны заменяли им юбки.

Статс-дамы в палатках и шалашах подолгу живали. И у костров грелись. И в казармах рожали. И ландкарты империи фрейлины знали не хуже поручиков геодезии.

Куда их черт не носил только!..

— Трогай! — И двор ее величества срывается с места.

Валят на телеги сервизы, комоды, туалеты, Рубенсов и кровати. Сверху сажают калмычек и арапок, — тронулись.

Все трещит, бьется, звенит. Все разворовывается!

В одну только ночь имперские дворцы, бывало, загорались по три раза кряду.

Ели на золоте — это верно, но у столов не хватало ножек, и вместо них подставляли сбоку поленья.

Висели повсюду шедевры мирового искусства, а сидеть было не на чем. И в стенах дворцов — во такие щели, суй палец!

В спальню к императрице загоняли по зимам взвод солдат с приказом: «Дыши жарче!» — и дружным дыханием выгревали комнату, чтобы императрица не закоченела.

На пути следования Елизаветы дворцы возводили в 24 часа (это исторический факт). А кто? Мужики. А чем? Да топором. Тяп-ляп, и готово. Оттого-то не раз и дверьми ошибались. Иногда даже забывали двери сделать.

Кто это там прямо из окна по доске лезет? Не удивляйся, читатель: это камер-фрейлина, прекрасная княжна Гагарина, спешит до кустов, чтобы нужду справить.

Кошки, тараканы, собаки, клопы, блохи, мухи…

Однажды и ежик забежал, до смерти испугав Елизавету. А так как испуг ее величества — дело не шуточное, то ежа взяли в шапку и снесли в инквизицию (сиречь в Тайную канцелярию).

Поверьте: если бы не эта бесхозность, у нас

было бы сейчас десять таких Эрмитажей, какой мы имеем всего один в Ленинграде. Екатерина II, тогда еще великая княгиня, и впрямь великая женщина; она была первой, рискнувшей завести для себя постоянную мебель. И когда раздавалось призывное: «Трогай!» — она, словно клещ в собаку, цеплялась за свои комоды, зеркала и стулья.

— Не дам! — кричала она. — Это мое.., мое личное!

Кстати, она же была первой на русском престоле, кто ввел оседлость и постоянство; именно при Екатерине II русский двор обрел те черты, которые последующие правители только уточняли и дополняли.

Но иностранцы, попадавшие тогда ко двору, этого «табора» не замечали: им показывали Россию с фасада, позолотой наружу, послов проводили среди торжественных колоннад, и блистали на веселых куртагах инкрустации драгоценных паркетов…

***

Так было и с сэром Вильямсом. Он даже принял Летний дворец за мраморный (хотя это были обыкновенные доски, изощренно покрашенные).

Тихо щелкали перед послом Англии большие зеркальные двери, отворяемые арапами; церемониймейстер и два камергера с золотыми ключами у поясов шагали ускоренно, не оборачиваясь. Вильяме следовал за ними, вспоминая инструкцию, данную ему Питтом при отъезде из Лондона в Россию:

«Мало вероятия, чтобы несогласие между Англией и Францией уладилось, а следовательно, общеевропейская война неизбежна... Ввиду этого, приняв во внимание, что срок трактата, заключенного с Россией, истекает в 1757 году, необходимо как можно поспешнее заключить с нею новый договор...»

Камергеры вдруг расступились. Раздалась аукающая высота тронного зала, и — шелестело, шуршало вокруг; справа в ряд, склонив обнаженные плечи, сверкали удивительной красотой русские дамы; слева — мужчины в блеске орденов и звоне оружия; камзолы статских нестерпимо горели, сплошь облитые бриллиантами.

Церемониймейстер ударил в пол жезлом и прокричал сердито, словно обругать кого-то хотел:

— Чрезвычайный посол из Лондона с полной мочью от двора Сент-Джемского, короля Великобританского и курфюрста Ганноверского.., сэр

Чарльз Вильямс-Гэнбури!

Вильяме теперь, словно стрела, пущенная из лука, скользил на шелковых туфлях — прямо и одиноко в пустоте громадной залы… Трон! И, преклонив колена, посол с подобострастным благоговением вручил русской императрице свои верительные грамоты. Мягкая, как тесто, белая и ароматная рука Елизаветы, проплыв по воздуху, вдруг очутилась возле его губ…

Посол произнес речь — кратко и сильно (хотя за словами его ничего не стояло). Елизавета выслушала эту речь спокойно и ответила в том же духе, но мягче — по-женски. Вдруг давние обиды совсем некстати всплыли в ее душе, и она, по простоте душевной, огорчилась «на брата своего, короля аглицкого».

— Невдомек мне, — заявила она, — отчего это брат мой не изволит уважать флаг русского флота? Отчего каперы его своевольничают в морях русских — ближних и дальних?

Канцлер Бестужев достал табакерку и громко постучал по ней ногтем: «уймись, мол, дура!» Но Елизавету понесло уже.

— Курантельщики-то ваши, — кричала она в запале, — бог весть что пишут о моих подданных! Будто мух здесь ноздрями ловим, сами щи

лаптем хлебаем, а собаки нашу посуду лижут… Нешто брату моему, королю аглицкому, бранить меня, сироту, нравится? У нас на Руси таких газетеров зазовут куда поспособнее, да поколотят хорошенько…

От волнения обидного она давно перешла на русский язык, а толмач (еще неопытный) сдуру переводил слово в слово. «Что делает? — морщился канцлер, страдая. — Ай-ай, быть беде…» И с высоты трона вдруг раздалось — гневное, на весь зал:

— А ты что морщишься, канцлер?

— Зуб, матушка, схватило…

— Так вырви его, и ходи ко мне веселый! Рука ее резко выбросилась вперед для поцелуя. Поклон головы влево — дамам, направо — мужчинам, прямо перед собой — послу, и Елизавета величественно удалилась в свои покои. Отбросила в кресло скипетр, корону — на стол, державу — на постель.

— Девки! — закричала она. — Где вы, подлые? Разряжайте меня!

Вбежало с десяток камер-фрау и потащили через голову императрицы гремящие от камней роброны…

Между тем в отсутствие Елизаветы события

развивались и далее. По традиции дипломатов, нигде не писанной, но святой, карета, доставив посла на аудиенцию, должна была отъехать от дворца подалее, и теперь Вильяме, вместе со своим банкиром Вольфом, на улице дожидался ее возвращения. Бестужев тут преподнес ему золотую табакерку с видами роскошных дач на Каменном острове, который тогда принадлежал ему как загородная усадьба. Посол, даже не глянув на подарок, кивнул небрежно:

— Благодарю... Я не совсем понял вашу императрицу, — вдруг жестко произнес он. — Если Россия не заключит сейчас с нами субсидного договора, тогда Англия заключит его с Фридрихом Прусским, который (не буду скрывать от вас) от подобного договора не откажется!

Это был удар под ложечку, ибо кто, как не Пруссия, был главным врагом России? Вильяме хорошо понимал, что стоит за его словами, но Бестужев не сдался.

— Не забывайте, — произнес канцлер холодно, — что ее величество только представляет политику России. Но управлять-то этой политикой мне приходится! А я, — заключил Бестужев, — верный слуга Англии и служил еще отцу короля нынешнего, еще Георгу Первому, когда тот зани-

мал престол курфюршества Ганноверского…

Канцлер дружески завлек Вильямса на свой остров, где потчевал его в голландском саду, на берегу канала, в котором брызгались два жирных тюленя. К шатру беседки подплывали, как белые арфы, лебеди, и лакеи в голубых с серебром ливреях кормили их пшеничным хлебом, моченным в сладком вине.

Питие было, как всегда в доме канцлера, прещедрое.

— Руки-то у меня связаны, — печалился охмеленный Бестужев под утро. — Государыня мне всего семь тысяч на год отпущает. Разве проживешь? Едва на прокорм зверинца хватает… Эвон, тюлени усатые: двадцать ведер рыбки им дай на дню! Да не простой рыбки, а с икоркой — из Астрахани…

Вильяме понял: канцлер просит очередного «пенсиона».

— Но мой предшественник. Гай Диккенс, совсем недавно выплатил вам тридцать тысяч флоринов… Не так ли? И в ответ махнул рукой великий канцлер.

— Долгов, — сказал, — и тех покрыть недостало. Измаялся!

***

Освоившись в Петербурге, посол отправился в Ораниенбаум, чтобы представиться «молодому двору», жившему отдельно от «большого двора» Елизаветы… Молодой двор тогда составляли великий князь Петр Федорович, наследник престола, происхождением из дома Голштейн-Готторпского, и его жена — великая княгиня Екатерина Алексеевна, вышедшая из дома Ангальт-Цербстского. У молодых тогда был уже сын, малолетний Павел Петрович, но родители его почти не видели: Елизавета сразу по рождении мальчика забрала его в свои покои, где докрасна калили печи и где лежал он на засаленных соболях в такой спертой духоте, что здоровые люди падали в обморок… «А молодым дите только дай, — говорила Елизавета, — так они из него калеку сделают! У меня-то хоть не простудится…» Перед отъездом в Ораниенбаум посол навестил своего секретаря, Станислава Августа Понятовского, который готовился сопровождать Вильямса. Юный поляк сидел перед зеркалами, в пудермантеле, и пока куафер завивал ему волосы, экс-иезунт Гарновскнй читал ему вслух старинные хроники о страданиях Польши.

— Дайте я посмотрю на вас, — сказал Вильяме, беря Понятовского за пухлый подбородок. — Так, так… Вы сегодня хороши, как лесная сказка. Поехали, прекрасное дитя мое! карете продолжался разговор о судьбах Польши и ее несчастиях. За Петергофом, когда из-за серой плоскости моря выступили мрачные бастионы Кронштадта, сзади посольской кареты вдруг послышался цокот копыт: одинокий всадник нагонял их.

На пустынной дороге — неизвестный всадник (опасно!).

— Хлестни лошадей, — велел Вильяме кучеру. Но их уже нагнали. Лишь короткое мгновение седок проскакал рядом с каретой, но и Вильяме и Понятовский успели заметить, что это была женщина. Она дала шпоры и, срезав дорогу траверсом, отважно помчалась лесом, вздымая жеребца над канавами. Дипломатам запомнилось бледное лицо женщины, безгубость рта, сжатого в напряжении, и стройная тростинка талии.

— Впервые вижу! — хмыкнул Вильяме. — Эта амазонка сидела вульгарно, словно татарка, раскинув ноги.

— Да, — кивнул атташе. — Седло под ней было не дамское…

Этой всадницей была Екатерина. Стремглав доскакав до дворца, она бросила лошадь на лугу и кинулась переодеваться.

— Никитишна! К нам гости жалуют… Воды мне скорей. Шлейф прицепи. Булавки помнишь ли где?..

От быстрой скачки дышала взахлеб, глаза расширились. На мускулистом поджаром теле Екатерины сухо потрескивали одежды. Никаких украшений! И руки голые — уже некогда, пора, едут… И все же она опоздала: мизерабль ее, муженек проклятый, уже вел беседу с послом Англии. Вильяме приблизился к руке женщины, крепко пахнущей духами и лошадиным потом.

Взглядом, несытым и властным, Екатерина подозвала и атташе для поцелуя.

Понятовский был растроган до слез. Он еще не мог опомниться от видения всадницы, что скрылась в ораниенбаумском лесу. И вот она перед ним… Какая красота и си-, ла! А какой взор! «О матка бозка…» Между тем великий князь Петр Федорович нес чепуху и околесицу, а Вильяме деликатно ему поддакивал. Оба они наперебой расхваливали прусские порядки, но Екатерина и Понятовский, исподтишка разглядывая друг друга, молчали.

И эту их перестрелку глазами великий князь — по дурости врожденной — не заметил. Но зато один перехваченный взгляд Екатерины подсказал Вильямсу все остальное…

Когда дипломаты покатили из Ораниенбаума обратно в столицу, посол веско заметил Понятовскому:

— На великого князя Петра я не поставлю и пенса. Это человек, которого в Англии звали бы просто — шут! И я не ошибусь, если скажу: ему никогда не бывать на престоле…

Вильяме тут же, на рывке кареты, схватил своего атташе за нежную ляжку и больно стиснул ее в цепких пальцах.

— Мой юный друг, — сказал посол учтиво, — вы можете помочь своей несчастной отчизне… Положение в мире серьезно. И парламент моего короля не для того сорит деньгами, чтобы ваша бесподобная красота прозябала в бесполезном целомудрии!

Понятовский вспыхнул от стыда:

— Чего вы еще желаете от меня, сэр?

— Сущую ерунду, — успокоил его старый циник. — Когда великая княгиня увлечет вас в тень алькова, не зовите на помощь свидетелей. Любовь, как и политика, не терпит яркого света… А

любовь движет дворами, дворы же двигают политику, политика двигает солдат, армии вершат судьбы мира!

— Вы, как всегда, шутите, сэр?

— Поверьте мне: вас ждет прекрасное будущее.., шутя!

Атташе стыдливо промолчал. И только за Мартышкиной деревней, когда забелели в садах дачи вельмож «Ба-ба» и «Га-га», Понятовский вдруг неожиданно признался Вильямсу:

— В одном вы правы, сэр: глядя на нее, я не страшусь даже Сибири… Но разве это возможно? Кто я? И.., кто она?

На что Вильяме ответил — с равнодушием:

— Вы — мужчина, она — женщина, и нечего вам бояться…

***

Английская дипломатия была первой «женщиной», которая сумела оценить бесподобную красоту юного польского космополита. Сейчас нам трудно сказать: был ли этот шаг предрешен английской политикой заранее, еще в Лондоне, или это результат случайных совпадений, как вдохновенный экспромт посла Вильямса!

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

Старинный рецепт гласит: «Возьми дырку, окружи ее бронзой, и ты получишь пушку!» Примерно так было и с де Еоном: взяли его, окружили тайной, и получился дипломат для королевских секретов. Словно горошина на тарелке, катался он теперь между Тамплем и Лиль-Аданом, этой загородной резиденцией принца Конти, и принц твердил ему:

— Пусть Елизавета знает: я молод! я храбр! я красив! Мне нужна от этой женщины либо ее рука, либо корона Кеттлеров на престол Курляндии, либо жезл русского маршала…

Де Еон понемногу примирился с судьбой. Да и стоит ли огорчаться, если такой авторитет, как Вольтер, и тот не брезговал шпионскими поручениями королей. Мало того, сам на них набивался…

Сближение Версаля с Веной, подготовленное трудами Кауница, уже наметилось, и Людовик поторапливал своих агентов. Дуглас должен был отправиться в Россию. В один из дней его тайком провели в комнату, наглухо обитую сукном;

невзрачный человек поднялся ему навстречу.

— Меня зовут Терсье, — сухо поклонился он. — Меня вы должны слушаться так же, как и принца Конти… Король позволяет вам отправить из Петербурга только одно письмо! Шифр ваш несложен. Отвечайте же быстро, без промедления… Первое: английский посол Вильяме?

— Черная лисица, — ответил Дуглас, не подымая глаз.

— Значение англичан в Санкт-Петербурге растет?

— Лисица подорожала.

— Тридцать тысяч русских солдат в Ливонии?

— Пятнадцать шкурок я уже выслал.

— Но русская партия Шувалова влияет на императрицу…

— Горностай в большой моде, — отвечал Дуглас без запинки. — В случае же усиления в Петербурге влияния графа Эстергази, посла Австрии, я ссылаюсь на дешевые волчьи шкуры.

— Справедливо, сударь! Но соболь вдруг в цене упал…

— Это значит, что канцлер Бестужев пошатнулся.

— Хорошо. — Терсье одарил его бледной улыбкой. — Особое же ваше внимание — взгляд на

Турцию через окна петербургских дворцов. Поняли? Король Франции ныне обеспокоен постройкою русскими крепостей на границах султана… Если же вас постигнет неудача, пишите в Париж через Стокгольм всего три слова: «Муфта уже куплена». Помните: если попадетесь в лапы русской инквизиции, мы отказываемся от вас; Франция и король вас не знают. А вот вам и подробная инструкция!

Инструкция была написана столь бисерным почерком, что умещалась на дне черепаховой табакерки: в переговоры не вступать, но держать глаза и уши раскрытыми; особое внимание обратить на двух человек при дворе — Ивана Шувалова н вице-канцлера Михаила Воронцова — эти люди желают союза с Францией! Дуглас, под видом скучающего геолога-дилетанта и библиомана, отправился в опасное путешествие.

А тем временем тайком от министерства, под наблюдением того же Терсье, ловко работали три подмастерья — портной, сапожник и переплетчик. Первый вшивал в дамский корсет текст полномочий за подписью короля; второй заколотил в каблук женской туфельки ключ к шифрованной переписке; третий переплел в кожу томик Монтескье «О духе законов», в котором

только один де Еон мог отыскать тайники для хранения переписки между Елизаветой и Людовиком (если эта переписка возникнет).

Вслед за Дугласом, неторопливо нагоняя его, отправился в дорогу и де Еон. Впрочем, правильнее писать: отправилась, ибо де Еон ехал в Россию под видом женщины. Роскошные туалеты, в которых защеголял наш адвокат, были справлены под наблюдением принца Конти, знавшего, как надо женщине одеваться, чтобы она нравилась мужчинам!

***

Дуглас петлял по Европе, словно заяц, заметая свои следы. Он посетил Вену, откуда завернул в Богемские леса; в Силезии осматривал копи, выказав немалые познания в рудном деле, и, быстро прошмыгнув через Польшу, вдруг вынырнул в Данциге; здесь Дуглас заявил, что отплывает в Швецию, после чего пропал — и появился в Ангальт-Цербстском княжестве, где и дождался прибытия де Еона — «своей милой племянницы».

Тронулись сообща далее — безголосые, хитрые, зоркие. За мызою Кальви, этой первой курляндской станцией, уже не было еврейских корчм,

— потянулось хорошее шоссе, огражденное ровными канавами. Край показался де Еону хлебным. Деревни краснели кирпичом и черепицей. Вечером «дядя с племянницей» въехали в чистенькую Митаву — столицу Курляндского герцогства, правитель которого, Эрнст Иоганн Бирон, отсиживался тогда в ярославской ссылке как преступник.

Остановились в гостинице «Под черным орлом». На окраине Митавы — за рекой Аа — чернел древний замок, окруженный рвами с затхлой водою.

— Вон, вон! — показал Дуглас в окно. — Вон и русские…

Оживленно беседуя, мимо гостиницы прошли солдаты, ведя в поводу двугорбых верблюдов с кладью. Потом над притихшей к вечеру Митавой раздался дружный и дикий вой:

— Хаю-ю.., хой-хой-хой!

Взметая пыль, пролетела под окнами конница. Пестрели халаты калмыков, щетинились острые копья, болтались у седел колчаны со стрелами. Было что-то неукротимое и яростное в этом набеге маленьких задорных лошадок с раскосыми всадниками.

— Оказывается, из окна можно много увидеть!

— хмыкнул Дуглас. — Смотрите, вон идут новые войска Елизаветы…

От водопоя на Гроссбахе, напоив лошадей у замка ливонских крестоносцев, проплыли через Митаву величавые и гордые пандуры — пух и перья, усы и золото, блеск и гордость! А в стременах, кованных из чистого серебра, торчали босые черные пятки. Это были сербы, хорваты, черногорцы и болгары, которых Россия приняла под свои знамена как эмигрантов, бежавших от насилия турок и австрийцев… Славяно-сербские легионы! Они тоже стояли на рубежах России, неся кордонную службу.

Лакей принес путникам свечи и белье, посоветовал:

— Обменяйте деньги. За Ригою вы сразу много потеряете при обмене, ибо Россия очень высоко ставит свой рубль.

Итак, переехав Аа, завтра они уже будут в таинственной и варварской России. Дуглас побывал в меняльной лавке. В сарае, настежь раскрытом на улицу, сидел русский купец со смышленым лицом. Он заговорил по-французски, но Дуглас ответил ему по-немецки. Перед менялой качался колченогий стол, на котором горками были разложены дукаты, голландские червонцы, серебро

рублей, темная от времени медь; отдельно лежало на досках тяжелое и тусклое русское золото.

— Давно ли из Парижа, сударь? — любезно спросил купец.

— Я не француз, — заверил его Дуглас. Меняла взял с него три процента в свою пользу.

— Ну, значит, — сказал он, — и в Данциг дошла эта глупая мода: букли короткие, полы кафтана срезаны.

— Вы ошибаетесь: я никогда не был в Данциге.

— Да? — нисколько не удивился меняла. — А по каким делам, сударь, изволите жаловать в Россию?

— Еду по совету врачей, дабы использовать благодеяния холодного климата…

Купец кривенько усмехнулся:

— А вы эскулапам не верьте: в Петербурге ныне жара… Дуглас откланялся, а меняла закрыл свою лавку. Быстро прошел к себе, сорвал со стены окорок, сунул его в мешок. Каравай хлеба пошире выбрал и — туда же его! Водкой наполнил флягу до пробки и завязал мешок натуго. В два пистолета он забил здоровенные пули. Вышел потом во двор, где приказчик его сидел на поленнице дров и печально играл на гобое.

— Васенок! — окликнул его купец. — Подь-ка

сюда. Коня седлай скоро, в Питер поскачешь с письмом от меня…

И через несколько дней, пока Дуглас с де Еоном узнавали о настроениях курляндских рыцарей, Тайная розыскных дел канцелярия в Петербурге уже знала о появлении на рубежах империи неведомых пока путешественников… Ведал же Тайною канцелярией граф Александр Шувалов — великий инквизитор и близкий сородич фаворита Елизаветы, Ивана Ивановича Шувалова.

— Этих гостей до нашей милости пропустить, нигде не чиня им неудовольствия, — распорядился Шувалов. — Нам неведомо еще, какого рожна им тут надобно. Может, и честные вояжиры, а может — хрен везут еду-чий в тряпке…

Русская контрразведка уже в те времена работала прекрасно. Погранвойск Россия тогда еще не имела, но границы русские были на крепком замке.

ИНТРИГИ, ИНТРИГИ, ИНТРИГИ…

Вильяме продолжал, разговоры о страданиях великой Польши, щедрой рукой подсыпая в карман Понятовскому золотишко.

— Вы еще молоды, — говорил посол, — и должны веселиться.

И где бы теперь ни появлялась Екатерина, серые глаза прекрасного Пяста с тоской преследовали ее гибкую фигуру…

Великая княгиня только что пережила бурный роман с Сергеем Салтыковым, в объятия которого Екатерину толкнула сама же императрица. Елизавета свела их, чтобы иметь внука, — Салтыков должен был заменить Петра Федоровича, который брачных удовольствий остерегался. Но вскоре Салтыков впал в низкий блуд, пренебрегал Екатериной как женщиной, и чувство Екатерины было глубоко оскорблено… Теперь Вильяме пристально следил за нарастанием новой ее страсти — к Понятовскому.

— Ваше высочество, — спросил он однажды Екатерину, — что вы думаете о моем атташе? Не напоминает ли он вам античную вазу, заброшен-

ную в груду жалкого мусора?

Екатерина ответила с легкой иронией:

— В наше время, господин посол, античные вазы в мусоре не валяются!

Бестужев-Рюмин имел глаз острый, как у беркута. Он был озабочен своим будущим. Против него многие: вице-канцлер Воронцов, Шуваловы, императрица тоже стала коситься; врагом Бестужеву была и сама великая княгиня, мать которой, эту шпионку Фридриха, он в три шеи вытолкал прочь из России… «Елисавет Петровны, — размышлял канцлер, — тоже не вечны: сколь можно пить токай, плясать до упаду и ложиться спать на рассвете?..» Бестужев-Рюмин решил сблизиться с Екатериной.

— Но, — сразу предупредила она, — если хотите дружбы моей, вы должны мне помочь. Я задолжала кредиторам, императрица скупа, а карточные долги… Однако, посудите сами, не могу же я не играть, если вокруг меня с утра до вечера, от мужа до лакея, все мечут карты!

И величаво склонился перед ней хитрый и умный канцлер империи.

— Ваше высочество, — сказал он, затаив улыбку, — еврей Вольф служит консулом при после британском, и его банк всегда будет открыт для

ваших нужд…

Бестужев неспроста искал заручку в «молодом дворе». Если Елизавета в гроб ляжет, молодые на престол воссядут — надо заранее при них укрепиться. Тем более что «система» канцлера уже начала потрескивать. Версаль и Вена с ужимками и гримасами, но все же сходились для дружеского котильона… Бестужев-Рюмин боялся этого союза» который сломал бы всю его «систему».

А между тем вековая распря между Бурбонами и Габсбургами заканчивалась анекдотом. Трижды отбрасывалось перо гордой Марией Терезией. Ей, наследнице римских цезарей, писать этой шлюхе Помпадур?.. Да никогда! Но Кауниц взял руку императрицы в свою, силой заставив Марию Терезию вывести первые любезные слова «Ma shere amie…» А на русского канцлера наседал посол Вильяме:

— Дорогой друг, когда же ваша императрица соизволит подписать конвенцию? Пошел уже третий год…

— Что поделаешь, — вздыхал Бестужев. — Но сейчас у ее величества вскочил песьяк на глазу, и все зависит отныне только от сахарных примочек грека Кондоиди.

Сэр Вильяме наконец потерял терпение.

— Как ячмень на глазу может тормозить ход истории? — бушевал британец. — О-о, понимаю, понимаю… Грек Кондоиди воистину великий человек: от его примочек зависит судьба Европы!

Бестужев и сам изнывал. Тем более что англичане, как торговая нация, любили платить сдельно. Но когда он намекнул на денежные обстоятельства, Вильяме прямо ответил, что канцлеру не следует спать до пяти часов дня…

— А лучше нагрянуть в Аничков дворец к Разумовским, где и перехватить Елизавету между ее дневным сном и ночным бодрствованием… Я не хочу угрожать вам, — добавил Вильяме (все-таки угрожая). — Но если песьяк императрицы виной тому, что Россия не желает получить субсидии, то ее охотно возьмет от нас король Пруссии, который на песьяки не жалуется!

Вильяме был крут. Он сменил старого Гая Диккенса, для которого Петербург казался слишком «подвижен»: надо танцевать, флиртовать, вообще двигаться. Новый посол заверил парламент, что «подвижности» не страшится, и доказал это ногами, не пропустив ни одного куртага. Вильяме думал, что под игривую музыку Франческо Арайя веселая Елизавета скорее подпишет конвенцию. Но он ошибся…

Императрица плясала с послом Англии — так плясала, что пыль столбом, а договор на поставку русских солдат для Англии, которые должны защищать Ганновер, так и лежал чистехонький! Вильяме не раз заговаривал с императрицей о делах, но Елизавета только хохотала в ответ, и было видно, что сегодня она опять не в меру пила токайское. «Что это? — негодовал Вильяме. — Лень или азиатекая хитрость? Скорее — козни Шувалова с Воронцовым...» Оставался еще «молодой двор» — с голштейн-готторпским балбесом и ангальт-цербстской умницей, и Вильяме зачастил в Ораниенбаум, прихватывая с собой и Понятовского.

— Бывают случаи, — внушал посол своему секретарю по дороге, — когда благоразумие должно уступить в поединке со страстями, и сознание долга перед вашей несчастной родиной пусть освободит вашу совесть...

***

Был жаркий день святых Петра и Павла; великий князь Петр, как именинник (и отец именинника), напился с быстротой, достойной всяческого удивления. Его отвели в бильярдную, заперли на ключ, а ключ Екатерина забрала

себе. Вильяме постарался овладеть вниманием великой княгини и за ужином сидел рядом с нею. Окна и двери были раскрыты прямо в зелень парка, противно кричал в зверинце павлин, где-то вдали рокотали голштинские барабаны: ру-ру-ру, тру-тру!..

Вильяме ковал железо, пока оно горячо.

— Кротость, — говорил посол, — достоинство жертв. Ничтожные хитрости и скрытый гнев не стоят ваших дарований. Люди в массе своей слабы, и первенство над ними одерживают только решительные натуры… Такие, как вы!

Посреди разговора в комнате появилась молодая горбунья, вся в цветах и лентах, а лицо — злое, тонкое и вороватое.

— Взззз, — прозвенела она, оглядываясь, — взззз…

— Чего ищешь, Гедвига Ивановна? — с лаской спросила ее Екатерина. — Ключик небось от бильярдной? Так на, забери.

— Взззз… — И, схватив ключик (а заодно два апельсина со стола и выдернув свечку из шандала), горбунья удалилась, волоча за собой помятую ногу.

— Кто это? — поразился Вильяме.

— Вы удивитесь, господин посол, узнав, что это

дочь ужасного герцога Бирона; она бежала от отца из ссылки, купив себе свободу переходом в православие. Злюка сия приставлена охранять мою нравственность.

— Вот как? — рассмеялся Вильяме.

— Да. Но работы для нее мало. И пока принцесса Бирон, несмотря на свой отвратительный горб, разрушает последние жалкие добродетели моего супруга. Как видите, я далека от припадков глупой ревности…

Заиграли скрипки, отворилась дверь, и кастрат Манфредини, полузакрыв глаза, сладко запел о любовных восторгах. Великая княгиня нервно затеребила веточку вишни.

Вытянув руки, словно слепец, кастрат прошел мимо них, не прерывая пения. В растворе дверей он вдруг притушил свой волшебный голос — почти вышептывал слова любовных признаний. Глаза Екатерины потемнели, губы ее, и без того крохотные, сжались в одну яркую точку… А посол все говорил и говорил о том, что мать Понятовского — из семьи Чарторыжских, которые сильны в Польше как раз своим русским влиянием; о том, что ему доверена судьба этого высокоодаренного юноши…

— Очень строгое воспитание! — наложил Ви-

льяме на картину последний решающий мазок, и Екатерина поднялась, несомненно что-то важное решив для себя именно в эту минуту.

— Благодарю за рассказ, — произнесла она отвлеченно. Голос Манфредини взлетел высоко-высоко… Вильяме отыскал Понятовского: разгоряченный танцами, атташе с аппетитом уплетал мороженое из китайской вазочки. Посол незаметно стиснул ему локоть и злобно прошептал:

— Великая княгиня спустилась в сад… А вы, как ребенок, наслаждаетесь мороженым!

— Но разве это возможно?

— Она уже там, за боскетом. Ждет… Идите же! Станислав Понятовский робко вступил в темноту парка. Над верхушками дерев тянуло ветром, и парк ровно гудел под дыханием близкого моря. Вокруг не было ни души, и секретарь чуть не заплакал в отчаянии:

— Йезус-Мария, сверши чудо… О матка бозка! На глухой тропинке стройной тенью выступила великая княгиня. В руке она держала ветку, отмахиваясь от комаров. Понятовский двинулся навстречу женщине.

— Ваше высочество… — бормотнул он, становясь жалким.

Екатерина шумно вздохнула:

— Я не высочество для тебя — я слабое женское ничтожество. Так возлюби же меня, прекрасный Пяст!

И, падая на траву, мокрую от росы, она увлекла его за собой. Вдали рокотал голштинский барабан…

***

С этого момента над головою секретаря засияла корона польских королей, и Англия (страна просвещенных мореплавателей) теперь держалась за Россию двумя якорями сразу: деньгами — через великого канцлера Бестужева и любовью — через великую княгиню Екатерину… Но, читатель, не будем спешить с выводами. Посмотрим, чем завершится этот странный политический дрейф, в котором стало болтать политику России… С мачт своих парусов Россия ведь не убрала, — ее несло в открытое море, на просторы!

ПОДОЗРЕНИЯ

Когда Дуглас инкогнито появился в Петербурге, Вильяме уже торжествовал, вырвав у русского двора подписание конвенции.

Теперь Англия, завязав клубок интриг в Европе, могла спокойно грабить колонии французов в Америке; эскадры британских кораблей уходили в океан, безжалостно разбивая ядрами любое судно французов... Вильяме объяснял уступчивость Елизаветы тем, что все деньги -

«...поступят в шкатулку императрицы. А так как она занята в настоящее время постройкой дворца, — писал он в Лондон, — то для окончания его нуждается в деньгах... Государственный канцлер (Бестужев получил 10000 фунтов стерлингов) вел себя при этом прекрасно и отразил на своем жадном лице большую радость, когда его алчность была мною удовлетворена».

Вильямс так спешил с подписанием этого договора, что в порыве энтузиазма допустил даже прискорбный вывих противу сент-джемского этикета.

— Пусть мой брат король Георг первым ратифи-

кует листы сии, — сказала Елизавета, и Вильяме не стал ждать, пока корабль сорвет с якорей; согласился сразу!

В Лондоне, конечно, поморщились, но «листы сии» ратифицировали. Исподтишка англичане ознакомили с конвенцией и Пруссию. «Хватит болтать о чувствах дружбы! — обеспокоенно заметил Фридрих. — Король должен иметь только свои выгоды». И король гнал и гнал переговоры с Англией, взламывая всю политику «равновесия» Европы; Фридрих спешил, как никогда, чтобы опередить Россию в получении субсидий от Лондона, а времени оставалось в обрез. Англо-российский субсидный договор, ратифицированный Лондоном, уже лежал на столе Елизаветы… Король понимал: Елизавета может затянуть ратификацию на год, а может в запале покончить одним взмахом пера хоть сегодня ночью!

Но Дуглас, появясь в России, ничего этого не знал и неумело, но храбро двинулся напролом — отправился в британское посольство.

Понятовский доложил Вильямсу, что его желает видеть «знатный соотечественник», и посол был в недоумении:

— Странно! Откуда он взялся, этот «знатный соотечественник», если корабля из Англии не

было уже две недели… Ну, пусть войдет!

Дуглас вошел почтительно, но свободно.

Вильяме оглядел незваного гостя.

— Кто вы? — спросил без любезностей.

— Я родственник лорда Мауртона.

— Назовите себя, а не своих родственников!

— Видите ли, сэр (и, опустив глаза долу, Дуглас выдал в себе иезуита), я путешествую для развеяния души и хотел бы иметь случай быть представленным к здешнему двору.

— Это редкий случай, — сказал Вильяме, — когда человек желает видеть императрицу, но упорно не называет своего имени!

— Меня зовут Дуглас.., можете звать и Маккензи — я родствен дому шотландских Гамильтонов.

— Убирайтесь вон! — заорал Вильяме, сатанея. — Дугласы и Гамильтоны — вот шайка, которая таскается по чужим дворам, облизывая тарелки «Дугласы, Маккензи и Гамильтоны в разные времена служили в России, спасаясь от религиозных преследований на своей родине; Гамильтоны позже назывались Хомутовыми и были ближними родственниками царя Петра I.». Если вы честный британец, так купите себе ружье и плывите в Канаду — именно там, за океаном, Великобритания сейчас обретает свое богатство и величие!

Волны Ладожского озера, о которых так много рассказывал принц Конти, казалось, уже смыкались над головой Дугласа. Но французские коммерсанты, давно обрусевшие, помогли ему проникнуть к Воронцову, который был вице-канцлером и сторонником союза с Францией…

— Имею поручение, — брякнул Дуглас с разгону, — предложить себя в библиотекари и прислать образцы бургундского вина…

Михаил Илларионович был из числа «пужливых».

— Да бог с вами, — отступил он подальше от гостя. — Какой там еще библиотекарь? Какое вино?

— Библиотекарь — это я, а вино — суть лица, необходимые для переговоров между Версалем и Петербургом.

— Вот так и надобно сразу говорить, — смекнул Воронцов, прищелкнув пальцами. — А каковы ваши полномочия, сударь?

— Я лишь первая ласточка Версаля, — признался Дуглас, — и пока никаких полномочий, кроме добрых желаний короля Людовика, я не принес…

Тут вице-канцлер решил, что перед ним очередной авантюрист, какие часто наведываются в Россию, и взялся за колокольчик.

— Жано! — сказал Воронцов лакею-французу. — Будьте добры, милый, сведите этого господина вниз по черной лестнице, чтобы никто его не заметил, и более ко мне не допускайте!

И тайный агент короля снова пустился в бега до самого Парижа. Но — проездом через Митаву — Дуглас все-таки успел разменять русские рубли обратно на дукаты, и знакомый меняла, как и прежде, высчитал с него три процента в свою пользу.

— Что так недолго гостили, сударь? — спросил с ухмылкой.

— Европа плохо знакома с климатом России… Лечиться там нельзя: жара страшная, а ночью кусают комары.

Дуглас был так поглощен страхами перед русской инквизицией, что в гостинице «Под черным орлом» он даже не заметил одного человека. А этот человек был того же поля ягода, что и Дуглас. Только он был послан в Россию не от короля из Версаля — его направили шпионить из Варшавы… Два шпиона жили под одной крышей и прохлопали друг друга. Дальше началась комедия!

***

Когда Дуглас отъехал, он не знал, что «Под черным орлом» остались пить вино два истых француза.

Один из них плотно вошел в историю русской культуры, его имя неотделимо от имен Ломоносова и Леонарда Эйлера. Это был актер Чуди, который издавал в Петербурге альманах «Литературный хамелеон». Из Чуди он переделал себя в кавалеры Люсси Потом этот Чуди — Люсси переехал на даровые харчи в дом Шувалова, где самовольно произвел себя в графа Пютланжа. В те времена люди не стыдились называть себя, как им больше нравилось.

Выпив вина и наговорившись, Чуди — Люсси — Пютланж спросил соседа:

— А кто вы, мсье?.. Я про себя уже все рассказал вам! Собутыльником его оказался французский шпион.

— Клянитесь, — таинственно прошептал он, — во имя Франции и короля оказать мне услугу… Меня зовут Мейссонье де Валькруассан, и вы, надеюсь, не откажете мне в любезности донести до Парижа важные сведения… Вы же едете в Париж?

— О да! Меня там ждут дела… Я ведь когда-то был актером! Вы можете мне верить: я скорее стану гребцом на алжирской галере, нежели подведу такого патриота, как вы.

Чуди забрал у Валькруассана все его секретные бумаги и отправил их прямиком в Петербург — к своему покровителю Шувалову. После чего этот Чуди с чистой совестью ускакал в Париж, где его за прошлые «актерства» давно поджидала камера в Бастилии! В комедии осталось одно действующее лицо — Валькруассан.

Этого комедианта арестовали в Риге (тайком от канцлера Бестужева) и — за счет Шуваловых! — со всеми удобствами покатили в Россию, где его поджидала камера в Шлиссельбурге. Таким образом «патриоты» оказались каждый на том месте, какого они и заслуживали…

Валькруассан видел теперь из окошка крепости волны Ладожского озера, с ревом наступавшие на низкий берег, и седел от ужаса. В один из дней его спустили в подвал русской Бастилии. Громадный мужик с дерюжинкой на поясе раздувал мехи горнила, докрасна накаливая здоровенные клещи. А за столом сидел ласковый русский дедушка в паричке набок. Он любовно перебирал лежавшие перед ним ржавые клейма, щипцы

для вырывания ноздрей, плети-семихвостки.

— Не надо! — дико закричал Валькруассан. — Только не мучайте… Я все скажу вам! Милосердия, милосердия…

Дедушка погладил шпиона по головке, как родного сына:

— Что вы, сударь? Разве же я вам сделаю плохого? Это мы так.., балуемся. Ну-ну, не плачьте. Садитесь-ка вот сюда. Выберите перышко да отпишите нам все по порядку… Кто такой? Кто послал? Чего надобно в России?

Валькруассан отписал по порядку: секретарь французского резидента в Варшаве, графа Брольи, он прибыл с поручением следить за вооружением России; Версаль озабочен — каковы истинные намерения русского двора и каковы взгляды Елизаветы на сближение России с Францией…

— Ну вот и все, — сказал дедушка, снимая очки. — Премория ваш хоть куда! А вы, сударь, пугались… Это нехорошо: ведь французы — народ смелый… Яшка, — крикнул он палачу, — гаси поддувало да струмент пытошный сложи. И так обошлось…

Этот же Яшка, перестав быть палачом, сделался цирюльником. Валькруассана побрили, причесали и (опять-таки тайно от Бестужева) водою

доставили в Петербург — по Неве, под парусами. Оттуда — через сады — в дом Ивана Шувалова. Стол уже был накрыт, француза деликатно оставили одного, и Валькруассан впервые в жизни наелся русской икры. Вино тоже было преудивительное — только для француза!

— А сейчас, — с поклоном вошел лакей, — вам предстоит разговор с очень важной персоной…

К французу вышел сам фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов, но себя не назвал и повел осторожные речи:

— На один из вопросов, для выяснения которого вы и пытались пробраться в Россию, я вам отвечу без утайки… Да! Моя государыня огорчена разладом с Версалем, особливо тем нелестным тоном, в котором газеты Парижа отзываются на все происходящее в России… Не думайте, что если мы, русские, живем на отшибе Европы, то для нас безразлично, что говорят о России! Мы очень внимательно следим за иностранной печатью. И передайте тем, кто вас послал: сначала измените тон в печати, а потом добивайтесь дружбы с нами!

— Вы заслужите бессмертие, — воскликнул Валькруассан, — если подвигнете свою императрицу к союзу с моим королем!

— У нас хватает союзников, — брезгливо поморщился Шувалов. — И не нам, русским, искать их. Россия достаточно могущественна, ей не надо искать кого-то. От самой Франции зависит этот союз… Версалю нет дела до Польши! А тем более незачем подбивать султана турецкого на войну с нами… Можете передать это тем, кто вас послал!

Валькруассан прижал руку к сердцу, распетушился:

— Клянусь! Именем той прекрасной, которое не смею произнести, но которая изнывает по мне в Варшаве и которую зовут Ядвига Падревска… Клянусь! Я сейчас же брошусь в Париж, чтобы довести до моего короля столь важные признания.

Шувалов поиграл сверкающей табакеркой:

— Сейчас, сударь (и нюхнул табачку), вы не в Париж броситесь. А мы вернем вас обратно в крепость Шлиссельбурга, где вы и пробудете до тех пор, пока мы не разменяем вас, как шпиона…

— Разменяете?., как шпиона?., на кого?

— Мой просвещенный друг Чуди сидит в вашей Бастилии. Уже по этому вы, мсье Валькруассан, можете понять, как высоко я вас оценил…

Впоследствии два «патриота» были освобождены, и на полдороге (где-то между Парижем и Веной) коляски их встретились.

— О, вот и вы, кавалер Валькруассан! — обрадовался актер Чуди, он же Люсси и, наконец, граф Пютланж — последовательно.

— Ты не ошибся, скотина!

— Зачем же так грубо?.. Откуда вы, сударь? Но коляски уже разъехались.

***

Первое действие нашей книги подходит к концу. Остается сделать выводы… И французы и русские были заинтересованы в политическом и культурном сближении. Недоверие из-за прошлых событий мешало им сойтись окончательно. Но агенты уже работали в этом направлении. Работали тайно! Союза пока не вышло. Но союз назревал. Было еще неясно, в какие он формы выльется. И — самое главное — против кого он будет направлен?

Пруссия опасна для России. Но Версаль дружит с Сан-Суси.

Не будем гадать — что и как. Подождем. Время покажет.

КУДА ДЕЛСЯ ДЕ ЕОН?

Теперь читатель вправе спросить у меня:

— А куда же делся де Еон, который в женском платье, под именем Лии де Бомон, приехал в Петербург вместе с Дугласом? Столько автор наговорил нам о ее женских нарядах, о томике Монтескье и прочем... Где же он? Или, точнее, где же она?

На это я могу ответить читателю, что, много лет собирая материалы о де Еоне, я мучился тем же: куда он делся, проклятый? Где схоронил свои концы? В своих сомнениях я иду дальше и ставлю вопрос так: был ли он вообще тогда в Петербурге?

Да что я! Вот французский историк Мишо — он работал по самым свежим следам, сразу после смерти де Еона он взялся за его изучение, — и Мишо в бессилии отступил, вынужденный заявить во всеуслышание: «Незачем тратить бесплодные усилия на поднятие этой непроницаемой завесы...» Так ли это? Вот что может узнать читатель из газеты «Неделя» «Газета „Неделя“, 1966, j 42 (346) — статья В. Лишевского „Шпион короля,

фрейлина императрицы“.»:

«Елизавете представили француженку, и императрица была очарована красотой, скромностью и умом Лии де Бомон. В одни сутки (!) де Еон стал могущественной фавориткой царицы. Он был назначен фрейлиной (!), а вскоре

— чтицей к императрице… Лия де Бомон не только читала императрице книги, но и беседовала с ней, выясняя вкусы, склонности, желания. Убедившись в безопасности предстоящего шага, Лия де Бомон принесла в спальню царицы «Дух законов» Монтескье… В роскошном переплете было спрятано личное послание Людовика XV, приглашавшее царицу вступить с ним в секретную переписку…»

Если бы я не уважал читателя — я бы, наверное, так и писал, как изложено здесь, и моя книга от этого сразу бы стала интереснее. Но я слишком уважаю нашего грамотного читателя и не стану насыщать его душу подобной белибердой…

Вместо этого я предлагаю читателю заодно со мною попытаться разобраться во всем. Начнем с «могущественной фаворитки», какой будто бы стал де Еон в «одни сутки». Даже если бы де Еон потратил на это десять лет жизни, он все равно не стал бы фавориткой. В царствование Елизаветы

Петровны женщины никогда не играли при дворе никакой роли, ибо императрица чуждалась женского общества, предпочитая ему — мужское. У нее были только подруги, но фавориток не было!

Тем более не мог де Еон стать и фрейлиной. Русские девушки знатных фамилий избирались во фрейлины не по своим личным качествам, а лишь по боевым и гражданским заслугам их отцов и дедов (какие же заслуги перед Россией могли иметь предки нашего кавалера?). Никогда и нигде Лия де Бомон не значилась в придворных списках, — такой просто не существовало при дворе.

Возвращаемся к главному вопросу: был ли тогда де Еон в Петербурге вместе с Дугласом? Документы не дают ответа (хотя молчание в истории не может являться доказательством), и четко говорит об этом только один человек.

Этот человек сам де Еон.

— Да! — утверждал де Еон в своих мемуарах. — Да, я был тогда в Петербурге… Да! Я носил тогда женское платье, в котором мне, с помощью Воронцова, было легче проникнуть к подозрительной русской императрице…

Верить ли нам де Еону, читатель? Нет, этому трансформатору верить не следует. Он сам

умышленно так запутал свою жизнь, что, может, историк Мишо и прав, говоря: «Незачем тратить бесплодные усилия…» Правда, документы того времени очень глухо и невнятно упоминают, что возле Елизаветы Петровны в этот период действительно крутилась какая-то таинственная «француженка». Кто она была? Это могла быть модистка. Это могла быть дама для разнашивания новых туфель императрицы. Это могла быть и чтица романов. Но вряд ли это был де Еон.

Историки Франции, работая в архивах Парижа, поначалу дружно признавали проникновение де Еона к Елизавете. Но потом огулом стали отрицать этот факт (опять-таки не вылезая из архивов Парижа). Где же правда, читатель? Кажется, мы дошли до того момента, что надо занавесить окна, погасить свет, положить пальцы на блюдечко и взывать к духу нашего авантюриста:

— Кавалер де Еон, восстаньте из праха, черт вас побери! Отвечайте по чести: куда вы делись?..

Но прах де Еона давно развеян по ветру, и над местом его могилы теперь с грохотом и воем пролетают электрички Средке-Британской Великой железной дороги… Оставим этот вопрос. Как бы то ни было, для пас важно другое: де Бон вскоре появился в России, и это подтверждено

историей.

«Второй раз я прибыл в Петербург, — говорит о себе де Еон, — в качестве секретаря дипломатической миссии и.., как родной брат девицы Лии де Бомон!» В это легко поверить, ибо брат всегда похож на свою сестру.

Пусть будет так. Поверим на слово покойнику.

Хотя…

— Аминь — король — Бастилия! — это ведь тоже не пустые слова.

Опустим занавес. Антракт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. ПРИСТУПЫ ЗАНАВЕС

Далеко за океаном, на берегах реки Святого Лаврентия, солдаты в синих штанах подрались с солдатами, у которых штаны были красного цвета.

Колониальная война между Англией и Францией, зародившись в Новом Свете, быстро приближалась к Старому Свету.

Россия брала деньги от Англии, но при этом сражаться за Англию не желала, устремляя армию против «захватчивой» Пруссии.

Фридрих II в свою очередь жаждал получить субсидии из Лондона, чтобы с помощью британского золота оторвать от германских земель кусок земли пожирнее для своей Пруссии.

Австрия тоже не гнушалась подачками от Англии, чтобы вернуть для себя княжество Силезии, отвоеванное у нее Фридрихом.

Франция не могла побить Англию на островах, но готовилась отомстить ей в Европе, заняв Ганноверское курфюршество, с престола которого курфюрсты пересели на королевский трон

Британии.

Тогда англичане, заключив договор с Фридрихом, купили прусскую армию против Франции, чтобы Людовику, скованному войной в Европе, было уже не до заокеанской войны в колониях.

Франция, в панике от черной измены своего «старого друга Фрица», вынуждена была броситься в заранее распахнутые объятия своего «старого врага» Австрии…

Именно с такой логикой вызревала война, которая уже нависла над народами Европы; все ждали, что скажет Россия — единственная страна, способная противостоять железным колоннам дисциплинированной Пруссии.

Стрелки дипломатических компасов твердо показывали на Петербург, — на берегах Невы тепло и гулко билось обнаженное сердце европейской политики.

Это было тревожное время, и молодая, быстро растущая Россия любила ходить в военном мундире.

Отец Радищева служил солдатом в Преображенском полку.

Дед поэта Пушкина тянул лямку армейского капитана.

А прадед Льва Толстого стройным гвардейцем

шел к венцу с княжною Щетининой и был упоен любовью.

Суворов только что получил первый чин офицера, читал по вечерам Плутарха и писал очень плохие стихи, мечтая о славе поэта.

Он еще не знал, что иная слава ждет его впереди, как не знала того и сама Россия. Большая и неуютная, она лежала в замети мерзлых снегов, и лишь изредка мелькали во тьме тусклые огни редких деревень.

Жгли лучину, и матери баюкали детей — наших пращуров, читатель!

И близилась война, получившая название Семилетней.

Мир затаился и притих в ожидании первого выстрела...

Курки уже взведены, и — кто будет тот смельчак, который отважится выстрелить первым?

ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА В преддверии грозных событий Фридрих не забывал об украшении Сан-Суси. В бедном платье сейчас он плыл по каналам Голландии, по дешевой цене скупая картины старых мастеров (кто заломит втридорога с бедного человека, трясущегося над каждым талером?). В таверне Амстердама, которая славилась своими паштетами, трактирщица сказала королю:

— Еще чего захотел! Паштет тебе? Да где ты, бродяга, возьмешь гульден, чтобы расплатиться со мной по-божески?

— Так и быть, я сыграю тебе, — вздохнул король и, достав флейту, заиграл… Он играл долго, прикрыв глаза, не замечая трактирного шума, пока женщина не придвинула ему тарелку с паштетом, пока рядом с ним не уселся восторженный незнакомец:

— О как вы вдохновенны, сударь!

Король спрятал флейту и взялся за кривую вилку.

— Что делать, — отвечал он. — Нужда всегда порождает во мне острые приступы вдохновения…

Они беседовали недолго, но интересно. И незнакомец по имени Анри де Катт (уроженец швейцарских кантонов) оказался на редкость умным и живым собеседником. В разговоре с ним король не раскрыл своего титула, а на прощание сказал:

— Ты напиши мне, сынок.., в Бреславль! Может, я тебе пригожусь…

Они встретились в Бреславле, и де Катта ввели в покои его величества

— короля прусского. Фридрих издали протянул ему руку:

— Узнаешь ли ты старого бедного флейтиста? Не хочешь ли, сынок, и ты подуть в мою удивительную флейту?

— Но моя вера.., но мое подданство…

— Все это — чепуха для одурачивания людей! — рассмеялся король. — Что родина? Что религия? Это ложь. Человеку хорошо только там, где ему хорошо… Скажи по чести: место секретаря при моей особе тебя устроит?

— Недостоин, ваше величество!

— Достоин тот, кто удостоен моего внимания… Они прибыли в Сан-Суси, король свел де Катта по террасам в Нижний сад, где посреди зеленой лужайки, на постаменте из белого каррарского мрамора возлежала прекрасная юная богиня.

— Изображение Флоры украшает вид Сан-Суси, — заметил де Катт.

Фридрих ударил тростью по мрамору постамента:

— Разве ты не видишь, что богиня возлежит на.., саркофаге?

Действительно, под Флорою уходил в землю могильный камень.

— А еще ниже, — произнес король, — мною вырыт склеп. Наивной прелестью укрыл я свое мрачное прибежище. Там-то я высплюсь за всю

свою бессонную жизнь. Помни, де Катт: король всегда готов к войне, а значит, он готов и к смерти…

Де Катт остался при Фридрихе на двадцать лет. Он прошел с королем все громы битв и оставил нам в своих записках короля Пруссии живым, дерзким, афористичным, то страдающим, то ликующим. Благодаря де Катту мы знаем каждый шаг короля.

***

Сейчас король нюхал табак, стучал перстнем по картам Европы и беспокойно озирался: где суть? Переговоры с Лондоном велись успешно, но.., не хотелось бы ссориться и с Людовиком! Исподтишка, через потаенные каналы дипломатии, Фридрих с цинизмом небывалым предложил Версалю двинуть свои войска и взять у англичан Ганновер… «То-то будет потеха!» — смеялся король.

Но Версаль на это ответил ему — через своего посла:

— Король Франции советует вам как другу, чтобы вы сами захватили Ганновер, и тем вы еще более укрепите дружбу Потсдама с Версалем…

Париж еще не знал, что Берлин вот-вот заполу-

чит субсидии от Англии, и Фридрих, как хороший актер, вдруг разыграл перед послом Франции приступ бешеной ярости:

— Как вы можете давать мне такие советы? Вы разве забыли? Да у меня русские легионы сидят на шее в Курляндии! Вы, французы, просто счастливчики, ибо не можете знать того страха, который я должен постоянно испытывать перед Россией…

И час пробил: в январе 1756 года Лондон заключил с Пруссией «Вестминстерский» договор — тоже субсидный (очень похожий на тот, который Вильяме, с помощью Бестужева, вырвал у Елизаветы).

— Великолепно, — обрадовался Фридрих, — теперь Россия нам не опасна, а на войну, как и на свадьбу, ходить с пустым кошельком никому не советую…

Но прискакал в Сан-Суси, совсем некстати, запыхавшийся герцог Нивернуа — посланцем лично от Людовика XV.

— Франция вам так верила, как, может, не верила самой себе! Что вы сделали? — ужасался Нивернуа. — Версаль и король в отчаянии от вашей черной измены.

— Измены? О нет! — сразу отперся Фридрих. —

Этим договором я оказал только услугу Версалю. Отныне вы можете спокойно заниматься вашей излюбленной «тресковой войной» возле Ньюфаундленда с британскими корсарами. А я беру на себя вашего врага Австрию и... Улыбнитесь же, герцог! Сейчас я вас обрадую. Тех русских, что сидят на моей шее, я тоже беру на себя. Версаль, таким образом, может с головой залезть в польские распри — русским станет не до поляков!

— Но Англия, Англия... — страдал Нивернуа. — Как вы могли? Ведь британцы уже залезли в нашу Канаду! Фридрих раскатал перед герцогом карты:

— Я все продумал. Продумал за вас! Франции лучше всего высадить свою армию на берега Шотландии. Смотрите, герцог... Я все продумал. Все, чтобы обессмертить имя Франции в веках высадкой десантов на острова Королевства!

Так говорил человек, только вчера заключивший договор о дружбе с Англией, — недаром же Гитлер почитал Фридриха великим и безгрешным, почти святым королем.

***

Мнимое «равновесие» Европы пошатнулось. Пруссия невольно становилась врагом Франции.

Теперь Елизавете Петровне осталось ратифицировать договор о союзе с Англией, и тогда русские невольно оказались бы в союзе с Пруссией. Но в России вели себя так, будто ничего не ведали. Они и на самом деле ничего не ведали: до Санкт-Петербурга еще не доскакали курьеры с новостью. Ратификации договора по-прежнему томились на столе Елизаветы, и она, как всегда, оттягивала их подписание:

— Ой, да погодите… Не быть ли мне зазря битой? Вильяме в гневе депешировал в Лондон: «Ратификации шестую неделю лежат неподписанные на столе императрицы». А потому, когда канцлер при встрече с Вильямсом спросил как бы невзначай: «Ежели Фридрих нападать на нас станет, какую помощь окажет нам Англия?» — то, в ответ на это, Вильяме ответил вопросом:

— А ваша императрица ратифицировала конвенцию?

— Пока нет.

— Тогда и разговор о помощи со стороны его величества, короля моего, откладывается…

Бестужев-Рюмин понял: коготок вязнет — всей птичке пропасть. Ведь деньги-то у англичан он уже взял. И крышу во дворце своем настелил новую. И стекла зеркальные из Брюсселя вывез

морем… Теперь самому платить надобно. Платить — делом!

Выбрав момент, когда Елизавета хворала, канцлер нагрянул к ней с жалобами:

— Великая осударыня! Опять ковы чувствую, опять недруги сожрать меня силятся… Доколе же терпеть мне, немощному?

— О чем ты, Петрович?

— Да как же, матушка! Вот возьмут англичане конвенцию сию и вернут ее нам, как вексель на протестацию. И король оскорбится… А мне сего не снести позора!

Елизавета махом ратифицировала договор с Англией.

— Забирай, — сказала она, спихнув со стола бумаги. — Но, ежели хоть один волос падет с головы русской за интересантство аглицкое, то знай, канцлер: и твоей башке на плечах не висеть!

И вот тут до Петербурга дошло известие о том, что Пруссия уже состряпала такой же договор с Англией… Получалось нечто ужасное: Россия должна отныне в ряду с пруссаками проливать кровь за интересы, которые не только солдатам, но и самой Елизавете Петровне не всегда понятны.

И грянул гром, но какой гром! Отзвуки его,

словно круги по воде, докатились до самых плюгавых дворов Европы, куда не заглядывали даже шарлатаны, лечащие горбы способом «удара об воздух»... Императрица всегда была простой барыней, и гнев ее на великого канцлера мало отличался от гнева помещицы на своего лакея.

— Душегуб, ирод проклятый!.. — кричала она ему. — То-то, я примечаю, ты у причастия святого редко бывал. За сколько же ты продал меня, антихрист? Ведь я и конвенцию-то эту подписала для той единой нужды, чтобы Фридриха от Курляндии отринуть! А теперь — что? Ты его мне в дружки подсунул?

Бестужев и сам не гадал, куда заведет Россию его твердая, но потерявшая гибкость «система», перенятая им от недоброй памяти Остермана. На ослабших ногах канцлер кинулся к Вильямсу; между ними повторилась сцена, очень близкая той, которая была разыграна в Сан-Суси между Фридрихом и герцогом Нивернуа...

— Императрица в отчаянии от вашей измены, — заявил канцлер.

— Измены? — отрекся Вильяме. — Нет! Наш договор с королем прусским может показаться обидным только королю Франции. Мне, господин канцлер, непонятны ваши намеки... Я знаю вас

и знаю, что вы сами никогда не желали дружбы с Францией! Так чего же вы сейчас бросаетесь упреками в измене?

Вся «система» жизни Бестужева катилась сейчас в пропасть, и канцлер прищемил Вильямса в кресле тяжелым взглядом.

— А пенсион для меня.., когда? — спросил он, задыхаясь.

Вильяме с трудом скрыл злорадную усмешку:

— Простите, за что же вам платить в этом случае?

— За позор мой! — ответил великий канцлер... Вскоре Елизавета, поуспокоившись, потребовала Бестужева к себе и вручила ему бумагу для передачи в руки Вильямса.

— Отныне резон наш таков, — заявила она. — Бить Фридриха мы будем, невзирая на все договоры с Англией. Но что касаемо кляуз лондонских, то король Англии жеваной фиги от меня не получит. Не дам ему солдат, да и только! Русский солдат для нужд российских нужен... И денег чужих за него не возьму!

Бестужева зашатало, и — недаром: сейчас он держал в руках «Секретную декларацию Елизаветы» (именно под таким названием она вошла в историю дипломатии народов). Это была всего

лишь одна добавочная статья к договору о союзе с Англией. Но договор мог иметь законную силу лишь в том случае, если король Пруссии нападет на Королевство английское, что уже само по себе исключалось.

— Матушка! — взвыл канцлер.

— Что, батюшка? — ехидно спросила Елизавета.

— Без ножа ты меня режешь!

— Не я, милый. Не я тебя режу… Таково коллегия решила! Не все ты един — есть еще глас коллегиальный, глас божий.

— Как же я такое Вильямсу отдам? С какими глазами?

— С твоими-то глазами только и отдавать такое… Неси! Делать нечего. Бестужев в одиночестве выхлебал графин вина и объявил потом Вильямсу:

— Государыня наша, кроткия сердцем Лисавет Петровны, в глубокоразумии своем, высочайше указать соизволили…

И — после вступления — огорошил его «Декларацией». Вильямса, уж на что был крепкий британец, чуть удар не хватил. Что было сил отпихивался от дополнений к прежнему договору.

— Что скажет король? — кричал посол на

канцлера. — За все услуги его, оказанные вам неоднократно, могли бы, кажется, и лучше озаботиться об интересах Англии в России!

— Никто не виноват, — отвечал Бестужев, — что Ванька Шувалов, а не я, спит с государыней. «Декларация» суть происхождения чисто альковного, и клянусь вам честью: мои руки чисты!

— Так сломайте этому Шувалову шею, — посоветовал Вильяме.

— Ему я шею свернул бы! А что с коллегией делать?.. Кончился скандал тем, что Вильяме все-таки забрал документ, который уничтожал прежнее соглашение. Посол просто испугался, как бы ему, упорствуя, не разорвать вообще связь Лондона с Петербургом…

А старый канцлер империи вскоре стал играть черную роль продажного предателя. Бестужев перестал думать о России.

— О себе, о себе надо подумать, — говорил он.

***

Бестужев боялся, что враги станут наговаривать на него тайно, и думал: «Как вызвать врагов из тени на яркий свет? В открытую-то, — казалось канцлеру, — я их всех поодиночке расколошмачу…» И он предложил Елизавете избрать при

дворе Конференцию из людей, которые бы «наипаче ея высочайшую доверенность к себе имели». Этим канцлер вызывал огонь на себя, чтобы, рискуя, определить, где расставлены против него батареи.

Конференция собралась: два брата Бестужевы-Рюмины, вице-канцлер Воронцов, Трубецкой, Бутурлин, Голицын, Апраксин, братья Шуваловы и великий князь Петр Федорович. Но первое же совещание обернулось палкой о двух концах, и один конец ее хлобыстнул прямо по канцлеру. Все члены Конференции как с цепи сорвались: так и кидались на канцлера, так и грызли его... Елизавета же, пока вельможи там насмерть бились, сидела — помалкивала.

— Коли мы деньги берем от Англии, — оправдывал себя Бестужев, — то уж, вестимо, Англия вправе и войска наши посылать туда, куда ей надобно. А без субсидий ейных — что мы, господа высокая Конференция? И посрамления чести русской не вижу в том.

— С каким лицом деньги брать? — спросил его Шувалов.

— Деньги будем брать, имея лицо индифферентное, как будто и без этих денег прожить можем.

Встал от стола граф Петр Шувалов, всей русской

артиллерии генерал-фельдцейхмейстер, и отвечал канцлеру так:

— Народ есть главная сила в государстве, и тратить ее следует с разумной умеренностью… Мы, слава богу, не курфюрсты немецкие, кои своих мужиков на сторону продают и за калечение их денежную выгоду имеют. Это при Остермане такие подлые порядки на Руси завелись! Дохнул наш солдат на Рейне-реке, у черта на рогах, а.., за што? За конжурации «Конжурации — комбинации.» венские!

После Шувалова вскочил родной брат канцлера — Ми-хайла Петрович Бестужев-Рюмин и прокричал в неугасимой лютости:

— Англо-русский альянс похерен сам по себе альянсом Пруссии с Англией, и канцлеру столь великой державы, какова есть Земля Русская, не пристало в деньгах унижаться… И ты, братец, сердечней был бы в политике, коли не имел бы личной выгоды!

Отомстил. Брат брату — отомстил. И тут.., раздался сухой треск пергамента. И тут.., закружились, оседая, клочья рваных бумаг. Это Елизавета, ни слова не сказав, уничтожила конвенцию.

Она ее просто порвала на куски. И разбросала эти куски.

— Бог видит, — сказала она со слезами, — что я невиновна. Я порвала только бумагу, но король аглицкий порвал нашу дружбу. Денег из одного кошелька с Пруссией — не брать! И войне с Фридрихом — быть: готовьтесь, люди!..

Только один Михаил Воронцов малость помялся при этом.

— Позволяет ли состояние империи нашей эдакую трату людей и денег? — вопросил он у Конференции осторожно.

Но на эти слова робкого вице-канцлера даже не обратили внимания. Конференция была едина в мнении: Пруссию вернуть в ее старые границы, отбросить армии Фридриха от рубежей, чтобы король не зарился на русскую Прибалтику, а Польшу просить, дабы пропустила через земли свои войска русские на просторы Европы, где Фридриха они бить станут...

Вопрос о войне России с Пруссией был решен коллегиально.

***

Курьер британского посольства, спешивший из Петербурга в Лондон, всегда имел привычку задерживаться в Берлине. Совсем ненадолго, — пока сэр Митчелл (посол английский при Фри-

дрихе) успевал снять копии с депеш Вильямса, чтобы тут же отвезти их в Потсдам — лично в руки королю Пруссии…

Так было и на этот раз.

Фридрих прочел «Секретную декларацию Елизаветы» в скорбном молчании, но спокойно. И так же невозмутимо заметил Митчеллу:

— Россия, еще не начав воевать, уже начала одерживать победы.., хотя бы перьями!

— Я вас не понял, сир, — поклонился ему Митчелл. Король искоса глянул на дипломата:

— Бросьте, Митчелл! Вы меня хорошо поняли… Посол склонился еще ниже и промолчал, пряча лицо.

— Эта декларация России, — продолжил Фридрих, — делает ваш договор с русскими совсем бесплодным. Вы напрасно старались, заключая его! Но декларация ставит под смертельный удар и мой договор с вами. Выходит, я тоже напрасно старался, заключая его с вами… Может, скажете, что опять не поняли? Тогда мне пришлют в Берлин другого посла, который окажется понятливее вас.

Митчелл пытался возражать, но король остановил его:

— Я не рассчитывал на дружбу с Россией, но

теперь она не желает оставаться даже нейтральной. Она очень активна, эта страна! Я отсюда слышу скрип перьев, но скоро зазвенят шпаги! Вы, англичане, как всегда, укроетесь на острове, а все колотушки достанутся мне одному…

— Ваше величество, — сказал Митчелл, — в Лондоне желают отозвать из Петербурга сэра Вильямса, как неугодного более двору Елизаветы. Он не сумел предупредить события!

— Вильямса, — ответил король, — можно было бы убрать из России, если б Англия имела в запасе дипломата лучшего, чем он… Но пока Вильяме остается лучшим дипломатом вашего королевства, отзыв его нежелателен. Удаление его было бы несчастием для «молодого двора» в Ораниенбауме, который питается исключительно его добрыми советами…

Ораниенбаумское семейство издавна занимало воображение короля: помощь ему надобно ждать именно оттуда — из Ораниенбаума.

И великий князь Петр, и великая княгиня Екатерина были его родственниками… Фридрих знал, как его боготворит Петр!

Короля навестил друг детства Финк фон Финкенштейн:

— Фриц, что ты скажешь теперь? Не я ли пред-

рекал тебе одиночество? Ты приобрел много денег, но зато растерял союзников. Кто поможет тебе в твоих будущих битвах?

— В том колоссальном предприятии, какое я задумал, деньги будут нужнее друзей, — ответил Фридрих. — Пророк все-таки я, а не ты… Я распланировал свою игру до мелочей. Но не мог же я предвидеть вот эту пакость!

И он перебросил другу копию с «Секретной декларации».

Итак, Россия не дала себя обмануть, — в самый последний момент она ужом вывернулась из дурацкого положения. А что приобрел он, король Пруссии? Теперь следует ждать удара. Оттуда — из-за лесов Ливонии, из туманных болот Жмуди, и — прямо в сердце бранденбургских королей — по любимой и верной Пруссии.

По Кенигсбергу!

— Мы предупредим удар, — сказал король. — Кто нападет первым, тот наполовину уже выиграет… Печалиться рано.

Фридрих поспешно собирал свои армии, прямо указывая солдатам, против кого он их готовит, и потсдамские гренадеры распевали:

Когда придет великий Фриц И хлопнет лишь по пузу — В кусты от пушек побегут Русаки и

французы…

…Читатель, не узнаешь ли ты в этой песне прародительские мотивы мюнхенского Хорста Весселя?

НАЧАЛО СОЮЗА

Елизавета, которая так и умерла, не слишком-то доверяя картам, где королевство Англии рисовалось в окружении воды, — вряд ли она понимала все величие своего времени.

Но она была «дщерь Петрова», и это во многом определяло ее поступки. Елизавета зачастую двигалась на ощупь — зато хорошо осязала предметы.

Историки дружно изругали ее за гардероб из 45000 платьев, однако не забыли отметить и устойчивый патриотизм этой сумбурной натуры.

Конференция при русском дворе работала, и отныне голос Елизаветы, весьма авторитетный в Европе, был лишь эхом коллегиальных решений. И надо сказать, что последние годы ее жизни этот голос звучал сильно и верно.

***

С глазу на глаз императрица дала секретную аудиенцию венскому послу графу Эстергази: Россия согласна представить Вене проект насту-

пательного союза, и (будет Франция выступать заодно с ними или не будет — безразлично)…

— А я хочу начать войну в этом году, — заявила Елизавета.

— Вы понимаете, — отвечал Эстергази, — все страдания моей императрицы: она каждый день плачет, вспоминая о Силезии, которую у нее отняли пруссаки. Мария Терезия плачет не одна — вместе с нею рыдает и супруг ее, который, как император всегерманский, с горечью наблюдает за Пруссией, желающей возыметь первенство над всеми германскими княжествами…

Елизавета заговорила, что союза Вены с Петербургом мало; необходимо притянуть на свою сторону Версаль, надо сделать этот союз тройственным и страшным для «безбожника Фридриха».

— Подозреваю, — толковала Елизавета, — что король и в церкви-то, кажись, не бывал ни разу! Фрицы берлинские новомодники в политике стали: чуть что понравится у соседа — берут силой, а сила в политике хороша лишь тогда, когда ты прав. Россия такую правду имеет: нам не бывать спокойными, пока не перельем бурду прусскую в мехи старые, где она и пусть себе киснет…

Вскоре Австрия с Францией заключили Вер-

сальский договор, и Великобритания тут же объявила войну Версалю (впрочем, эта война уже тянулась давно, сейчас ее закрепили на бумаге). Россия же спешно стягивала войска в Ливонии. Перекинув за плечи сапоги, шагали по весенним проталинам солдаты; прыгали по ухабам кареты с генералами; дремно выступали из дубров верблюды астраханские, волоча за собой по песку и кочкам «секретные гаубицы» — творение хитроумного Петра Шувалова.

Любимых ею гренадер Елизавета сама провожала в поход. В высоких ботфортах, при офицерском шарфе, в штанах и в треуголке с пышным плюмажем, императрица стояла у бочек с вином. От легкого утренника зарделись ее щеки

— крепкие, как у деревенской молодухи. Гренадеры подходили к бочке по очереди. Тут она ковшик винца зачерпнет и руку протянет на закуску.

Солдат вино выпьет и уколет ей руку усами, целуя:

— Ну, уважила, Лисавет Петровны! Краса ты наша писаная…

К полудню от колючих поцелуев рука распухла, императрица уже нетвердо на ногах держалась. Все черпала да черпала из бочек, пока спьяна не

утопила ковшик: увели ее, спать уложили.

Шведский граф Горн спрашивал у Елизаветы при свидании:

— Стокгольм обеспокоен: противу кого собираете войска?

— Исполните обязанность свою, — отвечала Елизавета, — и успокойте двор своего короля: никаких видов на Швецию мы не имеем. Нам другие сверчки в уши верещат — не ваши сверчки!

Горн поспешил успокоить своего короля и взволновал прусского (тайным шпионом которого он состоял). Фридрих окончательно убедился, что русские медведи вылезают из своей заснеженной берлоги.

В это смутное при дворе время, посрамленный и жалкий, Бестужев доверялся лишь одному Вильямсу.

— Какое несчастье для России, — говорил он, — что фаворитом у нас Шувалов: любит парижские моды, читает Вольтера и философствует с Ломоносовым о стеклах и звездах… Тьфу их, умников этих! То ли дело был свинопас Разумовский: бочку целую выдует, спать ляжет и ни во что не мешался.

В пику канцлеру началось быстрое возвышение Михаила Воронцова. Без стука вхожий к

императрице, этот человек сделал «карьер» в два спохвата: женитьбой на буйной алкоголичке Анне Скавронской (что доводилась Елизавете сестрой двоюродной) и еще тем, что в памятную ночь переворота 1741 года, когда сшибали с престола малолетнего царя Иоанна Антоновича, Воронцов стоял на запятках саней дочери Петра…

В один из дней — весенний, ростепельный — на пороге кабинета Воронцова появился человек. Знакомый. Где-то вице-канцлер его уже видел. Тогда он был одет скромно, а сейчас — о боже! — каким франтом стал.

— Простите, сударь, я запамятовал ваше имя.

— Дуглас, — поклонился незнакомец с ухмылкой. Времена изменились, и Воронцов встретил его, как долгожданного друга. Не знал, куда и посадить Дугласа.

— Итак, дорогой библиотекарь, — спросил любезно, — какие издания в Париже вышли за последнее время? Дуглас, торжествуя, извлек письмо.

— Лично от короля! — возвестил он.

Воронцов протянул руку, но Дуглас письма ему не дал.

— Лично императрице! — сказал он. Вице-канц-

лер с опаской глянул на двери:

— Вы неосторожны. Я не могу поручиться, что нас не слышали слуги… Впрочем, — спросил он, — под каким соусом прикажете мне подать вас к столу императрицы?

— Хотя бы как путешественника.

— Государыня наша вояжиров не жалует. Это неудобно. А чтобы представиться ко двору, надобно иметь чин!

Чина тоже не оказалось, и Дуглас увидел, что Россия вдруг быстрее, чем он мог ожидать, стала снова уплывать от Франции.

— Ради высоких целей мира в Европе, — совсем увял Дуглас, — я согласен признать себя даже курьером из Версаля.

— Курьер не пройдет дальше лакейской… Ах, какая досада! — искренне огорчился Воронцов. — Все было бы так хорошо, и.., нет чина! Извините, сударь. Вы будете моим дорогим гостем. Я весь к вашим услугам. Велите только — и любимую дочь подам с трюфелями. Но без чина, посудите сами, как же я введу вас в покои ее величества, помазанницы божией?

Дуглас размахнулся и шлепнул письмо короля на стол.

— Будьте уж тогда курьером.., вы! — вздохнул

иезуит.

***

Воронцов передал письмо Елизавете со словами:

— Этого мы ждали много лет…

Пальцы императрицы вздрагивали, когда она разворачивала послание короля Франции. Восемь лет две страны, духовно связанные музыкой, литературой, театром, живописью, модами, — не имели связи в политике… Разве это мыслимо? Она много слышала о Людовике дурного (впрочем, Людовик слышал о ней не менее), но в юности Елизавета считалась его нареченной невестой. И кто знает? — быть бы дочери Петра королевой Франции, никогда не покушала бы пирогов с визигой, жирных кулебяк да расстегаев, не поморщилась бы с похмелья от чухонской клюковки.

«Так и бог уж с ней — с этой Францией!..» Людовик начинал письмо круто: гнать и гнать императрице от себя Бестужева — вот первое, что бросилось в глаза Елизавете. А потом ласковости о ней, заботы о здоровье и прямые слова, что пора обменяться посольствами.

С поспешностью, поразительной для этой

лентяйки, Елизавета отвечала королю в том же дружеском духе; она сулила Людовику «постоянную и искреннюю дружбу» между Россией и Францией. Но про Бестужева — ни слова.

— Сор из избы русской нечего по чужим дворам таскать… Михаила Ларионыч, — велела она Воронцову, — поищи человека, в обхождениях привычного, чтобы его в Париж отправить. Худого не надо, а хорошего тоже не пошлем. Ищи с таким чином, что и Дуглас, — ни рыба ни мясо. Но Бестужеву о том — ни гугу! Человек сей отклеился от меня, словно пластырь паршивый…

Но Бестужев не желал сдаваться. Канцлер он или не канцлер?

— В самом деле, — утверждал он повсюду, — что волками-то на меня смотрите? Коли затеяли поход на Фридриха, так не я ли был врагом Пруссии все эти годы? Лондон подгадил малость, но торговля да старые долги не разорвут союз России с Англией. Вот Франция только…

Он люто ненавидел Францию, как извечную соперницу любимой им Англии. Но был бессилен что-либо поделать, ибо Елизавета начала любезности с Людовиком за его спиной. Людовик секретничал от своих министров, а Елизавета, как черт от ладана, пряталась от своего канцлера.

О век осьмнадцатый, торжественный и темный, когда политика самым верным ключам предпочитала воровские отмычки!..

***

Нужного для посылки в Париж человека Воронцов отыскал в своем же доме. Каждому ленинградцу знаком этот дом на Садовой, — мрачный и приглушенный, стоит он в глубине сада, за высокой решеткой, а напротив протянулись магазины шумного Гостиного двора. Это здание бывшего Пажеского корпуса, а в описываемое нами время — фамильный замок-дворец графов Воронцовых…

В одном из залов этого дворца учитель Бехтеев давал урок российской грамматики двум девочкам-подросткам. Двоюродные одногодки, они сидели напротив скромного учителя в креслах, обтянутых фиолетовым лионским бархатом. Одна из них (уже тогда с задатками неземной красоты) стала позже графиней Строгановой и была отравлена ядом в трагической любовной истории. А другую читатели хорошо знают… Вертлявая и кислая девочка с раздутыми, как яблоки, щеками, она стала впоследствии (под именем княгини Дашковой) известна всему миру — как

президент Российской Академии наук, первая в мире женщина, занимавшая такой высокий и «не женский» пост…

Бехтеев читал девочкам сказку про Ерша Ершовича, когда в детскую вошел вице-канцлер и сказал по-французски с прононсом:

— Сударь, мне хотелось бы поговорить с вами… Учитель не растаял перед вельможей, как масло на солнцепеке:

— Ваше сиятельство, здесь идет урок великого языка, сиречь российского! Не пренебрегайте же им.

— Извини, друг мой, — перешел Воронцов на русский. — Но ты и впрямь нужен мне… Скажи: не манит ли тебя миссия в Париж, где твой ум и эрудитство весьма были бы пригодны? — Ив кратких словах он дал понять, какова будет эта миссия.

Бехтеев ответа не дал, — должен обдумать.

Поздно вечером, когда вице-канцлер уединился для сна отдельно от жены (снова запой), Бехтеев нагрянул к нему в покои.

Согласный ехать в Париж, он развернул лист бумаги:

— Я все измыслил, ваше сиятельство, а о чем мыслил — тому следуют пункты… Первое, — про-

возгласил Бехтеев. — Ежели в Париже потребуют от меня рукописно, то с чем я прислан?

— А мы сочиним мемориал на имя министра Франции Рулье.

— Пункт вторый, — внятно читал Бехтеев. — Употреблять ли мне о своей персоне термины, како: прислан я от ея императорского величества Елисаветы кроткия или же токмо от вашего сиятельства в Париж направлен?

Воронцов подумал, что посоветовать. Усмехнулся:

— А ты, Федор Дмитрич, схитри: будто бы от меня прислан, а ежели вникнуть, то будто и матушка тебя послала… Внял?

— Внял, — кивнул Бехтеев. — Статья далее: каким образом отвечать мне о том трактате, коим вавилонски связала себя Англия с Фридрихом? Дураком, што ли, прикинуться? Или же выказать Версалю все презрение свое, россиянина достойное?

— В этом случае так держись… — поучал его Воронцов. — Мол, трактат сей немалое шумство у нас вызвал, и с Лондоном изъяснения еще чинятся. И плечом эдак пожми, будто удивлен!

— И еще пункт, — ровно читал Бехтеев. — Каково мне держать персону свою, ежели версальцы

меня станут пытать об аглицких субсидиях?.. Как тут мне быть?

Вопрос был сложный, и Воронцов не сразу нашелся.

— Тут хитроумным Вольтером будь. Отвечай по всей тонкости философской. Мол, затем и отпихнулись от денег лондонских, потому как теперь от Франции брать желали бы! Но, смотри, — погрозил Воронцов Бехтееву, — о денежном предмете возвещай деликатно, ибо французы — не англичане, и в долг дают всегда с потугами, будто ежа против шерсти рожают.

— Все ясно, а лишних бумаг в дорогу не надобно! И тут же, над пламенем свечи, Бехтеев испепелил свои «секретные пункты». Легкий на подъем, он поскакал в Париж, дабы занять там положение, примерно равное тому, в каком находился Дуглас в Петербурге… «Без чина»!

***

Вот что достойно удивления: две великие страны накануне большой войны сходились для союза с помощью двух.., гувернеров. Два никому не известных учителя (совсем не дипломаты!) протягивали первую ниточку дружбы между судьбами Франции и России. Именно благодаря

им, этим гувернерам, впервые за всю мировую историю Россия и Франция должны были сражаться в одном лагере.

СУЕТА СУЕТ

Лондон отнесся к «Декларации Елизаветы» с высокомерием бесподобным; этот важный документ был возвращен обратно с такими словами: «Коли договор единожды уже ратифицирован императрицей, то он не нуждается в довесках дополнительных соображений...» Елизавета обозлилась, стряхнула лень. Сидела на всех Конференциях, больше слушая; читала все, написанное мелким и крупным шрифтом. Она воодушевилась! На протоколах все чаще появлялась ее резолюция: «Быть по сему», — и, таким образом. Конференция обретала законодательные права, как и сенат.

Императрицу подстегивало и чисто женское уязвленное самолюбие: этот наглый «затворник из Сан-Суси» сочинял на нее неприличные эпиграммы, в которых и последнего фаворита Шувалова не пощадил. Елизавета не знала, что эти пасквили на нее сочинял саксонский канцлер Брюль, выдавая их за Фридриховы; сам же Фридрих писал эпиграммы только на маркизу Помпадур и даже не скрывал своего авторства...

Совсем неожиданно в Конференции раздался протест против войны. Великий князь Петр Федорович, всегда готовый угодить Фридриху, стал ратовать против союза с Францией; державная тетка резко осадила его на полуслове:

— Сядь и не болтай, чадушко! Все вершится, как божьей воле угодно, и тебе ли перечить нам в делах столь важных.

— А тогда, — ответил племянник, кривя губы, обезображенные оспой, — мне здесь нечего делать... Я могу и уйти!

— Окажи милость, — сказала Елизавета. — Освободи нас...

В злости балбес примчался в Ораниенбаум и тут же в письме к Фридриху изложил все планы России и все свои обиды на тетку. Явная подготовка России к войне вызвала панику даже не в Сан-Суси — нет, в ужас пришла союзная Вена.

Граф Эстергази был растерян: он никак не ожидал от русских такого воинственного пыла. Рвение России как можно скорее разделаться с Фридрихом совсем не входило в расчеты австрийской дипломатии. Сначала, еще до боевых действий, Мария Терезия желала поспекулировать между Петербургом и Версалем, дабы обогатить венскую казну, а потом уже воевать. А

пока Эстергази должен был одергивать Елизавету, чтобы Фридриха она не дразнила.

Венский канцлер Кауниц слезно заклинал Елизавету в письмах: «Ради бога, не вздумайте тревожить Фридриха!» Бестужев-Рюмин тем временем, подхваченный новым быстрым течением, плыл по реке, для него еще неведомой, но упорно цеплялся за старые коряги. «Лучше потонуть богатым, нежели в бедности!» — говорил он. Вильяме был поражен алчностью этого человека, тем более что нахлебников у короля Англии заметно прибавилось. Великая княгиня Екатерина Алексеевна оказалась ужасной мотовкой и тоже обходилась англичанам в копеечку. Бестужеву-Рюмину Вильяме сказал честно:

— Дорогой друг, парламент моего короля согласен платить вам пожизненный пенсион при одном условии: если вам удастся вернуть политику России в ее прежнее традиционное русло...

А что мог поделать сейчас канцлер? Да ничего, ибо Россия уже развернула штыки на Пруссию. И тогда старый хапуга, словно избалованный кот, вдруг переменивший хозяина, стал тереться вокруг графа Эстергази. Бестужев только что не мурлыкал, но по его изогнутой спине было видно, чего он добивается от австрияков. И просил-то

канцлер на этот раз сущую ерунду — всего 12000 в червонцах (золотом, конечно).

Дали? Нет, не дали.

***

Дуглас таился по особнякам русской знати. Шереметевы, Чернышевы, Шуваловы, Бутурлины, Нарышкины — все приглашали его за стол, но место за столом отводили далеко не первое. Дуглас (человек без чина!) не знал, за кого себя выдавать, а вельможи не знали, за кого его принимать. На всякий случай — ешь, пей и отвечай, коли тебя спросят.

Зато никого не принимали так хорошо, как Понятовского. Секретарь Вильямса быстро освоился со своим положением, а любовь Екатерины придавала ему особую привлекательность в глазах общества. Об этой любви уже знали — даже в Берлине.

Однако Понятовский очень не нравился императрице Елизавете, которая называла его не иначе, как… «партизан» (очевидно, за лихие набеги на Ораниенбаум). Шувалову она сказала:

— Странных «англичан» находит для себя Вильяме. А матка его — из Чарторыжских? Тоже, видать, хороша курвища. Нешто моя невестка из

русских никого не могла выбрать? Погляди-ка, Ванюша, как резво пляшет князь Капчуков… Разве же плох? Ай да князь!..

Екатерина же в это время переживала пору страстной любви, какой не знала раньше. В ослеплении своем ничего не желала видеть, кроме красивого поляка.

О-о, пусть попробуют отнять у нее эту любовь… Гнев будет страшен, непоправим! Узы этой любви держались в руках британской политики, шагавшей по Европе в обнимку с планами Пруссии. Отсюда был один шаг до предательства, и Вильяме терпеливо выжидал, когда этот шаг будет сделан. Он был практик и держал любовь Екатерины на своей ладони, словно взвешивая ее.

Однако хитрый Вильяме видел в ней только женщину — он проморгал в Екатерине политика! Вильяме поначалу не подозревал, что любовь — совсем не главное в жизни великой княгини. Даже среди безумств любви Екатерина оставалась твердой и последовательной. Она всегда знала, что ей нужно, — в этом была ее сила!

Ох, как умела рисковать эта женщина! На очередном маскараде при дворе, когда Вильяме устало уединился от танцующих, прямо в ухо ему прозвучал чей-то приглушенный шепот:

— Помогите мне занять русский престол, и я вас утешу…

Посол вздрогнул. Перед ним стоял арлекин в пестром домино. В прорези маски сверкали жадные молодые глаза — глаза Екатерины.

— Вы слышали, посол? Я сказала, что вас утешу…

— Вы слишком откровенны, — отвечал Вильяме. — А на каждом моем ухе, словно серьги, болтаются шпионы императрицы!

В испуге он бежал с куртага. Но едва вернулся в посольство, как Лев Нарышкин передал ему записочку от великой княгини. Вернее — план государственного переворота, едва только Елизавету постигнет очередной приступ болезни. Вильяме понял, что у Екатерины все уже готово. Она подсчитывала: сколько нужно солдат, какая сигнализация, кого сразу арестовать, когда и где принимать присягу. «Как друг, — заканчивала Екатерина, — исправьте и предпишите мне то, чего не достает в моих соображениях».

Вильяме даже не знал, что тут можно исправить или дополнить. Это уже заговор, настоящий заговор, и не принять в нем участия было бы для посла Англии большой ошибкой. Громадный корабль России еще можно развернуть на старый

курс — только сменить капитана! И тут появилась в небе комета; ее давно ждали, о ней писали в газетах ученые, она волновала умы и сильно действовала на суеверие Елизаветы Петровны.

— Быть беде.., быть, быть, — охала императрица. — Комета — смерть моя! Господи, неужто к себе меня отзываешь?..

Здоровье ее действительно пошатнулось, и Вильяме поспешил обрадовать Екатерину:

— У кого вода поднялась в нижнюю часть живота, тот уже человек обреченный. Ваши шансы растут...

Английское золото теперь звенящим потоком ринулось в покои великой княгини. Екатерина играла, как загулявший поручик гвардии, получивший сказочное наследство. Ела второпях. Не досыпала. Даже любовные цидулки и те писала на карточных рубашках. Долги лиходейки быстро росли, но денег все равно не хватало.

— Мне уже неудобно обращаться к вам, — говорила Екатерина Вильямсу, но все же обращалась...

Издалека — через шпионов — Фридрих пристально следил за событиями при «молодом дворе». Вильяме действовал по указке короля, завершая отрыв «молодых» от двора Елизаветы;

теперь Екатерина заодно с мужем должна была служить Фридриху.

И в этот момент у нее, рвавшейся к русскому престолу, вдруг появился враг. Враг ее любви… Шевалье де Еон прибыл морем в Петербург, и Екатерина при встрече с ним говорила о лошадях. Она знала лошадей и любила их. Под конец она воскликнула:

— Нет ни одной женщины в мире смелее меня! Я вся полна необузданной отваги…

Вот что записал в этот день де Еон в своем альбоме:

«У нее блестящие глаза — глаза дикого животного; лоб высокий, и, если не ошибаюсь, на нем начертано долгое и страшное будущее… Она приветлива, но когда подходит ко мне, я в безотчетном движении отступаю назад: она наводит на меня страх…»

Екатерина же в этот день никаких записей не делала. Вернулась к себе радостно взволнованная. Сегодня императрица опять не вышла к столу — ей плохо, а комета летит н летит по небу.

ШЕВАЛЬЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Вот теперь нам исторически точно известно, что де Еон прибыл в Петербург, и не в женском, а в мужском одеянии.

***

Английский жеребец стучал копытами в палубу, гнусаво блеял меринос и дружно лаяли семнадцать датских догов. Вся эта живность плыла морем в подарок великому князю Петру Федоровичу. Капитан утопил в море компас, был пьян и спал у ржавой пушки. В таком состоянии, потрепанный штормом, корабль вошел в Неву.

— Впрочем, — рассказывал о себе де Еон, — я приехал бодр и свеж, словно прогулялся не далее Сен-Клу. Кавалер Дуглас, видя, как я схожу на берег со шпагой на боку и шляпой под локтем, в белых чулках и напудренном парике, подумал, наверное, что перед ним парижский жентильом, только что сошедший с галиота возле Пон-Рояля, чтобы прокатиться по Тюильри!..

Дуглас сразу впряг его в работу, — шла подготовка «бабьего союза», — для борьбы с Фридрихом

надо было сдружить таких разных женщин, как Елизавета, Мария Терезия и маркиза Помпадур (явно заменявшая Людовика)…

Де Еон незаметно вкрался в доверие к вице-канцлеру.

— Да будет вам известно, — говорил он Воронцову, — что время от времени я бросаю перо и хватаюсь за шпагу. Не мне судить, Аполлон или Марс сильнее. Но министр Рулье, при отправлении моем в Петербург, советовал мне предложить свои услуги фехтовального мастера великому князю Петру Федоровичу… Пусть, соперничая с французом, великий князь расположит свое сердце к рыцарской Франции!

Вице-канцлер поморщился:

— Вы плохо осведомлены о симпатиях великого князя. Если бы вы привезли ему одну пуговицу с мундира прусского солдата, ударили бы дробь на барабане и распили с ним пива, — о, тогда, уверяю вас, вы стали бы его другом…

Дуглас, трясясь над каждой копейкой, своего стола от жадности не заводил, таскал де Еона за собой по домам вельмож, где они и нахлебничали. Вскоре де Еон сделался незаменимым на всех попойках. Пил он в это время много — гораздо больше, чем ожидали от человека с внешностью

девушки. Но так как рядом с ним мужественно напивались женщины, то на это никто не обращал внимания.

В Аничковом дворце случилось быть на попойке у отставного фаворита Разумовского, которого любила когда-то Елизавета, — так любила, что патриарху в Константинополь даже написала: дозволь, родимый, Лешеньке моему в постные дни мясцо кушать, и разрешил патриарх: ешь! Обнаглел экс-фаворит настолько, что в исподнем гостей встречал. А жены гостей его загодя по церквам свечки ставили, чтобы вернулись их мужья от Разумовского живы, не до смерти покалечены.

Здесь же, в Аничковом дворце, де Еон встретил и Понятовского. Поляк был действительно очарователен: какие мохнатые ресницы, какие жесты и томный голос; как небрежно и красиво сбрасывает он плащ. Медали и движение комет, нумизматика и обломки древности, Макиавелли и декорации Валериани — Понятовский обо всем имел суждение. Но это был неглубокий ум, и де Еон понял, что перед ним просто хороший начетчик с прекрасной памятью. И не отказал себе в удовольствии съязвить:

— Ваш ум напоминает мне каботажное плава-

ние. — За столом притихли гости. — Да, — продолжил де Еон, — вы плаваете лишь вблизи берегов, но страшитесь выплывать над пучинами.

Понятовский вспыхнул, и румянец еще более украсил его:

— Если бы мне заявил это Вольтер…

— Вам это заявил человек, заслуживший похвалы Вольтера! — опередил его де Еон, но, чтобы избежать скандала, столь невыгодного сейчас, он покинул попойку…

Слава его пера до Петербурга еще не докатилась, и свои книги де Еон обнаружил только в кабинете Ивана Шувалова. «Ночной император» России был человеком странным: он разломал медаль, выбитую в его честь, он отказался от графского титула, он хлопотал об открытии гимназий, он строил Академию художеств, но известный Чуди-Люсси-Пютланж печатал в «Литературном хамелеоне» статьи Шувалова о.., философском камне.

И потешался меценат побоищем двух славных гладиаторов — Сумарокова и Ломоносова! Резкая тень и резкий свет.

Де Еон же приглянулся Шувалову тем, что, как истый бургундец, не мог испытывать отвращения к вину. Ни днем, ни ночью! Шувалов успоко-

ился, когда свалил кавалера под стол русским зверобоем, настоянным на порохе. А однажды на половине фаворита, в домашнем затрапезе, появилась Елизавета, и де Еон понравился императрице больше Дугласа. Воронцов теперь Дугласа только выслушивал, но совещался больше с де Еоном, и звезда иезуита, еще не успев разгореться, уже погасала. Стоило ему открыть рот, как решительно выступал де Еон:

— Мой коллега, очевидно, не совсем правильно инструктирован. Мои же инструкции, как более новые, говорят иное…

Шувалова издавна занимали связи с Вольтером. Россия не имела еще своей истории царствования Петра I, и Елизавета, как «дщерь Петрова», поощряла своего любимца в этом занятии. Именно в эти дни русский двор отпустил Вольтеру 50 000 чистым золотом за написание книги о преобразователе Отечества. Это было очень кстати сейчас, на острие войны,

— привлечь внимание Европы к государственным задачам России, и Петербург покупал через Вольтера лучшее по тем временам перо мира «Вольтер не оправдал надежд: его история Петра I — это, скорее, высокопарная сказка, нежели историческое исследование.».

Шувалов велел допустить де Еона до русских архивов. Чиновники снимали для Вольтера копии с петровских документов. Русская история поразила де Еона своей закономерностью в развитии интересов государственности. Атташе еще не определил к ней своего отношения, но решил заняться ею — на досуге.

Однажды ночью брызнули из рам стекла, дунуло ветром, и три выстрела подряд разорвали тишину. Де Еон повалил свечи, сдернул со стула Дугласа. Позже они вынули из своих подушек три громадные, еще горячие пули.

— Это в меня! — колотило Дугласа. — Вильяме.., в меня!

— Вы ошиблись и здесь, мой почтенный падре. Не забывайте: вы только швейцар при дверях во французский ресторан, а стряпать на дипломатической кухне приходится мне…

Покушение на французов не осталось загадкой истории, и позже планы убийства миссии были обнаружены, как и следовало ожидать, в бумагах канцлера Бестужева-Рюмина.

***

Потом у них болели животы — они стали бояться отравления. Дипломаты запаслись в аптеке

куском мышьяка. Каждое утро натощак де Еон с Дугласом скорбно лизали его по очереди. К концу переговоров в Петербурге они с трех лизаний дошли до сорока, делая себя невосприимчивыми к ядам. Тогда к подобному способу прибегали многие, искушаемые в тайнах секретной политики!

Исподволь де Еон начал копать яму под секретаря английского посольства — прекрасного Пяста.

— Зачем вам это нужно? — испугался Дуглас.

— Понятовский раздвинул свою постель на всю Европу. Именно через него тянется цепочка преступлений до Лондона и Берлина!

— Бросьте, — волновался Дуглас. — Куда вы пишете?

— Я пишу в Варшаву. Там послом от Версаля человек огня и железа — граф Брольи, пусть он вмешается в это дело…

Дуглас выхватил бумагу из-под руки де Еона:

— Вы не знаете Екатерины! Она не простит нам этого…

— Защищайся, негодяй! — И кончик шпаги уперся в кадык. — Ты осмелился назвать меня болваном?

— Я не говорил этого.., клянусь! — шептал Дуглас.

— Нет, вы говорили…

Кое-как поладили. Де Еон связался с Варшавой, откуда в отозвании Понятовского его поддержал граф Брольи. Как выяснилось, Понятовский уже побывал в сарданапаловых объятиях сэра Вильямса, и де Еон стал трезвонить этой новостью по Петербургу.

Случилась тут поездка в Кронштадт, где было обильное возлияние. Понятовский спьяна сам ускорил свое падение. За столом он стал бранить польско-саксонского короля Августа III и его канцлера Брюля:

— Они не гнушаются грабить польское шляхетство. По матери, урожденной Чарторыжской, я должен быть князем Острожским, а король с канцлером не возвращают мне это княжество, которое приносит им миллионные доходы…

Де Еон это запомнил. Яма уже вырыта, осталось только спихнуть в нее Понятовского. Атташе повел атаку на этот раз не с нравственной стороны, а с политической.

— Я не понимаю, — трещал он при дворе, — как русские могут терпеть у себя человека, который, являясь подданным Августа, состоит на службе Англии, союзницы Пруссии? К тому же, клевеща на курфюрста саксонского, Понятовский отнима-

ет у России союзника.

Бестужев-Рюмин едва не сказал де Еону грозное «цыц».

— Сударь, — заметил он кавалеру, — у нас на Руси есть такое присловье: всяк сверчок знай свой шесток.

Но было уже поздно: скандал дошел до ушей саксонского канцлера Брюля, и тот отозвал Понятовского в Варшаву. Это был крепкий удар по Вильямсу, рикошетом досталось и королю прусскому. Из сердца Екатерины Понятовский вырывался с кровью.

Учитесь у меня! — похвалился де Еон перед Дугласом.

Обескураженный Вильяме быстро нашелся и в этом случае.

— К чему эти россказни? — убеждал он русское общество. — Понятовский не удален. Его призвал к себе сейм польский, который избрал моего секретаря в нунции. Право же, юноша стоит этого!

Поздно вечером канцлер империи был приглашен на Большую Морскую улицу

— в дом Ивана Перфильевича Елагина. Как и следовало ожидать, Бестужева встретила великая княгиня Екатерина Алексеевна с красными от слез глазами.

— Ну-ну, — хмуро сказал ей канцлер. — Даст бог, обойдется.

Екатерина решилась на отчаянный шаг, какого, наверное, сама не ожидала от себя. Мать наследника российского престола, жена наследника престола, она вдруг опустилась на колени перед этим ворчливым стариком в нечесаном парике.

— Алексей Петрович, — простонала Екатерина, — я знаю: вы все можете… Если вы скажете Брюлю саксонскому, чтобы хлеба не ел, и — не будет! Верните же мне Понятовского.., умоляю! Сделаю для вас все, что ни попросите. Только Понятовского мне отдайте…

Бестужев смотрел сверху, как тряслись ее плечи от рыданий, и быстро соображал: как быть? Сердце его не дрогнуло от слез Екатерины — нет! Просто он прикидывал сейчас, что выгоднее для него: вернуть Понятовского или оставить в Варшаве?..

— Встаньте, ваше высочество, — сказал Бестужев. — Кому, как не мне, старику, понять ваше чувствительное и нежное сердце!

ПРОСТОЙ РУССКИЙ ДВОРЯНИН

Вдали от интриг двора, свободный от влияний и подкупов, без пышности и титулов, Федор Дмитриевич Бехтеев впрягся, как вол, в тяжкий хомут русского дипломата на чужбине.

Перед отъездом Бехтеева выехал в Париж член Конференции и опытный дипломат Михаила Петрович Бестужев-Рюмин (брат канцлера). Он отбывал в Париж под предлогом свидания с женою, на которой за границей женился в старости, «дабы в развраты модные не уклониться». Это был лишь предлог, — на самом деле Бестужев-Рюмин имел поручение от двора следить за Бехтеевым, не мешаясь в его миссию, но сразу поправить, если тот ошибется.

Бехтеев же, человек степенный, образованный и хитрый, имел сложнейшую задачу. Вот какими словами его напутствовали в Петербурге: «Немедля свести союз России с Францией, но оснований для этого союза не указывать; если же Версаль начнет настаивать на характере будущих соглашений, то свалить все на австрийского посла в Париже — графа Штарнберга». Действительно,

с такой задачей трудно было справиться даже опытному дипломату.

Бехтеев с первых же дней заметил, что в Париже не все чисто. Проницательный ум обнаружил такую свару и вражду сановников, что.., куда там России! В России-то — еще рай! Конти звал Бехтеева к себе, запрещая являться к министрам. А министр Рулье требовал забыть Конти и предстать только пред его ясные очи.

Бехтеев разрешил вопрос чисто по-русски:

— А ну их!.. Пущай сами за мной приедут…

Этот вывод начинающего дипломата оказался самым правильным. Французы решили, что Бехтеев, столь упорно не вылезающий из своего дома, наверняка очень большая шишка. И вот к нему с поклонами явился сам всемогущий Терсье и долго махал перед Бехтеевым своей шляпой. Терсье сообщил, что мсье Бехтеева давно уже ждут в Компьене, куда на летнее время, спасаясь от жары, удалился двор короля…

Поехали.

Министр Рулье показался Бехтееву разумным и деловым человеком. Но бумаги от Воронцова, присланные для вручения ему, он держал над пламенем свечей, смотрел их долго на свет, словно выискивал потаенные водяные знаки. Потом

Рулье спросил:

— Чья эта подпись? Воронцова? Разве не Бестужев, а Воронцов состоит у вас при иностранных делах?..

Бехтеев поговорил с минуту и — ахнул: Рулье ничего не знал о первой посылке Дугласа в Петербург. Секретная дипломатия Людовика XV сама резала крылья своим же министрам. Встал вопрос о представлении Бехтеева королю «при утирании рук его величества». И в кабинете Рулье повторилась знакомая история, какая была уже с Дугласом в кабинете Воронцова…

— Каков же ваш чин? — осведомился Рулье.

Бехтеев сознался: чин — так себе, надворного советника.

— А сие означает по табели седьмое место в ряду сановном.

Рулье был явно огорчен:

— Ладно. Мы представим вас королю как русского принца. Как звучит слово «принц» по-русски? Князь? Итак, вы — князь…

Бехтеев не соглашался быть самозванцем.

— Тогда, — решил изобретательный Рулье, — вы предстанете перед его королевским величеством как русский генерал!

— Зачем мне чужая посуда, коли своя имеет-

ся?..

Сошлись на том, что Бехтеев увидит Людовика XV как «простой русский дворянин». Ни титула, ни чина договорились не упоминать.

Россия не имела в Париже посольства, — не было, следовательно, у Бехтеева ни свиты, ни кареты. В наемном экипаже, несколько заробев, Федор Дмитриевич прибыл ко дворцу, где к моменту «утирания рук» короля было полным-полно блестящих карет дипломатов. Обер-камергер Флери показал место, где следует встать русскому амбассадору.

Бехтеев послушно встал. Всем послам подали кофе. Бехтеев тоже принял чашку. Пил стоя, прислонясь к стене, — никто не сидел. Кофе ему не понравился: жиденько подают французы (экономят, видать). Знакомых не было. Поболтать и душу отвести не с кем. Приткнулся русский учитель к стеночке и помалкивал. Речь в уме готовил, которую он королю скажет.

Наконец — всем стадом — дипломатов запустили в спальню.

Король утирал руки на глазах всей Европы, король «оправлял краткия молитвы». Послы, будто их подрубили, уже стояли на коленях. Но Бехтеев-то

— другой веры, византийской… «Что делать?» Тут Флери перчаткой ударил Бехтеева по плечу, чтобы общей картины моления не нарушал, и гордый схизмат преклонил колена в один ряд с католиками.

Словно замогильные тени, закрыв капюшонами лица, вошли духовники короля; попадая слово в слово, вышколенные иезуиты вторили Людовику в молитве (или Людовик им вторил?). Потом король поднялся, чтобы уйти…

— Дука Флери! — разволновался Бехтеев. — Доложите же его величеству обо мне!

Флери нагнал Людовика, что-то шепнул ему на ухо. Король, недовольно дернув плечом, вернулся к Бехтееву и буркнул что-то вроде:

— ..здоровье моей сестры Елизаветы?

Бехтеев согнулся в поклоне. А когда выпрямился, то увидел лишь.., спину короля, который уходил, даже не дождавшись ответа. «Вот те раз!»

— Дука Флери! — Но дука Флери и след простыл. Бехтеев был возмущен: помилуй бог, для чего же он кланялся? А король — тоже хорош голубь. Воспользовался тем, что поклон глубокий, и бежал от разговора. А ведь мир Европы — весь в этом разговоре: войне-то быть, людям-то страдать!

Но вместо короля распахнул объятия Бехтееву принц Конти.

— Наконец-то! — воскликнул черный рыцарь из Тампля. — Я обегал все этажи, открыл и закрыл тысячи дверей, чтобы найти вас… Едем же, чтобы на века покончить глупые распри!

Физиономия принца показалась Бехтееву весьма подозрительной, и в Тампль он ехал с опаской. Да и недаром, как выяснилось. Конти болтал о чем угодно, только не о делах.

— Польша.., корона.., жезл маршала.., герцог Бирон.., престол Курляндии! — так и сыпалось с его гибкого языка…

Лакей выставил на стол оранжерейные дыни, кувшины с вином и золотое блюдо с водой, в котором шустро плавали малюсенькие лягушата.

Бехтеев прибегнул к помощи тихой молитвы, когда слова произносятся мысленно, не нарушая общего спокойствия.

— Скромные дары деревни Ла-Шез, — сказал Конти, придвигая лягушат к Бехтееву. — Ничто так не помогает сварению желудка, как эти прелестные лягушата… Я уже выработал проект союза Франции с Россией и скоро, — посулил принц, — самолично явлюсь в Петербург, чтобы насладиться общением с императрицей.

«Явись! — подумал Бехтеев. — Там Ванька Шувалов так шибанет тебя...»

— Высокий принц, — заговорил он, — думается мне, что для пущей крепости альянса нашего необходимо заново перетасовать колоды. Заметил я, что правительство короля Франции готово принять посольство российское, но не желает отрывать от груди своей и янычар турецких. Россия же сего не стерпит. Рабы славянские — на галерах султана, жены славянские — в гаремах его томятся. Сколь веков стоном стонет земля Русская! А курфюрст саксонский Август, он же король польский...

— Курфюрст не вечен! — подхватил Конти. — Польшу пора оторвать от Саксонии. Стоит мне появиться на рубежах польских, как все конфедерации сложат знамена к моим ногам...

«Болтун!» — решил Бехтеев и, возвратись от дипломатии секретной, обратился снова к Рулье — к дипломатии официальной. Но и здесь Елизавета, по недомыслию своей Конференции, подрубила Бехтеева под самый корешок. Переговоры-то велись, но все через голову Бехтеева — Париж предпочитал сходиться с Россией лишь через Венский двор. Бехтеев в Париже был отдан под опеку австрийского посла графа Штарнберга.

Мешали и посторонние осложнения. Бестужев злобился и четких инструкций из Питера Бехтееву не давал. А вице-канцлер Воронцов вместо советов пересылал записочки от самой Елизаветы Петровны. «Как стирают в Париже чулки без мыла? — спрашивала она своего посла. — Каких, узнай, цветов ныне помады модные?» И отпустила Бехтееву пять тысяч талеров на покупку для нее зеркала от Жермена. Можно подумать, что и весь союз с Францией затеян был только для того, чтобы ознакомиться с новыми модами! Однако императрице — не откажешь… С утра, как взмыленный, Бехтеев бегал по лавкам, нюхал румяна, лизал пробки спиртов, притираний и эликсиров молодости. И — писал Елизавете:

«А чулки вашему императорскому величеству уже заказал… Стрелки у них новомодния, а шитых стрелок в здешних европских краях боле не нашивают, потому как оне показывают ногу горазд толще…»

Самого главного Бехтеев все-таки добился.

— Поздравляем вас, — объявили ему, — послом в Санкт-Петербург назначен генерал от кавалерии Поль-Галлюцио маркиз Лопиталь де Шатонеф, бывший наш посол в Неаполе!

Федор Дмитриевич поспешил увидеть первого

вестника долгожданной дружбы. Лопиталь оказался красивым пожилым мужчиной, заживо умирающим от грехов молодости и подагры. Все свои недостатки маркиз надеялся возместить изысканностью манер и пышностью своего посольского поезда.

— Русский двор будет доволен моим прибытием, — важно пообещал Лопиталь Бехтееву, — ибо король отпустил мне четыреста тысяч ливров и сто пятьдесят тысяч ливров только на дорогу! В свите моей Россия увидит восемьдесят кавалеров лучших фамилий Франции.

— Когда же ваше сиятельство думает отбыть в Россию?

— Пусть спешат почтальоны, — обиделся Лопиталь, — послу же Франции не пристало, проскакав на курьерских, явиться ко двору с одышкою от быстроты движения… Надеюсь, через полгода мы будем уже на месте.

Лопиталь не понравился Бехтееву, и в разговоре с Рулье он дал понять, что Франция напрасно хвастает на весь мир своими пышными дуками и маршалами.

— Лучшего не найти, — сказал Рулье. — Прочие — совсем профаны в делах этикета придворного… Обнадежьте Петербург и свой двор, что маркиз

Лопиталь — опытнейший из послов Франции…

Это действительно было так. Англия послала в Россию своего лучшего дипломата Вильямса; Версаль отдавал Петербургу также своего лучшего дипломата Лопиталя. Из этого видно, что Россия играла в общем оркестре первую скрипку…

***

Маркиз Лопиталь получил при отъезде секретное поручение — вытравить прусско-английское влияние из «молодого двора» в Ораниенбауме; в первую очередь — из сердца Екатерины! Принц Конти даже подсказал Лопиталю главного спекулятора:

— Моя прекрасная де Бомон… Она справится и с чертом!

При обмене дворов дипломатами Россия с этикетом тянуть не стала: Михаила Бестужев-Рюмин тут же заступил на пост русского посла в Париже… Ему не надо было ехать издалека, как Лопиталю: он уже сидел в Париже, наблюдая за Бехтеевым.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Фридрих бодрствовал…

— Итак, — рассуждал он, — для начала подсчитаем наши возможности. Все кабинеты Европы против меня. Со мною же остались случайные личности в истории мира… Вот ландграф Гессен-Кассельский, герцоги Брауншвейгский с Готским. Но зато у нас немало денег из Англии… Арсеналы мои полны, солдаты накормлены, одеты, они хотят войны, ибо сидеть в казарме скучно, а война развлекает… Это хорошо! К тому же, мой любезный де Катт, прошу учесть: у меня в Пруссии солдат имеет шомпол из железа, а все другие армии выстругивают его из дерева. Благодаря такой ерунде мой солдат выпускает шесть пуль в минуту, в ответ же получает от врага только четыре пули… И наконец, моим союзником служит тактика!

Античный мир был прост. И была проста тактика полководцев античного мира, которую Фридрих изучил и поставил на служение своей армии. Был у него такой излюбленный прием — косая атака. Это значит: массою своих войск

навалиться на слабое крыло противника и бить его на этом крыле, в то время как свои резервы беречь для последнего удара. Все очень просто. Но эту простоту могут разгадать другие. И вот, чтобы в противных ему армиях не разгадали секрета, Фридрих сознательно затемнил свою тактику.

Вот что писал по этому поводу Ф. Энгельс:

«Фридрих.., принялся необычайно усложнять систему тактических перестроений, ни одно из которых не было пригодно для действительной войны… Он настолько преуспел в этом, что больше всех других оказались сбитыми с толку его же собственные подчиненные, которые действительно поверили, что эти сложные приемы построения линии составляли подлинное существо его тактити…»

Скоро старый фельдмаршал Ганс фон Левальд (он же губернатор Восточной Пруссии) получил инструкции от своего короля.

— Мой друг, — издалека заверял его король, — когда русские будут разбиты вами (в чем я ни минуты не сомневаюсь), они пришлют к вам парламентеров, чтобы забрать с поля боя своих убитых. Тут вы сбросьте мундир (который так украшает ваши седины) и облачитесь в тогу дипломата.

От варварской России мы ничего требовать не станем, но зато разорвем в куски Речь Посполитую!

А на всякий случай Фридрих стороною нажал и на Вильямса, и посол Англии предложил в Петербурге свое посредничество для полного примирения Елизаветы с королем Пруссии.

— Нет! — ответила Елизавета, и лицо ее пошло, как всегда во гневе, бурыми некрасивыми пятнами.

Вильяме и не знал, что, пока он добивался этой аудиенции, в застенках Тайной канцелярии завершалась еще одна драма русской истории, и на этот раз — по вине самого же Фридриха...

***

— ..подвысь! — хрипло сказал великий инквизитор, и блоки заскрипели, вздымая на дыбу тобольского мещанина Ивана Зубарева. — Теперича подшпарь его, чтобы вор пришел в изумление!

Палач сунул в огонь душистый банный веник:

— Эх, соколик ласковый.., оберегись! — И прошелся сухим огнем по спине раскольника; воем и эхом воя наполнились застенки.

Граф Александр Шувалов (генерал-аншеф и ве-

ликий Российской империи инквизитор) концом трости ткнул Зубарева в живот:

— Ве-вещай да-далее! — Шувалов сильно заикался. Иван Зубарев, в «изумление придя», с дыбы показал «Показания Ивана Зубарева автор дает доподлинно с „пытошных листов“, но в очень сильном сокращении.»:

— В прошлом годе, на праздник богоявления господня, взялся я отвезть товар в прусский Кролевец, Кенигсбергом прозываемый. И подходил ко мне офицер тамошний и говорил по-польски: «Ишь ты-де каков, мол! Не хошь ли принять нашу службишку?» И водили меня в дом, где в сенях мерили и хвалили рост знатный. А офицер сказывал так-то: «Я чаю, ты слыхал про Манштейна? Был-де я в адъютантах у Миниха, а теперь, вишь ты, служу королю прусскому знатно, и у нас тут хорошо…» Тонкая плеть, взыкнув, рассекла тело висящего.

— Го-говори, во-вор: ты-ты короля Фридриха видел ли?

— Оберегись — ожгу! — пришпарил его палач свежим веником.

Убери огонь, — застонал Зубарев, — ослабьте муку…

Шувалов кивнул палачу — снова заскрипели

блоки.

— Скорее вещай, шельма… Что тебе Манштейн наказывал?

— И как взошли во дворец, — заговорил Зубарев далее, повисая на веревках, — то король Фридрих на стуле сиживал. И говорил тут мне Манштейн так-то: «Мол, вот Елизавета, ваша царица, староверам при ней — худо. А король прусский тебя в регимент полковника жалует. И ты езжай ко городу Архангельску и подкупи солдат, чтобы царевича Иоанна из Холмогор выручить… Да еще на проезд тебе — вот, мол, тысячу червонцев!»

— А король? Фридрих-то — что? — кричал Шувалов. В ответ началась «превеликая рвота». Великий инквизитор отскочил в сторону, велев палачу до самой земли ослабить веревки. Зубарев кулем опустился с дыбы, извергая зеленую блевотину. Было уже ясно из допроса: король Пруссии затевает против России дела подлые.

И в глухую ночь, опережая шпионов Манштейна, уже понеслись солдаты, дабы в великой тайне вывезти царя Иоанна из острога Холмогорского и навсегда затворить бывшего императора в крепости Шлиссельбурга на Ладожском озере… «Иоанн Антонович был убит в Шлиссельбургской тюрьме во время бунта поручика Мировича (1764);

уцелевшие в Холмогорах члены Брауншвейгской династии позднее были вывезены в Данию.»

***

Потому-то, когда Вильяме предложил русскому кабинету примирение с Фридрихом, Елизавета ответила так:

— Нет!.. И передайте, посол, всем тем, кто стоит за вашей спиной, что я велю отрубить Иоанну голову, но Брауншвейгской фамилии, по родству ее с Фридрихом, не бывать на престоле!

Эти угрозы очень скоро дошли до Фридриха.

— Постарайтесь, — наказал король Митчеллу, — довести до сведения великой княгини Екатерины, что я могу погасить ее сердечные неприятности. В обмен на Понятовского, который так необходим ей, пусть она задержит движение русской армии. Или пусть сообщит мне хотя бы план предстоящей кампании!

И эти слова Фридриха — через Вильямса — дошли до Ораниенбаума... Опустевшая постель Екатерины давно перестала быть личным делом самой Екатерины. Позор выносился теперь, не только на площадь, его обсуждали при дворах Европы. Великая княгиня Фридриха не боготворила, как ее муж, но она не могла не слушаться

советов из Берлина; Екатерина многим обязана Фридриху… Кому в Европе нужна была дочь штеттинского коменданта, игравшая во дворе замка с мальчишками? Никому, а король Пруссии устроил ей брак с, наследником престола российского; Россия же — это не плюгавое курфюршество!

Бестужев-Рюмин, с помощью саксонского канцлера Брюля, стал ратовать за возвращение Понятовского в объятия Екатерины. Брюль еще как-то колебался. Но тут выступил на сейме Понятовский и заверил шляхту, что Польша сама, помимо Саксонии, должна иметь своего посланника в России. В тесном кругу друзей молодой нунций дал понять, что без него не обойтись:

— Да и я ведь — не саксонец, а природный Пяст… Скоро он снова будет в объятиях Екатерины. А пока мир погрязал в интригах и сплетнях, закованная в броню и панцирь дисциплинированная Пруссия выжидала… Фридрих из Сан-Суси пристально осматривал горизонты Европы. Вот показалась пыль на дорогах Богемии и Моравии.

— Ага, — сказал король, — моя кузина Мария Терезия, черт бы ее побрал со всеми ее добродетелями, проснулась. Она стала передвигать куда-то войска… Вот — предлог!

***

— Ну-ка, — велел Фридрих, — отправляйте срочное посольство из Берлина в Вену: мне любопытно знать — что Вена ответит?

Посланцы короля сделали в Вене официальный запрос:

— Король Пруссии обеспокоен… Противу кого двигаются через Богемию войска империи? Король Пруссии требует объяснений. Король Пруссии подозревает…

Венский двор пребывал в смятении. Мария Терезия жила в страхе перед великим прусским разбоем.

— Пишите в Петербург этому дураку Эстергази, — наказала она. — Пусть он еще раз предупредит русский двор, чтобы не дразнили Фридриха понапрасну. Моя империя не готова для борьбы с этим разбойником…

Послам же Фридриха она отвечала, что передвижение войск через Богемию

— случайность, которая не должна беспокоить Пруссию. Этого императрице показалось мало, и через несколько дней Австрия вообще отвергла всякие слухи о существовании наступательного союза между Веной и Петербургом, — настолько

велик был страх в Европе перед армией «старого Фрица».

— Что-то они там путают, — заметил король, сидя в тихом Сан-Суси. — Не хотят ли и меня запутать?.. Отправляйте в Вену посольство вторично: сейчас мы запутаем их окончательно!

Курьеры из Вены мчались на перекладных в Петербург, чтобы — согласно новым инструкциям — еще раз одернуть Россию, еще раз напомнить русскому двору, чтобы Россия не лезла в войну раньше времени: еще не все готово… На постоялом дворе, когда усталый курьер прилег вздремнуть, его сумка была вскрыта, с писем сделаны копии — и Фридрих узнал обо всем гораздо раньше Петербурга.

— Сколько я имел противников в своей жизни, — заметил король спокойно, — и всегда у них ничего не готово. Что ж, пока они там разводят огонь в очаге, я, кажется, успею пообедать… Дайте мне, Манштейн, последнее донесение Менцеля из Дрездена.

Дрезден — столица Саксонского курфюршества. Курфюрстом же в Саксонии

— Август III, который был и королем Речи Посполитой. Через шпионские доносы Менцеля король Пруссии установил, что Август — ужас-

ный лицемер и интриган.

— Какое низкое коварство! — воскликнул Фридрих, прочтя бумаги от шпионов из Дрездена. — Саксонцы хотят, под видом нейтралитета, пропустить мои войска в Богемию, во владения Венской империи, чтобы затем ударить мне в спину…

Король сбросил треуголку со стола, развернул шуршащие карты. Палец его часто стучал по Дрездену:

— Вот, вот, вот, вот!.. С этого и следует начинать. Если Август Третий такой прожженный негодяй, то мы заставим его потерять все пушки. Мы заставим его перейти на нашу сторону. Но сначала мои гренадеры навестят его, как бы невзначай, прямо в его столице — в Дрездене! Это будет забавно, Манштейн. Расстегните заранее пояс на мундире, чтобы не лопнул, когда мы будем хохотать, как помешанные…

Европа еще танцевала. В деревнях играли свадьбы, гулко стучали по земле башмаки крестьян, вовсю надрывались скрипки. Обмывали новорожденных. Кто-то умирал на постели в окружении родных, его несли на кладбище, под сень крестов, и дружно плакали. По утрам пили кофе чиновники. Шли на лекции студенты.

Европа доживала последние часы мира.

Никто еще ничего не знал. В отличие от своих противников, Фридрих поступал скрытно. Войска его двигались незаметно, глухими ночами, по неприметным дорогам. И никто в Берлине о войне не болтал. Прусские генералы были собраны в Сан-Суси, еще ни о чем не догадываясь.

Король выложил на стол бумаги. Один из документов он попросил всех прочесть, но подпись в конце письма закрыл от генералов своей ладонью.

— Прочли? — спросил король. — Так о чем же нам думать? Уже ясно, что весь мир ополчился против Пруссии. Но Пруссия умеет постоять за себя…

***

Курьеры из Вены еще не доскакали до Петербурга, а Фридрих уже стоял во главе колонны в 56 000 своих ветеранов. Ему подвели боевого коня. Он легко вскочил в седло и помчался вдоль рядов своих гренадер:

— Здорово, ребята! Нам опять нашлась веселая работенка!

— Фриц! — кричали солдаты. — Фриц, только веди нас сам, а мы готовы на все…

— Вступить в Саксонию! — приказал король, и Европа вздрогнула от топота и ржанья прусских лошадей. — Чего я хочу? — объяснил король. — Только одного: выгодно и немедленно упредить противника нападением. Все остальное — философия!

Вольтер, прослышав о войне, переслал Фридриху послание в стихах, где упрекал короля в том, что тот променял жезл мудреца на меч завоевателя. Фридрих тут же — из боевого седла! — отвечал Вольтеру (тоже в стихах), что в этой войне он не виноват: король поднимает свой меч, лишь повинуясь голосу судьбы…

БЛИЦКРИГ

Была боль, и был крик от этой боли. Фридрих сам признал впоследствии: «Вся Европа содрогнулась от вопля боли саксонцев!» Боль Европы была нестерпима… Огонь и меч. Быстрота и натиск. Кровь и пожары. Тремя колоннами, царапая зеленую землю, прусская армия стремительно вторглась в чужие просторы. Топча молодые посевы, неслась через поля кавалерия злобного карлика Циттена; дубовыми лесами, прыгая через звенящие ручьи, сочилась ловкая пехота Бевернского герцога; ужас объял беззащитную Саксонию, которая едва успела собрать под ружье 17000 своих юношей…

По ровным аллеям Европы, обсаженным древними тополями, лязгающие стременами эшелоны прусской конницы рвались за Эльбу: мотая гривами, сильные жеребцы выносили всадников — в звоне и в брызгах — на другой берег.

— Не давайте миру опомниться! — ликовал Фридрих, вертясь в седле. — Ломайте заборы границ, ищите простор.., простор…

Так началась война (без объявления войны). Король скорым маршем гнал свои армии вперед. Это была тактика «блицкрига», молниеносной войны, — тактика, подхваченная и развитая через столетия Адольфом Гитлером и его генералитетом.

***

Саксонско-польский король Август III со своим канцлером Брюлем искал спасения в поспешном бегстве. Их прикрывала армия под жезлом маршала Рутовского. Бежал король столь скоро, что забыл в Дрездене свою жену-королеву с детьми (но зато успел захватить знаменитый бриллиант зеленого цвета). Рутовский же забыл провиант для армии: его 17000 солдат остались без провизии.

И вот эта несчастная армия вышла на большую гору близ Пирны и здесь встала лагерем, надеясь только на помощь австрийцев. Прусский король, метеором пролетая на Дрезден, мимоходом сунулся было в ущелья близ Пирны — его обстреляли, наскакал кавалерией — его отбили... Тогда Фридрих усмехнулся:

— Стоит ли нам проливать кровь? Может, оставить их сидеть в этом мешке?.. Отныне, —

приказал король, — все обозы, идущие к Пирне, задерживать на кордонах. Но при этом обязательно пропускать к Пирне все обозы, которые идут для кухни короля и его канцлера. Пусть эти два распутных франта обжираются сколько им влезет. Голодной армии очень полезно для поднятия духа видеть сытого короля… А мы, не теряя времени, продолжим движение на Дрезден!

Заперев саксонцев в «Пирнском мешке», прусская армия 9 сентября вступила в беззащитный Дрезден — этот город, славный оперой и картинной галереей. Здесь Фридрих сразу издал манифест, объявив, что Саксонию он берет под свое управление. Министерство было упразднено, все канцелярии опечатали. Прибыли в Дрезден новые чиновники — прусские. Из богатых саксонских арсеналов король выгреб для себя пушки и ружья, амуницию и провиант. Порцеленовые фабрики в Мейсене продолжали работать, но все богатые запасы драгоценного фарфора Фридрих тут же распродал с молотка в свою пользу.

— Нам, бедным пруссакам, — сказал он, — все пригодится. Кстати, заберите и казну Саксонии. Жалованье местным чиновникам сократить вполовину — остальную половину для нас! По-

больше музыки и танцев! Мы — добрый народ!

Между тем в Европе уже начался страшный переполох и шум: короля Пруссии обвиняли в захватничестве и в грабеже. Его называли безбожником, дерзким бунтовщиком и мерзавцем…

— Это еще надо доказать! — нисколько не удивился Фридрих потоку брани. — А что касается нас, то мы затем и прибыли в Дрезден, чтобы разоблачить подлые козни против меня… Архивы! Переройте все архивы Дрездена: именно там покоится стоглавая гидра войны, умышленная против Пруссии всеми странами!

Громадные архивы Саксонии были выброшены на улицы. И днем, при свете солнца, и по ночам, при отблеске факелов, прусские чиновники копались в развале обнаженных секретов европейской политики.

— Ищите, ищите! — понукал их король. — Мне нужны доказательства покушений на мою маленькую трудолюбивую Пруссию… Обшарьте дом канцлера Брюля; переройте его жилище от чердаков до подвалов!

В доме Брюля вскрыли полы и стены. Долго ломали замок, чтобы попасть в одну секретную комнату. Дверь распахнулась и перед пруссаками оказалась комната, до самого потолка заваленная

париками саксонского канцлера.

— Бог мой! — хохотал Фридрих. — У человека совсем нет головы, а он собрал столько париков… Ну, не сумасшедший ли?

Скоро до Дрездена дошло известие, что армия саксонцев, блокированная в Пирнском лагере, стала умирать от голода. Напрасно маршал Рутовский докладывал королю Августу и его канцлеру о голоде в «мешке», — Август III был сыт:

— Как же так? Мой обоз только вчера благополучно проскочил через все прусские кордоны. Не волнуйтесь, Рутовский: австрийцы нас не оставят, они придут сюда и выручат нас…

Верно: австрийцы уже пошли на Дрезден, чтобы вытолкать Фридриха из Саксонии. Пруссаки быстро и решительно выступили им навстречу. На берегах Эльбы, близ городка Лозовицы, Фридрих дал сражение, имея противника втрое сильнее его армии.

— Воевать числом и дурак умеет! — сказал король генералам. — Мы же будем воевать нашим непревзойденным искусством…

Битва длилась в приречных виноградниках с утра до глубокой ночи. Это была первая битва в войне, и Фридриху надо было обязательно ее выиграть. Обе стороны дрались до полного ис-

тощения, пока в сумках не кончились патроны. Не стало сил, не стало и пороха. Исход сражения решила штыковая атака пруссаков: Фридрих опрокинул австрийцев в Эльбу, войска его, ступая по грудам обгоревших тел, заняли горящие Лозовицы…

— Кажется, — сказал король, зевая, — главного мы добились: соединения цесарцев с саксонцами не состоится. А я хочу спать! Боже, неужели я так никогда и не высплюсь в этой жизни?

Он забрался к себе в возок, быстро заснул, скорчившись, как собака в будке. Одинокое ретирадное ядро, пущенное австрийцами издалека, вдрызг разнесло весь передок коляски, едва не оторвав ноги Фридриху, но король даже не проснулся. Утром он прогнал разбитую армию австрийцев подальше в Богемию и повел свои войска на ликвидацию «Пирнского мешка».

— Пора кончать с этими франтами, — сказал король, качаясь в седле. — Я накормлю голодных и голодом накажу сытых…

Шли проливные дожди, гремели над Эльбой громы, яркие молнии освещали солдат Саксонии, умиравших на сырой земле. Нет, 17000 юношей не желали сдаваться…

— Но решают-то не эти молодцы! — заметил

Фридрих. — Такие вопросы решают за них король и канцлер… Кстати, когда прибудут парламентеры Августа, проведите их через мой лагерь, чтобы они раскисли при виде нашего порядка и нашей мощи!

Саксонская армия вскоре сложила оружие. Побежденных выстроили в равнине. Каждый солдат остервенело бросал свое ружье — штыком вперед, а прикладом к себе — на землю. Перед ними на маленькой лошадке проскакал «старый Фриц». Под грохот ликующих барабанов потсдамской гвардии король прокричал пленникам:

— Хорошие ребята! Вас ждет вино и двойная порция мяса. А вас, господа отважные офицеры, давно не видели дома ваши прелестные жены: навестите их! Генералов же прошу к моему столу — отобедать. Но солдаты отныне все, как один, встают под знамена Пруссии!

Капралы пошли вдоль полков, срывая с плеч саксонские мундиры. На рыдающих пленников силком напяливали мундиры прусского образца и тут же быстро учили их ругаться на прусский манер (с ругани тогда начиналось любое военное обучение в странах Европы)… Потом Фридрих, довольный, сказал:

— Отлично! Дело теперь за королем.

И они встретились. Победитель и побежденный. Август III и Фридрих И. Август любезно благодарил Фридриха за то, что во время сидения в «мешке» он с канцлером не испытывал никакой нужды в еде и питии.

— Ваше величество, — с поклоном отвечал ему Фридрих, — иначе и быть не могло: мы же старые друзья. Я частенько бывал голодным это время, но вас покормить не забывал! Как друг, вы и должны теперь, вслед за своей армией, примкнуть ко мне.

— Это чудовищно! — поразился Август. — Зову на помощь всех богов! История не знала еще таких бесстыдных примеров!

— А теперь она будет знать. Ваше величество уже достаточно извещено по слухам, что я большой оригинал…

Август умолял, чтобы его отпустили в Варшаву. И, держа возле груди бриллиант зеленого цвета, он укатил в Польшу вместе с Брюлем, вторично позабыв в Дрездене королеву с детьми.

Фридрих устраивал балы и маскарады, ездил в оперу. Караулы были удвоены, ворота Дрездена закрыты. Франция уже готовилась к походу за Рейн

— прямо во владения прусского короля, дабы

этим походом через Ганновер косвенно наказать и пиратскую Англию. Врагом Фридриха стала и Швеция, — король Швеции, женатый на родной сестре Фридриха, был, изгнан сенатом из пределов страны, а шведский флот готовился высаживать десанты в Померании…

— Все! — возмущался Фридрих. — Все против меня, а я до сих пор не имею на руках даже клочка бумажки, чтобы доказать юридическую правоту своих действий… Черт побери, не могу же я в свое оправдание привести миру такой беспощадный афоризм: «Если тебе нравится провинция у соседа, то бери ее у соседа силой и не раздумывай!» Ему шепнули, что секретных бумаг он и не найдет. Все важные документы из архивов Дрездена спрятаны очень глубоко.

— Где? — оживился Фридрих.

— Увы, они лежат под кроватью саксонской королевы. Ваше величество, конечно, не полезет в спальню королевы.

— Почему же не полезу? Вы думаете, я побоюсь испачкать свой мундир пылью?.. Нет, я сегодня же буду под кроватью!

Бравый и плотный, как чурбан, генерал Манштейн предстал перед саксонской королевой Марией Жозефой.

— Ваше величество, — заговорил Манштейн свирепым басом, — мне нужен от вас сущий пустяк… Всего лишь ключ от вашей опочивальни.

— Этого «пустяка», генерал, — вспыхнула Мария Жозефа, — от меня никогда не требовал даже мой супруг, король Август Третий.

— Я не король, а лишь исполнитель повелений своего короля, — отвечал ей Манштейн.

Королева загородила ему доступ в свои покои. Раскинув руки в дверях спальни, она воскликнула с ненавистью:

— Прусская свинья! Лучше пронзи меня своей шпагой… Манштейн выхватил из ножен шпагу, и, сверкая, она исчезла в окне, выброшенная на двор. Подхватив королеву Саксонии за локти, он переставил ее в дальний угол, словно ненужную мебель. Повинуясь генералу, в спальню рванулась орава берлинских архивистов, и скоро связка секретных документов уже летела в Берлин. А там, в Берлине, сидел почетный академик Эвальд Герцберг, не одну собаку съевший на казуистике. Все эти бумаги он переработал в духе, угодном для Фридриха, и сочинил знаменитый «Мемуар-резон». Брошюру, которая юридически оправдывала агрессию Пруссии, разослали по всем дворам и кабинетам Европы…

— Видите, как все просто? — заметил Фридрих. — А теперь пусть в этом разбираются историки грядущих поколений. Мне же не мешает уделить время и возвышенным искусствам…

Завоеватель появился в Дрезденской галерее и благоговейно снял шляпу. Тростью он уже не стучал, а сунул ее под локоть. В торжественном молчании король шествовал без свиты от одной картины к другой. Стоял подолгу, пораженный. Неслышно ступали за Фридрихом инспекторы галереи, уже заранее прощаясь со славными шедеврами. Что ж! Так оно и будет: Фридрих разграбит галерею, как разграбил арсеналы и мейсенские фабрики…

Осмотр закончился. От волнения король надел треуголку задом наперед, оперся на трость.

— Счастливцы! — сказал он инспекторам. — Вы ежедневно можете услаждать себя красотой… Я вас очень прошу: не откажите мне снять копии с некоторых ваших картин. Поверьте, господа, я буду чрезвычайно вам за это благодарен!

…В этом большая разница между «старым Фрицем» и его последышами-гитлеровцами. Фридрих испрашивал разрешения снять только копии, оставляя оригиналы побежденным, а Гитлер разворовал все оригиналы, и для побежденных

оставались, словно в насмешку, одни лишь жалкие копии.

***

Перед сном Фридриха навестил Манштейн, вездесущий и ненасытный:

— Прочтите документ, который можно обернуть в нашу пользу!

Руки Фридриха тряслись от радости.

— Вот он, попался… Эта каналья попалась мне с потрохами!

Внимание, читатель: Фридрих держит сейчас в руках личное письмо канцлера Бестужева-Рюмина, в котором тот советует графу Брюлю подсыпать яду в бокал русского же резидента в Варшаве, который был не согласен с его знаменитой «системой» Фридрих сказал.

— Митчеллу — в Берлин! Митчелл сказал:

— Вильямсу — в Петербург!

И таким образом беда дошла до Бестужева.

— Король прусский, — заверил канцлера Вильяме, — не будет терять времени и предаст этот постыдный документ всеевропейской гласности…

Бестужева, казалось, хватит удар: он помертвел.

— Сейчас, — намекнул Вильяме, — только от вас самих и от ваших действий зависит упредить это позорное дело!

«Был грех…» Бестужев, которому своя шейка — копейка, а чужая головушка — полушка, и не думал, что «грех» этот вдруг выплывет на свет божий из потаенных архивов Дрездена. И вот что обидно: денег-то от короля прусского он не брал — сие верно, так вот теперь подцепил его Фридрих на другой крючок, поострее! И шутить король не любит…

Но Бестужев, верный себе, начал разговор с другого конца.

— При такой композиции, — сказал он Вильямсу, — было бы гораздо лучше королю Англии видеть меня богатым и сильным, нежели бедным и слабым…

Чем закончилась эта «композиция», видно из секретной депеши Вильямса в Лондон; вот что сообщал Вильяме:

«Я старался склонить канцлера в пользу прусского короля. Сначала он был непреклонен. Но, по мере увеличения цифры вознаграждения, он начал колебаться. Наконец Бестужев подал мне руку и сказал: „С этой минуты я — друг прусского короля!..“

Таково было начало Семилетней войны, хотя тогда никто еще не думал, что она станет семилетней. А кольцо измены на шее России уже замкнулось, сцепив четыре прочных звена:

Фридрих — РОССИЯ — Вильямс Вильямс — Бестужев Вильямс — Екатерина

ГДЕ ФЕЛЬДМАРШАЛ?

Прусские авангарды, сбив гарнизоны противника, шагнули теперь прямо в пределы Австрийской империи, и Вена болезненно сжалась под ударами кулаков опытного драчуна Фридриха…

Петербург воспринял это известие с презрением. — Дураков и в алтаре бьют! — заявила Елизавета. — Хороша же сестрица: коли воевать не способна, так и не бралась бы.

Раньше Мария Терезия одергивала русский кабинет от нападок на Фридриха, а теперь слезно кланялась Петербургу, умоляя о скорой помощи. Граф Эстергази просил Россию как можно быстрее вступить войсками на просторы Восточной Пруссии, дабы оттянуть Фридриха подальше от Вены…

Елизавета Петровна была возмущена до предела:

— Не вы ли, граф, меня за шлейф хватали, чтобы, не дай бог, не начала я войны раньше вашего? Не я ли сразу предложила вам поставить русскую армию в землях саксонских? А вы мне говорили: нет, нет, не надо!.. Чего испугались вы тогда?

Фридриха? Меня? Или того, что мои солдаты ваш хлеб истреблять станут?

Эстергази уже ничего не мог сказать в оправдание своего двора. Он опустился на колени и зарыдал…

Елизавета обескураженно развела руками, шлепнула себя по пышным фижмам, сказала:

— Ну вот, граф… Плачете? А я теперь не могу, на охоту идя, кормить собак… Собак всегда загодя кормят. И сами знаете: у нас даже командующий не выбран!

В это время де Еон добился у нее приватной аудиенции. Обычно дипломаты по пять часов выжидали свидания, пока разберут каждый локон императрицы, пригладят ее морщины. Но де Еона Елизавета приняла сразу, ибо он был для нее мужчина непонятный. Ни одной шашни не водилось за ним, и любая красавица разочарованно отступала перед этой высоконравственной загадкой. Елизавета смотрела на шевалье, щуря красивые глаза свои, о которых современники писали, что они полны «воробьиного сока», и — слушала де Еона… Маленький и хрупкий, шевалье говорил ей о принце Конти, о его доблестях и отваге; как была бы счастлива русская армия, — имей она такого прекрасного военачальника…

— Принц Конти? — фыркнула Елизавета. — Добро бы он у меня шубу на соболях просил, но зачем ему мое маршальство? Я и своих-то генералов чем прокормить не ведаю.

Расписать перед женщиной ту яркую «страсть», которая испепеляет сердце Конти, атташе не решился, ибо за спиною Елизаветы переминался Иван Шувалов, и это грозило большим конфузом (шпага, как известно, от кулаков не спасает). Но хитрый версальский интриган, посверкивая сережкой, вынырнул уже с другой стороны — не менее важной для сюзерена Конти:

— Пламенные взоры принца обтекают все просторы вселенной, и мой сюзерен заметил, что за вашим пышным столом, который называется империей Российской, имеется один свободный стул…

Де Еон выждал паузу (в хорошей игре пауза допускается). Но, кажется, пауза сильно затянулась. Шувалов кашлянул в душистое жабо, а Елизавета игриво махнула веером:

— О чем речь? Пусть принц присядет рядом с нами, а мы потеснимся.

— Но это стул — престол Курляндии, — закончил де Еон, потупляя глаза за своего бессовестного электора. — За все услуги, что окажет еще мой

король России, не сделаете ли вы, всемогущая, принца Конти курляндским герцогом?

— Стул-то.., шаткий, — моргнула Елизавета. — И всего-то и чести в нем, что он географией к моему столу придвинут.

Она глянула на Шувалова, — тот похвалил ее улыбкой.

— Ну что ж, — ободрилась Елизавета. — Ежели за столом Людовикуса уже невмоготу от тесноты стало, то… Пусть сам король и решит за брата Конти, где тому сидеть лучше. А то вот герцог Бирон сидел уже на Митаве, да ныне я держу его подалее — в Ярославле!

На атласных туфлях де Еон — спиною вперед — уже скользил, торопливо кланяясь, по паркетам, и два арапа бесшумно затворили за ним позлащенные двери в лепных амурчиках. Аудиенция закончилась. Шувалов вышел из-за кресла императрицы, сел возле ног ее — на подушку:

— Видишь, матушка, афронт каков! Пора главнокомандующего приискивать. Своего-то хоть в капусту мельчи да с грибами ешь. А с чужим поди-ка вот разбирайся. Медлить нельзя.., война не ждет: хоть роди, а дай армии начальника доброго!

— Трубецкой дряхл, к бумаге прилип, а Румян-

цев молод, — прикинула Елизавета раздумчиво. — Апраксин — баба, да и кажинную неделю бит за картами от Разумовских бывает… Может, и впрямь, Ваня, кого из чужих просить?

— Нет, матушка, своего надо, природного, изыскивать! Стали искать лучшего полководца для вождения армии в походах. Бестужев-Рюмин, по собственным резонам, остановил свой выбор именно на битом Апраксине. Положение канцлера было никудышное, и хотел он поправить его через Шуваловых. Дочка же Апраксина — княгиня Ленка Куракина — была в амурной связи с графом Петром Шуваловым… Апраксин, таким образом, благодарный Бестужеву, шепнет о нем дочке, Ленка Куракина шепнет своему любовнику, Петр Шувалов шепнет Ваньке Шувалову. Ну, а Ванька…

«Не свинья же Ванька — оценит!»

— Матушка, — твердо заявил Бестужев, — окромя Апраксина, ей-ей, как ни крутись, а более никого не видится!

***

Степан Федорович Апраксин провел боевую жизнь не ахти какую кровавую. Если кровь ему и пускали, то больше из носа. Апраксин был другом

«молодого двора». Свой страх перед армией Фридриха не скрывал он нигде — ни в Конференции, ни в сенате, ни среди пьяного разгула, где его внимательно слушали платные шпионы Фридриха: курляндец фон Мирбах, шведский граф Горн, голландец ван Сваарт, сэр Вильяме и жена русского канцлера — Альма Бестужева-Рюмина, урожденная фон Беттингер.

Но трусость Апраксина более всего радовала наследника престола:

— Ты никогда не побьешь друга моего, великого Фридриха!

— Где уж мне, дураку, — охотно вторил ему Апраксин… Елизавета призвала Апраксина ко двору; от флота был зван адмирал Мишуков, который подъехал на колясочке в две костлявые клячи. Совсем не так выехал главнокомандующий, имевший 365 золотых табакерок: на каждый день в году — по разной.

От дома Апраксина до самой Невы устлали дорожку коврами. Дебелые бабы подхватили маршала под локотки и свели его — эту сверкающую бриллиантами тушу! — по мраморным лестницам. На улице выскочили вперед девки, взмахнули узорчатыми платами:

Батюшка — богат, Черевички купил, А жених

не тороват, Одарить позабыл…

Сбежался народ поглазеть на этакое невиданное чудо. Калмык нес перед Апраксиным блюдо с медью, и маршал горстями сыпал в толпу звенящие пятаки. У берега качалась тридцативесельная галера, крытая шелками и бархатом. В золотой клетке при виде хозяина павлин распустил свой яркий хвост — закричал отвратно. Бабы усадили маршала на диваны, в корме ставленные, и грянули тулумбасы. Загудели рожки, затрещали ложки. Гребцы в костюмах венецианских дожей вздохнули разом: «О-о-ой!» — и галера рванулась на просторы Невы, в гудение ветра, в пересверк брызг, в сияние солнца.

Шибко шли, весело. Блестели лопасти весел, оправленные в чистое оренбургское серебро. Звенела вода, и пели бабы. За Летним садом развернулась галера и, проскочив под мостами, вошла в Фонтанку. На Литейном берегу, где дымили арсеналы, голые арабы купали слонов, а недалече от слонов паслись мужицкие коровенки. В портомойнях дружно лопотали вальки прачек. Шумели по левую руку леса, а в лесах похаживали разбойнички…

За Невскою першпективою галера потабанила. Прямо к Аничкову дворцу вел канал от Фонтанки,

и подъезда не было тогда у дворца, а была в те времена только пристань. Сияющий и громадный, тяжело дыша, маршал вступил на ступени лестницы, с которой его не единожды спускали вверх тормашками за игру нечистую.

С ходу, едва увидев императрицу, Апраксин плюхнулся ей в ноги:

— Освободи, матушка! Слаб я…

— А мы укрепим, — сказала Елизавета. — Жалую на поход в генерал-фельдмаршалы. И шатры Могола Великого индийского бери для ставки своей. Покушать ты на золоте любишь, знаю, так любой сервиз бери от стола моего. Сама из деревянной мисочки есть готова, а тебя не обижу… Встань, фельдмаршал!

Апраксин встал, запричитал жалобно:

— Не совладать мне с Фридрихом, силушки нет… Елизавета не любила, когда перечат:

— На твою силушку никто и не глядит. Ведомо, что слаб ты… Да не тебе драться, а солдату.

— Неучены мы, матушка. В дураках ходим!

— Все неучены, пока не биты, — отвечала Елизавета.

— Где уж нашему российскому плюгавству с королем прусским тягаться! Ты гляди-кось, как он по Европам чешет… Как даст — все враз костьми

ложатся без дыхания.

— Трус! — крикнула Елизавета. — Гляди на меня: женщина слабая, ногами больная. И — не боюсь! Такую войнищу затеваю… Ступай же прочь, скула рязанская. И, чтобы не мешкая, в Ригу ехал — армия не ждет, ступай прочь!

Апраксин, навзрыд плача, выкатился за двери. Там его снова подхватили румяные пригожие бабы. Снова распустились в воздухе легкие цветастые платки:

Батюшка — богат, Черевички купил…

Когда галера отплыла, Елизавета взглядом подозвала к себе адмирала. Мишуков без робости подошел.

— Захар Данилыч, что скажешь-то? — спросила она подавленно. — Хоть вы, флотские, утешьте меня.

— А мы люди не вельможные, — отвечал ей адмирал. — От нас, кронштадтских, ты токмо единую правду услышишь! Батюшка-то твой меня палкой бил еще в чинах лейтенантских. Бил он меня и приговаривал: «Ой, и дурак же ты, Мишуков! Ну, кто же говорит вслух то, что думает?» Однако говорю по-прежнему — все, что думаю!

Елизавета, смеясь, протянула ему руку:

— Шут с тобой. Целуй же…

Этикету не обучен, адмирал схватил царицу за руку, поцеловал выше запястья. Понравилось — и еще разок чмокнул.

— Ох, и боек ты, флотский, — удивилась Елизавета. — Сколь же лет тебе, Захар Данилыч?

— На восьмую десть меня уже кинуло.

— А не робок ты, старче?

— Чего? — не сразу расслышал адмирал.

— Не совсем-то молоденький ты, говорю.

— А-а-а… Только б на абордаж свалиться, а в драке-то я горяч бываю. Вот, помнится, случай был.., ишо при баталии Гангутской, при батюшке твоем, случилось мне раз…

— Ну-ну, погоди! В порядке ли эскадр свой содержишь? Мишуков стал загибать перед ней тряские синеватые пальцы:

— Не флот у тебя, матушка, а дерьмо протухшее. Ты бы помене на гулянки тратилась, а лучше бы флоту деньжат скинула. Смотри сама детально: кильсоны в течи, брандкугелей нехватка, рангоут погнил, такелаж размочалился…

Елизавета поспешно закрыла уши:

— Ой, батюшка, что ты меня ругаешь? Да еще слова-то какие зазорные придумал… Скажи по милости языком внятным: галеры твои потоппут или не потопнут, если их в море вывести?

Мишуков ответил:

— А чего им тонуть, коли мы на них плаваем? Подобьем где надо паклей да просмолим. Поплывут, куда ни прикажешь.

— А матросы мои — здоровы ли?

— Крррровь с ррромом! Секи любого, матушка: ему — хоть бы што, даже не обернется…

Елизавета, удовлетворенная, поднялась:

— Термин свой из дворца вынеси: я в морской брани не смыслю. — Раскрыла веер и обмахнулась. — Отпиши Кашкину, Петру Гаврилычу, в Ревель, дабы эскадр весельный в самой скорости был готов. Бомбардирской же эскадре Сашки Вальронда быть начеку загодя. И города прусские, кои у моря стоят, по плану Конференции, брать будем совокупно — и армейски и флотски!

Раскрыла шкатулку, среди жемчугов и ниток коралловых нашла свою орденскую ленту. Потянула ее из вороха драгоценностей:

— Нагнись, адмирал.., жалую! Хоть и облаял ты меня сердито, а все едино.., флотские люди мне любы: они не скулят!

— Матушка, — проскрипел старик. — На кой мне ляд лента твоя, коли помру скоро. В гробу я и без лент хорош буду! А лучше дозволь еще разок ручку поцеловать? Уж такая она у тебя..,

вся белая, пребе-е-елая!

***

Узнав о назначении Апраксина, Фридрих обрадовался:

— Апраксина можно смело подкупить через великую княгиню Екатерину: он слишком расточителен и постоянно нуждается…

Посол Митчелл из Берлина диктовал своему коллеге Вильямсу:

«На этом основании прусский король полагает, что Апраксину можно предложить известную сумму денег, лишь бы он задержал движение русских войск…»

Вильяме поручил это Бестужеву, и чередою великолепных пиршеств Апраксин был надолго задержан в Петербурге — вдали от армии, которая, кутаясь в прогнившие от сырости плащи, грелась у походных костров в промозглых лесах Ливонии.

Расквашивая дороги, хлынули осенние дожди — желтые и неуемные. Потом закружились белые мухи; близился 1757 год, а командующий все еще пировал на берегах Невы… Однажды Апраксин прямо спросил великую княгиню Екатерину:

— Ваше высочество, ехать мне к армии или не

ехать? На что получил ответ, все объяснявший:

— Ежели вы, Степан Федорович, останетесь в Петербурге, к армии не отъезжая этим вы проявите преданность к моей особе…

Здоровье Елизаветы Петровны снова ухудшилось, и все ждали рокового исхода; потому-то заговорщики и не хотели отпускать Апраксина к армии, — фельдмаршал был нужен для конъюнктур внутренних. Но флот и армия, далекие от придворных затей, верой и правдой служившие лишь целям Отечества, — эти два живых и сложных организма были уже давно готовы к походу.

И это была та сила, которую не могли подкупить никакая секретная дипломатия и никакие бешеные деньги.

Россия уверенно покоилась на этой силе.

ГОРЯЧИЙ КОТЕЛ ЕВРОПЫ

Фридрих выжидал весны, чтобы начать новую военную кампанию. Англия, заварив всю кашу в Европе, спокойно свернула свой лисий хвост на островах и посматривала прищуренным глазом, что получится из этого густого кровавого варева. Фридрих, по сути дела, оставался один, но…

— Натиск! — утверждал король. — Моего меча никто не увидит, только блеск его ослепит Европу… Один удар — Австрия, второй — Франция, шведы — это вообще не вояки, а тогда останется ленивая Россия, с которой расправимся на сладкое.

Иногда, впрочем, прорывались сомнения.

— Как здоровье Елизаветы? — терзался король. — Неужели она переживет эту зиму? Что в Петербурге?..

А в Петербурге только и говорили, что Елизавете Петровне все хуже и хуже. Лейб-медик Кондоиди по секрету утверждал, что императрица доживет только до весны. Это радовало сторонников Фридриха и пугало честных патриотов России, которые понимали: умри Елизавета

— и все обернется бесчестием русскому имени…

В один из дней Елизавета ткнулась в стенку. Руки раскинула, закричала истошно:

— Помогите мне… Я ничего не вижу, люди!

Она ослепла. Зрение скоро вернулось к ней, она пришла в себя от страха, выпила бокал венгерского и схватила лейб-медика Кондоиди за длинный нос:

— Я тебе, черт византийский, еще покажу кузькину мать… Посмей мне кляузы строить! Это не я, а ты, сатана, только до весны протянешь. Я еще спляшу на твоей могилке…

Потом вспомнила об Апраксине:

— Здесь еще он, брюхатый? Гоните его в Ригу, иначе я в гнев войду… Худо будет! Всем худо будет!

Эстергази в Петербурге старался угодить России: гнал и гнал переговоры с французской миссией… Дуглас оказался очень верным слугой Версаля — он говорил:

— Король Франции никогда не согласится, идя на союз с Россией, порвать свои сердечные отношения с диваном султана.

— Но Турция извечный враг России, — оспаривал его Эстергази. — Вспомните, что в Крыму томятся русские рабы и что русский двор никогда

не отступит от борьбы с исламом!

— Но еще вот Польша… — вставлял де Еон, и три человека бились лбами над круглым столом, пока не отыскали спасительной лазейки в темном углу секретности. — Нужна тайная статья! — сказал де Еон. — Чтобы Франция оказала помощь России в ее борьбе с Турцией, но под большим секретом от турок.

Бестужев-Рюмин такую статью одобрил. Ее быстро оформили, скрепили подписями и срочным гонцом отправили в Париж. На другом конце Европы русско-французский договор прочел Людовик и пришел в состояние ярости:

— Только такой дурак, как Дуглас, мог подписать подобное… Я согласен: пусть Елизавета слегка вздует Фридриха, чтобы он не зазнавался, но именно султан должен ослабить Россию в самой ее подвздошине. Из ногайских степей — по сердцу! Еще неизвестно, — кричал Людовик, — какая из стран более велика: дикая Россия или Блистательная Порта!

Казалось бы, чего уж яснее, — России всегда не везло на союзников. Австрийский посол в Париже посоветовал Людовику:

— Обратитесь лично к императрице русской, которая питает к вам слабость. Пусть она устра-

нит эту ошибку в трактате.

— Да, я напишу ей! Пусть она разорвет эту злополучную секретную статью… Могучая Турция и слабая Россия — вот эталоны гирь, которые уравновесят Европу.

***

Ах, короли, короли! Сукины вы дети, а не короли… Вот за окном Версаля снова струится зимний дождь, небо над Парижем темнеет, а значит — охота не состоится, и королевские псари, насытив мясом своры борзых, лениво поговаривают:

— Если дождь будет и завтра, то наш король завтра ничего делать не будет…

Вечером Людовик вышел из кареты, и — конечно же — нашелся в толпе счастливец, раскрывший над его головой зонтик. Король скрылся на лестнице, и дворец Версаля вдруг огласил рев — звериный и страшный, — это кричал сам король:

— Святые боги, меня убили! Молитесь же, французы, король убит за ваши грехи…

В потемках лестницы, колотясь от страха, стоял человек с перочинным ножиком в руке. Это был Роберт Дамьен — первая буковка в сложном алфавите Великой французской революции.

— Я не безумец, — твердил он, — я не убийца…

Я только хотел предостеречь короля, что народ.., что Франция…

Чья-то рука захлопнула ему рот. А король, сидя на ступеньках, в ужасе смотрел на царапину и — кричал. Но как кричал!

— Ваш многолюбимый Людовик умирает! Где духовный отец? Зовите священника, пока я не умер… Плачьте, французы: вы лишились своего доброго короля!

Царапина свалила его на девять дней. Людовик лежал в совершенно темной комнате, без единой щели света, и плакал от страха. Плакал все девять дней подряд. И газет из Голландии не читал (а кроме голландских он вообще никаких других не читал). Он забыл даже о Помпадур, — только он, только король, только его тело, только душа его…

Иезуиты, духовники короля, вовлеченные в интриги Версаля, не соглашались отпустить ему грехи, пока… Людовик даже не дослушал их до конца, — он сразу все понял:

— Гоните ее, французы, чтобы спасти своего короля! Маркиза Помпадур спокойно выслушала этот приказ. Ее изгоняли из Версаля — из Бельвю, из курятника, из постели, из тарелки, из платья .

— Может быть, — сказала она, не пролив ни

слезинки, — я больше никогда не увижу моего короля. Так может быть! Но знайте: если я увижу моего короля еще хоть один раз, то кое-кто в Версале уже никогда его не увидит… А теперь, мои милые поросята, я скажу вам самое приятное: никуда из Версаля я не поеду… Убирайтесь все прочь!

На десятый день король встал и направился (куда бы вы думали?) прямо в Бельвю — увы и ах! — прямо к ногам Помпадур. Он, как любовник, ожидал выслушать от нее упреки за свое недостойное поведение, но «рыбешка» оказалась умнее, чем он о ней думал. Людовик был так благодарен маркизе за это, что в тот же день полетели все министры.

На самом пороге войны талантливый Марк Аржансон был заменен бездарностью де Поми… Шуазель спросил у фаворитки:

— Дорогая маркиза, неужели Париж так беден талантами, что не могли подыскать достойной замены?

— Я хватала те грибы, которые росли у меня под ногами, — ответила Помпадур. — Мне было некогда выбирать…

Шестьдесят человек, занимавших ответственные посты в Париже, были разогнаны по дерев-

ням и замкам.

— Ну, как моя армия? — спросил король у де Поми. И увидел рабски согбенную спину нового военного министра.

— Войска вашего величества живут лучше, чем толстые капуцины, и целая армия солдат пройдет через королевство, не прикоснувшись ни к одной вишне!..

Страшно и люто отпраздновала Франция вступление в 1757 год. Знаменитый палач Сансон рвал тело Дамьена раскаленным железом.

— Еще, еще! — орал Дамьен. — Напрасно думаете, что мне больно… Нет, французы, мне совсем не больно!

— Ах, тебе, говоришь, не больно? — И палач залил ему свежие раны кипящим оливковым маслом.

— Еще! — захохотал Дамьен, уже обезумев. — Какой вы молодчага, Сансон… Как вы ловко все это делаете!

Четыре королевские лошади, впряженные в руки и ноги фанатика, разорвали Дамьена на глазах публики. Но он был еще жив, и палач Сансон услышал от него — последнее:

— Король заблуждается…

***

А по заснеженным дорогам России катились возки, крытые кошмами. Трещали лютейшие морозы. Ямщики возле постоялых дворов наспех глотали водку, пальцами лезли в ноздри лошадей, выковыривая оттуда сосульки.

Завернувшись в шубы, обтянутые бархатом, одинокий путник щедро сыпал золото по пути — и дорога от Варшавы до Петербурга быстро сокращалась. Вот наконец и Стрельна, наплывает неясный гул от Кронштадта, — и забилось сердце:

— О матка бозка! О дивный сон! О любовь... На заставе дежурный офицер только что сделал очередную запись о проезжем:

«Славный портной Шоберт, готовый делать отменные корсеты, а также рвет болящие зубы, в чем искусство свое подтверждает».

Хотел было офицер у печки погреться, но снова забряцали колокольцы, вздохнули кони. Вышел. Под лунным сиянием мерзли заиндевелые возки.

— Кто едет? Что за люди? Не худые ль? Красавец, до глаз закутанный в меха, выпростал из муфты нежную, всю в кольцах, руку и показал

свиток паспорта:

— Великое посольство из Речи Посполитой, и я — посол, граф Станислав Август Понятовский…

Заскрипели шлагбаумы, пропуская путника в русскую столицу.

Совсем недавно проскочил он под ними, как изгнанный. Всего лишь секретарь британского посольства.

И вот — пади, Петербург, к моим ногам: я нунций и министр, подскарбий литовский и Орла кавалер Белого, — я возвращаюсь.

На коне и со щитом!..

В доме Елагиных еще не спали. Понятовский сбросил шубы:

— Она.., здесь?

— С утра! — шепнул Иван Перфильевич (хозяин дома).

Через две ступеньки, полный нетерпения, Понятовский взлетел по лестницам, толкнул низенькие двери.

— Ах! — И две руки обвили его шею, и — слезы, слезы, слезы…

Так он вернулся. Его опять ждали советы Вильямса и любовь Екатерины. Посреди ласк, разметавшись на душных перинах, она сказала:

— Слушай, Пяст: я буду царствовать или.., по-

гибну!

Но если я надену корону, то и твоя голова воссияет. Люби меня крепче, Пяст!

Однако между слов любви она шептала Понятовскому и кое-что другое — более важное. Понятовский относил ее слова в английское посольство, оттуда передавали их Митчеллу, и в Берлине, таким образом, знали о многом. Гораздо больше, чем надо!

В эти дни Вильяме сообщал в Берлин:

— Передайте королю Пруссии, что здешний канцлер Бестужев не получит от меня ни гроша более, пока не окажет нам существенных услуг, какие я от него потребую!

***

Близилась весна, и Фридрих готовился открыть кампанию, чтобы увеличить свои немецкие земли за счет земель немецких же!

— Я ненавижу Германию с ее оболтусами-герцогами и дураками-курфюрстами, — признавался Фридрих. — Я ненавижу эту жадную и мелочную Германию, как естественную противницу моей маленькой трудолюбивой Пруссии.

Пройдет время, и Пруссия всосет в себя все германские земли, и сама Пруссия тогда станет самой

Германией. Слова прусского короля Фридриха тогда обернутся словами первого германского императора Вильгельма I, который скажет сыну:

— Моему прусскому сердцу невыносимо видеть, как имя Пруссии заменяется другим именем — Германия! Заменяется именем, которое в столетиях было враждебно прусскому имени…

Но до этого еще далеко. А сейчас прусские пушки заряжены английским золотом. Фридрих воинственно сидит на полковом барабане. Кричат петухи в деревнях прусских за Потсдамом…

Карл Маркс впоследствии так писал о Фридрихе Великом:

«…всемирная история не знает второго короля, цели которого были бы так ничтожны! Да и что могло быть „великого“ в планах бранденбургского курфюрста, величаемого королем, действующего не во имя нации, а во имя своей вотчины…»

Ну ладно, читатель. Посмотрим, что будет дальше.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ ОПАСНЫ

Елизавета плакала над письмом недорезанного короля:

— Нешто же ему Порта магометанская дороже моей любезности?

С этим Версалем — одни обиды и недоразумения. Она, больная женщина, по дружбе просила Людовика, чтобы прислал в Петербург знаменитого Пуассонье — врачевателя по женским болезням. А король ей на это ответил, что врачей у него не хватает даже для армии. Что же получается? Солдат у него гинекологи лечат?.. Уж как хотела Елизавета, страстная театралка, чтобы «Комеди Франсэз» порадовала ее в Петербурге. Но Лекена и мадемуазель Клерон король не отпустил в Россию... «Разве так друзья поступают?» Ото всего этого Бестужев-Рюмин вновь обретал силу.

— Матушка, — зудил он над ухом императрицы, — вишь, лягушатники.., вишь, паскуды каки! Не я ли давеча остерегал тебя от Франции?.. Отнеси перышко подале, а то на трактатец ненароком чернил капнешь. А французы тогдась и рады

стараться, твою кляксу за ратификацию сочтут!

Тайный пункт о помощи России в ее жестокой борьбе с Турцией встал Людовику поперек горла. Этот пункт затормозил союз всей антипрусской коалиции… Кстати подоспел Шувалов.

— Матушка, — сказал он, — я с шевалье де Еоном беседу имел. Он разумно предлагает не инвектировать статью далее, а просто плюнуть на нее. Сама посуди: на султана турецкого веревку, даст бог, еще намылим. А сейчас… Фридрих — волк, в овчарню уже залезший. Не мучайся, матушка, разорви и брось!

— Ну ладно, — ожесточилась Елизавета. — Как они, так и мы.

***

Дуглас был вызван к Бестужеву.

— Видите? — спросил его канцлер, держа в руках статью о секретной помощи Франции. — Ну, так вот мы как! — И на глазах Дугласа он порвал ее в клочья, разбросав ошметки по полу…

После чего союз трех стран против Фридриха был заключен. План совместных боевых действий был опробован в Конференции, и де Еон стал собираться в дальнюю дорогу. Помимо письма Елизаветы к Людовику он отвозил во Францию

еще 50 000 золотом лично для Вольтера и целый мешок бумаг петровской эпохи «Следы этого архива в начале нашего века были обнаружены в архивах министерства иностранных дел Франции и в библиотеке гор. Тоннера (родины де Еона); очевидно, там есть и документы, ускользнувшие от глаз наших историков.», чтобы Вольтер, не полагаясь только на свой гений, ознакомился бы с личностью Петра I по документам…

Перед отъездом кавалера Бестужев позвал его к себе.

— Ея императорское величество, — хрипло сказал канцлер, — изволила жаловать вас на дорогу в триста червонцев…

Канцлер хмуро брякнул на стол кисет с деньгами, и нежная лапка кавалера бесшумно потянула к себе русское золото.

— Это от императрицы, — продолжал Бестужев. — А сейчас получите и от меня… Вы не имели чести знать маркиза Шетарди?

— Довольно наслышан о его неудачах в России.

— А где маркиз сейчас, известно ли вам?

— Он умирает в крепости Ганнау…

— Вот, — подхватил канцлер. — Умирает в крепости… А ведь был он человеком не без даро-

ваний. Однако вздумал со мной тягаться и потому умирает в крепости, — с удовольствием повторил Бестужев, закончив грубо:

— Вам же, сударь, не пристало со мной тягаться. Слишком молоды!

— Грех молодости со временем проходит и обращается в другой грех, который времени уже не дано исправить.

— Может, я и стар для вас, — чеканно отвечал Бестужев. — Но я согласен выплатить вам из своего кармана не триста, как императрица, а все три тысячи червонцев, только бы вы…

— Я понимаю! Но, — решил поторговаться де Еон, — дайте уж мне сразу тридцать тысяч, и моей ноги не будет в России!

— Россия только начинается Петербургом, а кончается… Ну-ка, вспомните, сударь, чему вас учили добрые па теры?

— Россия кончается Сибирью, — захохотал де Еон.

— Бездарно вас учили! — грянул Бестужев. — Сибирь только пупок России, а понюхать, чем пахнет русская пятка, вы можете лишь на Камчатке… Так что, — закончил он тише, — маркизу Шетарди еще здорово повезло на крепости Ганнау! Прощайте, шевалье; надеюсь больше вас

никогда здесь не видеть!

И маленький де Еон, отягощенный золотом, рванулся в путь. Карета его была английской, в которой удобно лежать, и, таким образом, для ночлегов он нигде не задерживался — только менял лошадей. Ехал он налегке, без багажа: пять копченых языков, каравай хлеба и бочонок с вином… Этого вполне хватит!

***

Почти одновременно с де Еоном тронулся в путь и другой «путешественник», тоже любивший спешить и путать чужие карты, — король Пруссии начал свое победное наступление на Австрию, его конные партизаны дошли до Регенсбурга, сея по землям Баварии смерть и ужас. Зима не прошла даром: Фридрих имел под ружьем армию в 200 000 человек, прекрасно обмундированных и хорошо обученных… Запасов у короля было на год!

Прусская армия вошла в Богемию четырьмя колоннами, сметая все на своем пути; австрийцы бежали, бросая магазины, полные добра, оставляя толпы дезертиров и беженцев. Пруссаки сбрасывали телеги со скарбом на обочины, освобождая шоссе для своих непобедимых легионов. На рас-

свете 6 мая 1757 года Фридрих увидел перед собой древние башни Праги; поодаль сверкали в покое чаши рыбных прудов, синеватые овсы скорбно шелестели на древних чешских полянах…

— Карту! — И он сел; маленький остроносый человек; губы узкие, словно лезвия. — Вон там цветут овсы, — показал тростью. — По овсам можно пустить пехоту…

Но пражане подняли плотину, и вода из прудов хлынула на луга. Прусская инфантерия запуталась в тине, толпами погибала в воде, а среди овсов билась живая рыба.

Огонь чешских пушек молотил врагов нещадно, пруссаки буквально шагали по трупам (это не преувеличение). И, дрогнув, они побежали…

— Шверин! — позвал король, почуяв неладное. — Почему вы здесь? Ваше место — впереди пехоты! Картечь разорвала старого вояку. Фридрих закричал:

— Циттен! Пришло и твоим гусарам время умирать… Под стенами Праги началась уже не битва, а — резня.

Обе стороны бились насмерть. Фридрих прыгнул на телегу, не отрывая подзорной трубы от глаза.

— Что вы ищете, мой король? — спросил его

де Катт.

— Щель для крысы, — отвечал Фридрих. — В этой ужасной каше мне нужна только щелка. Образуйся она хоть на миг, я втиснусь туда головой, раздвину ее плечами, и тогда противник будет разделен мною на две части. По частям же бить удобнее… Вот она! — воскликнул Фридрих. — Вот она.., я вижу ее! Принц Фердинанд, берите шесть свежих батальонов.., вечером я должен видеть вас встречающим меня на базарной площади Праги!

Эта встреча не состоялась, и битву прекратил только мрак ночи. Живые укрылись за стенами цитадели, озверевшие от крови потсдамцы затаптывали раненых в болота. Фридрих отправил в город гонца с предложением сдаться. Прага отвечала ему гордым отказом: «Мы решили умереть!» Король был озабочен.

— Везите сюда осадные орудия, — велел он. — Мы станем наказывать чехов днем и ночью ядрами величиной с голову померанского теленка…

Прага запылала. Сильный ветер раздувал пожары. Пражане сотнями гибли от дыма и огня, резали лошадей, чтобы не умереть с голоду, в храмах навалом лежали обожженные и раненые,

трупы погибших раздувало от сильного жара, и они лопались, издавая зловоние…

Тогда женщины взяли детей своих на руки и решили выйти из города — в поля, в леса, в прохладу, в тишину.

Доложили об этом Фридриху, и он осатанел:

— Затолкайте их штыками обратно в пражское пекло! Они знали, что король не шутит… Я уже предлагал им сдаться! Они ответили, что согласны умереть — вот и пусть теперь дохнут…

Дурное настроение не покидало его. Мужество пражан сбивало все его четкие планы кампании. Фриц не привык к упорному сопротивлению. Брань, самая чудовищная, сыпалась на головы генералов. Сейчас он терял время, а союзные армии, пока он застрял под Прагой, маневрировали для боя с ним. Из Петербурга сообщали, что русские уже готовы к походу…

Все складывалось отвратительно. Наконец Фридрих не выдержал: он поручил вести осаду Праги маршалу Кейту, а сам помчался навстречу австрийской армии Дауна.

Король провел ночь в придорожном трактире возле Коллина, уронив голову на замызганные доски стола. Спал тревожно, часто пробуждаясь, глядел во тьму… Его разбудил де Катт:

— Ваше величество, уже светает.

Из окна трактира, жуя кусок сыра, король обозрел поле предстоящей битвы. Быстро составил план диспозиции, в полки были разосланы «директции» на движение. Все началось превосходно: Циттен выкосил авангарды австрийцев, словно дурную траву. В разгар боя — в творческом вдохновении — Фридрих вдруг решил переменить «дирекцию» на флангах…

К нему примчался из боя на коне принц Мориц, доказывая абсурдность этой перемены в самый разгар баталии. Протягивая к Фридриху руки в окровавленных перчатках, принц взывал:

— Король, разве так уж надо, чтобы мы шагали по трупам?

Фридрих побелел. Схватил шпагу и прижал эфес к груди. Острие направил в принца:

— Убью, как собаку… Вперед!

Пруссаки снова полезли по трупам и смяли австрийцев. Казалось, исход битвы решен. Даун уже писал на спине своего адъютанта приказ о спешной ретираде. Но тут случилось непредвиденное: из армии Фридриха побежали прочь саксонцы, взятые им в плен из «Пирнского мешка». Они бежали навстречу польско-саксонскому корпусу, бившемуся на стороне Дауна. Каре прусской

лейб-гвардии встретило беглецов беспощадным огнем. Пальба шла такая, что сумки с патронами скоро опустели. И вот тогда польские лихие гусары-панцирники врубились в каре гвардии Фридриха.

Рубили со смаком и при каждом ударе восклицали:

— Вот тебе за Дрезден!.. Вот тебе за Пирну!.. Будешь еще залезать к нам, прусачье рыло?

Фридрих с трудом собрал вокруг себя сорок человек:

— Ребята, вас поведу я… Мы возьмем батареи врага! Его нагнал адъютант, схватил за конец плаща:

— Остановитесь, король! Нельзя же брать батарею одному!

Фридрих оглянулся: никто уже не скакал за ним следом. Он вернулся назад и поддал ногой по барабану с бубенцами.

— Уходить, — сказал. — Обратно за Эльбу… Фортуна оказалась сегодня женщиной, а я никогда не был бабником. Бросайте все: пушки, обозы, раненых… Но спасти во что бы то ни стало двух раненых — Циттена и Манштейна!

На следующий день короля с трудом отыскали на окраине города Нимбурга; он сидел на бревнах

возле крестьянской изгороди, чертил по земле загадочные фигуры, глаза его были полны слез. Бродячая собака юлила вокруг короля.

— Флакон с ядом всегда при мне, — сказал Фридрих, — а в Сан-Суси уже вырыта могила, прикрытая прекрасной Флорой. Время ли ставить точку? Я не был побежден под Коллином; меня подвели саксонцы, которых я принял под свои славные штандарты… В ответ я разорю их страну, я заставлю их голодать, и саксонский хлеб пусть сожрет моя армия… Увы, — снова поник король, — Прага не сдалась, и все полетело к черту!

СЛАВА ТРУБЯЩАЯ

Белосток встретил кавалера сумятицей и пылью. Посреди городской площади, возле трактиров для проезжающих, сверкали блестящие кареты пышного посольского поезда… Кто такие?

Это ехал в Россию маркиз Лопиталь!

— Вы почему не торопитесь? — окликнул земляков де Еон.

Молодой пройдоха Мессельер, секретарь посольства и парижский знакомец де Еона, вытащил кавалера из коляски:

— Мы были уверены, что встретим тебя по дороге.

— Откуда эта уверенность?

— Но все газеты кричат о тебе…

Чудеса! Слава дипломата пришла к де Еону совсем нежданно. Пока он сидел в Петербурге, ел, болтал и пьянствовал, имя его в Европе уже сделалось известным. Газеты писали об его отъезде из Петербурга в Париж в тех выспренних словах, в каких пишут только о знатных персонах в политическом мире…

Маркиз Лопиталь целовал де Еона в чистый лоб:

— Дитя мое, вы все хорошеете… Скажите, а негодный Вильяме все еще торчит на невской набережной?

— Да, маркиз, он ждет вас для благородного поединка!

— Тогда мне не будет доставать именно вашей ловкой шпаги.

— Но канцлер Бестужев грозит мне дубьем…

— Ах, право, что мне делать с этим ужасным человеком? — огорчился Лопиталь. — Елизавета так неосмотрительна… А что двор великой княгини Екатерины?

— Де Еон приник к уху маркиза, пошептал что-то с минуту, и Лопиталь воскликнул:

— О чем думают в Версале? Англия и здесь нас опередила. Но в моей свите полно красавцев, и я надеюсь, что французы не уступят в любви полякам! Граф Фужер, подойдите сюда, мой милый… Ах, нет, не надо! Я совсем забыл, что вы имели глупость запастись в дорогу прелестной женой…

Он снова поцеловал де Еона, отпуская его:

— Как жаль, что я рано состарился. А то бы я, несомненно, «сблизил» Россию с Францией… Ах, годы, годы! А то ли было в Неаполе… Вы, кстати,

вернетесь в Петербург?

— Непременно, маркиз! — крикнул де Еон, впрыгивая в коляску. — С пером и шпагой — я весь к вашим услугам…

В дороге он спешил так, что оси колес не однажды загорались от трения. Охлаждали карету, загоняя лошадей по брюхо в быстрые ручьи, и снова мчались дальше. Кавалер прибыл в Вену, когда столица Австрийской империи мрачно вырядилась в траур. Неумолчно звучал погребальный набат церквей, возвещая Австрии о новом поражении ее войск. Это были дни, когда Фридрих еще стоял под стенами Праги…

— Необходим короткий отдых телу, — сказал де Еон, вылезая из коляски возле ворот Бургтор; просто ему не хотелось везти в Париж реляции о поражении, — пусть Людовик узнает неприятные вести помимо него (дипломат всегда должен быть дипломатом).

Здесь же, в Вене, кавалер встретился с графом Брольи, человеком «огня и железа», послом в Варшаве, который недавно помогал де Еону копать яму под Понятовского; теперь де Еон вез в Париж план военной кампании России с Францией, а граф Брольи привез в Вену план кампании Франции с Австрией; три страны наконец-то

объединились для противоборства с Фридрихом!

Однажды они обедали в ресторации. Колокола австрийской столицы вдруг залились тонким веселым перезвоном:

Фридрих разбит под Коллином, Прага выдержала осаду. И, не допив бокала с вином, де Еон опрометью бросился в коляску.

— Куда вы, мой Еон? — удивился Брольи.

— Счастие человека, граф, иногда зависит от животных…

Да, отныне вся надежда — на лошадей! Ох, как надо опередить гонцов из Вены, чтобы первому донести в Версаль известие о победе австрийцев. Теперь оси колес снова дымились не на шутку. Но благословенный. Рейн уже дохнул прохладой в лицо. Проскочив улицы Страсбурга, де Еон швырнул горсть монет на заставе, чтобы его не задерживали возле шлагбаума, и коляска бешено запрыгала на спуске к реке…

— Стой, стой! — Но лошади, дрыгая ногами, уже летели под откос, дребезжала и кувыркалась карета; де Еон, выбив дверцы, прижимал к груди пакет с «секретами» короля…

— Перелом ноги, — сказал врач, когда дипломат снова обрел сознание, так и не выпустив почты из рук.

Силясь не стонать, де Еон щедро развязал кисет с тяжелыми червонцами Елизаветы Петровны.

— Что угодно, — сказал он, — за карету и лошадей… На целых 36 часов (!) де Еон опередил австрийских курьеров, и Версаль встретил его как победителя. Он был очень сметлив, этот маленький карьерист, когда стонал в своей карете, а запаренные кони фыркали у железной решетки Версаля.

— Скажите моему королю, что я не могу встать… Здесь, в этой сумке, будущее Франции! А под Прагой дела идут блестяще!

Словно из рога изобилия посыпались милости:

— Шкатулка короля к вашим услугам…

— Лейб-хирург его величества прибыл…

— Золотая табакерка с алмазами и портретом короля…

— Чин поручика лейб-драгунского полка…

По дороге этой стремительной карьеры осталось лежать 48 загнанных насмерть лошадей. От Петербурга до Версаля они отметили, как вехи, путь кавалера к славе трубящей. Но в самом Париже де Еон.., увы, разочаровался!

После широких, залитых зимним солнцем петербургских площадей Париж вдруг показался ему маленьким, темным и грязным… Впрочем,

это не только мнение де Еона, — любой француз того времени, вернувшись из Петербурга, с грустью высказывался далеко не в пользу своей столицы. И кавалеру, несмотря на угрозы Бестужева, вдруг страстно захотелось вернуться обратно на берега Невы, засыпанные чудесным пушистым снегом…

Но сначала — дела! Терсье уже предупредил его:

— Остерегайтесь вступаться за принца Конти: положение сюзерена сейчас шатко благодаря капризам маркизы Помпадур, и вы можете оступиться в самом начале славы, моя прекрасная де Бомон!

Доложили королю мнение Петербурга: ответ Елизаветы о курляндской инвеституре был уклончив, жезл русского маршальства для Конти тоже повисал в воздухе, и Людовик сомневался:

— Если у де Еона есть письма к принцу, пусть он их передаст. Но я хотел бы знать, что ответит этот шалопай.

Положение «карманного» визиря Франции было сейчас таково, что Конти, не стесняясь, плакал.

— Неужели, — говорил он, — мне так и суждено умереть, не испытав тяжести короны? Теперь я

согласен получить корону даже от евреев, будь только она у них в запасе на Иерусалимское царство! Ах, эта подлая «рыбешка», не будем называть ее по имени… Что бы доброй Елизавете воскресить для меня древнее Киевское княжество! Скажите, шевалье, разве я был бы плохим князем для запорожцев?

— К сожалению, высокий принц, — вздохнул де Еон, — Украина имеет гетмана — Кирилла Разумовского!

— В том-то и дело, — печалился Конти, — что, куда ни поглядишь, все лучшие места уже расхватаны… Мир действительно стал тесен. Сейчас хоть заводи королевство эскимосское! Ах, Курляндия, Курляндия! Остается сказать

— прощай навсегда…

***

Курляндия! Золотые россыпи песков в янтаре медовом, стройно взлетающие к небу сосны, рабские спины латышей и литовцев, черные вороны злобно каркают над древними замками крестоносцев. И для всех проходимцев Европы была ты, несчастная Прибалтика, самым вожделенным куском на пиру разбойничьем. Пожалуй, только одни цыгане не претендовали на корону твою. Да

и те, наверное, от нее не отказались бы!

Петербург поступал — хитрее не придумать: Курляндию держали при себе, а герцога курляндского морозили в Ярославской ссылке; — вот и придерись, попробуй!

В эти дни, пока де Еон лакомился славой у себя на родине, Елизавета поманила как-то к себе принцессу Гедвигу Бирон:

— Не жужжи, кукла чертова! — сказала со смехом. — Эвон, слыхала небось: принц Конти шапку твоего тятеньки примеривает. И до баб охоч, говорят… Пойдешь за принца?

Горб курляндской принцессы так заострился от злости, что колом торчал из-под дареных — на бедность — платьев.

— Вззззз… — отвечала она, затравленно озираясь. — Мой отец хотя и в ссылке, но корона его не шапка, чтобы любой ее нашивал. Бироны сидели и будут сидеть на Митаве!

Елизавета треснула по морде ее, горбатую:

— Я-то смех смехом, а ты грех грехом… Да появись твой батька снова, так его собаки наши и те по кускам растащат! Мало вами, бесстыжими, крови попито русской? Еще алчете?

К сожалению, эту сцену наблюдал граф Эстергази, и Елизавета одарила дипломата одной из

своих великолепных улыбок:

— Извините, посол. Но цари не частные лица. И дела семейные нам приходится на миру вершить…

Лопиталь со своим посольством уже приближался к рубежам России, и настроение императрицы от этого было хорошее. Но едва Лопиталь добрался до Риги и чуть-чуть прикоснулся к русским делам, как сразу же запутался до такой степени, что даже Дуглас не смог ему помочь. И тогда раздался истошный вопль сиятельного дипломата — из Риги в Париж:

— Срочно верните сюда кавалера де Еона! В министерстве Версаля были поражены:

— У него там восемьдесят кавалеров… Куда же еще? Но маркиза Помпадур поддержала Лопиталя.

— Отправьте! — наказала она. — И не спорьте. Я-то уж знаю, что одна голова семги стоит восьмидесяти лягушек…

Король назначил де Еона первым секретарем посольства (это очень высокий пост по тем временам).

— Лопиталь, — говорил Людовик, — будет в Петербурге рассказывать всем про свою ужасную подагру, и все дела предстоит вершить де Еону. А

посему он будет моим министром полномочным в России!

Де Еон снова вступал на стезю, с которой бесславно сходил его учитель

— принц Конти; принца теперь заменяли графом Брольи. Снова — право личной переписки с королем, таинственные шифры, и политика та, которая Лопиталю и во сне не приснится. Политика самого короля Франции! Исполнять же ее и существуют такие молодчики, вышколенные и лукавые…

Но прежде чем покинуть Париж, де Еон водрузил на стол министерства одну бумагу.

— Это мне, — заявил он, явно торжествуя, — когда снимали копии бумаг для Вольтера, удалось под страхом смерти похитить в Петергофе из секретных архивов России!

— Что же тут? — спросили его.

— Здесь завещание Петра его потомкам, политическая программа России, которой она следует и будет следовать неуклонно!

Наверное, он думал, что ему за этот документ воздвигнут в Версале памятник. Но ни король, ни его министры в суматохе событий не обратили на эту бумагу никакого внимания.

«Слишком химерично!» — был вывод поли-

тиков…

Однако этим документом де Еон невольно заложил под круглый стол Европы такую гремучую петарду, которой еще не раз суждено взорваться.

И раскатисто прогрохочут взрывы дважды: в 1812 году, перед нашествием Наполеона, и в 1854 году, перед высадкой франко-английских интервентов на лучезарных берегах Крыма.

Но пока эта «петарда» забылась в ворохе архивных бумаг.

Однако мы, читатель, должны о ней постоянно помнить.

Речь о ней — впереди!

ПРИЕХАЛИ ФРАНЦУЗЫ

Перед самым отъездом Апраксина к армии Екатерина получила от англичан 44 000 рублей и в ночь отправки фельдмаршала в Ригу долго разговаривала с ним наедине. Чем закончилась эта беседа, видно из депеши Вильямса:

«Посылаю Вам самые верные известия относительно планов, касающихся русской армии. Они были сообщены мне здешним моим лучшим другом — великой княгиней Екатериной…»

Таким образом, оперативный план русской армии лег на рабочий стол короля Пруссии, хотя Фридрих, не платил за него ни копейки (англичане выкупили его за свои же кровные денежки, как и положено добрым друзьям). Фридрих поспешил передать этот план своему фельдмаршалу Гансу фон Левальду, который стоял с армией в Пруссии — как раз напротив армии Апраксина.

А весною опять было движение кометы по небосводу, и комета страшила Елизавету, зато радовала Екатерину, и великая княгиня высоко несла свою голову, словно готовясь к роли императрицы российской. Елизавета, встретясь

однажды с невесткой, спросила ее любезно:

— А не болит ли у вас шейка, сударыня? Екатерина Алексеевна почуяла в этом вопросе намек на топор, которым в России издревле привыкли лечить искривленные шеи:

— Отчего, тетушка, вы меня спрашиваете о сем предмете?

— Да могла бы и поклониться мне… Горда больно стала!

Екатерина поклонилась с размаху — ниже, чем надо:

— Нет, тетушка, не болит у меня шея. Не болит, не болит…

Подступаясь к подножию трона, Екатерина окружила Елизавету своими шпионами, которые ловили теперь каждый чих больной императрицы… Вильяме активно участвовал в заговоре:

— Опять ночью была видна комета… Каково ее действие?

— Апоплексия сразит безошибочно, — отвечала Екатерина. — У меня имеются три лица, кои находятся при ней неотлучно. В решительную минуту мы будем предупреждены, чтобы действовать.

Фридрих поспешил обрадовать фон Левальда:

— Императрица больна, и это известие имеет для меня значение большее, нежели все осталь-

ное в мире!

Черные вороны кружили над Царским Селом, куда с весны выехала Елизавета, и в Петербурге полновластным хозяином остался канцлер Бестужев-Рюмин.

Только напрасно думала Екатерина, что, окружив Елизавету шпионами, она оградила себя от шпионов великого инквизитора — графа Александра Шувалова. Забившись в дальние углы дворца, продолжая ужинать на рассветах, императрица, словно филин, зряче глядела из пыльной тьмы:

— Погодите, детушки, я еще обозлюсь... Лизать вам всем горячие сковородки. Да не на том, а на этом свете сподобитесь!

Порою же, почуяв облегчение от недугов, Елизавета молодела, и тогда окна дворцов сверкали огнями, вакханкою неслась она по залам, в гусарских рейтузах в обтяжку, полупьяная и восторженная. Именно в один из таких дней французский балетмейстер Ландэ торжественно заверил Европу:

— Клянусь музою Мельпомены, никто не танцует менуэт столь выразительно, как императрица России!

Вот и сегодня откружилась Елизавета в танце

с молодым адъютантом Апраксина и, словно очнувшись, спросила его:

— А чего это ты тут со мной пляшешь?

— Фельдмаршал, ваше величество, прислал меня из Риги, чтобы я привез ему двенадцать кафтанов новых. И весь бал испортила Елизавета своим криком:

— Да в уме ли он? Или поход на рижских баб замыслил? Ему Фридриха терзать надобно… И ты, молодец, езжай обратно в чем стоишь. Эй, люди! Выведите его отсюда…

***

Поезд французского посольства уже был под Петербургом, но Бестужев приложил все старания, чтобы въезд Лопиталя в столицу обошелся без пышности. Двадцать три роскошных берлина и столько же карет катились по Невской першпективе, но торжества на улицах не предвиделось. Однако простой народ увязался именно за каретой маркиза Лопиталя, который имел неосторожность держать на коленях свою любимую обезьяну.

— Скоморохи едут! — кричал народ, дразня обезьяну. — Фокус-покус казать станут… Гляди, Мишутка, кудыть оне заворачивать будут?

Лопиталь раскланивался во все стороны, обезьяна торопливо щелкала блох на лысой шкуре.

Елизавета срочно оставила Царское Село и выехала в столицу, чтобы самолично загладить вину перед посольством, которого она так страстно добивалась. Канцлер не придумал ничего лучшего, как запихать всю блестящую свиту Лопиталя в пустующий дом Апраксина. Ели там французы на золоте (это верно), но зато спали под лестницами.

Гроза началась скоро — на первом же вечернем приеме, который Елизавета устроила для близких ко двору. Вильяме разлетелся к Елизавете — для целования руки. Но рука императрицы, сжатая в кулак, вдруг скрылась за фижмами.

Елизавета Петровна заговорила — тяжело и сурово:

— Господин посол Англии, разве Лондон желает иметь врагом себе всю Европу? Ваши каперы опять не уважили в море Северном флага кораблей российских…

Вильяме нарочно уронил платок, чтобы, поднимая его, опомниться от этих ударов. Но, когда выпрямился с готовым ответом, Елизавета не дала ему и рта раскрыть.

— Отныне, — говорила она, — моим мини-

страм дел с вами не иметь! И прошу покинуть столицу. Срок — неделя… Да будет так! И более не домогайтесь аудиенции. Эта встреча и есть наша последняя. Прощайте ж навсегда, господин посол Англии!

Коллегия иностранных дел правильно подсказала Елизавете момент для нанесения этого удара. Срок англо-русских торговых трактатов подходил к концу, и пора было выгнать англичан с Волги и с Каспия, где они со времен Остермана хозяйничали, как дома. Англия одним махом лишалась теперь русской пеньки, мачтового леса, дегтя, шелка-сырца, рыбьего жира, воска, меда, табака, мехов и.., железа!

Но коллегия была уже явно ни при чем, когда Елизавета довершила свою мысль чисто по-бабьи. Из дома графов Скавронских, где размещалось посольство Вильямса, она вышибла англичан с их сундуками и кофрами и впихнула туда французскую миссию.

Месть была, скажем прямо, не из красивых. Но маркиз Лопиталь превзошел даже Елизавету: он самолично, чуть не кулаками, вытурил из дома своего английского коллегу Вильямса.

— Здесь вам не Канада! — кричал Лопиталь, суетясь.

***

Накануне решительных событий Фридрих прописал фон Левальду очередной рецепт, по которому следовало быстро и безошибочно излечить Восточную Пруссию от угрозы русской армии. Иногда некоторые историки называют стратегию Фридриха планами опереточного героя… Пусть в этом разберется сам читатель. Вот что наказывал Фридрих фон Левальду в июне 1757 года:

— Когда русские пойдут тремя отрядами, вам следует разбить наголову один из них, после чего остальные отступят. Русские будут спасаться в Польше, где вы их и станете преследовать всеми своими силами!

Но, спрашивается, почему русские должны были идти именно тремя колоннами? И почему русские должны были спасаться в Польше? Чепуха… Очевидно, сама Екатерина, не шибко разбиравшаяся в военных делах, неверно поняла болтливого Апраксина.

Но если планы Фридриха оказались «оперетой», то и русский план кампании при первом же выстреле обернулся лишней бумажкой.

Все случилось не так, как думали Петербург

и Берлин.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ОТКЛОНЕНИЯ
ЗАНАВЕС

С самого начала войны союзники тишком договорились:

«Будем опасаться слишком больших успехов России в этой войне!» Именно так сказал Людовик, и Вена ему поддакнула.

Не надо думать, что русская армия составляла громадный лагерь, — нет, Апраксин имел под рукой всего 65 187 солдат и 19325 лошадей (не считая верблюдов).

Фридрих имел постоянную оглядку назад — на Россию.

— Что там слышно в Петербурге? — спрашивал он. Депеши Вильямса и доносы шпионов успокаивали его: на Неве торжественно открыта Академия художеств; Апраксин завяз за Ковно; Елизавета опять не вышла к столу, занедужив...

— Кампания будет горячей! — сказал Фридрих, надвинув шляпу. — А потому разгрузите лазареты в Богемии и Дрездене, чтобы нам не возиться с калеками... Скоро будет не до них!

На пустынном шоссе в Саксонии отряд цесар-

ских пандуров разгромил лазаретный конвой. Посреди дороги одиноко застряла коляска. Австрийский офицер дернул дверцу. Из кареты вырвался выстрел — прямо в лицо. Пандуры, окружив возок, обнажили сабли:

— Эй, вылезай по чести… Кто там стреляет? Из коляски вышел раненый прусский офицер. Он сдернул с головы парик и швырнул его себе под ноги.

— Венские котята! — прорычал он, выдернув шпагу. — Я адъютант великого короля Фридриха — генерал Манштейн… Ну, что же вы не разбегаетесь при звуках моего имени?

Град пуль пронзил его насквозь, и Манштейн умер посреди дороги, в пыли, фонтанируя кровью (но шпаги из руки не выпустил). Так погиб человек, которому никак нельзя отказать в смелости; главаря прусского шпионажа в России не стало… Фридрих очень сожалел о гибели своего адъютанта, и вдова Манштейна подарила королю записки своего мужа о России.

— О России? — блеснули глаза короля. — Как это кстати!

Теперь эти мемуары Манштейна, ставшие знаменитыми, можно прочесть в любой приличной библиотеке. А тогда они были идеологическим

оружием, и король Пруссии пока еще сомневался, в какую сторону повернуть это оружие,

— за войну с Россией или за мир с Россией.

Он решит этот сложный вопрос позже. А сейчас из балтийской мглы, ершистые от пушек в бортах, уже выплывали к берегам Пруссии белогрудые русские фрегаты и прамы. Первые выстрелы в этой войне Россия доверила своему флоту.

МЕМЕЛЬ

— Вот и Мемель, — сказал адмирал Мишуков, опуская трубу. — Эскадр — на шпринг! Канонирные палубы обсушить. Крюйт-каморы проветрить. Команде — по две чарки. Кашу сей день варить с потрохами телячьими… Дать сигнал на «Вахтмейстер»: капитану бомбардиров Вальронду явиться на борт флагмана!

Ветер, дунувший из-за Куришгафской косы, сорвал жиденький паричок адмирала, и заплескались седые волосы моряка, кое-как обкромсанные ножницами…

А на серой взбаламученной воде рейда мотало бомбардирские корабли с зарифленными парусами. Захлестывало пеной «Селафаила», «Дондера» и «Юпитера». Рвало с якорей прам «Дикий бык», гневный и щетинистый от пушечной ярости. А на фрегате «Вахтмейстер» в нитку тянуло над рейдом брейд-вымпел начальника бомбардиров — Александра Вальронда.

Там уже отвалил вельбот, шли на веслах, выгребая в пене и в песнях, и скоро на борт к адмиралу поднялся капитан третьего ранга Вальронд: ли-

цо красное — будто ошпарено, глаза распухли от соли и ветра, круглые — как у кота. Возле голенастых ног бомбардира крутился кортик офицерский, а на нем — золотом: «Виватъ Россия».

— Саня, — сказал ему в каюте Мишуков, — назавтре штурм… Готовы ли?

— И налил пузатую чарку перцовой. — Твоя! Пей, а я полюбуюсь. Еще смолоду зарок дал: после семидесяти лет в рот ее, проклятой, не брать!

— Дошли, — рапортовал Вальронд, — таким побытом… На «Юпитере» фок снесло, он же, падая, две стеньги переломил. На «Гаврииле» восемь кнехтов с планширем за борт кувырнулись. Все сгнило, кусками валится. На волне кранцы било. Ядра пушечные по декам раскатились. Воду из трюмов качаем ведрами. Не флот у нас, а — труха!

— Не труха у нас, а — флот, Санька! — отвечал ему Мишуков. — Ежели б трухой были, так до Мемеля не дошли б! А за то, что вы моряки не трухлявые, вот тебе ишо чарочка-отправочка. Выпей, голубь, во славу божию и ступай фарватер мерить…

Вальронд выпил не кривясь, пошел прочь — на дек. Кованные медью ботфорты бомбардира глухо били в палубный настил, звеня застежками,

будто шпорами. Когда же перелезал через фальшборт, вздернулись рукава мундира, шитого не по росту, и стали видны на локтях свежие заплатки… Парады в Петербурге остались, а здесь — под Мемелем — и так сойдет!

***

Русские моряки в те времена были бедны, как церковные крысы. Платили им самый мизер, да и того годами от казны не доплачешься. Шли на флот больше дворяне мелкотравчатые — дети и внуки моряков или те, кто знал, почем фунт лиха, — и был корпус морской предан службе своей до исступления.

Это была почти каста, сознательно отгородившаяся от дворцовых интриг, презиравшая золоченые шатры сухопутных полководцев. Годами качались они на палубах, редко сходя на берег; ели солонину из бочек; сажали в гаванях лук и редьку; а жен своих, чтобы не тратиться на два стола, иногда держали под палубой, возле самых пороховых бочек…

На рассвете 20 июня эскадра пошла на прорыв в Куришгафскую заводь. В корме «Вахтмейстера» собрались офицеры. Над старенькими клавикордами болтало качкой длинный стержень

барометра; в его столбе тускло отсвечивала ртуть. Из угла кают-компании неласково и сумрачно глядел с иконы святой Николай-угодник (стародавний шеф Российского флота). А наверху уже шипела палуба, которую матросы окатывали водой на случай пожара.

— Вы, господа высокие офицеры, и вы, господа благородные гардемарины!

— произнес Вальронд. — Слов скажу мало, благо не ради слов война учалась жестокая… Ежели примечу в кораблях робость, то велю робеющим встать на шпринг, намертво! Дабы пруссаки, на нас глядя, ведали: пришли мы сюда прочно, а маневров, для чести нашей обидных, не будет! Теперь прошу господ наверх — по батареям, по декам, по мачтам…

«Элефант» и «Дикий бык», два отчаянных прама, свистя обтяжкою такелажа, уже рванулись через прибой прямо в горло залива. Розовые от лучей солнца, торчали вдали башни Мемеля. А в батарейных деках было сизо от чада. Из растворенных портов торчали чугунные зады пушек. Тут уже началась веселая работа.

— Братцы! — сказал мичман Мордвинов. — Бери, не обожгись!

В огне жаровни краснело ядро. Матросы в чер-

ных цилиндрах на головах, словно лондонские франты (но зато босиком, голые до пояса), подхватили черпаками раскаленное ядро.

— Отскочи!

Шипящее ядро тесно погрузилось в жерло. Чертя по небу огненный след, словно комета, ядро опустилось за стенами крепости. Поворот — и «Юпитер», кренясь на оверштаге, врывается в Куришгаф следом за прамами. Корабли-бомбардиры идут под громадными знаменами ярко-красного цвета: это вызов к бою (и вызов виден всем издалека!). Вот и коса: желтый зыбучий песок дюн, редколесье сосен, прижатых к воде. С косы стреляет по кораблям прусская батарея.

— Сбить ее! — доносится голос Вальронда. Рявкают тридцать три пушки правого борта. Заглатывая дым, снуют в палубе, прокисшей от гари, матросы, трещат осадные канаты: пушки влетают от залпов обратно, царапая палубные настилы, режут доски крючьями, как пилой.

— Бомба! Эй, в крюйт-каморах… Пошел бомбы наверх! Пятипудовые громадины плывут в пасти пушек.

— По крепости!..

Крепость уже горит, в огне ее крыши… Прусское ядро, разрывая снасти, влетает в батарейный дек,

крушит деревянные пилерсы, бьется в шпангоуты, мечась среди босых пяток.

Люди привыкли к такому — они не теряются.

— Уксус, ваше благородие… Куды бочку ставить? Пушки уже перегрелись, и теперь хоботины их едко шипят, охлаждаемые уксусом.

Палуба наполняется вонью.

— Нос не зажимай! — кричит Мордвинов. — Дамы уксус нюхают, чтобы в чувство прийти… В аптеках заразу эту флакончиком торгуют. А у нас — эвон, бочка: хоть насмерть унюхайся… Бомба пошла! Отскочи, ребята!

А наверху — виднее: и разрывы бомб, и пожары в городе за чертою крепостных стен. Думают пруссаки сдавать Мемель или предстоит брать его штурмом? Быть крови или не быть?.. С флагмана на «Вахтмейстере» принимают ободряющий сигнал Мишукова:

— Молодцам-бомбардирам по две чарки водки!

Вальронд — оскорблен, он переживает эту обиду:

— Две чарки?.. Курям на смех! Там и пить-то неча… Поднять на мачту сигнал: «Мало»!

Мишуков разрешает выдать по три чарки.

— Оно лучше, — смеется Вальронд. — Теперь не стыдно будет в Мемеле показаться. Мои прамы уже под стенами. Только бы армейские нам не

подгадили. А флот дело знает!

***

Русская инфантерия дело знала не хуже флота. Но долгая стоянка среди лесов я болот, в нищих ливонских мызах, и редкий отдых в проезжих корчмах и хлевах изнурили армию задолго до похода на Пруссию: солдаты болели. Их лихорадило. Покрывало язвами от холодов и несносной грязи кочевий.

Как назло, перед самым походом выпал пост, иначе — голод, «ибо в сей земле ни луку, ни чесноку найти нельзя, а солдаты в постные дни тем только и питаются» (так отписывал Конференции фельдмаршал Апраксин).

Конференция обратилась в святейший синод с неслыханной просьбой: отлучить армию от поста. Синод в этом случае никакого святотатства не усмотрел. Напротив, люди синодские оказались патриотами: пост был отменен для тех полков, которые участвовали в кампании. Теперь каждый солдат Апраксина стал получать фунт мяса, две чарки водки на день и по гарнцу пива. Армия зашевелилась, повеселела и.., пошла, пошла, пошла!

Две дивизии Апраксина и Лопухина шагнули

за Неман; в русских воинах жила «льстящая надежда, что неприятелю никак противу нас устоять не мочно…» Под проливными дождями, хлебая горе на размытых прусских дорогах, шли с этой надеждой в победу, отчаянно матеря обозы, которые замедляли движение армии.

В сторону же от генерал-марша армии был отправлен особый отряд генерала Фермера — дабы, вкупе с флотом, брать прусскую крепость Мемель. Виллим Виллимович Фермор был англичанином, но родился в Москве, смолоду состоял на российской службе. Хороший был инженер, но плохой полководец. Любил подписывать интендантские бумаги и вести прибаутные переговоры с маркитантами. Пушечного грома не жаловал.

А гром был. Да еще какой! Пока бомбардирские корабли Вальронда били по Мемелю с моря, осадные гаубицы с суши колотили ядрами в башни крепости. Русским отвечали 80 пушек из цитадели. Но моряки и солдаты напрасно старались: Фермер боялся решить дело отчаянным штурмом и перешел к осторожной осаде.

— Пошлите парламентера к мемельскому коменданту, — наказал он к вечеру. — Может, он пожелает и так сложить оружие?

Комендант послал парламентера к черту и

запалил мемельские предместья. При свете пожаров, всколыхнувших мрак ночи, русские солдаты копали шанцы. Осада началась по всем правилам военного искусства, как того и желал Фермер, убоясь штурма, когда, как известно, солдаты правил классических избегают.

Впрочем, и осаду гарнизон Мемеля не выдержал: он прислал своих парламентеров с просьбой о пощаде. Фермер сидел в голубом шатре, насквозь пронизанном солнцем, когда депутация горожан и гарнизона принесла ему связку ключей от Мемеля: шесть здоровенных пудовых отмычек от крепостных ворот (теперь их можно видеть в музее артиллерии в Ленинграде).

— Губернатор фон Левальд, — заметил глава депутации, — повелел коменданту нашему сдать город Мемель на почетных условиях, чтобы гарнизон, казна и оружие в крепости не остались.

— Нельзя того! — отвечал Фермор, забирая ключи.

— Пощупайте подушку, — шепнул ему глава депутации. Подушка, на которой лежали ключи, была тяжела от золота, зашитого внутри нее, и Фермор отпустил парламентеров.

— Хорошо, — разрешил он. — Можно гарнизону выйти с оружием, но без отдания воинских

почестей…

Заскрипели ворота и — под барабанный бой — гарнизон крепости ушел из Мемеля. На узкие купеческие улочки с гиканьем влетели казаки. Молодцеватые калмыки, подоткнув полы ярких халатов за пояса, загоняли лошадей в сады, — пусть кони мягкими губами оберут с земли опавшие от канонады яблоки.

Комендантом крепости был назначен молодой Суворов.

Вечером 24 июня Мишуков прошел в шатер Фермера.

— Что есть измена? — спросил адмирал по-английски. — И каково ее карать по «Регламенту воинскому»? — Добавил потом уже по-русски:

— Рази есть смысл, что пруссаки с пушками ушли?

Виллим Виллимович поднял рыжие глаза на старого адмирала.

— Захара Данилыч, — ответил он, как москвич, чисто по-русски, — война ведь имеет еще и законы рыцарства! Без лишней крови удобнее жителей Мемеля к присяге на верность России приводить. Сами в подданство наше лезут — без понуждения!

Апраксин, когда ему доложили об этом «рыцар-

ском» поступке Фермера, пришел к печальному выводу:

— Опять нам из Питера попадет. Тамотко при дворе охти как мною недовольны: будто сплю я тута… Во, жизнь собачья!

Чтобы оправдать себя перед Петербургом, Апраксин размашисто бросил свою армию вперед — на Кенигсберг, отрезая войска фон Левальда от столицы Восточной Пруссии… На Бестужеве-Рюмине давно горела рубашка, и теперь он подстегивал фельдмаршала действовать смелее, — сейчас канцлер нуждался в успехе армии, пусть даже малом, чтобы замолчали его противники. Апраксин шел вперед — в страхе, в опаске, в поту…

Левальд убрался с войсками далеко за Неман, а русская конница наскоком, словно молния, прочеркнула Тильзит и Инстербург. Кронштадтские галеры, грузно качаясь на мутных рейдах, принимали в свои трюмы галдящие оравы прусских пленных. Кенигсберг пребывал в панике: начальство бежало в Померанию, сея слухи о зверином облике калмыков и казаков…

ГРОМ СКОРО ГРЯНЕТ

— Да что он, с ума сошел? — кричала Елизавета. — Я гоню его из дому моего, а он не уходит... Бесстыдник какой!

Эта брань относилась к Вильямсу. Все рушилось в блестящей карьере виднейшего дипломата Европы, и страшно было возвращаться в Лондон, где его ждал гнев и без того злобного Питта-старшего. Усиленно интригуя, великобританское посольство в России уже агонизировало. Выброшенный из театра, Вильяме решил доиграть свою роль в балагане.

Постонав для видимости, объявил, что повинуется.

— Поеду через Финляндию и Швецию, — сказал он. Но через несколько дней вернулся обратно.

— Бури в Ботническом заливе, — оправдывался посол, — закрыли мне путь на родину... К тому же я болен!

Его снова выпроводили из Петербурга. На этот раз он покатил через Курляндию, надеясь по дороге кое-что высмотреть для Фридриха, но скоро его опять увидели на брегах Невы.

— Геморрой, — говорил Вильяме, — мешает мне ехать в карете.

Бестужев скрылся в деревню, носа не показывая. Великая княгиня, в ожидании ребенка, затаилась Но, рискуя головой, Екатерина все же умудрилась переслать Вильямсу свое последнее дружеское письмо… Вот что она писала этому провокатору и шпиону в обличье дипломата:

«Никогда не забуду, чем я вам обязана… Воспользуюсь всеми случаями, чтобы привести Россию к тому, в чем я признаю ее истинный интерес… Я научусь практиковать чувства, на них обосную я свою славу и докажу королю, вашему государю, прочность этих моих чувств… Будьте уверены, что я ничего на свете так не желаю, как увидеть вас снова в Петербурге, но — торжествующим!»

Вильямса насильно выдворили из столицы в Кронштадт.

— Болен или здоров, — рассудила Елизавета, — но, чуть ветерок дунет, сразу его на корабль, и — плыви, родимый!

Сидя на Котлине, с тоскою взирал Вильяме на ораниенбаумские сады и умолял Елизавету, чтобы позволила ему хоть на час вернуться в Петербург, ибо опять у него… «кружится голова»

«Некоторые историки находят, что в этот период Вильяме был нездоров психически, — этим они объясняют его поведение.».

Но сильный штормовой ветер задул среди ночи, на всех парусах подхватил Вильямса — и понес навстречу гибели.

Так закончился этот удивительный дрейф англо-русского союза: якоря не выдержали, и корабль било о камни; Униженный и жалкий, Вильяме обивал пороги владык Сити, выставляя перед ними свой главный козырь:

— Вот письмо великой княгини Екатерины… Из него видно, что я сделал все возможное! Я был ее другом, и не моя вина… О, если б умерла Елизавета, то, смею вас уверить, я был бы сейчас в России гораздо выше канцлера Бестужева!

Вильямсу было не суждено дожить до полного триумфа своих учеников — когда Екатерина стала русской императрицей, а его скромный секретарь Понятовский — королем Польши.

В отчаянии, забив в пистолет пулю, Вильяме приставил его к виску, и одинокий выстрел расколол утреннюю тишину старинного родового замка. Англия этого выстрела почти не услышала.

Великое королевство не любило вспоминать о

своем позоре.

Англичанам приятно считать, что лучшие дипломаты мира — это британские дипломаты.

***

Теперь, с удалением Вильямса, Лопиталь остался в Петербурге без соперников в политике.

— Удивительное трио разыграно в Ораниенбауме, — рассуждал Лопиталь на досуге. — Трио из негодяя, сумасшедшего и фата… Правда, Вильямса не стало, и трио обернулось для нас дуэтом. Но скоро, очевидно, мы услышим соло.

Лопиталь вскоре заметил: Екатерина предпочитает носить широкие одежды, чтобы плоды любви с Понятовским не слишком-то выпирали наружу.

Маркиз очень удивился бы, узнай он только, что писала о нем Екатерина: «Я испытываю предельное отвращение к Лопиталю, он не нравится мне чрезвычайно, потому что он — француз, а это для меня хуже собаки!..» Но сейчас Екатерину тревожили только беременность и все осложнения при дворе, связанные с приплодом дому Романовых. Елизавета Петровна так говорила Шувалову:

— Этот «партизан» приплод нам оставил…

Пусть окотится, как-нибудь прокормим! Сейчас ребенок мне нужен: выродка этого, чтобы альянс политический с Францией окрепнул, попрошу Людовикуса крестить. Чай, мы с Версалем теперь не чужие…

Впрочем, Бестужев недреманно стоял на страже «молодого двора», и Понятовский пока пребывал в безопасности. Канцлера же сейчас занимала ситуация: «Ежели императрица умрет, то как удобнее захватить власть?» Екатерина усиленно интриговала:

— Должна решить сила, а Шуваловы, сам ведаешь, тридцать тыщ солдат при себе держат. Тебе же головы не сносить в любом случае. Супруг мой тебя не жалует, что ты над Пруссией усмешки строил… Быть тебе без меня в наветах опасных!

— Апраксин-то в дружках со мною, — практически мыслил Бестужев. — Надо будет, так всю армию из Пруссии обратно вызволим и обсервацию Шуваловых разобьем здесь же — на площадях и улицах Петербурга, крови не убоясь…

В случае удачного переворота канцлер желал оставаться главой государства, подчиняя себе сразу три коллегии: иностранную, военную и адмиралтейскую. Быть почти царем — вот ку-

да метил канцлер… А пока, чтобы успокоить подозрения, он решил закатить банкет для французского посольства.

С утра от русского Тампля отошла щегольская эскадра галер и гондол с гударями и балалаечниками. Из зелени садов, за стрелками Невы, открывались дивные усадьбы вельмож, каруселли, китайские киоски, танцевальные павильоны и воздушные театры.

Сам канцлер загодя, нацепив фартук, изготовил в своей загадочной аптеке вино по собственным рецептам. Назвав его почему-то «котильоном», Бестужев намешал в этот вермут всякой дряни покрепче, которая должна была свалить с ног любого дипломата.

Осмотрев праздничные столы, расставленные под открытым небом, Бестужев наказал слугам:

— Откройте мой остров для черни! Не отталкивайте лодок и плотов от берега, кто бы ни приплыл. Пусть даже мужик! Даже чухонка с Охты! Никого не изгонять… И чтобы солдат поболее!

Он подарил Лопиталю табакерку, которой одаривал любого посла, — с видами своих каменноостровских дач. Но предерзкий «котильон», заваренный для недругов, подействовал и на

самого изобретателя: Бестужев сильно охмелел, нарыв злобы его прорвало. Он бросил гостей и ушел допивать к солдатам, гулявшим по берегу. Этой содружеской пьянкой канцлер хотел привлечь гарнизон Петербурга на свою сторону, если решительный час переворота наступит.

На обратном пути с острова в город канцлер мрачно молчал, сидя на корме галеры, и трещала только его жена, Альма Беттингер. Французы невольно почувствовали, что над Петербургом уже нависла какая-то мрачная туча и гром скоро грянет.

Всем поневоле было страшно…

Вечером 18 августа маркиз Лопиталь сказал свите:

— Закрывайте на ночь плотнее двери. И держите пистолеты поблизости… В этой стране молнии разят среди ясного неба!

Так складывались потаенные дела в Петербурге, когда наконец грянул гром среди ясного неба и всех ослепила нежданная молния.

***

Как раз в этот день армия Апраксина проходила густым лесом, возле прусской деревни Гросс-Егерсдорф — узкими, заболоченными гатями. В лесу

было влажно, пушки застревали в буреломах, сырел в картузах порох. Наконец войска вышли на узкую равнину, топкую и неровную, поросшую ольхой и ежевикой.

Посмотрев на карту, Апраксин тоненько свистнул:

— Матушки мои, да мы тут в ловушке. Здесь — лес, а подале — Прегель течет… Так негоже! Господа офицерство, пора маневр начинать; тронемся к Алленбургу с опасением…

Ближе к ночи в шатер к Апраксину впихнули страшного человека: был он бос, лицо в лесной паутине, прусский мундир рван, в репьях и тине, пахло от него табаком и сырыми грибами. Этот человек плакал, обнимая колени фельдмаршала.

— Русские.., божинька милостивый, не чаял уж своих повидать. Нешто же родные мои? Сколь лет прошло, как запродали меня в гвардию потсдамскую, с тех пор прусскую муку терпел…

Это был перебежчик. Ему дали вина. Он пил и плакал, дергаясь плечами. Потом прояснел — сказал твердо:

— Армия фон Левальда стоит в ружье за лесом. Сорок конных эскадронов Шорлемера да восемь полков гренадерских ударят поутру — костей не соберете! Коли не верите — хучь пытайте:

любую муку ради Отечества стерплю, а от своего не отступлюсь. Так и ведайте обо мне… Утром — ждите!

Фермер схватил перебежчика за прусскую косицу, рвал его со стула, топтал коваными бот-фортами:

— Я таких знаю: их в Потсдаме нарочито готовят, дабы в сумление противников Фридриха приводить.

— Погоди мужика трепать, — придержал его Апраксин. — А може, он патриот славный и верить ему надобно?

Но патриоту в ошметках прусского мундира не поверили: штаб Апраксина счел, что Левальд умышленно вводит в заблуждение русских, дабы они, напрасно боя здесь выжидая, истомили бы армию в пределах сих, кои лишены фуража и корма.

В неудобной низине, стиснутой Гросс-Егерсдорфским и Норкиттенским лесами, русская армия (в бестолочи кривых и путаных тропинок) стала проделывать чудовищный маневр, широко раскидывая хвосты обозов и артиллерийских парков. В вагенбурге была костоломная давка: передние колеса одной фуры цеплялись за задние колеса другой повозки.

Во мраке ночи, как дятлы, неустанно постукивали топоры: саперы наводили мост через Прегель. Австрийский наблюдатель при ставке Апраксина, фельдмаршал-лейтенант барон Сент-Андре, разъезжал по лагерю через боевые порядки, всем недовольный: здесь не так.., тут криво стоят.., там слишком ровно!

Проведя всю ночь под ружьем, войска еще продолжали разворот своих флангов, когда вдруг кто-то крикнул:

— Братцы! Гляди-кась… Кудыть его занесло? Армия приумолкла. На опушку Норкиттенского леса, пронизанную легким туманцем, выехал молоденький прусский трубач. Да столь смело выехал, будто русские ему нипочем! Солнце уже всходило, и все видели, как ярко горят петушиные одежды трубача. Вот он приосанился в седле. Неторопливо продул мундштук. И приставил горн к губам…

До русского лагеря донесся боевой призыв меди:

— Тра-та-ррa-ррра-а!

И сразу — без вскрика! — рванулись пруссаки из леса.

Бегом. Со штыками наперевес.

Быстро и напористо они разом опрокинули два

полка — Нарвский и 2-й Гренадерский.

Удар пришелся на дивизию генерал-аншефа Василия Абрамовича Лопухина. Пруссаки уже ворвались в обозный вагенбург. Лопухин обнажил шпагу и, вскочив на телегу, дрался люто и яростно, пока его не свалили три прусские пули.

Кто-то из солдат схватил генерал-аншефа за ноги, потащил старика прочь из плена — подальше от позора. Седая голова ветерана билась об кочки болота.

— Честь, — хрипел старый Лопухин, — честь спасайте… И на запавших губах генерал-аншефа лопались розовые кровавые пузыри.

Так бесславно и гибло началось первое сражение русских в этой великой войне с Фридрихом.

ГРОСС-ЕГЕРСДОРФ

Официанты еще не успели расставить посуду для завтрака фельдмаршала, когда загремели пушки, и в шатры Великого Могола (эти роскошные палаты из шелка, устланные коврами) ворвался бригадир Матвей Толстой.

— Жрать, что ли, нужда пришла? — заорал он. — Пруссаки уже Егерсдорф прошли.., конница ихняя прет через поле!

Апраксин верхом вымахал на холм, где стояла батарея Степана Тютчева; сопровождали фельдмаршала три человека — Фермер, Ливен и Веймарн. Все было так: пруссаки заняли гросс-егерсдорфское поле и уже колотили русских столь крепко, что летели прочь куда голова, а куда шапка! Апраксин тут стал плакать, приговаривая:

— Солдатиков-то моих — ай, ай! — как убивают. Господи, помоги мне, грешному. — И спросил у свиты:

— Делать-то мне что?

Фермер на это сказал:

— Маршировать! Ливен сказал:

— Но придержаться! Веймарн сказал:

— Конечно!

К ним подошел майор Тютчев — бледный, точный, опасный:

— Ваше превосходительство, уйдите сейчас подалее. Бугор сей — батарейный, а я залфировать ядрами учиняю… Апраксин вернулся в шатер, который уже рвали шальные пули. Прислонив иконку к ножке походного стола, он отбивал поклоны:

— …от страха нощнаго, и от стрелы, летящия во дни. От вещи, во тьме к нам приходящия!

Ржали испуганные кони, неслась отборная брань, трещали телеги. Под флагом ставки сейчас копилась вся наемная нечисть: Мантейфели, Бисмарки, Бюлловы и Геринги; здесь же крутился и барон Карл Иероним Мюнхгаузен — тот самый, известный враль, о котором написана книга и который сам писал книги…

Перебивая немецкую речь, в нее вплетались слова псалма, который читал фельдмаршал:

— ..да не преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши…

Но пока Апраксин бездействовал, войска его — кровоточа под пулями и ядрами — продолжали маневр, разворачиваясь для боя. Мордуя лошадей, вытаскивая из грязи пушки, артиллерия

силилась выбиться из путаницы обозов, чтобы занять позицию. Где-то вдали виднелись красные черепицы прусских деревень — Удербален, Даунелькен и Мешулине…

Ганс фон Левальд — строго по плану — бросил войска.

— Это нетрудно, — сказал он своим генералам. — Русские уже растоптаны нашим первым натиском. Вы только разотрите их в грязи, чтобы они сами себя не узнали!

Запели горны, затрещали барабаны — пруссаки дружно обрушились на левый фланг. Здесь русский авангард встретил немцев «новинкой»: широко разъятые, будто пасти бегемотов, жерла секретных шуваловских гаубиц жахнули картечью.

Ражие прусские драгуны покатились из седел.

— Пусть сомкнут ряды, — велел Левальд, — и повторят!

— Пали! — отозвались русские, и снова заплясали лошади, лягая копытами раненых, волоча в стременах убитых…

Пруссаки откатились под защиту сосен Норкиттенского леса. Батарея майора Тютчева, вся в огне, уже наполовину выбитая, стояла насмерть… Тут прискакал гонец с приказом:

— Пушкам майора Тютчева отходить.., с отрядом Фермера!

— Тому не бывать, — отвечал Тютчев. И не ушел.

Жаром обдало затылок майору: это сзади дохнула загнанная лошадь. А на лошади — сам генерал Фермор.

— Мерзавец! — наступал он конем на майора. — Сейчас же на передки и — следом за мной... Оставь этот бугор! Тютчев поднял лицо, искаженное в бесстрашии:

— Прошу передать фельдмаршалу, что исполнять приказа не стану. Утащи я отсель пушки свои — фланг обнажится... Пали, ребята, я в ответе!

Майор Тютчев нарушил присягу, но поступил по совести; сейчас только его батарея (единственная) сдерживала натиск прусской лавины. А ведь по «Регламенту воинскому» следовало Тютчева после боя расстрелять другим в назидание.

— Пали! — кричал Тютчев, весь в дыму и грохоте. — Ежели меня убьют чужие — тогда и свои не расстреляют!

В центре же русского лагеря, насквозь пронизанного пулями, еще продолжалась бестолочь:

— Обозы, обозы вертай за ручей...

— Куда прешься, безлошадный?

— Ярославцы, обедня вам с матерью, не лезь сюды!

— Ай-ай, убили меня.., убили…

— Конницу пропусти, конницу!..

— Рязанцы, не напирай…

20 тысяч рекрутов, еще не обстрелянных, и 15 тысяч человек больных — эти 35 тысяч, не принимавшие участия в бое, висли сейчас камнями на шее ветеранов. И надо всем хаосом телег, людских голов, задранных оглобель и пушек верблюды гордо несли свои головы, рассыпая в сумятицу боя презрительные желтые плевки.

Убит еще один генерал — Иван Зыбин (из лужских дворян).

Пал замертво храбрый бригадир Василий Капнист (остался после него сиротой в колыбели сын — будущий поэт России).

Израненные русские войска — с воплями и матерщиной — отступили перед натиском… Они отступили!

***

— Через полчаса я буду пировать под шатрами Великого Могола, — сказал фон Левальд. — Принц Голштинский, слава — на кончике вашей шпаги…

Вбейте же клин в русское полено и разбросайте щепки по полю!

Принц вскочил на коня и налетел своей конницей на русские ряды «с такой фурией (заявляет очевидец), что и описать невозможно». Принц Голштинский смял казаков и гусар, но.., напоролся на 2-й Московский полк. Москвичи так ему поддали, что «с фурией» (которую я тоже не берусь описать) принц турманом полетел обратно. фон Левальд увидел его у себя, всего забрызганного кровью.

— Они разбиты! — очумело орал принц, еще весь в горячке боя. — Они разбиты, но почему-то не хотят сложить оружие!

— Я их понимаю, — отвечал Левальд. — Они не хотят сдаваться потому только, что бежать им некуда: ручей Ауксин брода не имеет. Зато мы выкупаем их сразу в Прегеле!

***

В шатер к Апраксину, опираясь на саблю, вошел раненый бригадир Племянников:

— Генерал-фельдмаршал! Прикажи выступить резерву и помереть. И мы — помрем. Вторая дивизия повыбита. Стрелять чем не стало!

Апраксин испуганно огляделся.

— Чего стоите? — накинулся вдруг на официантов. — Собирай посуду, вяжи ковры… Да хрусталь-то, хрусталь-то.., рази же так его кладут? Ты его салфеточкой оберни, а затем укладывай! Не твое — так, стало быть, и жалеть не надобно?

Племянников пустил всех по матери и, припадая на ногу, снова ушел туда, где отбивались его солдаты. Кто-то схватил его в обнимку. Поцеловал в губы — губами, кислыми от пороха.

Это был друг его и собутыльник — Матвей Толстой.

— Чего ты, Матяша? — спросил Племянников, опечаленный.

— А так, брат.., просто так.., прощаюсь! Племянников обнял Толстого.

— Пошли, Матяша, — сказал с ожесточением. — Помрем с тобой как следоваит. Не посуду, а честь спасать надобно…

Издали — через оптику трубы — Левальд видел первую шеренгу русских полков. Она сплошь стояла на коленях, чтобы не мешать вести огонь второй линии. Третья держала ружья на плечах стрелков второй линии. Убитые в первой шеренге с колен ничком совались лицами в землю, на их место тут же (без промедления!) опускался на колени другой из второй линии. Из третьей же

солдат замещал того, кто стал ближе к смерти — уже в первой.

Порох кончался. Кое-где резались на багинетах, бились лопатами и обозными оглоблями… Отступать русским действительно было некуда: за ними шумел топкий, полноводный Прегель — славянская река! Русский «медведь», которого так боялся Фридрих, теперь встал на дыбы, затравленно щелкая зубами.

— Осталось пронзить его сердце! — сказал фон Левальд.

Завтрак в шатрах Великого Могола откладывался, и генерал-губернатор Восточной Пруссии развернул на коленях салфетку. Вот и холодная курочка; он разорвал ее пальцами, дернул зубами нежное мясо из сочной лапки.

— Можете посылать гонца в Берлин, — велел Ле-вальд, вкусно обсасывая косточку. — Обрадуйте короля нашей полной победой!

— Казаки! — раздалось рядом. — Атака казаков…

— О, это очень интересно… Казаков я посмотрю… Фон Левальд аккуратно завернул недоеденную курочку, взял в руки трубу и, по-старчески держась за поясницу, вышел на лужайку, поросшую редколесьем. Отсюда ему хорошо было

видно, как, пластаясь по земле, с воем летела русская конница

— вся колеблясь рядами, словно густая трава под ветром. Резануло глаза Левальду пестротой халатов, необычными ковровыми красками, — это ярким пятном мелькнула калмыцкая вольница. Солнце вдруг померкло на мгновение, и легкая, как дымка, туча быстро прочертила небеса над полянами Гросс-Егерсдорфа.

— Что это такое? — удивился фон Левальд. Воздух уже наполнился жужжащим пением. Потом застучало вокруг — так, будто палкой провели по частоколу, и адъютант выдернул из сосны длинную калмыцкую стрелу… Левальд обозлился:

— Шорлемер, накажите этих дикарей палашами! Навстречу казакам, тяжко взрывая копытами землю, рванулись прусские кирасиры в латах. Железным косяком они врубались в румяное зарево битвы, из дыма блестели — четко и неярко — длиннющие тусклые палаши.

— Посылайте гонца в Берлин! — напомнил Левальд, возвращаясь на травку к своей курице. — Исход сражения мне ясен: нет такой силы, чтобы выдержала атаку нашей прекрасной кавалерии…

Казачья лава, настигаемая врагом, панически

отхлынула обратно. Вытянулись в полете остромордые степные кони, раздувая ноздри — в крови, в дыму. Никто не догадался в ставке Левальда, что это совсем не бегство казаков, — нет, это был рискованный маневр… Вот знать бы только — чем он завершится?

— Победа! — кричали немцы. — Хох.., хох.., хох!

Неужели Левальд прав?.. Русская инфантерия расступилась перед казаками. Она словно открывала сейчас широкие ворота, в которые тут же и проскочила казачья лавина. Теперь эти «ворота» надо спешно захлопнуть, чтобы — следом за казаками — не ворвались враги в центр лагеря. Пехота открыла неистовый огонь, но «ворота» затворить не успела… Не успела и не смогла!

Добротная «прусская кавалерия, сияя латами, „пошквадронно в наилутчем порядке текла как некая быстрая река“ прямо внутрь русского каре. Фронт был прорван, прорван, прорван… Кирасиры рубили подряд всех, кто попадал им под руку.

Замах палаша, возглас:

— Хох!

Вдребезги разлетается череп от темени до затылка. Но тут подкатила русская артиллерия и…..фон Левальд вцепился зубами в нежное мясо курицы. К нему подошел адъютант, которого

шатало, будто пьяного:

— Задержите гонца в Берлин. Умоляю вас: задержите. Там что-то случилось. Если это русская артиллерия, то нам с нею не тягаться.

Фон Левальд, отложив курицу, снова поспешил на лужайку. Увы, он уже ничего не видел. От множества пудов сгоревшего в бою пороха дым сгустился над гросс-егерсдорфским полем — в тучу! Дышать становилось невозможно. Лица людей посерели, словно их обсыпали золой. Из гущи боя Левальд слышал только густое рычание, будто там, в этом облаке дыма, грызлись невидимые страшные звери (это палили «шуваловские» гаубицы!). Треск стоял в ушах от частой мушкетной и карабинной пальбы.

— Я ничего не вижу, — в нетерпении топал ботфортами Левальд. — Кто мне объяснит, что там случилось?

А случилось вот что.

Атака казаков была обманной, они нарочно завели кирасиров прямо под русскую картечь. Гаубицы шарахнули столь удачно, что целый прусский эскадрон (как раз средний в колонне) тут же полег костьми. Теперь «некая быстрая река» вдруг оказалась разорвана в своем бурном неустрашимом течении. Кирасиры же, которые

«уже вскакали в „аш фрунт, попали как мышь в западню, и оне все принуждены были погибать наижалостнейшим образом“. Блестящая по исполнению прусская атака завершилась трагически для врага: казаки вырубили всех кирасир под корень.

Над русским фронтом взлетали шапки, гремело «ура».

— Кажись, наша брать учала! — всюду радовались русские.

И воспрянули разом. С телег вагенбурга спрыгивали раненые, хватали ружья убитых, спешили в свалку баталии. Полки дивизии убитого Лопухина (Нарвский и 2-й Гренадерский), разбитые пруссаками еще на рассвете, словно воскресли из мертвых. С треском они тоже ломили напролом:

— За Лопухина.., сподобь его бог!

— За Степан Абрамыча.., упокойника!

— За Русь-матушку!

— Давай, Кирюха, нажимай!

Апшеронцы и бутырцы опустошили свои сумки до дна; шли только на штык. От горящих деревень летели сполохи искр, в шести шагах ты еще видел цель — на седьмом шагу все было черно от гари. Первая линия пруссаков попятилась, а вторая линия четким огнем расстреляла

бегущих, приняв их за наступающих русских. Мундир на Левальде, осыпанный искрами, тлел и дымился. Старец задыхался. Курица валялась в траве, затоптанная ногами. Видно, она имела судьбу не быть съеденной в этот грозный день — день 19 августа 1757 года…

***

Вдали от гула сражения томилась под ружьем бригада Петра Александровича Румянцева. Пальба и возгласы смерти едва достигали тишины леса, темного и чащобного. Старые солдаты, ветераны еще миниховских походов на крымчака, припадали ухом к земле.

— До виктории, кажись, далече, — делились они с молодыми. — Топочут шибко. Да не по-нашенски. Быдто — телега татарская…

Люди мучились. Слушая крики кукушек, считали свои дни. Багинеты, примкнутые к ружьям, блестели от росы. Было жутко и непривычно русским людям стоять в чужом неуютном лесу.

— Робяты! — вдруг закричал Румянцев, вскочив на пень. — Заломи шапки покрепче, чтобы в драке не потерялись, да пошли с богом… Эдак-то здесь прождем свое царство небесное!

Он не имел на то ни права, ни приказа. Он

даже не знал, что происходит сейчас в разгаре битвы, которая, как кровавое пятно, растеклась на берегах Прегеля. Он знал только один завет «Регламента»: «Товарища — выручай!» Молодой и статный, будущий граф Задунайский бежал впереди солдат, прыгал ловко через завалы дерев, продирался сквозь удушистый можжевельник…

— Быстрей, робяты, да не пужайся! Пока мы живы — нет смерти, а смерть придет — нас уже тогда не будет… Валяй за мною!

Фон Левальд был поражен, когда из самой чащи, опутанные лесной паутиной, словно дьяволы, в молчаливой ярости выросли свежие русские полки.

— Ландкарт! — закричал губернатор Пруссии. Карту раскинули перед ним на барабане.

— Но лес непроходим, — оторопел Левальд. — Там лошади вязнут в трясине по самое брюхо. Откуда они взялись, проклятые?

Солдаты присели уже на колено. Румянцев рухнул на землю, чтобы его не задели пулей свои же ребята, — и плотный залп над его головой ударил: жах! Над ставкой Левальда деревья отряхнули листву, посыпались посеченные ветки…

— Виват, Россия! — выхватил Румянцев шпагу.

— Вива-аааат.., уррра-а!

Склонив штыки, новгородцы с лязгом стали раскидывать прусские резервы. Напрасно Левальд пытался образовать оборону: чуть его войска зацепятся за опушку леса — их оттуда штыком; чуть укрепятся на холме — их снимает оттуда русская артиллерия.

Вот что писал рядовой участник этого сражения:

«Неприятели дрогнули, подались несколько назад, хотели построиться полутче, но наши уже сели им на шею. Прусская храбрость обратилась в трусость… Не прошло и четверти часа, как пруссаки, словно скоты худые, безо всякого порядку и строю побежали…» Но тут Апраксин — словно его мешком огрели — очнулся.

— Эй, эй! — заволновался он. — Куда прете далее? Велите армии растаг делать. А то как бы хужей не было! Или забыли, с кем дело имеете? Армия Фридриха.., с ней шутить неладно. Стой, говорю, не беги далее за немцем… Передохни!

Ч ставку Апраксина ворвался сияющий Петр Панин.

— Виктория! — возвестил он. — Ей-ей, не прибавлю, если скажу, что такой славной виктории давненько уже не бывало.

Пригнувшись, в шатер вошел венский предста-

витель при русской ставке, барон Сент-Андре, и поздравил фельдмаршала.

— Такой победы, — сказал он, — не только вы, Россия, но и вся Европа едва ли ведала за последние годы! Но удивительная нация эти русские! Почему-то они всегда дают противнику вначале как следует отколотить себя. А потом, уже побитые, они — словно их сбрызнули живою водой! — намертво убивают врага…

Губа Апраксина неряшливо отвисла на сторону.

— У нас издревле вся система такая, — похвастал он, — что за одного битого двух небитых дают… Но.., ой ли? Боюсь и думать о виктории нашей! Осторожность нужна, а не строптивость молодецкая. Не нам! Не нам, сирым да убогим россиянам, тягаться с могучим Фридрихом…

И вдруг в его дряблом мозгу блеснула мысль: «Господи, да что же наделали? Кого побили? Ведь в Ораниенбауме великий князь теперь сожрет меня, когда узнает о сей виктории… А сама Екатерина? Ведь я — погиб!»

— Уходить надоть, — заволновался Апраксин. — Эко место треклятое: сыро и дух худой, опасный. Ой-ой, быть беде, чую…

Прусская армия была разгромлена полностью.

Победители покрыли поле побоища кострами, варили кашу с салом, искали во тьме раненых; мертвых укладывали ровными рядами — для пересчета. Грузили павшими фуры, и верблюды величаво вытаскивали их по песку на последнюю дорогу. Повсюду — через усталые жерла — додымливали остатки былой ярости брошенные канонирами пушки.

Румянцев, в одной нижней сорочке, босой и радостный, закатав рукава, катил через лагерь бочку с вином. Посреди лагеря он треснул пяткой в днище

— запахло хмелем.

— Подходи с кружкой те, кому жить долго осталось! По лагерю бродил, шатучий от хмеля, майор Степан Тютчев.

— Что же это будет, люди? — вопрошал изумленно. — Чужие меня не убили, так теперича, выходит, свои будут расстреливать?

Румянцев с бокалом ввалился к Апраксину:

— Дозволь перечокаться, Степан Федорыч! Кенигсберг отныне голыми руками бери. Ручку оттедова протяни — и мы в Померании! А оттоль — на Берлин! Хочу пива цгмецкого пробовать…

Апраксин целовал парня вывернутыми губами:

— За службу тебе спасибочко, Петруша. А только спьяна ты похвальбой мусоришь… Нешто же король Прусский простит нам свою ретираду? Политиковать надобно. Смотри, как бы не взгрели нас!

***

Фридриху доложили о победе русских под Гросс-Егерсдорфом, которая открывала России дорогу прямо на Кенигсберг… Король долго молчал. Потом (очень сосредоточенный) он сказал — почти просветленно:

— Но ведь русские не воспользовались своим успехом? А посему эту битву не считать нашим поражением.

Бесстрашный кавалерист Зейдлиц спросил об Апраксине:

— А что этот старый мешок?

— Барон Мюнхгаузен пишет, что под ним была ранена лошадь.

— Он ее ранил сам, — улыбнулся король.

— Своими шпорами! — загрохотал Зейдлиц.

«ПАДЕНИЕ» В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Виктория! О ней известили столицу России трубящие почтальоны; сто один раз (ни больше, ни меньше) громыхнули пушки на петропавловских фасах. «Гросс-Егерсдорф» уже вписался в летопись русской военной славы.

Но прошло несколько дней после победы, и 8 сентября 1757 года случилось в Петербурге событие, которое всколыхнуло весь дипломатический мир Европы. Это событие, на первый взгляд совсем незначительное, имело громадные последствия на ход всей военной кампании.

***

День этот совпал с религиозным праздником рождества богородицы, и в Царское Село съехалось немало крестьян, чтобы погулять на досуге у распахнутых кабаков царских. Елизавета, в отменном настроении, заодно с некоей бабой Ивановной, исполнявшей при ней должность «министра странных дел», пешком отправилась в церковь. День был пригожий, теплый. Еще издалека слышны были песни и музыка. На выходе

из дворца Елизавете приглянулся чем-то старый солдат лейб-кампании, который ружьем исправно ей артикул выкинул.

— Ишь ты! — сказала Елизавета. — Каков молодец у меня!

— Под стать тебе, матушка, — отвечал старый беззубый вояка.

— Так и быть: вот тебе рубелек — на память.

— Не могу взять, коли на часах стою.

Елизавета нагнулась — положила монету на землю:

— Ну, так возьмешь, когда сменят тебя с караула. Да смотри не загуляй шибко. А то — быть тебе в киях у меня…

— Постой, матушка! — крикнул солдат в спину императрицы.

— Чего тебе? — обернулась она.

— Правду ли бают, будто ты престол племяшу своему, Петру Федрычу, отказать хошь?

— Ружье у тебя в руках, — ответила Елизавета. — Вот и пали нещадно в каждого, кто такое болтать станет…

Уже, наверное, около часа длилась в церкви обедня, когда на паперть вышла из храма женщина. По виду — барыня (и не бедная). Хватаясь за перила, соскользнула с крыльца и рухнула на

траву. Сбежался народ. Барыня лежала, раскинув руки в крапиву, и торчал изо рта распухший, прикушенный язык.

Вокруг нее толковали пьяненькие мужики:

— За немцем бы послать… Лекаря!

— Може, хмельная?

— Эх, друг Елисеич, ляпнул ты… В церквах не пьют!

— Одначе, гляжу я, баба-то ишо не старая.

— Верно: подправить малость и — пошагает!

— От грудей, стал быть. Ее груди давят. Тут выбежала на крыльцо Ивановна («министр странных дел»).

— Свят, свят, свят! — заплескала руками. — Да это ж государыня наша, матушка… Охти, горе! Горе-то како!

Из трактиров густо повалил народ — своими глазами посмотреть, какова на Руси есть самодержица. Одна старуха крестьянка из соседней деревни Тярлево молча стянула плат со своей головы и целомудренно закрыла им лицо императрицы. Тут же, на глазах мужиков, лекарь Фуассадье пустил кровь Елизавете, но она не очнулась. Скоро появились ширмы с какой-то местной дачи, — ширмами оградили императрицу от любопытных взоров. Достали где-то

кушетку и положили на нее обеспамятевшую женщину. Наконец в народе послышались возгласы:

— Несут, несут…

— Кого несут?

— Да немца, слышь ты, главного сюды тащут! Высоко над головами людей качалось кресло с обезноженным греком Кондоиди — единственным, кому доверялась Елизавета, но который зато никому другому из врачей не доверял Елизаветы.

— Протц, протц! — кричал Кондоиди, колотя всех подряд палкой справа налево, слева направо. — Протц, стволоци!

Но сколько ни тер Елизавету мазями, сколько ни давал нюхать эликсиры жизни — императрица глаз не открыла. Она была в состоянии близком к смерти. Тогда кликнули мужиков подюжее (и потрезвее) да баб понаряднее. Мужики потащили царицу во дворец, вместе с кушеткой, а рядом бабы несли в руках ширмы.

И сразу же поскакали из Петербурга курьеры, чтобы известить иноземные дворы о «падении» в Царском Селе, а карту Европы заволокло тяжелыми тучами политического ненастья… Ведь ни для кого не было секретом, что умри сейчас

Елизавета — и политика России круто изменит свой курс; недаром великий князь не уставал целовать портрет Фридриха, бубня в открытую: «Буду счастлив быть поручиком прусской армии!» Недаром Елизавета велела лейб-кампанцу палить в каждого, кто помышляет о переходе престола в руки этого выродка…

Всадник пулей всегда пролетает короткое расстояние между Царским Селом и Ораниенбаумом. Но Екатерина узнала о припадке тетушки лишь на следующий день — из записки графа Понятовского. Таким образом, момент для переворота был упущен.

Елизавета Петровна несколько дней была между жизнью и смертью. Прикушенный язык не давал ей говорить мычала, но пальцами показывала успокоительно: мол, не пугайтесь, выживу! А когда маркиз Лопиталь появился на пороге ее спальни, она уже могла улыбаться:

— Споткнулась я.., грешница великая! Да не вовремя. Лопиталь уже был извещен о причине болезни императрицы и зашептал ей на ухо:

— Каждая женщина нелегко переживает этот естественный кризис. Следует доверить себя опытному врачу. Пуассонье, жена которого служит кормилицей при герцогах Бургундских,

как раз излечивает подобные недуги женской природы.

— Если вы, маркиз, — отвечала Елизавета, — желаете остаться любезным, так сначала выпишите мне в Петербург из французской комедии Лекена с Клероншей.

— Эти гениальные артисты принадлежат не мне, а.., королю! Сначала, ваше величество, — здоровье, а уж потом — комедия.

— Верно, матушка, — раздался голос Ивана Шувалова. — Да и знаешь ли ты, каков «Пекен есть?

— А что — разве плох?

— Горяч больно! И, коли в темперамент войдет, так со сцены в публику табуретки швыряет… Куды как лют на актерство! Лучше лечись, а у нас вскоре Федька Волков не хуже Лекена станется…

Никто не знал в Петербурге, что среди многих гонцов скакал сейчас по темным лесным дорогам еще один — самый таинственный и самый скорый. И в ставке Апраксина даже не заметили, когда, соскочив с лошади, он тихонько юркнул под навесы шатров.

Апраксин вскрыл привезенные письма и сразу узнал по почерку: от Бестужева-Рюмина и от великой княгини Екатерины.

— Удались! — велел он гонцу, целуя письма;

придвинул свечу, огонек отсвечивал на томпаковой лысине. — Так, так, — сказал фельдмаршал, и в заплывшем глазу его задергался нервный живчик. — Воля божия: пойдем на зимние квартиры…

***

Левальд с остатками своей размолотой армии встал лагерем под Веллау, преграждая путь на Кенигсберг, но русские почему-то не шли; только волчьей побежкой, рысистым наметом скакали по холмам и лесам казачьи разъезды… А где же армия Апраксина?

Апраксин в интимном разговоре с Фермером решил уйти прочь. Фельдмаршал жил сейчас не войной, нужной для России, а делами внутренними,

— Петербург с его интригами и «падение» царицы в Царском Селе занимали его более Левальда и Кенигсберга. На военном совете он уперся, как баран в новые ворота, в один пункт:

— Провианту нам осталось на одиннадцать ден. Ныне помышлять надобно не о баталиях, судари мои, а как бы спасти солдатиков от смерти неминучей, голодной! Левальду лутче, нежели моей высокой персоне: он в своей земле, а корму

ему каждый даст… А что мы? Россия далече, у пруссака же не попросишь хлеба…

Не преследуя врага, потопчась на выбитых боями полянах, Апраксин развернул свою армию назад. Фельдмаршал колебался сейчас между решениями Конференции и страхом перед всесильными заговорщиками… Рядовые армии Апраксина уже во весь голос говорили на марше:

— Опять нас продали, братцы. Кудыть тащимся, мать в иху размать? Идтить надобно влево по солнышку, а мы правей волокемся… Домой, што ли? А тогдась на кой хрен учиняли генералы всю эту катавасию? Эвон раненые-то наши болтаются на телегах. Вишь, вишь, Кирюха? Развезло их, сердешных: совсем обомлели!

Время от времени, вдоль рядов отступающей армии, проезжал в лакированной упряжке цугом сам Апраксин, откидывал зеркальное стекло кареты и говорил солдатам:

— Детушки, бог-то велик… И не нам, не нам тягаться со всевышним. Иди безропотно, коли богу угодно!

А по обочинам дорог, где было посуше, шагали офицеры.

— Откель, — рассуждали они, — генералитет наш завзял басню сию, будто провианту не хва-

тит? Кенигсберг — город богатющий, надо брать его штурмом и там зимовать в чаянии весны…

Эти разговоры поддерживали молодые генералы Петр Румянцев и Петр Панин:

— Наши магазины полны.., в Гумбинене, в Инстербурге! Галеры флотские из Ревеля муку нам везут. Не подохли б!

А над леском, вблизи Веллау, качался черный штандарт генерал-губернатора Восточной Пруссии. В один из дней сюда подъехал на лошади русский офицер, и его встретили как друга. Это был личный адъютант Апраксина — фон Келлер. Узнав от свиты, что Левальд с трудом оправляется после невзгод и поражений, фон Келлер весело рассмеялся:

— Сейчас наш старик вскочит, как петушок при виде курочки!

Левальду он сообщил:

— Русские решили уйти. Вашему превосходительству предоставляется возможность покрыть свое благородное чело лаврами бессмертия… Прощайте! Я спешу обратно в лагерь к Апраксину — исполнить долг честного пруссака!

Н умчался обратно, чтобы за ужином сидеть возле Апраксина, усиленно подливая вина болтливому фельдмаршалу. Пришло время Левальду

воспрянуть… Восьмидесятидвухлетний старец велел подать корсет из стальных пластин, его растерли мазями, он вставил в рот железную челюсть, понюхал терпентину, густо нарумянил впалые щеки, его вынесли из палатки, как негнущуюся куклу, посадили на боевого коня.

В седле фон Левальд приосанился:

— Посылайте срочное донесение в Берлин: пусть король знает, что русские бегут, а моя армия их преследует!

И случилось невероятное: побежденные стали преследовать победителей. Апраксин усилил марш. Чтобы задержать Левальда, он приказал палить все, что оставалось за его спиной. И заполыхали деревни; ночное зарево зловеще ширилось над лесами и болотами Восточной Пруссии… Русские шли в багровых отсветах, в дыму!

С далекой Украины, на помощь армии, хохлы в душных овчинах гнали таборы лошадей и оравы волов. Но обозы армии все равно тащились ужасно медленно, и Левальд стал буквально наступать Апраксину на пятки. Апраксин испугался… Левальд шел следом, тылы русской армии постоянно видели его нос. Иногда казакам-чугуевцам это надоедало: они разворачивались

для атаки

— и нос Левальда сразу прятался за лесом. Нет, сражения он не желал!

Но зато пруссаки занимали города, брошенные Апраксиным, жестоко грабили хвосты обозов, зверски добивали отставших больных и раненых в вагенбурге.

— Нашим генералам, — кричали солдаты, — с мухами воевать!.. Что деется? Кудыть разум их подевался?

Кончился лес, побежали унылые пожни, вдали выстроились шпицы Тильзита, и Апраксин, охая, выбрался из коляски.

— Уф, — сказал, — растрясло меня... Передых надобен! В эти дни граф Эстергази в Петербурге вымолил аудиенцию у болящей Елизаветы Петровны.

— Ваше величество, — сообщил он, — через венского представителя при ставке Апраксина, барона Сент-Андре, имею доподлинные известия о стыдном бегстве вашей армии.

Елизавета отвечала ему спокойно:

— Барон Сент-Андре ввел вас в неприятное заблуждение. О каком бегстве можно говорить, ежели армия наша победила? В делах воинских не смыслю я, слабая женщина, но с голоса Кон-

ференции моей уверяю вас, господин посол: Апраксин держит путь к магазинам на Немане, в Тильзите он оставит больных и раненых, дабы, укрепясь там и откормясь, повернуть прямо на Кенигсберг!

— Мне, — спросил Эстергази, — можно успокоить свой двор? Позволительно ли мне употребить в депеше именно ваши слова?

— Да, успокойте, — улыбнулась Елизавета… Апраксин вступил в Тильзит

— дурак дураком: приказал местной цитадели салютовать ему пушками как победителю — ради триумфа. Но сам триумфатор укрылся за форштадтами тремя полками, боясь набегов Левальда, и сразу же усадил Фермера за работу:

— Виллим Виллимович, ты уж постарайся… Левальд настырен стал, надобно из Тильзита ноги убирать, здесь не продержаться!

Флот из Мемеля тянул бечевой по Неману баржи с продовольствием для армии (одной муки было более тысячи четвертей).

— Куды плывут? — хватался за голову Апраксин. — Топи их…

Прорубили днища, и барки с мукой нехотя ушли на дно Немана. Теперь армия и в самом деле была обречена на голод по глупой воле сво-

его главнокомандующего… В эти дни Апраксин, собрав магистрат Тильзита, обратился к нему с речью:

— Почтенные пруссаки, поклянитесь мне, как перед сущим богом, что, когда Левальд придет под стены вашего города, вы прусские войска в Тильзит не пустите; пущай оне за форштадтом милостыньку себе собирают!

Магистрат горячо поклялся. Апраксин же, оставив Тильзит, бросил свою армию в бегство далее. Да столь поспешно, что даже свай от мостов сожженных не разрушили. По этим сваям пруссаки (с помощью того же магистрата) быстро настелили новые мосты.

Фермер явился к Апраксину сильно озабоченный.

— Искусство воинское, — сказал он, — науке коего отдал я немало лет жития своего, доподлинно указует, что ныне мы все погибли! Ежели в марше не поспешим, то к Мемелю нам уже не прорваться: Левальд пресечет пути отхода нашей армии, и мы окажемся в «мешке», в коем сиживал Август Саксонский в лагере под Пирной… Помните?

— Значит, — рассудил Апраксин, — мы должны поспешить в маршах. А дабы ретироваться нам стало свободнее, надобно безжалостно облегчить

себя в обозах…

Эти два человека настойчиво стремились от победы полной к полному поражению своей армии (иначе никак нельзя определить их действия)… И вот началось! Ярко горели на опушках леса громадные искристые кучи порохов. На огородах закапывали свинец и ядра. Рыли глубокие могилы — туда навалом сыпали ружья, даже не смазанные. Никто ничего не понимал. Но армию — гнали, гнали, гнали… Назад — в печальную Ливонию, в леса Курляндии. На маршах заклепывали пушки, бросая их стволы в болота поглубже. Резали усталых лошадей. Жгли лафеты и госпитальные фуры. Шли очень скоро, наспех зарывая умерших. Кричали на телегах раненые — под дождями, в грязи канав, на прусских ухабах. 15 тысяч своих больных Апраксин безжалостно, как последний негодяй, бросил по дороге своего бегства. 80 пушек он оставил врагу…

Теперь, случись ему принять сражение с Левальдом, он бы его уже никогда не выиграл. Ибо армии (это надо признать) у него уже не стало. Апраксин развалил свою победоносную армию!

Случайно в плен попал прусский офицер из полка «черных гусар». В ставке Апраксина, увидев адъютанта фон Келлера, пленный стал хохотать

так, что фельдмаршал сказал ему:

— Вот вздерну тебя на елке, чтобы ты не веселился тут! «Черный гусар» сразу поник:

— Только не убивайте.., я вам скажу: вон тот офицер, ваш адъютант фон Келлер, давний шпион моего короля.

— Как? — подкинуло Апраксина кверху. — Эй, Келлер, идите-ка сюда… Вы слышите, что о вас говорят?

Келлер взнуздал лошадь, подтянул подпругу, упираясь драным ботфортом в потные бока своей кобылы:

— Слышал, ваше превосходительство, я все слышал.

— И разве можно в это верить? — спросил Апраксин. Келлер был уже в седле.

— А почему бы и не поверить? — ответил он, — Его величество, мой король, благодаря мне знает даже, на каком боку вы спите. Спасибо вам, мой фельдмаршал: при вашей особе я сделал себе великолепную карьеру.., там, в Потсдаме!

И — ускакал, больно терзая кобылу острыми испанскими шпорами.

***

Прибыл в Петербург из армии молодой генерал

Петр Иванович Панин и был принят Елизаветою сразу же. Стоял перед ней крепыш, русак в ботфортах, заляпанных еще прусской грязью, прямо с дороги, небритый и чумазый.

— Эй, люди! — похлопала Елизавета в ладоши. — Данте сначала пофриштыкать моему генерал-майору!

— Не нужно, матушка… Дозволь слово едино молвить? Панин приблизился, обдав императрицу запахом лука:

— Измена, матушка… Руби головы, не жалеючи!

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

Кавалерия бесстрашного Зейдлица кружила вокруг Берлина, оберегая его. Но совсем нежданно, глубоким обходным рейдом, кроаты Марии Терезии вышли к незащищенной прусской столице. Грабеж и дикая резня привели берлинцев в трепет. Командовал кроатами австрийский генерал Анджей Гаддик, который был предельно краток, как и положено храбрецу.

— Триста тысяч талеров — и мы уходим! — объявил Гаддик потрясенным членам берлинского магистрата.

Долго торговались, Гаддик скостил сто тысяч, благо надо было спешить: гусары Зейдлица вот-вот могли нагрянуть сюда, и тогда от Гаддика ничего не осталось бы… Ударили по рукам на двухстах тысячах талеров.

— Только отсчитывайте деньги быстрее, — сказал Гаддик.

— Не волнуйтесь, — успокоил его королевский финансист Гоцковский. — Слава о берлинских казначеях идет по всему миру… — Они умеют считать казенные деньги…

В ожидании выплаты контрибуций Гаддик вдруг вспомнил:

— О! Ведь самые лучшие перчатки в мире делают в Берлине… Это кстати! Заверните мне двадцать дюжин для подарка моей императрице: женщина хоть и в короне, все равно остается женщиной… Так что заверните двадцать дюжин!

Обещали завернуть. Гаддик бегал из угла в угол, весь в нетерпении. С кавалерией Зейдлица шутки плохи так же, как и с кавалеристами Циттена… Не выдержав, Гаддик наорал на Гоцковского:

— Хороши ваши хваленые казначеи: не могут отсчитать двести тысяч… Сколько успели отсыпать в мешки?

— Всего сто восемьдесят пять.

— Пятнадцать тысяч за вами! А я больше не могу ждать.

Мешки с деньгами покидали в коляску. Сверху уселся Гаддик.

— Стой! — заорал он в воротах. — А перчатки-то забыли!

Поспешно, в самый последний момент, Гаддику сунули связку дамских перчаток. Кроаты бросились от Берлина врассыпную, как нашкодившие воришки. Через два часа после их бегства в столицу ворвался на взмыленных лошадях Зейдлиц

и отлупил членов магистрата плеткой:

— А меня не могли дождаться? Перчатки дарите этой венской бабе? Я вам покажу перчатки!.. Что скажет теперь король?

Король печально сказал:

— Учу я их, учу, а все равно берлинцы помрут дураками. Но Вена еще глупее Берлина: надо же догадаться устроить такой шум из-за каких-то перчаток…

Гаддик услужливо поднес в презент своей прекрасной императрице двадцать дюжин чудесных перчаток.

— Ах, какая прелесть! — сказала Мария Терезия, но…

И тут случилось то, чего никак не ожидал Гаддик: перчаткой его ударили по лицу. Он не догадался развернуть сверток еще в Берлине: все двадцать дюжин перчаток оказались с левой руки!

Гаддик после этого случая прожил еще 33 года, но так и не смог исправить свою карьеру при дворе. Всю жизнь потом он глубоко страдал из-за этих перчаток! Честно признаюсь, мне этого налетчика даже иногда жалко…

Так — анекдотом! — и закончился набег австрийцев на Берлин. В Петербурге ему не придали

значения и отнеслись к событию только как к забавному анекдоту. Слово оставалось за русской армией, но сейчас она была далеко даже от Кенигсберга.

ФРИДРИХ ИГРАЕТ ВА-БАНК

Неважно складывался этот год у Фридриха: под Прагой он повержен, под Коллином разбит и откатился в Саксонию; французы шли через Ганновер прямо в незащищенные пределы королевства с запада. И наконец Гросс-Егерсдорф поставил на лоб короля громадную шишку. Казалось, что дни Фридриха уже сочтены; еще один удар союзных армий — и Пруссия, этот извечный смутьян в Европе, будет растерта на политической карте, как последний слизняк.

Вольтер, на правах старой дружбы, в письме к Фридриху советовал ему, пока не поздно, разумно сложить оружие. Но вера в «чудо» не покидала короля, и он отвечал Вольтеру стихами:

Pour moi, menace du nautrage, Je dois, en affrontant 1'aurage, Penser, vivre et mourir en roi...»

«Под угрозой крушения, встречая Бурю, я должен мыслить, жить И умереть как король... (франц.)»

Армия герцога Ришелье легко катила в прусские провинции, и Фридриху доложили, что под жезлом маршала Франции 24 000 человек.

— Это парикмахеры, а не солдаты, — отвечал Фридрих. Разведка ошиблась в подсчете и тут же поправилась:

— Король, Ришелье гонит сто тысяч!

— Тем лучше, — отвечал Фридрих. — Зато теперь я спокоен, что меня причешут и припудрят по всем правилам куаферного искусства…

Король был весел, как никогда, и велел отсчитать из своей казны 100 тысяч талеров — по одному талеру на каждого солдата армии маршала Ришелье.

— Я немного знаком с герцогом, — сказал король. — Этот старый парижский лев сильно промотался. Перешлите ему мои денежки на пошив новой роскошной гривы!

Ришелье взятку от Фридриха охотно принял, и тут же его армия замерла, как вкопанная, перед самыми воротами Магдебурга. Король Пруссии никогда не удивлялся действию, которое оказывают на людей деньги (он удивлялся, когда они не оказывали).

— Парикмахеров, как видите, я разбил стремительно:

Ришелье уже не опасен. Дело за маршалом Субизом, но он, по слухам, так награбился на войне, что вряд ли теперь нуждается в моем кошельке…

Де Катт, — вдруг спросил король со всей любезностью, — а отчего вы ничего не ели сегодня за ужином?

— Благодарю, ваше величество, — уныло отвечал секретарь. — Последние события таковы, что я лишился аппетита.

— С чего бы это? — рассмеялся Фридрих. — Вы еще молоды, и вам не пристало поститься. Доверьте это дело монахам!

— Ваше величество, — произнес де Катт со всей осторожностью, — надеюсь, вы позволите мне быть откровенным?

— Мы друзья, де Катт. Я люблю вас. Говорите же!.. Был поздний час, и за окном уже давно уснула деревня, в которой они устроились на ночлег. Блестела при луне черепица крыш, глухо лопотала в камнях водяная мельница, большие лопухи лезли в окно крестьянской горницы. Король сидел в исподнем на постели, шпага была небрежно брошена на стул; из-под вороха подушек торчали рукояти пистолетов.

Де Катт заговорил, вслух рассуждая: Пруссия в кольце врагов, ее окружили сразу пять армий, и надежд на спасение нет.

— Может, гений Вольтера подсказывает нам правильный исход?

Фридрих соскочил с перин, его глаза сверкали.

— Де Катт! — воскликнул он с горечью. — Пробыв со мною рядом столько времени, вы могли бы стать и умнее. Наши дела блестящи! Мы велики, как никогда… Вы забыли о главном: о бегстве Апраксина, который ретирадою своею (неслыханной по глупости в истории!) спас меня. Русской армии более нет в моих пределах: она опять палит костры за Неманом в Ливонии! Фон Левальд ожил: он разворачивает свои войска на Померанию, чтобы сбросить в море шведские десанты. А я отныне, свободный на востоке от угроз России, вправе выбрать для себя любое решение.

— Какое, ваше величество? — робко спросил де Катт.

— Таких вопросов королям не задают, — в гневе ответил Фридрих. Он поспешно дунул на свечу, договорив в потемках:

— Ложитесь на сенник, де Катт, и спите. Вы даже не представляете, как вам повезло в жизни. Совсем молодой человек, вы состоите при неглупом короле, и вас ждут великие события…

Де Катт на ощупь отыскал дверь, и она тихо скрипнула в потемках.

— Я плачу, мой король. Я плачу от восторга… Спокойной ночи, ваше величество. Именем моей

матери я благословляю торжественный сон великого человека…

***

Дороги тогдашней Европы представляли ужасное зрелище.

Двигались калеки и безногие, слепцы и прокаженные; шли, бодро и весело, полковые шлюхи и маркитантки; ползли в пыли старики и старухи; маршировали бравые капуцины, одичавшие от голода студенты-богословы и студенты-философы. Наполняя зловонием обочины трактов, эта армия неустанно двигалась через Европу, как чума… Нет, я не обмолвился, назвав этот сброд «армией»!

Ведь помимо Пруссии существовала еще и Германия, бывшая противницей Пруссии, — Германия, склеенная из трехсот шестидесяти пяти мелких, раздробленных княжеств. Сколько было в Европе средневековья рыцарей-разбойников — столько было теперь герцогств, курфюршеств, епископств. Все это называлось тогда общим именем «Германия», и эта Германия ополчилась на Пруссию…

Немецкие князья были сворой алчных бешеных собак. У них имелись замки, гербы и

генеалогия разбойников, древо которых начиналось с большой дороги. Это было мерзостное дно всей Европы, ее гнусный хлам и поганое отребье.

Именно эти князья и представляли собой Германию. Дать для войны с Фридрихом здоровых солдат они не пожелали (ибо здорового можно продать) и потому спустили с цепи калек и попрошаек. Эта «армия» была вооружена палашами, палками, вилами. Но это так — лишь для приличия. Зато каждый германский воин имел сундук или мешок. Попутно, двигаясь на Фридриха, они вскрывали могилы, чтобы грабить покойников, раздевали раненых, убивали встречных путников… Мало того! — у этой грабь-армии был своей генералиссимус, князь Гильбургсгаузенский. Когда эта свора мародеров и нищих соединилась с французами, маршал Субиз брезгливо предупредил князя германского:

— Высокий генералиссимус, договоримся рыцарски: ваша армия берет в добычу себе только то, что останется после моей армии. В остальном у нас никаких разногласий не предвидится…

Германия прошла через Европу саранчой, безногая и безглазая, в окружении прелатов и капуцинов, рясы которых раздувало рядом с юбками проституток. И только землю под собой

они сожрать еще не могли, — все остальное было уничтожено и предано пламени. И работящей Пруссии было за что ненавидеть именно эту Германию! Впрочем, будем справедливы до конца: французы вели себя ничуть не лучше…

После прохождения армия Ришелье и Субиза трава в Пруссии уже не росла (маршалы Франции пощадили только один Геттингенский университет). Версальскими маршалами двигало лишь чувство наживы. А разграбив город, его тут же поджигали. Зато Париж, за счет военной добычи, быстро украшался новыми отелями, которые парижане прозвали «ганноверскими павильонами». Французская армия побеждала только потому, что она еще ни разу не столкнулась с регулярной армией Фридриха.

Ни Субиз, ни герцог Ришелье, ни генералиссимус германский — никто из этой троицы — еще не знал, что Фридрих скоро расквитается с ними за все сразу. Он мог это сделать теперь, ибо отступление Апраксина на востоке развязало ему руки на западе.

***

Под шум осенних дождей, при отблеске свечей, Фридрих рассуждал над картами:

— Субиз дошел почти до Лейпцига, желая зимовать в Саксонии, чтобы подъедать там мои запасы. Мое решение таково: пока Россия опомнится, я взнуздаю французов… Можно собирать войска! Пушки тащить. Я начинаю игру ва-банк!

Он по кускам сколотил армию — всего 20 тысяч человек при 72 стареньких пушках. Перед выступлением король сказал молитвенно:

— Положимся, как всегда, на волю его величества случая!

Губы де Катта слабо прошептали:

— Это безумие…

— Все безумно в этом мире. Но безумцам всегда везет… Пошли!

Отчаянно завизжал сырой песок под колесами пушек. Ружья легли на плечи гренадер. Высокие шапки потсдамцев закачались в ряд, маршируя. Король запрыгнул в коляску, натянул перчатки.

— А почему бы мне и не победить? — весело спросил он у де Катта.

Казалось, что король Пруссии сошел с ума: ведь против него стояла сейчас армия Субиза в 62 500 штыков при 109 орудиях.

Нельзя же так сознательно шагать навстречу своей гибели!

Об этом и сказал де Катт…

— Вы ничего не понимаете, милый, — отвечал ему король, задремывая привычно на плече секретаря. — Ведь позади маршала Субиза движется, бренча кастрюлями и мисками, сотня искусных поваров. А впереди меня, невидимо и неслышно, шагают сто моих опытнейших шпионов… Парикмахера Ришелье мы разбили — дело за поваром Субизом!

Все время он был в авангарде. Французы жгли мосты — он наводил понтоны. Он спешил. Он настигал. И он настиг противника, упершись с ходу прямо в грандиозный лагерь маршала Субиза.

— Нет, — сказал король, осмотревшись зорко. — Здесь позиция для боя неудобна. Надо вернуться, отодвинув армию назад…

И отошел назад — к деревушке Россбах, что лежала, уютно дымясь, в одной миле от города Люцена.

— Кажется, здесь нам лучше повезет, — зевнул король… Французы не дали ему спать. Отход Фридриха к Россбаху они приняли за слабость короля. Всю ночь (всю ночь!) гремели от Субиза литавры и раздавались песни… Субиз, торжествуя, говорил:

— Решено! Война окончится завтра, возле этой деревушки Россбах, которая тем и станет знаме-

нита. Мы возьмем Фридриха в плен и отправим в Париж на потеху черни… Мы начинаем окружение прусского лагеря, отрезая королю пути отступления.

***

Зейдлиц поднялся к королю на сеновал:

— Король, французы обходят нас со всех сторон.

— Пусть эти обезьяны делают что хотят. Только бы дали мне поспать!

В ночи гулко гремели полковые барабаны: французские и германские войска, двигаясь таборами, с музыкой занимали все окрестные дороги.

— Вот бессовестные канальи! — ворочался на сене король. — Ну когда же они перестанут дудеть и барабанить? Они мне надоели…

Рано утром ему доложили:

— Мы полностью окружены противником.

— Я это знаю, — спокойно отвечал король. — Они были бы полными идиотами, если бы не сделали этого, пока я спал.

Генералы ждали сигнала к бою, но Фридрих его не давал.

Шло время. Зейдлиц показал рукой на солнце,

стоявшее высоко:

— Король, не пора ли нам обедать?

— Рано, — отвечал Фридрих. — Обедать надо всегда в полдень.

Напряжение в лагере росло. Вот и двенадцать…

— Я голоден, — сказал король. — Покормите меня. Вокруг королевского стола, накрытого на чистом воздухе, собирались любопытные (всем хотелось повидать Фридриха вблизи).

— Не отгоняйте их, — шепнул король адъютантам и, сняв шляпу, бросил ее себе под ноги. — Проклятье! — восклицал король. — Этот негодяй Субиз за ночь успел окружить меня, мы пропали… Бегство — единственное, что может спасти нас!

Он съел второе и третье блюдо. Но генералов Пруссии колотило.

— Музыка, — сказал король, прислушиваясь к веселью в лагере противника, — она удивительно способствует пищеварению… Ешьте, господа! Тем более что музыка не наша, а французская и нам за нее платить не надо…

На него взирали с надеждой и с опаской. Фридрих повернулся к толпе любопытных и заметил, что раньше их было гораздо больше.

— Конечно, — обратился к ним король, — Субизу теперь можно и повеселиться! А мне прямо от этого стола предстоит спасаться…

Любопытных вокруг стола стало еще меньше. Зейдлиц шепнул королю:

— Это же шпионы Субиза.

— Потому-то, — сказал король, — я их сразу и загрузил работой.

Ровно в два часа дня Фридрих поднялся из-за стола.

— А теперь, — велел, — разгоните всех лишних, чтобы не путались тут и не мешали работать…

Он поднял к глазу трубу, озирая местность. Резко повернулся.

— Бить тревогу! — произнес пылко.

А французы, те просто упивались весельем, празднуя победу, которой еще не выиграли. Фридрих верхом пронесся вдоль рядов войск.

— Ребята, — говорил он кратко, — не робейте. Я вам дам много вина и мяса. Жалованье увеличу вдвое… Быстро! Смело! Решительно!

Колонны тронулись. Французы не верили своим глазам: все поле разом покрылось прусскими шапками. Легкая конница Зейдлица, таясь за холмами, вышла во фланг французам. Подали трубку, и Зейдлиц долго, сосредоточенно раску-

ривал ее... И вот трубка, дымясь, взлетела кверху — сигнал атаки. Только на полном разбеге коней (уже вблизи) гусары Зейдлица поняли, с кем имеют дело, — с жандармами! «Жандармы (gens d'armes) — французские рыцари-латники из знатных дворян; считались лучшими всадниками в Европе; к концу XVIII века стали называться кирасирами.» Легкая конница Зейдлица сгоряча налетела на тяжелую кавалерию. Но думать уже было некогда — и жандармов, противу всех законов тактики, они удачно опрокинули.

Субиз даже не поверил:

— Такого не бывает! Но.., подкрепите жандармов. А жандармы-латники, удирая от Зейдлица, как врезались в свое подкрепление, так и втоптали его в землю. Свои смяли своих! Сотни бегущих французов задирали руки, толпами сдаваясь в плен. Но пленить их было некогда: разбитые жандармы обнажили весь фронт Субиза, и Зейдлиц увидел пехоту, никем не прикрытую.

— Вот они! — прокричал он. — Вырубай всех!.. Армия Субиза и армия германских княжеств ожидали, что придется пленить и грабить Фридриха. Но они совсем не были готовы сражаться. Инфантерия спасалась бегством через поле, несясь как угорелая. Пуще же всех развили прыть «воины»

генералиссимуса Гильбургсгаузенского: побросав свои сундуки и палки, они прыгали в болота по самые шеи, зайцами впархивали за кусты. Калек и попрошаек было просто не узнать…

Субиз в бессилии раскинул руки:

— Хоть кто-нибудь — придите на помощь.., спасите же меня от позорного плена!

Французы его не спасли. От прусского плена его спасли наемники — закованные до глаз в броню швейцарские гвардейцы…

Это сражение Фридрих даже не стал досматривать до конца: неинтересно, в игре не было острых, терзающих положений, решения битвы не требовали от него творческого вдохновения.

— Каковы же мои потери? — спросил он только. Потери были смехотворны: всего 165 человек.

— Это здорово! А французской армии Субиза более не существует… Эй, позовите сюда Зейдлица! Зейдлиц явился.

— Нагнись, — велел Фридрих. — Я хочу всыпать тебе как следует, чтобы ты не забывал своего короля!

Зейдлиц нагнулся, ожидая пинка под зад (что нередко бывало), но получил на шею орден Черного Орла.

— Ступай! Ты ранен…

— Куда ранен я? — удивился Зейдлиц.

— В руку! Пошел, болван.

К королю приблизился де Катт с раскрытым альбомом:

— Ваше величество, не угодно ли вам, чтобы я, в этот знаменательный для Пруссии день, записал ваши высокие мысли для будущих потомков?

Фридрих пальцем почесал выгоревшую на солнце бровь:

— У меня нет никаких мыслей. Я плохо спал.., мне мешали эти французы. Весь свет был мне не мил, когда я встал сегодня утром. Наконец, обедал я сегодня отвратительно. Не люблю, когда вокруг стоят незнакомые люди и смотрят мне в рот. У меня дурное настроение, де Катт!

— Отчего, ваше величество?

— Ах, мой милый, у короля немало забот! Вот были русские.., потом французы… А теперь надо идти и поддать австрийцам! Если хочешь, так и запиши для истории: совсем необязательно бить врагов сразу всех, если можно разбивать их поодиночке… Кстати, не забудь оставлять сбоку поля, — может, я потом что-либо добавлю. Специально для потомства!

***

Россбах — кровавая клякса в летописи героизма Франции!

Даже трудно объяснить, отчего с такой удивительной легкостью, словно играючи, Фридрих разгромил громадную армию, втрое превосходящую его скромные силы. Ведь король даже не успел ввести в сражение свои резервы (они и пороху не понюхали)! Россбах — даже не победа Пруссии, это полный разгром Франции.

Начиналась слава. Для него — для короля.

Вольтер уже воспел победу Фридриха в напыщенных стихах.

Лондон был украшен его портретами. Под эту славу Питт стал требовать от парламента усиления финансовой помощи Пруссии.

— Вы видите? — говорил Питт. — За королем прусским деньги даром не пропадают: одним лишь Россбахом он расплатился с нами за все авансы сразу!

Париж тоже приветствовал... Фридриха, а своих раненых солдат встречал плевками и свистом. Версаль недоумевал — кто уничтожил боевой дух Франции, почему охрип перед битвой задорный галльский петушок?

Одним ударом меча, сверкнувшим у Россбаха, Фридрих заставил Версаль отказаться от борьбы с ним. Он как бы сказал Людовику: «Куда ты лезешь? У тебя англичане занимают колонии — вот ты и сражайся с ними в Америке, а меня лучше не трогай...» Опозоренный Версаль пребывал в ужасном отчаянии: под Россбахом пруссаки убили лишь 2500 французов. А куда же делись остальные 60 тысяч солдат армии Субиза? Где они?.. Их не нашли.

Они исчезли! Субиз писал королю: «Наши солдаты рассеялись по всей стране: грабят, насилуют, разоряют дома и творят всевозможные ужасы...» Взоры Версаля были обращены к маркизе Помпадур: кого изберет она ныне в главнокомандующие?

— Лучше аббата Клермона не найти, — сказала Помпадур.

В самом деле, читатель, почему бы аббату и не повоевать? Священнику тут же дали титул графа, возвели в чин генерала. Аббат Клермон (кстати, был умный человек!) предстал перед королем, и Людовик спросил его сердито:

— Кто мне ответит: куда делась моя армия?

— О какой части армии ваше величество меня спрашивает? Мне известны всего три части ва-

шей славной армии.

— Какая же первая? — озадаченно спросил Людовик.

— Первая — это сплошь мародеры, гробокопатели и сволочи.

— Ну, ладно. Оставим первую… Где же вторая?

— Увы, она уже давно сгнила в земле!

— Мир их праху… Что с третьей частью?

— Она пока еще на земле. Но ей уже недолго осталось лежать в лазаретах, ибо из наших лазаретов есть один прямой путь — в землю, следуя успешно за второй частью армии.

— Чего же вы ждете, Клермон, от меня? — надулся король.

— Могу ждать только ваших повелений: что мне делать с первой частью армии? Вернуть ее во Францию или оставить бесчинствовать в Германии?

— Нет, Франция их не желает знать…

В салонах Парижа еще очень долго восхваляли «гений Фрица», всемерно и жестоко осуждая бездарность Субиза, но скоро все померкло, придавленное ужасной новостью: на подбородке маркизы Помпадур вскочил противный прыщик… Россбах и позор поражения были немедленно забыты.

Но о нем еще долго помнили в Петербурге, и Елизавета Петровна в эти дни повелела:

— Волонтиров российских, кои по указу моему состоят при французской армии, отозвать домой немешкотно. Пусть, — рассудила императрица, — лучше дома на печках валяются, а в битой армии офицерам русским учиться нечему...

НАСТУПИЛА ОСЕНЬ

Вот и осень, дорогой читатель. Неуютная осень 1757 года…

На плоских штрандах Прибалтики — от Нарвы до Мемеля — гремят, взметывая песок, гневные сизые штормы. Облетели березы за Ковно, тянутся над Митавою журавли, едва не задевая крылом шпицев Святого Иакова… Грустно. Чего-то хочется… Знать бы — чего?

Но осенью ты сам не ведаешь своих желаний…

Что бы мы делали, читатель, живи мы с тобой в то время?

Наверное, служили бы, да! Жесткий, протканный серебром шарфик на шее (не греет), на боку вихлястая шпажонка (мешает). По непролазным грязям Курляндии тащили бы нас лошади, а когда очнешься от дремы — опять крутятся в суглинке колеса, а вокруг — поля, корчмы и скирды, мокнущие под дождем, печальные леса шумят, читатель, на рубежах России, сердцу нашему любезной…

Кто мы? Откуда мы? Куда нас тащат эти усталые клячи?

***

— Ваше превосходительство, очнитесь… Уже и Нарва!

— Нарва? — проснулся Апраксин. — У, как быстро приехали.

— Здесь заночуем. А завтра будете уже в Питере… Гайдук откинул ступеньки на карете, лакеи с факелами в руках осветили большую лужу. Запахнув плащ и подтянув за ушки ботфорты, фельдмаршал прыгнул на мостовую, пошагал к ратуше. Там его ждали удобные покои, а в толстых каменных стенах пылали жаркие камины. Апраксин переоделся в беличий халат, велел готовить ужин. Все ушли, оставив его одного…

Из боковой двери почти неслышно, словно дух, выступила фигура человека, и цепкие пальцы сжали плечо фельдмаршала.

— Не надо звать адъютантов, — сказали Апраксину прямо в ухо. — Они уже не придут… По указу ея императорского величества, осударыни кроткия сердцем Лисавет Петровны ты арестован, фельдмаршал… Вот теперь — встань!

И он встал. И затрясся. И зарыдал:

— Хочу предстать пред светлые очи осударыни… Желаю истинную правду о несчастном

походе единой ей высказать! Его толкнули в темь боковой ниши:

— Правду будешь сказывать пред инквизицией российской! Где бумаги твои лежат? Письма где воровские? Кто приказал тебе армию русскую бесчестно за Тильзит отвести?..

***

Если причин постыдной ретирады не понимали солдаты, то в Петербурге даже не хотели в это верить. До Тильзита — да. Конференция соглашалась на тактический отвод армии до Тильзита (ведь следовало спасти больных и раненых!). Но Апраксин разрушил мощный механизм боевой армии, он превратил тактический отход своих частей в несуразное бегство; он даже не бежал — удирал!..

Императрица еще не оправилась после «падения» в Царском Селе. Число жертв в этой войне от нее скрывали. И со всей осторожностью доложили Елизавете об отходе армии Апраксина на зимние квартиры.

— Далеко ль бежали? — спросила она подавленно.

— Да кто куды.., казаки — те аж в Великие Луки поспели.

— Супостаты! — заплакала Елизавета. — Воры!.. Меня уж не жалеют, ладно. Так хоть бы честь-то воинскую поберегли.

Жила она в каком-то полусне. «Только бы ныне не помереть, — призналась как-то Воронцову. — Хочу видеть у ног своих все знамена Фридриховы! А умри я сейчас — и мой наследник знамена эти вас целовать приневолит...» По стеночке, по стеночке она выбиралась из спален, тащилась к столу на разбухших ногах. Садилась, как старуха, — медленно.

— А где Серж Строганов? — спрашивала.

— Изволил ночевать сей день в Ораниенбауме.

— А Нарышкин где?

— Тоже к молодым отъехал.

— Что они так спешат карьер при молодых делать? Я ведь еще не померла. Я ведь еще императрица...

Эстергази при свидании с Елизаветой стал жаловаться на канцлера Бестужева, который торопит банкира Вольфа со скорейшим прибытием нового посла Англии, на смену удаленному Вильямсу.

— Ваш двор, — говорил он, — войны с двором Сент-Джемским не ведет, но вражда в политике определилась ясно. И я, ваше величество, как

посол союзной вам державы, желал бы приуготовить вашу чуткую душу к справедливому подозрению…

Она не дала ему договорить — махнула рукой, отпуская.

— Потерпите, сударь, — отвечала Елизавета послу загадочно. — Я ведь тоже не за печкой родилась — все понимаю. А скоро мы избавимся ото многих подозрений сразу…

Между тем великая княгиня Екатерина Алексеевна, почуяв, что при дворе творится неладное, стала ссылаться на близость родов и затворилась в скорбном уединении. За окнами Китайского дворца кружились ворохи желтых листьев, от Кронштадта наплывала на материк сиреневая мгла. Кутаясь в платок, Екатерина забавлялась чтением Брантома…

Озябший Понятовский доскакал до Ораниенбаума, бросил на лугу лошадь, постучал в дверь трижды. И еще раз — отдельно.

— Что с тобою, друг мой? — удивилась Екатерина. Понятовский был бледен, прянично-круглое лицо его заострилось, мокрые пряди кудрей прилипли ко лбу.

— Я видел канцлера, — сообщил, озираясь. — Он велел успокоить тебя: Апраксина предупредили,

и… Апраксин сжег! Все сжег!

— А разве?.. — пошатнуло Екатерину.

— Да! — оглушил ее ответ. — Фельдмаршал арестован. Великий инквизитор уже выехал под Нарву, чтобы снять первый допрос. А теперь надо ждать, что отточат топор на шею канцлера…

Екатерина струсила перед расплатой. Но вдруг погладила свой выпуклый живот и собралась с духом:

— Мое спасение — во мне самой! И меня не тронут. Кто осмелится? Отныне я удаляюсь от мира!.. — закричала она. — Я ничего не знаю. Я ничего не видела… Пусть они расхлебывают сами! Я только мать наследника престола российского, а вот здесь (она сильно хлопнула себя по животу) уже имеется дополнение к древнему дому Романовых. И, выпроводив Понятовского, она с иронией добавила:

— Спасибо тебе, мой верный Пяст!

***

Затихло все… Дипломатия лениво прокисала в незначительных интригах, когда из Франции в Петербург вернулся кавалер де Еон, и маркиз Лопиталь встретил его словами:

— О, вот и вы, моя крошка… Вы что-нибудь

понимаете?

— Я, видно, недалек от истины: не случись тогда припадка с императрицей в Царском Селе — и Пруссии уже не стало бы в этом году. Мало того, французам не пришлось бы краснеть и за этот проклятый Россбах… Апраксин — только пешка, исполнитель чужой зловредной воли! Кстати, Понятовский еще здесь?

— Да при чем здесь этот фат?

— Понятовского надо выбросить из России, как выбросили Вильямса: именно через его руки проходит связь канцлера с великой княгиней. И даже дальше — вплоть до Берлина!

— А вы знаете, у Екатерины скоро должен быть ребенок. И вот императрица, дабы упрочить коалицию против Фридриха, желает, чтобы король Людовик крестил младенца из дома Романовых!

— Вы, маркиз, сказали ей, что это невозможно?

— Напротив, я уже обещал Елизавете, что так и будет.

— Но как же можно обещать за.., короля?

— Король — мужчина! А разве мужчина вправе отказывать женщинам в их просьбах, пусть даже неловких?

Де Еон, как первый секретарь посольства (к тому же облеченный «секретом короля»), не

слишком-то считался с маркизом и поспешил повидать венского посла Эстергази… Австрийский магнат половину дня просиживал в серной бане. Красные, как скорлупа вареных раков, громадные язвы испещряли тело знатного аристократа.

— Вас не удивляет, — спросил он, — странное совпадение между припадком Елизаветы и отступлением армии Апраксина?

— Об этом говорят всюду, — усмехнулся де Еон. — Штопать брюссельские кружева сапожной дратвой не всегда удается…

Эстергази чуть не выскочил из ванны:

— А вы попробуйте доказать императрице, что Бестужев ей не верен! Елизавета привыкла к нему, как к негодной собаке, которую держат за старую верную службу. Гнев императрицы можно вызвать только одним обстоятельством…

— ..если, — подсказал де Еон, — она узнает, что в отступлении армии Апраксина повинен сам канцлер! Но для этого, господин посол, придется обнажить все секреты Ораниенбаума.

— Именно так! — заплескался Эстергази в желтой воде, над которой облаком нависал горячий зловонный пар.

На следующий день Бестужев-Рюмин встретился с Лопиталем — и между прочим — сказал:

— С крайним неудовольствием, маркиз, был извещен вчера о прибытии сюда кавалера де Еона. Сей бестолковый человек весьма опасен и, боюсь, способен возмутить империю.

Канцлер так и заявил: «возмутить империю».

— Вы протестуете, господин канцлер, как частное лицо или…

— Нет! Как лицо официальное, и протест мой формален.

— Будет лучше, — обозлился Лопиталь, — если вы объясните своим союзникам причины бегства вашей армии из Пруссии!

— Отсюда правды не видать, — сразу притих Бестужев. — Апраксина, хотя он и друг мне, я не оправдываю. Но.., провианта нехватка. Да и раненые! Теперь и осень пришла; до весны армию побережем, а на следующий год снова в поход выступим!

Но вице-канцлер Воронцов, наоборот, радовался приезду де Еона, и с его помощью кавалер добился отзыва Понятовского.

***

Понятовский (как верный ученик Вильямса) объявил себя больным и отказался выехать в Варшаву до выздоровления. Но продолжал посе-

щать сборища — все такой же неувядающий и напыщенный.

Однажды в доме Олсуфьевых де Еон подвыпил не в меру и бросил ему в лицо слова:

— Впервые слышу о мошенничестве как о болезни! Это что-то новенькое в медицине… Гиппократ, где ты? Понятовский поморщился:

— Оставьте меня, вы.., несносная жертва природы, сделавшей вас похожей на женщину! Где ваше мужество? И через весь стол молнией вытянулась шпага де Еона:

— Вот оно! Блесните же своим мужеством, граф! Понятовский слегка тронул эфес своей шпаги, укрытой в перламутровых ножнах:

— Мое положение посла не дает мне права отвечать на дерзость любого пьяного анекдотиста. Но если вам так угодно…

— ..то я постою за вас! — раздался грубый голос, и прямо на маленького де Еона двинулась гора голштинского мяса.

Какой-то прихлебатель из Ораниенбаума был вытолкнут на поединок вместо Понятовского, и де Еон успел заметить, что вытолкнул его граф Брокдорф (камергер великого князя).

Гришка Орлов, не пропускавший в Петербурге ни одной попойки, был тут же; проворно он вы-

ставил прочь хозяина дома Олсуфьева:

— Иди, иди, Адам Васильич… И без тебя народу хватает!

— Граф Брокдорф! — крикнул де Еон. — Что вы там шушукаетесь?

— На всякий случай, я бы вызвал врача…

— Глупости! — ответил де Еон. — Я уж постараюсь, чтобы здесь не воняло аптекой. Граф Понятовский, хочу предупредить вас: хоронить эту скотину вы будете на свой счет, ибо я не настолько богат, чтобы сорить деньгами на траурные колесницы…

Трезвых здесь не было, и это обостряло поединок. Орлов распихал по углам столы, торопился — как на свадьбу.

— Давай скорее, — говорил он. — Чего тянуть-то? Голштинец, громыхая сапожищами, грузно топтался перед де Еоном, топорща накладные усы и бряцая шпорами.

— Да не спешите умирать! — осадил его де Еон, и две шпаги с лязгом скрестились; для начала шевалье кончиком своей шпаги сбил накладные усы с лица голштинца. — Поверьте, — рассмеялся он, — вам так больше идет… Теперь, господа, смотрите на часы: я даю ему жить ровно одну минуту времени, а усы мы оставим на вечную

память его сиротам…

Ударом снизу он выбил оружие из рук противника:

— Поднимите свою дубину, остолоп! И еще раз выбил, издеваясь:

— Снимите ваши ужасные сапоги — вам будет легче прыгать…

Но тут (раньше времени) Гришка Орлов возвестил:

— Минута кончилась, пора выпить.

— Это дело! — воскликнул де Еон и ударом в сердце убил голштинца тут же, повалив его среди объедков и битых бутылок.

А кончик шпаги поднес к самому носу Понятовского.

— Это был «полет чижа», — сказал де Еон. — Удостоверьтесь, что моя шпага, как и моя совесть, даже не сохранила следов крови (Понятовскяй скосил глаза на лезвие: ни капли крови — удар был стремителен). Я прошу, — продолжал де Еон, — всех помнить об этом! Всех, кто считает меня «жертвой природы»…

В этот вечер Гришка Орлов занял у него рубль. Убийство какого-то безродного голштинца было шито-крыто, но все же дошло до Елизаветы, и гнев ее обернулся вдруг нечаянной милостью…

Воронцов вызвал де Еона к себе.

— Ее императорское величество, — объявил он, — полагает, что вам, шевалье, следует подумать о своем будущем.

Де Еон (как бы невзначай) раскрыл свой пустой кошелек.

— Нет! — засмеялся вице-канцлер. — На этот раз вы золота не ждите. Но моя государыня советует вам принять российское подданство и служить верой и правдой России, соответственно вашим природным способностям.

Де Еон уже разгадал причину этой милости: Елизавете нравилась его оппозиция «молодому двору», и он убрал свой кошелек.

— Нет слов, — ответил, — чтобы оценить доверие и доброту вашей императрицы. Однако не вы ли, господин вице-канцлер, говорили мне, что в России уже отрезано две тысячи ушей… Не хватало только моего длинного языка палачу в рукавицу!

Воронцов недовольно повел плечом:

— Лучше уж быть без ушей в Сибири, нежели с ушами в безъязыкой Бастилии! Подумайте, шевалье. Мы не торопим с ответом… Россия людьми не бедна, и мы желали только отблагодарить вас за посредничество с Версалем…

«Близ царя — близ смерти!» — де Еон уже знал эту русскую поговорку, которая пахла кровью и щелкала клещами палача. Прогадать в этом случае было нельзя. Версаль ему доверял, король Людовик осыпал его милостями. И все сомнения разрешились в письме к аббату Берни. «С тех пор как я в России, — писал де Еон, — я поставил себе за правило стоять спиною к Сибири...» (О-о, будут еще в жизни нашего кавалера такие дни, когда не раз он куснет себя за локоть, что отказался от русской службы. За язык и уши ручаться нельзя, но зато Россия никогда бы не придумала такой изощренной пытки, какой отблагодарил его лично король Франции — за все, что он сделал для своей Франции!).

***

Не следует думать, что Елизавета арестовала Апраксина по своей воле. Самодержцы не всегда были самодержавны: их поступками зачастую управляло мнение близких доверенных лиц.

Вот как это случилось.

— ..Выйдите, — наказала она членам Конференции. — И пущай каждый, от других порознь, ни с кем, кроме бога и совести, не советуясь, напишет свое мнение и подаст мне в руки в плотно запе-

чатанном конверте.

Один за другим входили в покои члены Конференции, клали перед ней конверты и уходили. Наедине она вскрыла их, и арест Апраксина был предрешен коллегиально: четыре письма признали «держать над ним суд военный по всей строгости». Но пятое письмо было от Бестужева-Рюмина, — канцлер выступал против ареста!

Первый допрос с Апраксина был снят в Нарве. Граф Александр Шувалов, великий инквизитор империи, приготовил хороший стол, душевно потчевал арестованного генерал-фельдмаршала:

— Степан Федорыч, вот огузочек мяконький, кусни-ка! Ананасика привез я тебе. Из своих оранжерей, и то — лакомо буди…

Апраксин пил вино, стругал ананас, словно репку с родимого огорода, убивался и жалился:

— Почто обидели меня, старика? Я ли не дудел всем в уши, что плоха армия! А мне ее же и подсунули — на кой хрен?

Великий инквизитор болтать ему не мешал — больше слушал.

Руки назад. Похаживал меж пылающих каминов.

То зад погреет, то ляжки, то руки над огнем потрет.

Шувалов мерз. Его ломало и корежило от ревматизма, который он нажил себе в подземельях Тайной розыскных дел канцелярии, где в пытошной ярости провел лучшие зрелые годы своей жизни.

— ..Армия, — плакался Апраксин. — Нешто же такие в Европах бывают? Телеги худы. Колесики — без оковок. А лошадь? От Мемеля еще не отошли, как подковы уже ссеклись...

— Пастетцу-то, — отвечал на это Шувалов, — чего не кушаешь? Ты ешь, Степан Федорыч, не обижай меня. Пастеты, оне вкусные!

Лицо великого инквизитора — бледное, одутловатое. Глаза резало от бессонных ночей. А вся правая сторона лица корчилась в нервном тике (уже параличом тронутая), и говорил, заикаясь:

— Икорки-то, маршал, икорки... Икорка, она вкусная! А сам перевернул на своих пальцах дюжину перстней — бриллиантами внутрь, чтобы не повредить камушки. Посмотрел Шувалов, как Апраксин икорку к себе тащит, да как треснет его снизу.., только зубы ляскнули у фельдмаршала.

— Эть! — сказал и присел.

Загребая черепки, потащил Апраксин скатерть, посыпалась на пол вся посуда и графинчики с рябиновкой и ежевичной (домашнего изго-

товления). А Шувалов секретаря кликнул — с перьями!

— Степан Федорыч, — сказал инквизитор без видимой злобы, — ты уж не гневайся, что ударил. По давнему опыту известно мне, что опосля удара такого испытуемый душу свою облегчает сразу… Говори же теперь без утайки, да скоренько!

— Что говорить-то теперь? — простонал Апраксин, вставая.

— Пункт первый, — продиктовал Шувалов. — Великий канцлер Бестужев-Рюмин ведь писал тебе в ставку.., а? Заклинал ведь он тебя именем великой княгини Екатерины, чтобы ты в баталиях не утруждал армию.., а? Чтобы ты для внутренних распрей готовил свою военную обсервацию.., а? И, вопросив так, Шувалов склонил голову на бочок:

— Чего молчишь? Или не до конца облегчил я тебя?

«ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ГОСПОДА!»

В ночь на 9 декабря 1757 года Екатерина удалилась к себе для родов. Она лежала на постели. За окнами шевелились, словно черные руки, оголенные деревья Летнего сада. Со стороны арсеналов покрикивали караульные… Откуда-то вдруг потянуло сквозняком.

— Кто там еще? — простонала она. — Закройте двери… Слабо мерцали огарки в шандалах.

— Почетный караул герцога Голштинского занимает пост, — раздался голос ее мужа.

Петр Федорович прислонился к печке, напротив кровати, одетый в парадную форму прусского офицера, при шарфе и ботфортах со шпорами. Длинная шпага болталась возле тонких, как прутья, ног.

— Каковы причины сего парада, сударь? Уйдите же отсюда…

Тогда он, как заводной, стал выкидывать перед ней артикулы:

— Сударыня (артикул), истинные друзья познаются в беде (еще артикул). И я готов исполнить свой долг голштинского офицера (опять артикул),

как и положено в доме моих герцогов (шпага рассекла воздух).

Только сейчас Екатерина поняла, что перед ней стоит вдребезги пьяный человек, и закричала — от боли и ярости:

— Как вы несносны, гнусный мизерабль! Убирайся же ко всем чертям.., жалкое подобие человека.., мусор! навоз! червяк!

В эту ночь у нее родилась девочка, которую нарекли Анной — уже пятый ребенок Екатерины, из которых выжил только один Павел. Все знали, кто отец этой дочери, и празднеств при дворе никаких не было. Но Людовик в грубой форме отказался быть крестным отцом отпрыска Романовых; аббат Берни депешировал в Петербург, что нельзя же требовать невозможного, ибо всему миру известно: король… «благочестивый католик»!

Елизавета Петровна чуть не заплакала от такого оскорбления:

— Россия-то, чай, не последний двор в Европах. Она обиделась на Людовика и резко прервала с ним «переписку доверия», проходившую через руки де Еона. А из своей походной палатки, затерянной в Тюрингии, хохотал над ними король Пруссии.

— Вот старая распутная ханжа! — отзывался он о Людовике. — Я бы крестил даже поросят в России, только бы не воевать с нею. Однако какой прекрасный сезон выдался нынче в Петербурге: там собрались одни комедианты, чтобы потешать меня своими анекдотами…

…Сейчас будет решено многое!

***

Ветер рвал плащи с генералов. Опираясь на трости, они ждали, когда король поднимется к ним на вершину холма. Фридрих ступал тяжело, руки его

— без перчаток — посинели от холода.

— Господа, — сказал он, помолчав, — это верно подметили карикатуристы, что у меня длинный нос. Но он не служит для получения щелчков. Тем более когда известные в Европе дамы решили щелкать меня по носу… Никогда не любил женщин и сейчас веду войну с тремя дамами сразу. Двух мы уже наказали и теперь пришли сюда, дабы намылить шею венской императрице…

Король посмотрел с горы в низину, где желтели, как волчьи глаза в засаде, костры его обессиленной в походах армии.

— Дайте им вина и мяса! — прокричал король.

— Внушите им слепую покорность моей воле! Завтра победим или погибнем: иного исхода нет! Битва за Силезию случится здесь. Австрийцев — сто тысяч, а нас — только тридцать! Но воевать умеем не числом, а искусством… Теперь же, — закончил Фридрих тише, — пусть те из вас, кто боится разделить со мною опасности, сразу же подают в отставку… Даю слово короля: я никогда не оскорблю их упреком! Они могут уйти. Я и так им за многое благодарен…

Генералы стояли молча. Никто не шелохнулся. Только бешеный ветер, обдувая вершину, с треском рвал простреленные в битвах плащи… Фридрих поднял глаза:

— Значит, все согласны остаться со мною? Хорошо. В таком случае я вправе быть жестоким. Я расстреляю любого из вас, в ком замечу слабость. Верьте в меня и верьте в чудо! Чудо произойдет здесь — в этой битве под Лейтеном, которую я начинаю завтра наперекор всем судьбам…

Король сбежал с холма, подозвал к себе одного офицера.

— Я тебя не знаю, — сказал он, — а ты меня знаешь. Я твой король! Не отходи от меня ни на шаг. Если меня убьют, сунь меня носом в землю, чтобы никто не разглядел моего лица, и закинь тело

плащом. Если тебя спросят: «Кто это валяется?» — отвечай: «Так себе.., лежит какая-то падаль!» Незнакомый офицер призадумался:

— Ваше величество, а если убьют не вас, а меня?

— Тогда, любезный друг, все будет наоборот, и падалью станешь ты… Ну, соглашайся скорее: твоему королю сейчас некогда!

На этот раз его солдаты пошли в сражение с церковным гимном, как на похороны. Сражение под Лейтеном началось с ошибки самого Фридриха: он разбил авангард имперских войск, приняв его за правое крыло противника. А когда дым отнесло ветром в сторону, король тихо свистнул:

— Рано мы обрадовались. Аванпосты смяты, но вон там, очень далеко, целехоньким стоит правое крыло… Надо снова поломать голову. Эй, Циттен!

— позвал король. — Всех пленных, которые нам уже попались, пусть твои гусары оборвут и вываляют в грязи. А потом, чтобы воодушевить войска, ты проведи этих чумазых оборванцев перед фронтом моих гренадер…

Психология — фактор, который Фридрих постоянно учитывал. Вид понурых и растерянных австрийцев, которых в путах — связками! — про-

тащили перед строем, придал бодрости прусским ветеранам. До двух часов дня противники бились еще вполсилы, лишь вызнавая слабости друг друга. Затем король решился.

— Самое больное место, — сказал он, — это сам Лейтен! Инфантерию пустить вперед «македонской фалангой», эшелоны на виду противника перестроить в плутонги. Это несложно для нас, но я хочу ошарашить врага нашими отличными порядками и дисциплиной…

Лейтен был каменной большой деревней, с форштадтами и воротами, словно крепость. Вокруг Лейтена — плетни из древней лозы, а из-за плетней пучками вылетали пули…

— Не пройти! — доложили Фридриху.

— Не рассуждать, — ответил король.

— Все уже погибли, — доложили ему.

— Все, кроме тебя? — спросил король. — Иди же теперь умри и ты, собака!

Пруссаки ложились под Лейтеном труп на трупе, а сверху еще труп. Это был страшный пирог из мертвецов-солдат, аккуратно прослоенный начинкой из офицерских трупов…

— Молодцы, ребята! — похвалил их король. — Только полковник у вас из навоза… Другого надобно на его место! Встал с земли капитан

Меллендорф и воздел шпагу.

— Король, прощай! — закричал он истошно.

— Прощай и ты, — ответил ему король…

Сорок пушек встретили капитана под самыми воротами. Но Меллендорф проскочил под ядрами, в остервенении садил кулаками в доски:

— Клянусь дьяволом, я буду сегодня в Лейтене! И его батальон прорвался в Лейтен, а капитан был уже в чине полковника (к вечеру Меллендорф стал генералом).

Де Катт, подойдя к королю, повернул к нему циферблат часов:

— Уже четыре, король. Скоро стемнеет.

Из седла прогорланил Фридриху хрипатый Циттен:

— Моя кавалерия устала ждать!

— Ах, черт вас всех побери! — воскликнул король. — Если она устала ждать, так пусть отдохнет в атаке… Циттен, вперед!

В треске ружей и сабельном визге армия австрийцев стала удирать от Лейтена к другому городу — к Лиссе, чтобы укрыться за его каменными стенами.

— Тьфу! — сплюнул король.

— Ваше величество чем-то недовольны? — спросил де Катт.

— Эти мозгляки удрали, и теперь мне надо вылущивать их, как семечко из скорлупы, из этой Лиссы!

— Но мы победили под Лейтеном.

— Теперь должны победить под Лиссой… Пока я не убью хотя бы пятьдесят тысяч солдат венской кузины, я не уйду отсюда. Сейчас мне нужна не просто победа. Мне нужен второй Россбах! Там я повалил французов, здесь уничтожу Австрию!

После боя генералы собрались в палатке короля, но Фридрих, сумрачный, никого из них хвалить не стал:

— Вы устали, господа? Хорошо. Более я не стану утруждать вас. Лейтен

— ваш, а Лисса — за мной… И он вышел к своим ветеранам, снял шляпу.

— Дети мои! — провозгласил исступленно. — Нет ли среди вас охотников прогуляться ночью до Лиссы? Нет, охотников не было. Уже полегли, как побитые.

— Дети мои! — снова закричал король. — Вы напрасно отказываетесь. Эту прогулку вы проделаете вместе со мною…

Он вскочил на коня. Рядом с ним пристроился офицер.

— А ты кто таков? — пригляделся Фридрих в

потемках.

— А я — тот самый… Все жду, когда вас убьют.

— Молодец! Жди и дальше… Впереди такая волшебная ночка, что будет неудивительно, если утречком я тебя закопаю!

Во главе маленького отряда Фридрих добрался до постоялого двора на дороге. Трактирщик вышел к ним с фонарем, осветил мрачных всадников.

— Ну-ка, проводи нас до Лиссы, — сказал король. — Хлопотная у тебя жизнь, приятель. Почти такая же, как у меня…

— Ах, сударь, — отвечал трактирщик, беря под уздцы лошадь Фридриха, — если бы не этот негодяй прусский король! Вчера он убил моего старшего сына под Лейтеном, а младший взял ружье и сейчас сидит в Лиссе… Как только женщина могла породить такого вампира, пожирающего наших младенцев!

— Свети лучше нам, — невозмутимо велел ему король, ни разу не перебив страшного рассказа. — Свети, мы тебе заплатим.

Кони ступили на мост. Во мраке уже вырос вал, обсаженный липами. Осторожно пруссаки въехали в Лиссу; впереди отряда выступал конь с королем. Из-под шляпы, надвинутой на глаза,

Фридрих зорко взирал на уличную суетню; вспыхивали и гасли в окнах огни обывателей. Три солдата несли на спинах соломенные снопы, и король, свесясь из седла, схватил одного из них за шкирку:

— Куда несешь солому?

— Ведено поджечь мост, как только подойдет Фридрих.

— Брось солому! Фридрих давно спит… Да и охота ли королю шляться по ночам в такой темени?

В одном месте их встретили стрельбой. Австрийцы из окон домов исхлестывали пруссаков пулями. Вокруг короля рушились из седел мертвецы, пуля разбила фонарь трактирщика. Четыре пули подряд попали в лошадь Фридриха, и она легла на живот, как подломленная. Король быстро перескочил на другого коня:

— Я знаю улицы в Лиссе… За мной!

Копыта застучали по твердой дороге, которая, стелясь, струилась серебряной полосой, как река. Впереди чернел остов древнего замка, качались цепи навесного моста. Фридрих оглянулся — за ним скакали только три гусара.

— На мост, ребята! — И кони проскочили через мост. Во дворе замка спешились. В узких софитах здания разом забегали тени людей, замелькали

свечи в руках лакеев. Фридрих толкнул массивные двери — вступил внутрь; он угодил прямо в штаб австрийской армии. Отступать было поздно (его уже узнали). Опираясь на трость, он шагнул вперед и приподнял шляпу.

— Bonsoir, messieurs, — сказал король, входя, и повторил по-немецки:

— Добрый вечер, господа! «Именно под таким названием („Добрый вечер, господа!“) этот момент Семилетней войны часто разрабатывался немецкими живописцами. Советскому читателю он хорошо известен по картине талантливого художника Адольфа Менцеля.» О, какое приятное общество. А я так истосковался в дороге…

Остолбенело взирали на прусского короля генералы Марии Терезии, а Фридрих не спеша стянул перчатки и улыбнулся.

— Вы меня не ждали? — спросил, усаживаясь. — Конечно, нет. Простите, господа, я не помешал вам? Если помешал, то вы меня великодушно извините. Но, думаю, и королю найдется местечко у камина. Впрочем, не пора ли нам представиться? Меня вы знаете… А вот вы, сударь?

Раздался грузный шаг, и генерал отрапортовал:

— Ваше королевское величество, имею честь…

Граф Курт фон Болен-Шафгаузен, генерал-унтер-лейтенант штаба принца Лотарингского и камер-юнкер двора императрицы австрийской!

— Весьма польщен, генерал… Как здоровье моей старой приятельницы — императрицы Марии Терезии? Я тут ей написал однажды, а она не ответила. И вот теперь я озабочен: уж не больна ли?

Следом подходили другие, и скоро Фридриху представился весь штаб австрийской армии. Краем уха король слушал, как начинает грохотать в окрестностях битва, но не унывал, — генералы опытны, и на этот раз пусть справляются без него.

— Я бы не отказался от ужина, — нагло заявил король. Австрийский штаб кинулся на кухни, но там было — хоть шаром покати. Однако хозяин замка оказался догадлив.

— Королям ни в чем не будет отказано в моем доме! — решил он, после чего разложил поаккуратнее все объедки на золоченом блюде. — Ваше величество, — сказал он, кланяясь Фридриху, — не взыщите за бедность ужина, но это все, что осталось.

— Замечательно, бесподобно! — восклицал король, принимаясь за еду. — Я сам виноват: никогда не надо опаздывать к ужину…

Покончив с едой, он по звукам битвы определил, что сражение подходит к концу, и, встав, обратился к генералам:

— Господа, благодарю вас. Мне было очень приятно познакомиться с вами… Теперь я вынужден сообщить вам одну неприятную новость: как ни странно, но вы уже давно находитесь у меня в плену. Прошу сложить шпаги вот на этот стол…

Лисса была взята. Заодно пруссакам досталась и вся австрийская артиллерия. Цесарские войска покорно, как лакеи, сложили к ногам Фридриха 53 знамени императрицы Марии Терезии.

— Этого мало! — огорчился король. — Я не нуждаюсь в лишней победе. Что мне она? Мне нужен полный разгром Австрии…

И он повел свою армию на Бреславль. Изнутри крепости всю ночь стучали топоры, а наутро явился старый лазутчик.

— Фриц, — сообщил он, подмигивая королю, — внутри Бреславля всю ночь сколачивали виселицы… Спал ты или слышал?

— Неужели они собираются меня повесить?

— Нет, Фриц; вешают там тех, кто заикнулся о сдаче.

— Правильно делают! Заикаться не надо… Холод был так велик, что пруссаки разобрали на

дрова все что можно в округе Бреславля. Наконец осталась под осажденным городом только избушка, где ютился Фридрих. Одно удачное ядро решило судьбу Бреславля: это ядро угодило в пороховой магазин, и бастионы взлетели на воздух. Австрийцы срубили виселицы и сдались.

***

Карл Лотарингский привел в Богемию остатки своей стотысячной армии — всего 36 тысяч измученных человек, потерявших веру в себя и свое командование. Это было все, что осталось от главной боевой армии Марии Терезии.

— Ну вот, — сказал король, — и закончилась кампания тысяча семьсот пятьдесят седьмого года.., совсем недурно мы вступаем в новый год! А знаете, де Катт, мне чертовски нравится этот городишко Бреславль. Не зазимовать ли тут до весны? В тишине провинциального покоя скромным философом, далеким от мирской суеты, стану заниматься я политикой и финансами... Глядишь, и зима пролетит незаметно!

Он так и сделал. Вскоре венская императрица получила от него письмо (начиналась политика). Король предлагал ей мир. Он угрожал и льстил «дражайшей кузине». Перечислив в послании

свои громкие победы, Фридрих писал далее:

«Вы губите свое государство; вся пролитая кровь падет на Вашу душу.., не в Ваших силах победить того, кто, будучи Вашим врагом, заставляет трепетать весь мир!..» Отсюда, из Бреславля, Фридрих безжалостно грабил оккупированные земли, непомерными контрибуциями выжимал из городов последние их соки. По всем немецким пределам шли спешные наборы в армию. Питт помогал ему из Англии золотом… Все было хорошо. Тихий снежок сыпал на острые крыши. Садились голуби на подоконник. Приятное тепло разливалось от печей.

Король спускался на кухню, потирая руки, спрашивал вожделенно:

— Ну, а чем меня покормят сегодня?

…Он не знал, что пройдет лишь несколько дней, и он (король!) покатится по коврам, весь корчась от бессилия, весь в спазмах бешенства, и он (король!) будет выть и рыдать, он изгрызет себе костяшки пальцев, он (король!) станет тогда самым жалким и ничтожным человеком на свете.

И потом он уже никогда не будет счастлив в своей жизни.

И это произойдет очень скоро!

БАЛ ПОСЛЕ ОБМОРОКА

Из допросов Апраксина становилась ясна картина предательства «молодого двора». Инквизиция нащупывала причины бегства армии: великий канцлер Бестужев-Рюмин, этот зарвавшийся карьерист, русские штыки, приставленные к сердцу врага, развернул внутрь России, дабы устрашить ими своих личных врагов…

Был зван ко двору (скорее, для полноты впечатления) и генерал Виллим Фермер.

— В чем суть бесславной ретирады? — гневно спрашивала его Елизавета.

— Как человек непридворный, генерал, ты отвечай по совести: почто Кенигсберг не взят, а моя армия на зимних квартирах обретается? Почто слава армии русской на весь божий свет омрачена стала бегством обратным?

Фермор, у которого тоже рыльце было в пушку, начал отстаивать Апраксина, — грязная рука мыла грязную руку:

— Как перед богом, по сущей правде скажу: недостаток лошадиной субсистенции — единая причина тому, что лошади, в совершенную

худобу придя, не дозволили ваше величество викториями возрадовать. А уж как мы желали того — бог видит и все знает. Лошади вот.., беда с ними!

То есть Фермор попросту свалил все на лошадей…

Воронцову императрица сказала потом:

— Что же мне так и оставаться теперь в дурах?

А через несколько дней до Петербурга дошло известие о полном разгроме австрийских войск под Лейтеном и Лис-сой. Это было уж слишком: сначала Россбах, потом Лейтен.

Елизавета стояла возле туалетного столика. Банки с помадами вдруг полетели, звеня, на пол, и она осела, тяжело и грузно, на турецкие пуфы. К ней сразу подбежали, стали кричать:

— Кондоиди сюда… Фуассодье зовите! Елизавета открыла глаза, чуть двинула рукой.

— Ы-ы… ы-ы-ы…, а! — промычала.

С нею случился обморок, очень похожий на тот, что был в Царском Селе. Но она скоро оправилась. Ряды придворных сильно поредели, и она это заметила:

— Где князь Трубецкой, жаба старая?

Ей доложили: отбыл к великой княгине, дабы поздравить с новорожденной. Елизавета велела

звать вельможу обратно.

— Слушай, князь — сказала она ему, — ты бы хоть постыдился. Высох уж весь, душа корсетом только и держится, а наперед удочки кидать умеешь… Да подохнешь ты раньше меня! Не спешите вы невестке моей кланяться. Еще успеете накланяться.

— Матушка, — заползал Трубецкой у нее в ногах, — дозволь ручку тебе поцеловать.., красавушка ты наша.., херувимная!

— Иди ты к черту, князь, нужны мне твои поцелуи… А это у тебя откуда? — спросила она, заметив на кафтане вельможи польский орден Белого Орла.

Выяснилось, что по указке Бестужева польские ордена раздает в Петербурге граф Понятовский, — дело уже совсем нечистое.

— Ах, этот «партизан» еще не убрался?

— И не уедет, — подсказал из-за плеча Шувалов, — ибо канцлер Бестужев свой личный интерес в нем соблюдает.

— Кроме интересов государственных в столь грозное время не мочен канцлер личных интересов иметь!

Нарастала гроза. За стенкой тихо и жалобно, словно мыши в амбаре, попискивали фрейлины.

Лакеи передвигались с посудою «на воздусях». Камергеры попрятались за лестницами… У-у-ух!

Явился лейб-медик Кондоиди с пузатой чашкой:

— Васа велицества, декокт отлицный.., выпейца!

— Выпей уж сам, коли ты так меня любишь.

Отмахнувшись от лекарств, Елизавета Петровна залпом осушила бокал с венгерским вином. И — объявила:

— Бал! Назло всему — балу быть завтрева. Дамы чтобы в мужнем явились, а мужья чтобы в юбках были. Тех же, кои от бала отлынят, того штрафовать в сто рублев… взыщу!

Пять часов провела в духоте туалетной комнаты, пока массажи и эликсиры не вернули ей очарования молодости; Нос вот только сплоховал! А так-то она была — хоть куда. Правда, нос этот (под страхом наказания) писался художниками исключительно анфас, с лучшей его стороны. А в профиль портретов Елизаветы почти не существует, кроме случайного медальона на кости работы Растрелли…

В костюме голландского матроса плясала императрица. Летела в присядке, сшибая кадки с деревьями померанца. В показной веселости

был и немалый смысл: то, что случилось после царскосельского припадка, уже не должно повториться! Лопиталь был почти влюблен в этого «матроса», но остерегался повторить роман, погубивший когда-то маркиза Шетарди. Россбах был неважной картой в игре французов, и Елизавета, чтобы утешить посла, самолично взбила ему сливки с клубникой:

— Кушайте, маркиз. Военное счастье, как и счастье любви, всегда переменчиво… Граф Николя, — позвала она Эстергази, — идите к нам. Сознайтесь, что после Лейтена кошки скреблись в вашей душе?

В самый разгар куртага она сознательно удалилась в одну из задних укромных комнат, где бил из полу прохладный фонтанчик. Сопровождали ее только Лопиталь и Эстергази. Лакеи подали напитки и вина — удалились тоже.

— Я понимаю, — проговорила она, — что не Апраксин виноват в ретираде, а персоны умней его и значительней… Но вот что делать с Бестужевым — право, не придумаю!

Между тем де Еон оставался в зале среди танцующих. Издали он наблюдал за поведением вельмож. Мрачный и полупьяный, великий канцлер Бестужев озабоченно терся возле запертых

дверей, за которыми укрылась с дипломатами императрица. Тут же прохаживался, фыркая, великий князь, а поодаль блуждал Воронцов… Три человека, столь враждебные друг другу, изнывали от страха: что происходит за этими дверями? О чем беседует Елизавета с послами?.. Какая-то буря назревала над этим веселым балом, и Воронцов не выдержал — сказал великому князю:

— Почему бы вам не пройти к своей тетушке?

— Вот еще! — отвечал урод. — Я не желаю быть в обществе этих арлекинов… Боже! — схватился он за лысенькие виски. — За что меня наказала судьба, осудив прозябать в этой проклятой стране? Почему не отпустят меня на родину? Чин прусского поручика — большего я не желаю!

— Вы станете русским императором, — приблизился Воронцов.

— Но командовать батальоном в Потсдаме гораздо занятнее, нежели управлять страною попов, подьячих и бездельников… Капут России! Фридрих велик, Фридрих непобедим!

О чем беседовала императрица с послами — можно было только догадываться. Но и Лопиталь и Эстергази вышли от нее довольные.

Коалиция Австрии и Франции разваливалась, неспособная выдержать железных ударов

Пруссии, и теперь Россия должна была спасать положение.

***

Конференция при дворе усиленно трудилась. Споров не было, все сошлись на едином мнении, которое звучало примерно так:

— С горечью примем за правду: король Пруссии силен, и от успехов своих в немалое фурийство приходит. Далее воевать таким побытом нельзя. Союзники наши более мародерствуют да контрибуции с городов взыскивают. Война же — не грабеж, а суть единоборство политическое. Посему, сударь, России надобно силой вмешаться в общую стратегию Европы, как в свои дела собственные, и — не мешкать ныне!

Таково рассуждали в Петербурге, и Фридрих был обескуражен, когда неожиданно пронюхал, что русские войска вновь зашевелились в заснеженных до пояса лесах Ливонии.

— Безумцы! Уж не собираются ли они воевать со мною? Но зимою сидят дома, а не воюют...

Да, зимою воевать не принято. Зимой армии готовятся к звону мечей по весне. По зеленой свежей травке армии спешат умирать по планам, предначертанным полководцами в темные

зимние ночи. Но русские, со свойственным им «варварством», кажется, хотят нарушить эту давнюю священную традицию?..

Главнокомандующим над армией вместо Апраксина был назначен Виллим Виллимович Фермер — странный англичанин из Замоскворечья. Апраксина выдвинул сам Бестужев, а Фермера усиленно толкал к славе вице-канцлер Воронцов.

— Фермер, — утверждал Воронцов, — и местность прусскую знает и при дворе не вельможен! Оттого-то, связей при дворе не имея, изветов тайных слушать не станет, а сделает лишь то, что высокая Конференция ему повелит…

Фермер выехал в армию с протестантским капелланом, по прибытии на место разбил шатер походной церкви, собрал всех немцев из своего штаба и начал усердно молиться.

Солдаты сразу возроптали:

— Апраксин — хоша русак был, яво Степаном по-божески звали. Он, бывалоча, крестился часто и нас к тому понуждал… А эти што? Собрались тамо, фонарь зажгли и воют, как собаки…

Слухи о недовольстве Фермером дошли до ушей Елизаветы.

— Глаз да глаз! — сказала она.

Конференция усердно обмозговывала один вопрос: в какой из дней лучше всего приводить к присяге на верность России жителей Кенигсберга и всей Восточной Пруссии? Воронцов такой день отыскал.

— Имеется отличный день! — сказал он. — Двадцать четвертого января 1758 года королю Фридриху сорок шесть годков стукнет. Я думаю, что неплохо бы ко дню рождения его и закрепить Пруссию за Россией — на времена вечные, неизбытные!

…Мело за окнами, мело. Коптя, догорали свечи в высоких бронзовых жирандолях.

ЗИМА-ЛЕТО РУССКОЕ

Из глубокого рейда по землям Пруссии вернулась конная русская разведка. «В краю все спокойно», — доложили Фермеру.

И пошли двумя колоннами: одна, правая, — из Мемеля, другая, левая, из тихой Жмуди. Вел левую колонну — прямо на Тильзит! — генерал Петр Румянцев, а Фермер ему палки в колеса вставлял, ибо завидовал юной славе.

Трещали лютейшие морозы, снег был искрист и хрупок, солнце светило вовсю. Черные вороны не спеша срывались с дерев и, распластав крылья, недвижимо и мертво уплывали в лесную жуть. Кошевка генерала плыла на полозьях как воздушный корабль, почти неслышно, только всхрапывали кони. Снега лежали высоко, по сугробам катили пушки, ставленные на лафеты-санки. Конница шла на рысях, вся в изморози, вся в паре, вся в нетерпении.

Редко-редко попадется корчма. Тишина, безлюдье… И вот она, Пруссия! Впереди армии пошел гулять манифест к населению: «Не мешать… Не противиться… Не пужаться!» Войска были при-

струнены заранее, еще в канун похода. Апраксин армию разложил, но теперь солдатам внушили твердо: никого из пруссаков пальцем не тронуть.., упаси бог взять что-либо из дома прусского! Кошевка Румянцева плыла и плыла…

— Стой! — Шумно вздохнули лошади, стало тихо; генерал выглянул наружу. — Кто-то едет.., тащится. Надобно бы поспрашивать!

Навстречь эшелону ехал обоз с товарами из Кенигсберга на Ковно. Румянцев подошел, хрустя снегом, к стеганому возку, где сидели купцы, греясь водкой. Рванул на себя дверцу. Увидев русского генерала, никто из купцов не удивился (время военное).

— Что в Кенигсберге, господа? — спросил Румянцев. Ему ответствовали, что в Кенигсберге и в Пиллау гарнизоны боя не хотят и уходят; жена фон Левальда, застрявшего с войсками в Померании, сбирается ехать к мужу.

— К мужу сбирается ехать или от нас убегает? — уточнил Румянцев, и ему сказали, что, верней всего, убегает. — Благодарю вас, — захлопнул он дверцу. — Пропустите негоциантов!..

Петр Александрович ночевал в селении Таврогги, когда из Тильзита прибыла депутация мещан. Городской секретарь просил у Румянцева протек-

ции и защиты от обид.

— Обид не учиним, — отвечал Румянцев. — Протекцию же посулю не от себя, а от имени всей матушки-России…

С ходу, не раздумывая, Румянцев взял Тильзит, велел варить щи с убоинкой, строить баню с паром, разбить лазарет, лекарям велел ног и рук солдатам раненым не отрезать.

— Я вам головы поотрезаю, — сказал. — Лечить надо! А сам сел за стол и написал рапорт в Конференцию о взятии Тильзита: «…нашел оной город от войск прусских совсем испражнен и отверстым к приятию войск ея императорского величества…» Русские войска и сами не заметили, как оказались уже в самой середке Пруссии. Пока все было спокойно. Солдаты объяснялись с пруссаками на пальцах. Местные помещики-юнкеры с удивительной благожелательностью приглашали офицеров на свои фольварки, где было тепло и уютно. Первая скрипка прозвучала где-то в глуши прусской, как робкий призыв к любви. И был, наверное, первый смельчак, который подошел к дочери хозяина фольварка и вывел ее, цветущую от смущения, на жеманный и ходульный котильон!

22 января 1758 года русская армия вступила в

столицу Пруссии — Кенигсберг (город, кстати, тогда был дурной и бестолково раскидан по островам и поймам Прегеля). Члены магистрата, сам бургомистр, камералии и президент трибунала, при шпагах и в мундирах, торжественно вышли навстречу. Под гулкие возгласы литавр русские полки входили в город с распущенными знаменами — с тяжелой парчи осыпался снег. Неистово гремели барабаны. Фермер въехал в Кенигсберг следом за войсками. Ему вручили ключи от столицы и ключи от крепости Пиллау, ограждавшей Кенигсберг со стороны моря.

«Все улицы, окны и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение оного было превеликое, ибо все жадничали видеть наши войски; а как присовокуплялся к тому и звон колоколов во всем городе и играние на всех башнях и колокольнях в трубы и в литавры, продолжавшееся во все время шествия, то все сие придавало оному еще более пышности и великолепия…»

Музыка, пушечная пальба и взлетающие к небу фейерверки — эта праздничная суета длилась всю ночь. И до утра топали войска, располагаясь на постой, полыхали костры на перекрестках — для обогрева публики, крутились в седлах

крикливые калмыки в остроконечных шапках, звеня колчанами.

Наутро все церкви Пруссии гремели от благодарственных молебнов россиян. Одноглавый прусский орел сшибался с крыш и зданий; крепили теперь повсюду орла российского, орла двуглавого. В книжной лавке университета шла бойкая торговля: продавались русские книги, манифесты и портреты Елизаветы Петровны (гравированные, конечно). С сомнением — впервые в жизни! — пруссаки попробовали чаю, завезенного русскими; русские же офицеры сразу стали учить бюргеров, как надо варить крепкий пунш.

Вообще русские повели себя удивительно. Объявлена была свобода веры, свобода торговли, свобода печати. Сохранили весь прежний чиновный аппарат, но — естественно — лишили Фридриха налогов с прусских земель. Были не тронуты архивы и регистратура. Почта в Пруссии продолжала работать без перебоя, только письма теперь принимались в пакетах незаклеенных (очевидно, для перлюстрации).

Частных библиотек русские не касались, а публичной тут же составили точную опись. Студенты продолжали учиться, профессуре русские оказывали особые знаки внимания и почтения.

И немцы все смелее сходились с победителями, уже не гнушаясь проситься на русскую службу. Никаких контрибуций не взималось! Никаких повинностей не вводилось! И это понятно: России ведь было совсем невыгодно беднить население Пруссии, которая отныне входила в состав империи на правах новой для нее губернии.

Покорив мужчин, русские дружно взялись за женщин, и началась любовная «оккупация» Пруссии, не имевшая равной себе в истории. Никогда так горячо не пылали щеки милых Гретхен! Кенигсберг, говоривший при Фридрихе языком грубых реляций, вдруг заговорил о любви, о свиданиях и розах Гименея… Крылатый божок любви порхал в том году над острыми крышами Кенигсберга!

Немецкий историк Архенгольц (страстный поклонник Фридриха) писал об этом необыкновенном времени:

«Никогда еще самостоятельное царство не было завоевано так легко, как Пруссия. Но и никогда победители, в упоении своего успеха, не вели себя столь скромно, как русские».

24 января (в день рождения короля прусского) все население Пруссии дало присягу на верность новой отчизне-России! После чиновников подхо-

дили к пастору ученые университета, положил на Библию плоскую, иссушенную руку и великий Иммануил Кант; в жизни этого германского философа, в жизни поразительно скучной и неинтересной, этот факт — самый исключительный и яркий!..

А к берегам Пруссии тянулись от Мемеля русские корабли и галеры, груженные золотистым русским хлебом.

***

Читатель прочел все это — и наверняка не поверил мне. Слишком идиллическая картина нарисована автором.

Пруссия — этот оплот оголтелого юнкерства, этот кипящий котел, из которого кайзеры и фюреры черпали идеи и кадры для своих изуверств, — как же могла эта Пруссия так спокойно и почти равнодушно отдать себя в лоно России!

Отвечаю:

История зачастую состоит из парадоксов. Но эти парадоксы вполне объяснимы, если мы, читатель, накинув мундир армии Елизаветы, въедем с тобою в Кенигсберг и посмотрим на Пруссию как бы изнутри ее царства — глазами самих пруссаков…

Когда затхлое полунищее курфюршество Бранденбург захватило под свою власть сытую и обильную область Пруссии, Кенигсберг тогда отвечал Берлину восстанием! Это первый факт.

Война, которую затеял Фридрих, свирепо выгребала из Пруссии пушечное мясо, мясо натуральное, хлеб и лошадей для кавалерии. Налоги росли, их выколачивали из юнкера, а юнкер брал палку и колотил своих крестьян. Русские же, придя в Пруссию, ничего не брали, сами помогали Пруссии! Вот вам второй факт.

Фридрих всю жизнь утверждал: война — это дело короля, народа она не касается, сиди дома и трудись. Наверное, оттого-то, когда одноглавый орел был заменен двуглавым, никто из пруссаков даже не колыхнулся! Это третий факт.

Наконец, факт четвертый — самый решающий: вступление русских войск в Пруссию не было оккупацией, когда победитель стремится к быстрому обогащению за счет оккупированных, чтобы потом, все разрушив, покинуть завоеванную область. Совсем нет! Это было присоединение Пруссии (как древней земли славян) к славянскому же государству — России! Русские устраивались тут сразу прочно и деловито — на века, и пруссаки отлично понимали, что они не

уйдут, они здесь останутся.

Таким образом, читатель, парадоксы истории, как бы ни были они изощренны, все-таки можно объяснить. Пруссаки доверили России себя и свое будущее (будущее детей и внуков своих) — по доброй воле, без принуждения!..

Скоро Елизавете Петровне принесли первую прусскую монету, отчеканенную в Кенигсберге, а на ней были такие слова:

— Вот, — сказала она, довольная. — Это Апраксин не мог ничего. А солдаты-то все могут: наша Пруссия! А весной быть посередь Европы и удивить ее!

Достойно примечания, что Елизавета была названа на монетах не «королевой», а именно «королем»… Это очень странно, и я думаю — не был ли тут заложен какой-либо политический хитрый умысел?

***

Эту же монету через своих лазутчиков получил в Бреславле и Фридрих. Первый приступ ярости уже кончился, король перестрадал, и теперь наступила слабость. В пальцах Фридриха крутилась монета новой, чуждой для него Пруссии с обликом императрицы Елизаветы.

— «Елизавета.., король Пруссии»? — прочитал он. — Какая непревзойденная наглость! Меня знают в мире как курфюрста Бранденбургского и короля Прусского. Россия отняла у меня Пруссию, и теперь… Где вы, де Катт?

— Я здесь, ваше величество, — подоспел секретарь.

— Невежда! — отвечал ему король. — Ты посмотри сюда (он показал ему монету). Я уже не король, а значит — не «величество». Русские лишили меня королевства, оставив лишь в курфюрстах; отныне я только «светлость».

Он отшвырнул монету прочь, и она покатилась в угол, звеня и подпрыгивая.

— Какое злобное торжество! — произнес король. — Ах, как пируют в роскоши мои враги… Какой позор обрушен на меня! Пруссия, одно имя которой олицетворяет миру все мои владения с Берлином вместе, — Пруссия, которую я нежно любил, эта проклятая зажравшаяся Пруссия присягает России… Этого не снести!

Присел к столу и долго писал. Обернулся:

— Де Катт, вот эти письма спешно разослать по комендантам крепостей. Курьеры готовы?.. Тогда пусть скачут днем и ночью. Мне нужен фураж и хлеб, отчет по арсеналам и рекрутированию. Я снова начинаю игру — озлобленным и отдохнувшим… Что вы стоите, де Катт, такой рассеянный?

— Я думаю, король.

— Вот новрсть! Уж не собрались ли вы думать

за меня? Не стоит труда, голубчик… Поверьте: я все уже продумал. И мне всего сорок шесть лет. Не знаю, сколько я проживу, но… Сколько бы я еще ни прожил, но в Пруссии ноги моей больше никогда не будет!

Король сдержал свое слово. Он прожил еще двадцать восемь лет, исколесил в поездках весь Бранденбург, но Восточная Пруссия короля никогда больше у себя не видела…

Де Катт вернулся в комнаты, отослав курьеров с письмами. Король стоял возле окна спиной к секретарю.

— Они поскакали, ваше величество, — произнес де Катт.

— Вот и отлично! — ответил король, не обернувшись. — Я уже разбил французов и австрийцев. Пришло время отколотить русских медведей. Они еще не ведают — как я умею бить!

Он повернулся к де Катту с просветленным лицом.

— В этой битве с русскими я буду ужасен, — сказал король.

НЕ ПОЙМАН – НЕ ВОР

Скромно и незаметно в Петербург въехал новый посол от Англии — сэр Ричард Кейт — и очень осторожно стал восстанавливать прежние подпольные связи. Великий канцлер Бестужев-Рюмин сразу оказался его верным побратимом. Канцлер был врагом Пруссии, — это, конечно, так, но остервенело цеплялся за союз с Англией, которая, по сути дела, давно уже была врагом России!

Бестужев висел на волоске, и все боялись оборвать этот волосок. Но.., когда-то надо. Надо! А.., кому рвать его?

Маркиз Лопиталь появился на пороге кабинета Воронцова.

— Сударь, неприятный разговор, — начал Лопиталь. — Имею распоряжение из Версаля прервать с вами всякие отношения.

У вице-канцлера даже глаза на лоб полезли.

— Да! — добил его Лопиталь. — Или вы уберете Бестужева, заступив его место, или же я (как и граф Эстергази), отвернувшись от вашей милости, буду впредь сноситься только с Бестужевым. Но с вами тогда никаких дел иметь мы не станем!

Воронцов в страхе кинулся во дворец и сразу дал понять Елизавете, что канцлер Бестужев прямо и бесповоротно решил возвести на престол Екатерину, минуя мужа ее и сына.

— А меня.., под печку забросят? — хмыкнула Елизавета. — Сие, Михаила Ларионыч, еще доказать надобно.

— И докажу, когда войду с ружьем в кабинет канцлера, где у него вот с этой стороны ковра, матушка, все проекты воровские лежат… Секретарь Волков давно за ним глаз острит!

— Да, канцлер ныне худ стал, — призадумалась Елизавета. — С палкой ходит и не бреется.

— С того и не брит, матушка, что под волосами зло прятать удобнее! Да и в Европе-то — слыхала небось? Все канцлер да канцлер, а твое имечко — так себе.., опосля имени Бестужева политикуют. Вот и прикинь: гоже или негоже?

В субботу, 14 февраля, было назначено очередное собрание Конференции по делам военным, но Бестужев, ссылаясь на болезнь застарелую, не явился… Все долго молчали.

— Я тоже больна, — сказала Елизавета, — а делу войны от этого не стоять… Пусть канцлер явится!

Она подошла к окну и ждала, пока возок канц-

лера не подъедет ко дворцу. Вот Бестужев вылез, волоча шубу по снегу, и вот его окружили солдаты гвардии. Вот он вскинул палку, что-то крича, он рыскает по окнам своими бешеными глазищами… Ее ищет!

— Ой-ой! — И Елизавета скрылась за ширмами. А когда снова выглянула, на улице уже никого не было. Только на снегу валялась шапка канцлера. Кто-то воровато схватил ее и убежал прочь, колотя шапкой об свое колено, иней из пышного меха вытряхивая. Тем все и закончилось.

***

Гвардии майор Нащокин довез его до дому. Подбежал тут сенатор Трубецкой — враг еще старый:

— Дозволь-кась… — Схватил ленту андреевскую, что глядела из-под шубы канцлера, рванул шибко и затоптал в снегу.

А дом канцлера (русский Тампль) оцеплен шпалерами батальонов. И жена уже арестована. Дворню пока что в подполье загнали. Тростью отстранил канцлер Трубецкого, что плясал в радости на снегу, и поволочился в свои кабинеты.

— Хороша же матушка! — выругался он и заметил своего секретаря Волкова, что копался

в бумагах. — Ну, а ты, Митька, совсем дурак, — сказал ему канцлер. — Сколь годочков со мной прослужил, нешто ж не знаешь, как я опаслив в бумагах бываю?..

Екатерине, прямо скажем, не повезло: об аресте канцлера она узнала на следующий день — и снова из записочки Понятовского (связь у заговорщиков была налажена препогано): «Вчера вечером граф Бестужев арестован, лишен всех должностей и чинов; арестован также ваш бриллиантщик Бернгарди, Елагин и Ададуров».

«Не избежать того и мне», — призналась себе Екатерина. «Что делать тут?» Принарядилась как ни в чем не бывало и вышла к обедне. Грозное молчание нависло в церкви. Даже дьячок запнулся в чтении. Преклонила колени и молилась исправно. А от самого пола глазами косила — кто враг здесь?

Словно желая разглядеть ленты на маршальском жезле, после службы подошла она к Трубецкому.

— Какая прелесть! — восхитилась громко и спросила шепотом:

— Нашли ли вы больше преступлений, чем преступников, или у вас более преступников, нежели преступлений?

Трубецкой сослался на приказ. Кинулась Екатерина к генералу Бутурлину, который был тоже наряжен в судьи над канцлером.

— Да, арестовали канцлера, — нагло отвечал ей Бутурлин. — А теперича мы причину ищем, за что арестовали его!

«Что, ежели сыщут? — переживала Екатерина. — Особливо тот проект последний, где я тетушку-то, почитай, уже в гроб поклала, а сама на ее престоле воссела?..» На кого положиться? Понятовский — только любовник, жила его телом, души не касаясь, ума не трогая. Свой ум был — дерзкий, извилистый, как западня. И — рискнула: в кирпичи дома, что от Невы поблизости строился, велела Понятовскому заложить записку, а маленький трубач канцлера пришел и вынул.

Бестужева судьи заставили дать присягу — присягнул! Велели причаститься — лизнул с ложечки святые дары и твердил одно: знать не знаю, ведать не ведаю…

А трубач все таскал и таскал утешительные записки, пока не сцапали его за руку. «Поступать смело и бодро, с твердостью, — советовал Бестужев из-под ареста Екатерине. — Подозрениями доказать ничего не можно…» И судьи, имея на руках эту записку, начали трясти из канцлера душу;

весь великий пост протрясли и всю масленицу:

— Отвечай: что ты искал в великой княгине? Бестужев все валил на себя, выгораживая Екатерину. По тогдашним законам судьи жили за счет подсудимого и брали что душа пожелает. С тоской смотрел старый хапуга, как растаскивают из дома мейсенскую посуду, рвут от стенок шпалеры узорчатые, даже стекла выставляют из окон. Всю жизнь копил, и все пошло прахом!..

Елизавета взяла для себя серебро канцлера (один только столовый сервиз потянул девятнадцать пудов чистого серебра) и велела:

— Тащите серебро на двор Монетный, чтобы в ефимки счеканить. Это кстати: мне солдатам как раз платить нечем...

В конце февраля был обнародован манифест о винах канцлера. А на третьей неделе поста забрали в инквизицию из покоев Екатерины ее любимую камер-фрау Никитишну. Навзрыд рыдала Никитишна от ужаса, но глаза Екатерины были сухи.

***

Весна близилась, присели в саду сугробы. Глаза великой княгини набрякли от слез — красные, как фонари. Не до любви стало, не до карти-

шек. Спала теперь не раздеваясь, как солдат в карауле.

«Всякое бывает», — говорила себе…

Лизка Воронцова, примериваясь занять положение великой княгини, смело гуляла по комнатам Екатерины, на свой вкус передвигала мебель. Екатерина, будто не замечая наглости этой, смотрела на Лизку из-под вороха одеял глазами, суженными от ярости. «Погоди, голубушка, я тебя замуж выдам.., я тебя устрою! Только бы самой сейчас выкарабкаться!»

— И што это вы окон не отворяете? — брезгливо фыркала Лизка. — Никитишну забрали, так и горшка никто не вынесет.

— А ты возьми да и вынеси.

— Еще чего! Я и за собой-то их никогда не нашивала…

— А из-под меня будешь носить… Бери, тварь, неси! И заставила вынести, потом засмеялась, отходя от гнева.

Вздремнула под вечер на кушетке, и кто-то разбудил ее — грубо и властно. Часы пробили половину второго ночи. а перед нею стоял сам великий инквизитор Российской империи.

— Императрица, — произнес Шувалов, дернув щекою, — желает вас видеть… Следуйте за мной

не чинясь! «Вот оно.., начинается, подступает и ко мне беда». Галереи дворца были пусты. Под грузным шагом инквизитора трещали расшатанные паркеты. Мелкими шажками, семеня от волнения, будущая «Семирамида Севера» бежала за Шуваловым.

«Неужели Бестужев предал меня? Или — Апраксин не дожег?» Елизавета поджидала невестку в туалетной комнате — длинной, как чулок. В простенках трех окон стояли узкие столы с зеркалами, и полно было мазей, духов, помад и скляниц. Здесь же был и муженек Екатерины, Петр Федорович, а из-за ширм (как всегда) торчал парик Ваньки Шувалова.

Это был бой, и надо было его выиграть.

— Отпустите меня.., не мучьте! — простонала она как можно жалобней. — Я уеду куда угодно и не стану более досаждать вашему величеству…

— Дура! — спокойно ответила ей Елизавета. — Куда же мне отпустить тебя? О детях-то подумала? Или ты кошка какая.., родила, и хвост трубой?

Ответ Екатерины был продуман заранее:

— Мои дети — в ваших руках, и вы им лучше родной матери!

Это тронуло жалостливую императрицу:

— Чем же ты жить будешь у своих немцев? Чай, и сами по чужим дворам побираются, кускам рады-радешеньки… Батюшка, даром что прынц, а едва до генерал-майора по службе вытянул. Да я таких генералов на един свой день по десятку пеку.

— Проживу-у, — тонко завывала Екатерина. — Чем ранее жила, тем и ныне жить стану…

— Подумай! Мать-то твоя в Париже, сама ведаешь, в бегах от мужа с любовником объявилась. Сама до чужих хлебов ищется, будто нищенка. Да и слава-то ее — велика ли? Кому вы нужны окромя вашего Цербста? Да и в Цербсте-то своем прожить по-людски не сумели…

Елизавета велела ей подняться, и в одной из ваз Екатерина заметила свернутые в трубку письма, — свои письма! Громадным усилием сдержала себя, чтобы не вскочить и не бежать, бежать, бежать — прямо по снегу, пока не останется за спиной страшная Россия…

«Какие это письма? Те или не те?» Елизавета тем временем скрылась за ширмами, беседовала со своим племянником. Что они говорили — не слышала Екатерина, только раз прорвался из-за ширм голос Петра:

— Она упряма и зла… Я не могу видеть ее! И

тогда Екатерина, вся покраснев от натуги, закричала о несправедливости. Она кричала о загубленной юности.

О горьком материнстве без детей, которых только рожала, но никогда их не видела. Елизавета Петровна, как женщина бывалая, душою пообмякла: конечно, нелегко бабе, когда любовниц, словно собак, ей муж на шею вешает.

— Но и ты хороша, голубушка! — укоряла Елизавета. — Воображаешь, будто умней тебя и нет никого в России! Почто мешаешься в дела, кои тебя не должны касаться? Как ты осмелилась писать к Апраксину? Почему он получал от тебя приказы грозные? Ты что — сенат? Или — генералитет мой?

Екатерина актерски разыграла свое возмущение:

— Я? Писала?.. Да мне и в голову бы не пришло рассылать приказы Апраксину. Я ведь не ребенок.

— Вот они, письма-то твои, — кивнула Елизавета на вазу. — И теперь ты отрицать вину станешь?

Но по неуверенному голосу тетушки Екатерина поняла, что это не «те» письма, которых надо бояться, и выпрямилась:

— Так выньте их и прочтите: каковы там приказы мои к армии?

Елизавета, побагровев лицом, топнула на нее ногой:

— Смотри мне, цыц!.. Эвон, Бестужев-то показывает с опросу, что и другие письма от тебя были.

— Врет! — И Екатерина тоже топнула.

Елизавета Петровна приблизилась к ней вплотную; через блестящее платье и кружева Екатерина теперь ощущала все тепло ее горячего тела.

— Это на кого же врет? На тебя, милая?

— Врет, все врет! — кричала Екатерина, плача. — Врет он!

Елизавета поддернула рукава платья (признак гнева).

— Ну, и ладно, — сказала густо. — Коли он на тебя врать смеет.., на тебя, родшую престолу наследника, так я пытать его велю!

И, сказав так, императрица впилась глазами в лицо невестки: выдаст или не выдаст? Но лицо Екатерины было как маска.

— И пытайте! — ответила она. — Огнем его, злодея!

— Граф Ляксандра, — повернулась к ширмам Елизавета. — Чай, ты слышал, что я сказала

ныне?

И откуда-то из угла, словно из бесовской преисподни, раздался глас великого инквизитора империи:

— Слышал… Я все, матушка-осударыня, примечаю. Не бойсь!..

Екатерина только под утро вернулась к себе. Главное сделано: бой она выдержала, пока ее не тронут. Легла в постель, укрылась с головой и стала думать. Нет, Понятовский совсем не то, что ей сейчас надо… Кто из мужчин поймет ее?.. И с мечтами о сильном и властном друге она заснула. Сон ее был всегда крепким, здоровым.

***

Бестужев еще целый год казнился под судом, наблюдая, как судьи разворовывают его богатства. Суд вынес ему — смерть! Башку с плеч, и дело в архив. Но Елизавета была верна своей клятве — никогда не подписывать смертных приговоров, и Бестужев отправился в ссылку, в одну из можайских деревень, которую от горя наименовал «Горетово». Там этот циник вдруг прикинулся святошей и написал книжку с характерным названием: «Стихи, избранные из священного писания, служащие к утешению

всякого христианина, невинно претерпевающего злоключения...» Читатель вправе спросить у меня:

— Почему же не были отмщены главные преступники? Именно те, по вине которых армия Апраксина бежала после явной победы?

Но дело в том, что концы заговора были очень хорошо схоронены в воду, и Елизавета Петровна сама ничего толком не знала. За семью замками хранились важные бумаги, которые до нашего века знали только двух читателей.

Этими читателями были два русских императора: Александр II и Александр III, — только они (два самодержца) знали тайну прямой измены Екатерины, уже носившей титул «Великой».

И лишь в начале XX столетия была опубликована переписка Екатерины с Вильямсом, давшая истории материал для позорных разоблачений. Документы полностью восстановили картину измены, о которой в 1758 году Елизавета могла только догадываться.

Известный советский академик (а тогда еще молодой историк) Евгений Тарле в 1916 году написал блестящую статью о том, как великая княгиня Екатерина с Бестужевым, вкупе с Вильямсом, за деньги продавала интересы России!

РАЗРУШЕНИЕ АВТОРИТЕТОВ

— Ужасно, ужасно... — вздыхал по вечерам маркиз Лопиталь. — Франция быстро теряет уважение мира, голоса ее послов уже не выслушиваются с прежним почтением. Страшно подумать: Париж рукоплещет... Фридриху! До чего мы дожили?

— Что удивляться этому? — отвечал де Еон. — Цветы очень хорошо пахнут. Но после тонкого аромата всегда наступает гниение. Опытность и расцвет государства есть и начало его упадка. А монархия у нас одряхлела, и Францию ожидают катаклизмы площадей и улиц. Патриотизм давно заглушен ненавистью к Версалю...

Лопиталь пышностью своего посольства лишь олицетворял в Петербурге померкший блеск Версаля, но в сомнительных случаях Людовик говорил теперь так:

— До Лопиталя эти сведения не доводите: он не поймет... Отдадим этот вопрос на благоразумие де Еона...

Шевалье вел переписку за маркиза. Игра слов, легкий флирт, интересы альковов и сверкание

придворной интриги — все это, забавно перемешанное, со вкусом поданное, насыщало душу французского короля. Де Еон всегда знал, чем можно и напугать короля: стоило только заикнуться о военных успехах России…

— А я, — говорил де Еон, — склонен считать иначе. Франции следует не бояться побед России, а, наоборот, радоваться им. Эти два государства, разделенные Польшей и землями германскими, через тысячи лье душевно чем-то близки друг другу. Что-то непременно должно связывать их. Но.., что?

— Любезный шевалье, стоит ли думать о будущем? Надо спасти сегодняшний день — спасти Елизавету, ее здоровье, — отвечал Лопиталь. — Иначе взойдет на престол этот кретин в прусских ботфортах, и тогда… Я решил настоятельно выпросить у короля доктора Пуассонье!

Впрочем, не только французы, но и гордые венцы тоже попритихли. Австрийский гофкригсрат, всегда такой напыщенный, теперь почтительно заискивал перед Петербургом, как вышколенный лакей перед суровым господином. Только вот британский посол Ричард Кейт ни перед кем не заискивал. Потихоньку шпионил в пользу Фридриха, ни с кем особенно не сближаясь. Но

он ошибся, думая, будто в нем никто не нуждается. Через третьи руки Екатерина напомнила англичанам о своих долгах. И получила деньги уже через пятые руки. Даже в это время, столь трудное, она не забывала вкус золота.

А политикой России теперь заправлял новый канцлер — Воронцов, хотя его личная роль полностью растворилась в коллективном значении Конференции. Сдуру кто-то ляпнул по привычке — мол, «великий канцлер», но Елизавета сразу взъерошилась:

— Будет вам великих-то рожать! У меня коли и есть что великого, так это я сама, да еще вот урод мой, племянник Петр, князь великий. Да и то, по правде, величие его — только призрак титула.

Отныне Конференция управляла войной и государством. Истощенная и слабая, спавшая не более двух раз на одном месте, преследуемая ужасами, Елизавета угасала. Теперь ей хотелось найти себе верного стража.

— Такого, чтобы совсем ночей не спал, — говорила она. Благо Россия людьми богата, нужного человека ей нашли, — это был Васька Чулков. Сутками он просиживал в креслах и.., не спал! Очевидно, от постоянного недосыпа он ошибался дверьми и говорил только стихами. Порою же,

отряхнув страхи и болезни, Елизавета очухивалась, — тогда с нею можно было рассуждать о делах.

— Мне всегда очень трудно решиться на что-нибудь, — признавалась она.

— Но если уж я что решила, то быть тому! Денег нет? Так что ж… Гардеробы продам, бриллианты заложу. Голою ходить стану, но войну Россия продолжит до полной победы…

А разговор о деньгах она завела неспроста: Россия просто изнывала от хронического безденежья. Казалось бы — чего уж проще? Серебро есть. Монетный двор под боком — только успевай чеканить. И — чеканили, а денег все равно не было. Начиная с 1712 года в России было отчеканено 35 миллионов рублей, а в обращении к 1756 году оставалось только 3 миллиона (32 миллиона куда-то пропало). Чиновникам от этого годами не платили жалованья. Дипломаты того времени писали, что безденежье России можно объяснить только страстью русского человека к зарыванию денег в землю: никому не доверяя своих копеек, русский человек прячет их в матерь-землю.

Отчасти дипломаты были правы. Петр Шувалов, ведавший внутренними делами империи, тоже горячился из-за денег:

— Матушка, что б тебе дозволить авантюру одну? Всю медь переплавить заново… Монетки отлить вполовину менее прежних, а цену проставить в два раза больше. А? В четыре раза выгода!

Не соглашалась — мямлила.

— Не хошь? Ну, тогда давай лотерею объявим, — настаивал Шувалов. — Шут с ними, со всеми! Кто не станет билеты брать, силком выдадим заместо жалованья. А там крутись сам, как знаешь… Опять не хошь? Да что с тобой, матушка? Тогда сама разберись «Впоследствии, когда встала угроза переливать пушки в монеты, эти два проекта — перечеканка денег и лотерея — были проведены П. И. Шуваловым в жизнь.».

***

А вдали от придворной бестолочи, в суровых тяготах воинских будней разворачивалась армия России, дабы победить и удивить!

В конце мая Фермор повел наступление в Померании, вдоль побережий. Затем русская армия круто развернулась на юг — пошла, змеясь по дорогам, прямо в глубину Европы. Надолго оторванная от своих баз, лишенная помощи флота, начинала она героический рейд по немецким землям. Париж и Вена могли ликовать: русские

«медведи» согласны принять на себя главные удары ловкого полководца Фридриха!

Австрийцы настойчиво домогались от России, чтобы русская армия была лишь «помощной» (придатком их армии). Но Россия пожелала остаться самостоятельной. Шли сами. Своим путем. В желтой пыли пропадали хвосты обозов. Гремела полковая музыка. Визжали калмыки в седлах…

Фридрих осадил крепость Ольмюца — ключ к столице Австрийской империи. Здесь он и застрял. Ядра кончились, а обоз с припасами не пришел, разбитый в горах. Король понял, что попался в ловушку: имперская армия отсекла ему пути в Богемию и Силезию. Оставалось одно — сложить знамена. И как раз в это же время до Фридриха дошло известие, что русские уже под Кюстрином… Смятение короля не имело теперь предела:

— Как? Они уже под Кюстрином? Боже, но ведь Кюстрин — это дверь, открыв которую, русские сразу попадают в Берлин…

А он сидит здесь, у Ольмюца. Ни туда, ни сюда. Ни ядер, ни денег. Небрит. Оборвался. Похудел. Озлоблен. Устал.

— Вот что, милый, — сказал король курьеру,

протягивая ему пакет, — седлай коня и скачи в Силезию; с тобой письмо мое коменданту крепости Нейсе, чтобы он готовил для меня хлеб и фураж…

Расчет был точным: курьера сбили с лошади, а письмо короля оказалось в руках австрийцев. Из письма им стало ясно: Фридрих решил прорваться на Силезию. И тут же венские войска очистили Богемию, всей своей мощью встали на путях к Нейсе, куда Фридрих, конечно же, и не собирался.

— Мешок разорван! — сказал он. — Австрийцам кажется, что я думаю то, что пишу, и пишу то, что думаю… Нет! Вена подождет. Сейчас важнее русские…

Он нанял окрестных крестьян, чтобы они поддерживали огонь в кострах его лагеря. Потихоньку убрал свои пушки от Ольмюца, глубокой ночью отвел свои войска. Костры горели всю ночь и потухли утром. Австрийцам остались на память зола от костров лагеря прусского и документ за подписью короля, подтверждавший, что он идет именно на Силезию.

Но Фридрих уже прошел через Богемию, и — вот он, стратегический простор Европы! Король сразу взбодрился, погнал свою армию форсиро-

ванным маршем. Палкой, палкой, палкой! Сейчас не время уговаривать… Не отставать, скоты, или не знаете, что русские уже под Кюстрином?.. Этот Кюстрин был дорог королю по воспоминаниям юности. В застенке Кюстрина есть камера, где он сидел, как узник, еще кронпринцем. «Боже! — думал Фридрих.

— Сколько я тогда пережил, наивный и тщедушный юнец. Но мог ли я предполагать тогда, что мне предстоит воевать под Кюстрином?..» С каждой милей, пройденной в марше, нетерпение короля усиливалось, и он говорил свите:

— Теперь для меня главное — разрушить авторитет русской армии. Если сейчас Россия не выдержит моего удара, тогда вся коалиция против меня полетит вверх тормашками… Франция с Австрией — уже не вояки, в этом я убедился!

Комендант Кюстрина, старый матерый воин, получил от короля приказ держаться «под страхом смерти и величайшего наказания».

На самом разбеге своих эшелонов, когда вдали уже полыхало зарево, короля Пруссии вдруг нежданно остановили известием:

— Ваше величество, дальше к Кюстрину не пройти: прямо перед нами стоит мощная армия австрийцев под командой самого Дауна…

ПОД КЮСТРИНОМ

Кюстрин был таков: вокруг — болота, кустарник, реки. Сама цитадель — бастионы и равелины, верки выложены булыжником, на валгангах (по верху вала) артиллерийские казематы. Крепость старая, еще итальянцы строили, но очень крепкая. Вокруг нее копаны рвы с водою, и вода течет уже из Одера, — водичка мутная, почти коричневая, пить ее не захочешь…

Казаки с ходу, проскочив через кладбище, захватили кюстринские предместья. Русские гренадеры — метальщики ручных бомб — вломились на форштадты. Пруссаки укрылись за бастионами, и началась осада. Русские мортиры открыли огонь сразу же, без промедления. Первое ядро — пошло.., второе — пошло.., третье…

— Давай четвертое! — кричат канониры. Четвертое — в костре, лежит на груде раскаленных углей.

— Сейчас поджарим и подадим, — смеются у костра. Корнцангом зацепили его из огня, сунули в пасть мортиры.

Шарах! — было видно, как стелется красный

хвост. Вот ядро уже за стенами города. Вот оно резко пошло на снижение. Пропало.

— Кудыть же оно засобачилось? — почесался канонир у пушки.

Это четвертое ядро (честь ему и слава!) угодило прямо в сарай с сеном, и сено сразу вспыхнуло. Огонь перекинулся дальше. Начались пожары, заполыхало… А в Кюстрине размещались главные магазины прусской армии: зерно, пороха, обмундирование.. Вот все эти запасы теперь и горели с треском!

Жители города стали разбегаться по окрестностям, по лесам и деревням; русские не препятствовали их выходу из Кюстрина, но обратно в Кюстрин никого уже не пускали.

Под стены осажденной крепости прибыл и сам Фермер… Сначала двигался багаж генерала на верблюдах, потом скакали две тысячи калмыков; за калмыками ехали трубачи и литаврщики, непрерывно играя, за оркестром гарцевали адъютанты, оповещая о близости главнокомандующего; за адъютантами провозили курятники; за курами, сладостно квохчущими в клетках, показался и сам Виллим Виллимович.

— Горит? — присмотрелся он к Кюстрину. — Калите все ядра на огне. Пошлите парламентера с

предложением о сдаче…

Но комендант Кюстрина встретил русского парламентера залпом из пушек. Далеко по воде Одера плыли лошади, вздернув головы с навостренными ушами,

— это чугуевцы уходили на другой берег в разведку по прусским тылам. На виду горящего Кюстрина Фермер решил добиться такой победы, чтобы все лавры достались только ему, и никому больше. Сейчас ему мешал боевой Румянцев, и он вызвал его к себе:

— Петр Ляксандрыч, бери конницу и уходи с нею к Шведту, под Кюстрином делать твоей дивизии нечего.

Румянцев понял: опять его затычкой в дырку, из которой живым не выбраться. Но.., армия? Что будет с армией?

— Разумно ли, — сказал он, — ныне корпус раздваивать и меня под Шведтом содержать? А ежели король придет под Кюстрин? Ведь я из-под Шведта на подмогу не доскачу — не поспею!

— Фридрих не придет, — успокоил его Фермор, валяясь на диване, обтянутом шелками и бархатом. — Между королем и мною стоит имперский маршал Даун с войсками отборными, под Кюстрином же я сам справлюсь… Пускай горит

жарче — скорее выскочат из пекла.

15 эскадронов кавалерии и 16 батальонов инфантерии — вся дивизия Румянцева! — были отосланы к черту на кулички, на помощь шведам, и Фридрих прослышал об этом.

— Теперь, — сказал король, — я не сомневаюсь в успехе. Фермор, отослав Румянцева, обессилил себя, и я его не страшусь. Сейчас мне мешает только этот старый ночной колпак Дауна, который торчит перед моей армией...

Но обходить армию Дауна — долгая история. Медлить тоже нельзя. Все с интересом наблюдали за Фридрихом: как он вывернется из этого положения?

— Идем на Дауна! — сказал король. И повел солдат напролом — прямо на австрийцев, никуда не сворачивая. Лоб в лоб! На что надеялся король?.. Дауну доложили немедленно:

— Король быстро движется прямо на нас.

— Он идет не на нас! — отвечал Даун, явно злорадствуя. — Мы королю сейчас не нужны; он идет вздуть только русских... Санкт-Петербург утверждает, что мы плохо воюем. Но русские еще не сталкивались с самим Фридрихом. После чего Даун распорядился:

— Пропустить короля, и пусть он устроит рус-

ским кровавую баню, чтобы впредь они были скромнее в своем бахвальстве…

Австрийская армия раздвинулась, образуя во фронте брешь, и в эту брешь австрийцы — без единого выстрела! — пропустили на русских войска Пруссии.

Все удивились, кроме Фридриха, — он был отлично извещен о раздорах в союзном лагере. Король только сказал:

— Какой отличный был забор. И какая великолепная оказалась в нем дырка!

Но его мучило страшное нетерпение, он оставил коляску и перескочил в боевое седло. Напрасно его удерживали:

— Ваше величество, вдоль дороги — кусты, а в них — пандуры!

— Нет! Я больше не в силах ждать…

В окружении гусар он мчался по пустынной дороге — на Кюстрин, к Одеру, и лошади передалось волнение всадника. Длинным телом стелилась она в галопе, гусары с трудом догоняли своего короля. В одном одичалом месте ему крикнули:

— Король, спасайтесь.., вы на прицеле!

Фридрих вздыбил коня. За деревом стоял пандур и метил из ружья в грудь ему. Король погрозил ему сухоньким кулачком:

— Долой шляпу, мерзавец! Шляпа отлетела в кусты.

— Опусти ружье, олух… В кого ты целишься? Мимо обалдевшего пандура проскакали король и его гусары. Пожалуй, за все семь лет войны еще никто не имел такой превосходной цели, как этот пандур… За лесом открылся горящий Кюстрин; король долго смотрел на его пожары.

— Мы опоздали, — сказал он. — Кюстрин надо отстраивать заново. Но кто вернет мне мои магазины? Кто возвратит моей армии сто тысяч виспелей превосходной саксонской ржи?

Здесь, невдалеке от Кюстрина, Фридрих сомкнул свою армию с Померанским корпусом. Образовался могучий кулак, способный протаранить любого врага. Померанцами командовал опытный вождь Пруссии — граф Христофор Дона, уже немало воевавший с русскими на балтийских побережьях.

— Ну, — попросил его король, — расскажи, приятель, каково держатся русские, когда их бьют?

— Они стоят, как стены из камня, король!

— Мы эти стены на днях развалим… Я привел к тебе в Померанию силезских дьяволов. Построй же своих ребят.

Померанцы были рослые, сильные. Прекрасно

обучены, отлично обмундированы — прямо с иголочки. Они прошли перед королем, как железные истуканы, только ветер сдувал с париков мучнистую дешевую пудру.

— Пух и прах, прах и пепел! — воскликнул Фридрих. — А теперь полюбуйся, Дона, на моих силезских дьяволов…

Ветераны Фридриха, грязные, оборванные, но злые и упрямые, прошли с королем всю Европу, и теперь они были здесь, чтобы разбить русских… Дона не скрыл своего восхищения силезцами.

— Это же не люди! — засмеялся король. — Это — саранча, которая грызет врагов Пруссии… Хруст костей стоит по всей Европе, его слышат даже в Канаде, даже в Бразилии!

И ушел в палатку, велел раскинуть карты:

— Оставьте меня. Я должен помудрить наедине…

***

Мудрил он недолго. Все и так было уже отчетливо видно. Фермер отступил от Кюстрина сразу, как только король появился: он увел русскую армию к деревне Цорндорф, где выискивал место для боевой позиции — поудобнее и посуше…

Фридрих распорядился:

— Сгоняйте крестьян. Пусть строят мосты через Одер! Застучали топоры. А в это время медные понтоны Фридрих быстро сплавил по течению, и его армия форсировала Одер совсем не там, где их ждали русские (мост строился лишь для отвода глаз).

— Вот мы опять на просторе, — сказал король. — Кстати, сейчас мы убили двух зайцев сразу: вышли за Одер и отрезали Румянцева от Фермера… Вперед, напудренные красавцы! — обратился он к померанцам. — Вперед и вы, мои верные голодранцы! — обратился он к силезцам. — Завтра нас ждет бессмертие в веках… Теперь не надо мудрить: только шагать и шагать!

Фридрих слез с коня и задал войску ритм марша. То, что он делал сейчас, определяло исход завтрашнего сражения. Он сейчас обходил армию России со стороны ее тылов, чтобы появиться оттуда, где никто не готовился к встрече с ним. Пруссаки случайно нарвались в лесу на гигантский русский вагенбург, окруженный рвами и палисадами. Здесь хранились припасы и снаряжение для всей армии Фермера. Уже чесались у них руки, но…

— Не останавливаться, — велел король. — Вагенбург от нас не уйдет. Завтра он будет нашим,

а сейчас — вперед, дальше…

И этот вагенбург они тоже отрезали от армии Фермера. Румянцев издалека уже понял, в какой капкан попались — и он сам, и армия Фермера. Со своей дивизией он хотел пробиться обратно к Кюстрину, но было уже поздно.., не пройти!

— С каждым шагом, — говорил король, — я чувствую, как фортуна поворачивается ко мне благородным мужским лицом.

Весь день он провел на ногах, трудясь. Фридрих старательно выковывал каркас той битвы, которая случится завтра.

Он спалил все мосты, нужные для русской армии. Он навел мосты, нужные для своей армии. Во все окрестности Кюстрина разослал лазутчиков. Присев к столу, начал писать завещание.

— Писать завещание, — сказал он де Катту, — это печальное занятие. К сожалению, — засмеялся невольно, — это у меня уже вошло в дурную привычку. Напишем и сейчас. Заодно, пока перо не высохло, набросаем и приказ о предстоящей баталии…

Лазутчики доносили ему о перестроениях в русском лагере: войска Фермера выстраивались в боевое каре.

— Зейдлиц, ты слышал? — живо обернулся

король к своему любимцу. — Я так и думал, не иначе… Ведь этот Фермер служил при Минихе, и сейчас он строит у Цорндорфа «миниховское каре». Оно пригодно для войны с татарами, но… Мы же не татары, и Фермеру не мешало бы знать это… Впрочем, — закончил король спокойно, — пусть этот новоявленный Филидор ставит пешки, как ему угодно. Мы же сделаем ход конем и спасем короля!..

Весь день Фридрих следил за расстановкой фигур в предстоявшей игре. Фермер, укрепясь при Цорндорфе, выбрал позицию для боя неудачную. Удачной же позиции он выбрать уже не мог. Этому мешал обходной маневр прусской армии. Король заставил Фермера встать там, где осталось свободное место. Из двух бед Фермор выбрал меньшую. С тыла он оградил свой лагерь болотистой речушкой Митцель, а на крутых оврагах расположил артиллерию. Фланги же русского каре были едва прикрыты…

— Вы видите? — сказал король. — Фермер трудится для моей славы бесплатно. Но с таким старанием, будто я ему заплатил!

В ночь перед боем король был весел и читал стихи. Свои стихи и стихи любимого им Расина. Прощаясь перед сном с секретарем де Каттом,

король дружески поднес ему тарелку, доверху наполненную прозрачным и чистым виноградом.

— Такая ночь.., такая волшебная ночь! — вздохнул король, посмотрев на звезды. — Ешьте, мой друг, виноград… Кто знает, придется ли нам есть его завтра?

***

В русском лагере уже спали, только возле одной офицерской палатки еще долго трещал костер. Шла игра в карты. А поодаль, вдрызг проигравшийся, сидел Григорий Орлов. Было ему скучно, и нехотя жевал он краюху черствого хлеба.

— Черти! — просил иногда. — Дайте и мне метнуть.

— Икрой, что ли, метать будешь? — отвечали ему игроки.

Денег и впрямь не было. Аргамаков сдуру предложил:

— Гришка, приволоки нам сюда адъютанта Фридрихова! Мы тебе за это, ей-ей, все долги скостим и еще вина поставим…

Орлов молча отошел от костра. Вскоре послышался мягкий топот копыт — по краю дороги легкой тенью пролетел всадник.

Игроки, побросав карты, вскочили на ноги:

— Гришка! Ты что, рехнулся?.. Мы пошутковали, Гришка!..

***

Фермер был разбужен матерной бранью часовых. Кто-то барахтался в приделе шатра, отыскивая заполог. Шпоры разрывали голубую парчу. В курятниках забеспокоились куры. Фермер прижег одну свечу от другой, взвел тугие курки пистолета.

— Ну-ну, — сказал. — Кого там нечистая сила несет? Ввалился к нему Орлов и скинул с плеча своего, будто мешок, прусского офицера. Вырвал кляп ему изо рта — представил:

— Адъютант королевуса прусского.., граф Шверин!

— Хорошо, голубчик, — зевнул Фермор. — Но что же вы, не спросясь, меня перед баталией будите? Идите, не мешайте…

Граф Шверин был очень удивлен, когда его похититель сказал на добротном немецком языке:

— Любезный граф, вы ложитесь на спину, а я преклоню вам голову на живот… Что поделаешь, — говорил Орлов, устраиваясь поудобнее, — я не привык спать без подушки…

Фермера скоро опять разбудили. Был всего

пятый час утра. За пологом шатра проснулся и принц Карл Саксонский, который страстно желал «проявить» себя в баталии, дабы заполучить от щедрот России корону герцогов Курляндских.

— Разбудите и барона Сент-Андре, — сказал Фермор. Подняли с постели представителя Вены при русской ставке. Сент-Андре срочно явился, позевывая сладчайше, в роскошном халате и атласных туфлях. Над ланкартами трепетно дымили свечи.

— Что случилось? — спросил Сент-Андре.

— Нас окружили, — сообщил Фермор. — Король отрезал нас поначалу от Румянцева, отсек и от связи с вагенбургами. Фридрих стоит так близко, что я затылком чувствую его дыхание.

— Надо менять весь фронт, — посоветовал Сент-Андре. — И старайтесь поскорее разломать каре, построенное нами. Войска следует выводить в обычную линию…

— Вы так находите, барон? — нахмурился Фермор.

— А иначе.., сложить знамена! — подсказал принц Саксонский.

Лагерь ожил. Перестроение, столь спешное, вызвало замешательство. Вторые линии войск становились теперь первыми. Первые — вторы-

ми. Каре с треском разламывалось. Левый фланг становился правым флангом. Офицерам, особенно полковникам, спросонья предстояло быстро переубедить себя в правилах диспозиции. Разом все оказалось наоборот. Великая неразбериха в обозах уже началась. Артиллерия путалась среди повозок…

Перестроение продолжалось до утра, но так и не закончилось. Король ждать не стал и открыл сражение — решающее сражение Семилетней войны, которое вошло в историю народов под названием — Цорндорф!

ЦОРНДОРФ

Рано-рано утром, еще не рассвело, Фридрих проехал через свой компанент, говоря солдатам:

— Враг жесток и опасен. Будьте же беспощадны и вы! Сегодня мы должны забыть о жалости к побежденным…

Теперь, когда все было решено, он не спешил, и баталия! началась лишь в девять часов утра. Никто из генералов Пруссии никогда не знал — как откроет Фридрих сражение.

Но у короля был давний излюбленный прием, проверенный в викториях.

— Косая атака! — провозгласил он…

Русские священники еще проезжали вдоль рядов своих войск — верхами на лошадях, с хоругвями, кропили воинов водицей с рыжих метелочек. Солдаты вынимали кожаные манерки, наспех делали глоток-другой водки и кричали согласно:

— Виват Россия-а!..

Цорндорф уже горел, разделяя противников. Гусарские эскадроны Фридриха обходили русский лагерь во флангах. Неторопливо переползая через

холмы и балки, неумолимо двигался классически четкий прусский строй. Медленно развернулся он в линию боевого порядка.

Над соседним лесом, за которым протекал Одер, радостно взлетели розовые от солнца аисты. В руках полковых тамбурмажоров, небывало вспыхивая, крутились под музыку нарядные штанги — все в бахроме и золоте, в лентах алых, в серебряных кистях.

Дум-ду-ду-дум… Ду-ду-дум! — грохотали барабаны.

Пруссаки подошли ближе, и тогда умолкла страшная молотьба палок по тугим шкурам барабанов. На смену им вдруг тоненько и нежно, почти миролюбиво запели плаксивые гобои: Ich bin ja, Herr, in deiner Macht… «Господи, я во власти твоей. (нем.).» Но русские стояли тихо — ни возгласа, ни жеста; только перемнется кто-нибудь с ноги на ногу, и тогда противно чавкнет под ногами сырая земля.

Сент-Андре, приглядевшись к прусскому строю, заметил:

— Что ни говори, а зрелище великолепное!.. Фермер только что переставил заново батареи — фронтом на противника, и лафеты засели в кочках болота. Русские стояли плотной массой,

как стенка… Король оторвал от глаз трубу.

— Ого! — сказал он. — Задержите движение инфантерии… Я вижу, что тут ни одно наше ядро не пропадет даром.

Два часа подряд русские нерушимо стояли под свирепым огнем прусской артиллерии. Два часа подряд колотили их ядрами и бомбами. Два часа они пробыли в аду. Случалось, что ядро, ворвавшись в строй, калечило насмерть больше десяти человек сразу. Но когда дым рассеивался, Фридрих видел русские ряды, которые с упрямством непонятным смыкались над павшими.

— Дона, — вскричал король, — ты прав: они напоминают стены! Но мы их защекочем штыками инфантерии…

И вот началась битва. Первым — увы! — собрал манатки сам главнокомандующий русской армии Виллим Фермер. Последней, кто видел его, был венский барон Сент-Андре;

— Стойте, генерал! Куда же вы?

— Если надо, — ответил Фермер, — я добегу хоть до Шведта!

Свита поскакала за ним; убрался в сторону вагенбурга, в лесную тишь, и представитель Вены… Ставка опустела!

Событие — беспримерное в истории мировых

войн: армия осталась без командующего, бросившего войска в разгар битвы. Всю власть над сражением, сами того не сознавая, возложили на себя офицеры и рядовые русской армии.

А прусский авангард уже пошел мять ряды. Под пулями и ядрами войска России, оскалясь багинетами, были оттиснуты назад — солдат на солдата, ряд на ряд, колонна на колонну.

— Так их! — хохотал король, упиваясь этим зрелищем. Прессуйте азиатов. Напирай, парни, чтобы из русских сок брызнул…

Король еще не знал, что против его колоссального опыта и таланта, против его проверенной в боях тактики сейчас на поле Цорндорфа не стоит противник с такой же тактикой. Король не поверил бы, если б ему сейчас сказали, что он вступил в единоборство с армией без командующего… Солдаты и король!

Кто победит?.. Приближался полдень.

***

В полдень произошло неожиданное: Фридрих через подзорную трубу разглядел бегущих солдат. Это были не русские — это его солдаты спасались бегством. Король видел, как в его железный авангард врубилась русская кавалерия. Следом

двинулась русская пехота.

Чудовищно! Необъяснимо! Парадоксально! Словно вдруг развернулась невидимая пружина: выпятив груди, московиты полезли вперед, отнимая у Фридриха пушку за пушкой.

— Ваше величество, — осторожно доложили королю, — русские забрали у нас двадцать шесть орудий.

— Так дело не пойдет! — ответил Фридрих и ударом ладони собрал трубу в один короткий тубус. — Так дело не пойдет, — повторил король. — Зейдлицу пора обрушить на фланги эскадроны!

Зейдлиц повел 56 эскадронов, а Шорлемер — 12 гусарских.

Король выжидал, когда эта лавина всмятку расплющит русских.

Но Зейдлиц что-то медлил.., не появлялся на поле!

— Куда он провалился? — нервничал король. — Де Катт, могу сообщить по секрету… Только вам, как другу: наше положение стало трудным.

— Не может быть! Пока все хорошо.

— Нет, — ответил ему король. — Вы просто не смыслите в алгебре боя, а я уже привык раскусывать эти формулы…

Настроение у Фридриха сильно испортилось.

Клубы дыма, летевшие от Цорндорфа, и режущая острая пыль слепили его… Де Катт задумчиво признался:

— Я многого не понимаю в этом сражении.

— Утешьтесь! — отвечал король с вялой улыбкой. — Вы не одиноки в этом… Скоро я тоже перестану что-либо понимать.

Раздался мощный всхрап коня — это прискакал Зейдлиц:

— Король, ты хотел меня видеть?

— Я хотел видеть тебя вон там, — показал Фридрих в гущу сражения. — А здесь я тебя видеть не желаю… Помни, Зейдлиц: ты мне головой своей отвечаешь за эту битву!

— Король, — рассмеялся Зейдлиц, — после любой битвы моя голова всегда в твоем распоряжении…

Растаптывая мертвецов в густой траве, дробя копытами черепа и кости, лава прусской конницы двинулась — и только глухо сотрясалась многострадальная кормилица-земля. Кавалерия неистового Зейдлица разом опрокинула русские линии. Началась страшная сеча. Когда патроны кончались, русские бились с конниками штыками. Вспарывали животы лошадям. Тащили пруссаков из седел. Под палашами кавалерии

сверхупорно не сдавались первые линии русских, и в этот момент Фридрих вполголоса обронил фразу, ставшую знаменитой:

— Я вижу только мертвых русских, но я не вижу побежденных русских!

Опытным глазом полководца он наблюдал за битвой, стараясь разгадать перелом в духе сражения. И король мучился, стоя на пригорке, не видя главного момента, ради которого он и открывал это сражение сегодня: русские не были сломлены нравственно!

— Ваше величество, возьмите трубу, — подсказал ему де Катт. — Вы увидите сейчас незабываемое зрелище…

В этот день де Катт записал в своем походном журнале:

«Русские полегли навалом. Но, когда их рубили саблями, они целовали ствол своего ружья и не выпускали его из рук…»

Фридрих решительно бросил в бой свежие батальоны. Он обжег русские войска огнем слева. Уколол их штыками справа. Растоптал конями в упор. Выбил их ряды сзади. Но…

— Здесь что-то не так, — признался король. — Русского мало убить — русского надо еще и повалить!

— Дайте королю самую большую трубу, — велел де Катт. — Я хочу, чтобы король видел то, чего никто никогда еще не видел…

Что же видел сейчас Фридрих?

«…россиян малыми и большими кучками и толпами, стоящих по расстрелянии всех патронов своих, как каменных, и обороняющихся до последней капли крови. Многие, будучи простреляны насквозь, не переставали держаться на ногах и до тех пор драться, покуда могли их держать на себе ноги. Иные, потеряв руку и ногу, лежали уже на земле, а все не переставали еще здоровою рукою вредить своим неприятелям…»

Так свидетельствует очевидец — рядовой участник этой битвы.

Каким-то образом в русском лагере стало известно, что Фридрих велел солдатам своим никого не щадить.

— Постоим же и мы за себя! — раздавались призывы над русским лагерем.

Первая линия погибла вся — своим всепобеждающим упорством она спасла вторую линию войск. Правое крыло отодвинулось. Но кавалерия Зейдлица, уже вконец обессиленная, отступила. На рысях, мотая окровавленными гривами, лошади уносили всадников прочь.

Фридриха поздравляли с победой.

— Не болтайте глупостей! — отвечал король. — Что мне правое крыло русских? Вон там стоит их левое крыло. А центр еще не тронут мною совсем. И я не знаю, когда все это кончится… И — чем кончится?

С отходом кавалерии Зейдлица над полем битвы вдруг наступило непонятное затишье. Непонятное лишь тактически, это затишье объяснимо по-человечески: просто не может человек быть все время в таком аду. Надо хоть обтереть лицо от крови…

— Хорошо, — сказал Фридрих, не мешая этой тишине и покою. — В два часа дня я начну все сначала…

***

В два часа дня Фридрих правым крылом обрушился на левое крыло русских, нещадно избивая их артиллерией. По сути дела, король повторил свою «косую атаку».

— Если уж и сейчас не закончим, — сказал он де Катту, — тогда не знаю, закончим ли мы вообще.

Пруссаки начали хорошо. Солнце било русским в глаза, ветер нес в их сторону дым и песок, поднятый кавалерией. Неожиданно с левого

фланга русских — навстречу пруссакам — вымахала панцирная конница. Кирасиры-латники на глазах Фридриха в капусту изрубили два его любимых полка. Первую линию пруссаков латники опрокинули — пошли рубить вторую. Нахрапом русские вдруг взяли у Фридриха две его новенькие батареи…

— Что происходит? — переживал де Катт. — Что творится?

— Спокойно, мой друг, спокойно, — говорил король… И тут Фридрих сам не заметил, как оказался в самой гуще боя. Вокруг короля с хрустом ломались штыки, визжали пули. Адъютантов его убило сразу. Раненый паж был затоптан лошадьми. Короля узнавали в этой свалке только по голосу и шляпе. Положение спас Зейдлиц, отбросивший русских кирасир назад…

Король, оправляя на себе мундир, вернулся на пригорок.

— Началась свалка! — сообщил он де Катту. — Можно руководить баталией, но дракой командовать нельзя… Спасибо Зейдлицу: еще минута — и меня бы растоптали, как корку хлеба…

Зейдлиц уже сокрушал левое крыло русских.

Король крикнул:

— Помогите же ему пехотой, черт возьми…

Дайте же наконец русским прямо по лбу — так, чтобы они не встали!

Прусская инфантерия снова пошла вперед. Ворвавшись в обозы, она стала резаться с русскими. Разбили одну фуру, и к ногам пруссаков тяжело потекло из ящиков русское золото (случайно наскочили на армейскую казну). Пруссаки набили карманы золотом и тут же убрались прочь.

Фридрих не понял, отчего сорвалась атака, и послал туда второй отряд пехоты. Он тоже награбил золота, сколько мог унести, и отступил… Фридрих опять не понял причины своего неуспеха:

— Видите, де Катт, что творится? Я же говорил вам: скоро я перестану понимать что-либо в этом сражении…

А потом откуда-то (откуда?) загрохотали русские единороги, и пруссаки развили такую прыть, что даже капралы с палками не могли за ними угнаться. С высоты кургана король сосредоточенно следил за бегством своих ветеранов.

— Вы посмотрите на этих русских! — заметил он почти восхищенно. — У них есть чему поучиться… Русские держатся великолепно, а мои негодяи уже бегут, словно поганые крысы!

Из грома сражения притащили пленных. Среди них был и генерал граф Захар Чернышев… Король

дружески потрепал его по плечу:

— Какой рост! Какая стать! Вам бы служить у меня, граф… Не бойтесь, скоро я вас обменяю на какого-нибудь своего оболтуса… Кстати, — указал он на Цорндорф, — много там еще ваших?

— На Руси народу хватает, — скромно отозвался Чернышев.

— Ну, посидите, граф. Отдохните. Наверное, вы устали…

Зейдлица отбросили. Прусская пехота прижалась к земле. Капралы не могли поднять ее даже палками. Артиллерию разбросало по полю, пушки стояли без прислуги… Всюду был заметен хаос.

— Кажется, это финиш, — сказал король де Катту. Нравственный перелом в душе противника так и не наступил, а близился уже вечер. «Сколько же они хотят воевать?..» Даже тот тупик, в который загнал Фридрих русские войска, не сыграл решающей роли. Наоборот, русские прорвали его же линию, они создавали для себя широкий выход на поле битвы… Фридрих так и не знал, что против него воюют солдаты России — одни, без командующего! Какой бы удар был нанесен его честолюбию, узнай он только истинную правду! Кровоточа и падая от изнеможения, прусская ар-

мия сворачивала битву. Нравственный перелом определился. Но не в русских — в немцах!

Прискакал откуда-то Шорлемер, забрызганный кровью, доложил с тревогой:

— На левом фланге опасно, король!

— Что там еще случилось?

— Русские тучей идут со штыками…

— Не пугайте меня, Шорлемер. Я уже заканчиваю сражение.

Было еще светло, когда король запорол горячку.

— Уже темно! — говорил он. — Хватит, хватит… Я плохо вижу, и глаза мои слезятся. Что не успели сделать сегодня, то будем заканчивать завтра…

Армии враждующих сторон с трудом, еще постреливая, расцепились. Ночь провели под ружьем — в бережении. Вернулся в лагерь и негодяй Фермер с бесстыжими глазами «Историческая наука до сих пор не может выяснить — где скрывался Фермер во время сражения его армии при Цорндорфе.». И не нашел ничего лучшего, как начать обыск своих героев-солдат, — разграбленная пруссаками казна не давала ему покоя. Но денег он не отыскал (позже Фридрих признал грабеж казны своими солдатами). Но зато Фермер нашел поле битвы, на котором нерушимо стояла

его армия.

По неписаным законам того времени победителем считался тот, за кем оставалось поле битвы.

Поле битвы при Цорндорфе осталось за русским и…

Кайзер Вильгельм II и фюрер Адольф Гитлер не раз поднимали тосты «за победителей при Цорндорфе». Этим они выказали плохое знание истории, и тосты их были направлены не по адресу.

А как же сам Фридрих? Считал ли он себя побежденным?

В деревне, когда Фридриху подводили коня, крестьянка стала что-то выпрашивать у его свиты.

— Что надобно этой тетке? — спросил король.

— Ваше величество, она просит о месте для своего сына.

Свесясь с седла, Фридрих подъехал к старой женщине.

— Милая моя, — сказал он печально. — Как же я дам место вашему сыну, если завтра потеряю свое место — королевское!..

Глубокой ночью армии стали маневрировать, выбирая для себя более выгодные позиции; и получилось так, что Фермер вылез на прусские позиции, а Фридрих, боясь обхода, завел свою

армию на позиции русских, — противники как бы поменялись местами.

Лошадь Фридриха на въезде в обгорелый Кюстрин чуть не раздавила копытами русского солдата; с ногами, перебитыми ядром, он полз на руках, отталкиваясь от земли…

— Отправьте его к моим хирургам, — наказал Фридрих. — Этот солдат молодец, и пусть живет молодцом!

Но это был жест (королевский жест). Остальных пруссаки добили нещадно. Сами же немцы признавались в этом:

«Много тяжело раненных русских, оставленных без всякого призрения на поле битвы.., кидали в ямы и зарывали вместе с мертвыми. Напрасно злосчастные бились между мертвыми, стараясь разметывать их и подниматься,

— другие трупы, на них бросаемые, тяжестию своею навечно отверзали для дышущих еще страшную могилу».

Перед сном Фридрих сказал де Катту:

— Сегодня, между нами говоря, было несколько моментов, когда казалось, что все летит к чертям… Завтра мы простимся с русскими, которых не могли сокрушить. Впрочем, можете посылать в Берлин реляцию о нашей полной победе!

Пусть так. Но сам-то он хорошо понимал, что это сражение нельзя называть победой. Треть его ветеранов осталась лежать за деревней Цорндорф. Впервые в жизни король встретил противника, который не ведал страха и усталости. Казалось, не прекрати король сражения, и оно длилось бы до тех пор, пока был бы жив хоть один русский солдат… Ночь была проведена неспокойно — в сомнениях.

Но едва рассвело, король был уже в седле.

— Зейдлиц, — позвал он. — Надо нам с тобой посмотреть, что там сделали за ночь русские…

Галопом вымахали они на окраину русского лагеря. То, что увидел король, потрясло его. Русская армия вызывающе стояла под ружьем, дымились фитили у пушек, эскадроны конницы помахивали хвостами, сверкали палаши и бронзовые латы кирасир… Русская армия в полной боевой готовности ожидала нового сражения!

— Они что-то слишком разлакомились. Но мы не доставим им этого удовольствия вторично… — И король поскакал обратно.

С севера уже спешила дивизия Румянцева, надо было спасаться. Фридрих развернул свою армию в Саксонию, где осенью его ждал ужасный разгром при Гохкирхене. Виной этого поражения

был опять-таки Цорндорф, где король похоронил своих «силезских дьяволов».

Эта воинственная саранча, искусавшая австрийцев и французов, замертво полегла в битве с русскими медведями!

Фридрих теперь уже не издевался над Россией, он относился к ней с предельным уважением; через английского посла Ричарда Кейта король пожелал вступить в переговоры о мире, но Россия мириться с ним не захотела.

В эти дни Елизавета Петровна официально заверила Европу, что Россия будет бороться с Пруссией до конца, «хотя бы ей (России) пришлось пожертвовать для этого последним рублем и последним солдатом».

Виллим Фермер снял армию с позиций и тронулся в Померанию, где Конференция настигла его грозным приказом — поспешить в Петербург для оправдания своих поступков.

Императрица в эти дни устроила очередной скандал с Англией, требуя наказания журналистов в Лондоне, которые перепечатали цорндорфские реляции из берлинских газет, а не из петербургских «Ведомостей».

— Отчего такая несправедливость? — кричала она на Кейта. — Разве мои куранты не честны?

Или мои газетеры писать не горазды?

Кейт сослался на свободу печати и свободу слова в Англии.

— Что мне свобода ваша? Мне правда нужна о России!..

Кстати, Людовик в Версале долго злорадствовал:

— Русским все-таки досталось... Я очень рад!

Но Париж остался Парижем: прекрасные женщины Франции, приветствуя победу русских, завели моду на бантики, которые называли «а 1а Цорндорф»...

***

В этом году русские не дошли до Берлина всего семьдесят пять верст. Но десять знамен армии Фридриха снова легли у ног Елизаветы. Она растрогалась и готова была простить Апраксина:

— Долго вы там старика еще ломать будете? Ежели не велика вина, так остается последнее средство: простить и выпустить!

Апраксина снова привели пред ясные очи судей.

— Ну, Степан Федорыч, — сказал Шувалов, — остается нам с тобой последнее средство...

Далее он хотел сказать, как Елизавета: «про-

стить и выпустить». Но Апраксин знал только одно «последнее средство» — пытку…

— Ах! — Генерал-фельдмаршал хватнул воздух ртом и тяжко грохнулся под ноги комиссии.

Смерть от страха была внезапна, как удар молнии. Елизавете тоже осталось немного жития. Но еще хорохорилась.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ПОВОРОТЫ

ЗАНАВЕС

«Бабий союз» против Фридриха оказывался непрочен:

Париж и Вену глодала зависть к успехам русских. Союзники договорились измотать русскую мощь в генеральных сражениях. Армия России, по сути дела, стала громадным партизанским отрядом, блуждавшим по землям Европы.

Для снабжения армии был необходим порт Данцига, но Людовик воспротивился занятию этого города русскими (а сам под шумок захватил Франкфурт-на-Майне). Версаль решил поднять престиж Франции высадкой десантов на берега Англии, и герцог Шуазель обратился за помощью к России…

После Цорндорфа Фридрих вдруг вспомнил:

— А где мемуары покойного Манштейна?

Еще раз перечитав эти записки, король взял перо и решительно вычеркнул из мемуаров все места, которые могли бы показаться оскорбительными для русской чести. Этим он еще раз показал

России свое желание мира… Но вряд ли тогда в Петербурге ведали о мемуарах Манштейна!

Воронцов выдвинул старый проект Бестужева-Рюмина: вернуть завоеванную Пруссию полякам, чтобы Речь Посполитая уже не зарилась на Псков и Смоленск, и дальновидно приблизиться к тем степям, откуда не раз, все в тучах пыли, вылетали орды ногайцев и крымцев, полоня арканами людей российских.

Проект отвечал интересам и Польши: ведь именно на берегах Прегеля впервые обозначилось лицо польской нации и ее культуры. Но Людовик не желал усиления Поль-щи: потакая «вольностям» сеймов, он ослаблял страну, желал видеть ее почти разоренной, чтобы легче было хозяйничать в ней.

Людовик уступил России в одном: прислал к Елизавете врача Пуассонье, который прибыл в Петербург под большим секретом.

Секретно прибыл, очевидно, только потому, что был врачом-гинекологом…

— Климакс истерикус! — был его диагноз. Кондоиди грозил Пуассонье палкой:

— Не сказы, цто я лецил не правильно… Россия тяжелым несуразным кораблем выплывала в моря Европы.

Чтобы победить. И удивить. И восхитить.

КРУГОМ ОБМАН

Фермера солдаты ненавидели, офицеры — презирали. Армия жила в полной уверенности, что он «заодно с королем прусским». Конференция подозревала его в измене, в том, что он брал деньги от Фридриха…

— Иноземцев боле не надобно! — заявила Елизавета. — Пущай уж те, что в войско при Бироне затесались, свое дослужат. А новых в службу не принимать.

Но кого выбрать в главнокомандующие? Чернышев — в плену; Румянцев — молод; Бутурлин — пьяница… Так и перебирали генералов, пока не вспомнили о Петре Семеновиче Салтыкове.

Тихий был старичок. Вперед никогда не лез. Около престола и сильных мира сего не отирался. Салтыкова держали подальше от шума и блеска. Он привык к глухоманям провинции, к инвалидным гарнизонам в лесах и степях. Был он всего лишь командир ландмилиции, когда его извлекли из оренбургской глуши и явили перед Елизаветой Петровной.

Воронцов предупредительно шепнул на ушко

императрице:

— Матушка, ты уж с ним попроще.., недалек он!

— Михаила Ларионыч, я и сама-то в стратегиях не сильна…

Предстал перед ней старичок в белом ландмилицейском кафтане. В руке — тросточка. Паричок выцвел на солнце, едва припудрен, и косица, как хвостик мышиный, на затылке трясется…

— Петр Семеныч, чего любишь-то? Расскажи нам.

— Россию, матушка, люблю.., солдата русского почитаю.

— А меня любишь ли? — спросила Елизавета игриво.

— Ты всем, матушка, у нас хороша. Но вот старуха моя, Параскева Юрьевна, уж не взыщи, она тебя лучше… Елизавета потом призналась Воронцову:

— Ой, Мишель, что-то уж больно прост Салтыков… Боюсь я — где этому теляти волка Фридриха за хвост поймати!

Фермор попадал теперь в подчинение к Салтыкову; письменно «с глубочайшим подобострастием» он заверял Салтыкова, что готов служить «по рабской верности и с крайнейшим радением».

Петр Семенович немедля выехал в Кенигсберг, а вдогонку ему полетел приказ из Конференции: вопросов сложных самолично не решать, а лишь советуясь с опытным Фермером!

— Конференция не воюет, — здраво рассудил Салтыков, в клочья разрывая этот приказ. — А Фермор мне не советчик… Король прусский силен оттого, что ему ни перед кем ответа держать не надобно. Хорошо сделал — слава, плохо сделал — тут же исправил. И никто его за хвост не дергает, и он волен рисковать по обстановке…

Никто не заметил, как генерал-аншеф въехал в Кенигсберг. Армия еще не забыла пышные выезды Апраксина — при распущенных знаменах, в пушечной пальбе, в сиянии бриллиантов двигалась «пред фрунт» огромная туша генерала; помнили и лукулловы обеды Фермера — с музыкой до утра, в огнях фейерверков. Салтыков же пешочком, в одиночку, исходил все улицы Кенигсберга, и никто из прохожих, раскланиваясь с седеньким, скромно одетым старичком, не догадывался, что сейчас ему поклонился в ответ сам главнокомандующий русской армии.

Восточно-прусский губернатор, вельможный барон Николай Андреевич Корф (родственник по жене самой императрицы), явился на постоялый

двор. Петр Семенович ел кашу с постным маслицем, на приглашение явиться к обеду ответил:

— Спасибо, барон. Но на сегодня я уже сыт.

— Не сейчас и зову — обед к ночи будет.

— А ночью я спать приучен, барон… Фермеру он сказал при встрече такие слова:

— Дай мне ключи от секретных казематов Кенигсберга…

— Какие ключи?

— Те самые, коими ты затворил в узилище офицеров российских, чтобы они тебе, прохвосту, не мешали карьер делать! Знаю, что и Петр Румянцев туда бы угодил, будь только воля твоя…

Через два дня — без пышности и литавр — Салтыков покинул Кенигсберг, ни с кем не попрощавшись; он выехал к армии — на Познань. Но бывают же такие несуразности в истории: армия встретила его недовольством и подозрениями.

— Курица мокрая.., коса прусская! — слышал он за спиной.

Салтыков, и без того гнутый годами и невзгодами жизни, согнулся еще больше от недоверия солдат, которых он горячо любил и почитал. Но командование над армией принял смело.

— Не прими я, — говорил, — так опять Фермишка вылезет. А мне Фридриха побить охота… Он у

меня недолго побегает. Я его в Берлине, сукина сына, без штанов заставлю капитуляции писать!

Впервые за эти годы появился настоящий главнокомандующий. Человек упрямый, самоуправный, хитрый, с твердой и властной рукой полководца. Немцы при нем в штабах попритихли — он им ходу не давал.

— Может, иные из них, — размышлял Салтыков, — и честно служат России. Но уже сколько изменщиков из их числа было! Проверять же каждого некогда — война идет, а посему за лучшее сочту всех иноземцев держать от секретов своих подалее…

Салтыков при дворе милостей не искал. Интересы государства и армии он ставил превыше всего. Приказов же от Конференции он не любил и отметал их в сторону:

— Коли доверили, так и доверяйте до конца. Стоит мне ложку ко рту поднести, как из Петербурга меня под локоть советники пихают — не так, мол, ем! Проглочу и без ваших подсказок…

Бедный Салтыков — ему этой самостоятельности не простят.

Ни в Петербурге, ни в Вене! А год был уже 1759-й.

***

Незадолго до этого в русской армии появился человек в громадной треуголке, который, так же как и Салтыков, стремился к самостоятельности (но лишь ради карьеры). Звали его Курт Готлоб граф Тотлебен, и он был последним иноземцем, принятым на русскую службу… Имя этого человека настолько прочно вошло в историю Семилетней войны, что мы расскажем о «ем подробнее.

Тотлебен был из тюрингских немцев. Смолоду его болтало под знаменами курфюрста Саксонии, герцога Вейсенфельсского, курфюрста Баварского, в войсках Голландии, затем короля Пруссии и опять в Голландии… Первую свою жену граф бил смертным боем, и она бежала от него, бросив сына и все свое состояние. В доме голландского негоцианта Тотлебен изнасиловал его приемную дочь, девочку тринадцати чет, а перед этим убил за карточным столом товарища по полку. После чего бежал из Голландии, вместе с совращенной девочкой, прямо в Берлин. Здесь он обвенчался и в приданое за невестой взял все состояние негоцианта. Тотлебен разбогател, у него появились большие поместья в Бранденбурге и Пруссии. Но

вторую жену он стал избивать, как и первую. Это дошло — через фискалов — до короля Фридриха, который в делах семейной нравственности был строг, и Тотлебен, боясь суда, бежал обратно в Голландию, оставив в Пруссии сына от первого брака. Вскоре началась война. Будучи в чине полковника, Тотлебен направился в русское посольство — к резиденту графу Головкину…

— России вы не нужны, — отвечал Головкин на все предложения Тотлебена перейти на российскую службу.

Тотлебен оказался прилипчив — из русского посольства он просто не вылезал. Он говорил, что богат. Показал счета из банков: да, богат! Узнав, что Россия снаряжает отдельный корпус для рейда в земли Саксонии, он говорил, что берет на себя поставку 10 тысяч человек и четырех тысяч лошадей. За это ему нужны: чин генерал-майора и.., полная самостоятельность в боевых действиях. Лентяю Головкину он так надоел со своими проектами, что тот наконец сказал (лишь бы отвязаться от Тотлебена):

— Рекомендаций вам не дам. Проект ваш отсылаю в Петербург, и вы езжайте следом за проектом…

Прибыв в столицу России, граф угодил под

личное покровительство Фермера, который стал усиленно выдвигать Тотлебена по службе. Наконец этот проходимец своего добился: получил отдельный корпус. С упорством неустанным Тотлебен стремился к самоуправству. И во власти был своеволен. Жесток в наказаниях солдат. Груб и невыносим с офицерами. Никаких рапортов о своих действиях не присылал. Часто даже не знали, где его корпус находится. Русского языка не ведал. И — грабил, грабил, грабил…

Скоро за границу, морем в Любек и по Эльбе, поплыли таинственные лодки с ящиками. Счета Тотлебена в банках Европы росли. Вот когда началась для него роскошная жизнь!..

Но Тотлебен не знал, что с самого начала, едва переступив порог кабинета Головкина, он уже не принадлежал самому себе. Его безжалостно схватила и властно держала за глотку тайная разведка короля Фридриха.

— Это просто замечательно, — сказал король, нервно потирая руки, — что Тотлебен такой грязный, подлый и поганый… Нам повезло: с ним не придется долго возиться!

Внимательно выслушал король доклады секретной службы.

— Имение Шольп и мызу Луппо в Померании,

а также гершафт Милич в Нижней Саксонии, — велел король, — немедленно секвестировать в мою пользу. Банковские счета Тотлебена арестовать, чтобы для начала он поизвивался в корчах жадности.

Ему доложили, что сын Тотлебена, мальчик тринадцати лет, состоит ныне в кадетах берлинского корпуса.

— Отлично, — рассудил король. — Этого сопляка заверните в мундир рядового солдата, дайте хорошего пинка под зад, чтобы не ревел, и отправьте на войну. Тотлебен немедленно должен узнать и об этом... Кто в Пруссии его доверенное лицо?

— Еврей Гиршель, служащий имений Тотлебена.

— Пусть Гиршель срочно сообщит Тотлебену в Россию о несчастиях, посыпавшихся на его голову... Сковородка должна быть постоянно на огне, чтобы Тотлебен жарился и пекся!

Из Бреславля король вызвал Исаака Саббатку — своего давнего и опытного шпиона, которому всегда доверял.

— Здравствуй, мой старый приятель, — приветствовал его Фридрих. — Как здоровье твоей жены? Веселы ли детишки?

Саббатка с чувством поцеловал жилистую

длань короля.

— Вы так добры, ваше величество… — прослезился старый еврей.

— Будет тебе плакать… Садись, старина. Потолкуем… Саббатка, под видом торговца яйцами, с корзиной под локтем, проделал весь путь пешком. Кордоны для маркитантов, как и для проституток, тогда не существовали… Тотлебен при свидании с Саббаткой сразу понял, что только король спасет его, вернет ему имения, избавит сына от смерти в бою, — для этого надо быть благоразумным.

— Я, — сказал ему Саббатка, — буду вашим почтальоном. Верьте: письма ваши не пропадут. Их адрес — в руки короля! Подписывать же свои письма к королю вы должны только так…

И он показал Тотлебену клочок бумажки с цифрами:

1284.

— Что мне сообщить королю, помимо слов благодарности?

— Он шлет вам в подарок вот это святое яичко… Саббатка удалился, оставив на столе генерала яйцо. Оно было легким. Сбоку его отверстие залеплено воском. Тотлебен раздавил скорлупу в кулаке. Внутри была записка

— полный перечень вопросов об армии Российской империи…

Скоро Фридрих получил первое, очень важное донесение о военных планах русской армии. Тотлебен подписывался так:

«…верный раб, хотя и весьма болен горячкою, однако не престанет до последнего своего издыхания принципалу служить и оказывать до гроба, что вам наивернейший — 1284».

***

Мария Терезия решила наградить своего главнокомандующего Дауна медалью, на которой были отчеканены слова: «Gunctando vmcere perge» («Продолжай побеждать медлительностью»). Вот уж кто действительно умел не рисковать, так это австрийцы! Фридрих иногда весь в поту гонялся за этим Дауном, как гончая за зайцем, а тот стрелял по кустам такими сложными фортелями, что никак было не взять его на мушку.

Однажды Фридрих, чтобы заставить Дауна воевать, пошел на страшный, неоправданный риск. Он выбрал для своей армии препротивную позицию. Он предоставил Дауну наипрекраснейшую позицию. Просто — приходи и убивай короля!

— Вот, — сказал король, — уж если и здесь этот

слюнтяй нас не атакует, тогда его надо повесить.

— Ваше величество, — отвечал Зейдлиц, опечаленный, — Даун скорее пойдет на виселицу, нежели на нас…

А сейчас — после Цорндорфа — дела у Фридриха были плохи. Он старался не рисковать. Даже Дауна побаивался. Прусская армия уже не была той армией, с которой он вступил когда-то в Дрезден. Хотя Фридрих и называл солдат «дети мои!», хотя солдаты в добрую минуту обращались к нему по имени — «Фриц!», но такие прекрасные отношения продолжались, только пока армия Пруссии побеждала, пока она грабила и наживалась.

Когда же встряхнули Пруссию неудачи, все сразу переменилось. Теперь на растагах (дневках) «детей моих» держали в оцеплении, словно каторжных; за первой линией шла в атаку вторая, подгоняя первую, а за второй шла третья, следя за двумя первыми, чтобы «дети мои» не разбежались. А дезертировали они тысячами.

— Почему римляне не ведали дезертирства? — говорил король. — Потому что они сражались за свой очаг, за свои идеалы. У моих же солдат нет ни очага, ни, тем более, идеалов. Для них очагом служит казарма, а катехизис заменяет все идеалы.

Далее он очень трезво и логично развивал свою мысль:

«Война есть кровавая тяжба властелинов, и нации она не должна касаться… Несмотря на то, что горожане и крестьяне содержат войско, сами они не идут на поле битвы, и солдаты должны быть набираемы лишь из подонков общества, и только при помощи жестокого насилия их можно удержать в строю!»

Но и подонков для пополнения армии Фридриха теперь не хватало. Беря пленных, король включал их в состав своей армии. Ни вера пленных, ни патриотизм их, ни национальность короля не интересовали.

— Попался мне — служи мне! — говорил он. Поражение при Цорндорфе ожесточило Фридриха. Никогда этот человек не был жалостлив к людям, но теперь он озверел. У него были в Европе города любимые и нелюбимые. Любимые он еще не палил дотла. Но вот Мекленбург, к которому Фридрих питал особую ненависть, король разорил вконец.

— Мы уходим из Мекленбурга, — сказал он. — Истребите все, что поддается истреблению…

Когда ему доложили, что приказ исполнен, король ответил:

— Нет. Не все! Мы забыли вспороть подушки… Он покидал несчастный город, все улицы и крыши которого были как в снегу. Долго кружился над Мекленбургом пух из перин, долго порхали перья из подушек… Саксонию король просто растерзал на нужды своей армии. Забрал всех мужин, вырубил все леса и продал их, вырезал весь скот, урожаи ссыпал в свои магазины.

Скоро король прослышал о назначении Салтыкова командующим.

— Я такого не знаю, — ответил король, напрягая память. — Но я знаю русских солдат — это прекрасные командующие сами над собой… Что делать? Кажется, год будет очень тяжелым…

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...

За последние полгода, что прошли для графа Шверина в русском плену, поручик Григорий Орлов успел споить его до такой степени, что, казалось, поднеси свечку к носу графа — и граф вспыхнет, сгорая на огне алкоголя!

Весной 1759 года Гришка Орлов вывез Шверина из Пруссии на берега невской столицы, где пленный адъютант Фридриха сделался собутыльником великого князя в Ораниенбауме.

— Если бы я был на престоле, — говорил ему Петр, — вы бы никогда не стали моим пленным... Пейте, граф! — И целовал немца, тыча в лицо Шверину перстенек с портретом Фридриха:

— Вот истинно великий человек. Я проклинаю, заодно с вами, храбрость русских янычар!

В кровавой схватке при Цорндорфе Григорий Орлов получил три жестокие раны, но поля боя не покинул. Дрался, как лев. Могуче и яростно. Смерть была бы для него спасением от кредиторов.

Отчаянная смелость поручика дошла до Петербурга, а любовные успехи сделали его неотра-

зимым для женщин. Екатерина увидела Орлова впервые из окна — совсем случайно.

Улыбка невольно тронула ее губы, а он взял да и подмигнул ей: мол, знай наших!

Екатерина сразу оценила его красоту, резкую и вызывающую. Конечно, Орлов лучше Сережи Салтыкова и даже Понятовского.

Екатерину всегда привлекал дух гвардейской казармы, шумной, неистовой и пьяной. Именно оттуда выходили по ночам эдакие молодчики, чтобы кого-то свергнуть, кого-то возвести и все, полученное в награду, тут же бесшабашно прогулять. И она с удовольствием узнала, что Григорий в гвардии любим и уважаем товарищами.

— Паскуда он! — орал Гришка под пьяную руку о Петре. — Мы там кровь за честь русскую проливали, а он, мизерабль голштинский, еще смеет проклинать нашу храбрость? Товарыщи-гвардия, почто недоумок сей нас янычарами обзывает?..

О! Это было как раз то, что Екатерине требовалось сейчас. Она, как немка, должна опираться именно на русскую силу, чтобы ей простили ее ангальт-цербстское происхождение. Англичане снова дали Екатерине денег, и первым делом она тайком расплатилась за долги Орлова. Между тем британский посол Кейт, маскируясь под алкого-

лика, всецело покорил ее мужа, даже не заметив, что тем самым потерял дружбу Екатерины, — это очень большой просчет дипломата!

Чем же занимались два приятеля, помимо того, что пили? Петр переводил Кейту реляции из русской армии, выдавал секреты Конференции, а посол чаще обычного гнал курьеров в Лондон, которые — понятно! — дальше Берлина не ехали. Канцлер же Воронцов был трус и не тревожил это змеиное гнездо, боясь навлечь на себя гнев великого князя по смерти Елизаветы Петровны.

Предел шпионству положила сама же императрица.

— А чего это урод мой на Конференции посиживает?.. Отныне, — велела,

— племяннику моему ни в сенате, ни в советах Конференции не бывать. Он — вор!..

В утешение Фридрих наградил своего конфидента: Петр Федорович тайно получил патент на чин полковника прусской армии и был счастлив безмерно — скакал на одной ноге, гонял собак по комнатам, ботфортом громил на полу легионы оловянных солдатиков.

— Ура! Я мечтал о чине поручика, а стал полковником!.. Не дорого оценил Фридрих своего друга, если чин полковника он дал и безграмотному

тобольскому раскольнику Зубареву.

***

Де Еон закончил новую книгу «Налоги в древности и во Франции», которая и вышла в Париже, вызвав шумные похвалы. Писал он при свечах, по ночам, не щадя глаз. Насмешки, которым он подвергался здесь, в Петербурге, за свою нравственность, сделали его отчасти замкнутым. Из женщин он дружил лишь с толстощекой резвушкой Катенькой Воронцовой, дружил пламенно и платонически, — до тех пор, пока она не вышла замуж за князя Дашкова, тупого и красивого гиганта.

Сейчас де Еон погрузился в русскую историю. Европа совсем не знала России: каждый, побывав два дня в Петербурге, мог потом врать что угодно,

— все равно поверят. Оттого-то и бегали волки по улицам Москвы, оттого-то и питались русские солдаты мясом своих павших товарищей… Много было тогда небылиц!

Заслуга кавалера де Еона в том, что он захотел поведать о России, исходя из правдивых источников. Из-под его пера появилось несколько статей, которые позже он и напечатал: «История

Евдокии Лопухиной», «Указ Петра Великого о монашествующих», «Очерк торговли персидским шелком» — и другие. По тем временам это были серьезные исследования о России, и статьи де Еона впоследствии переводились и переиздавались неоднократно…

Однажды маркиз Лопиталь вытащил «прекрасную де Бомон» в театр. Зал был битком набит придворными. Нельзя сказать, что все они были страстными театралами; иные, экономические, причины настоятельно призывали вельмож в театр. Ибо — по указу Елизаветы — за непосещение театра без уважительного повода платился штраф в 50 рублей. Так обстояло дело с высоким искусством. С религией было иначе: за отсутствие в церкви придворные сажались на цепь. Статские советники — на золотую, коллежские советники — на серебряную, а сенатская мелюзга — на цепь обычную.

Грянула музыка. Началось игральное действо под названием «Радость русского народа при появлении его Астреи». Сама же «Астрея» (с громадным флюсом во всю щеку) сидела в ложе, которая помещалась как раз напротив ложи французского посольства. Рядом с императрицей появился Воронцов, и маркиз с де Еоном уже не

смотрели на сцену, — их занимала только царская ложа.

— Уверяю, — шепнул Лопиталь, — они говорят о нас… О, я бы дорого дал, чтобы подслушать их беседу!

— Я догадываюсь, о чем они рассуждают. Их взволновал проект Версаля, чтобы Россия дала Франции армию для завоевания Англии со стороны моря… Вам, маркиз, предстоит свидание в казенном доме; учтите — козыри в руках русских!

— Король сам просил Елизавету об этом.

— Елизавета тоже сама просила короля о многом…

***

Воронцов вызвал посла Франции к себе:

— Мы прочитали ваш проект и вполне согласны с гением Вольтера, который назвал его сказкой из «Тысячи и одной ночи»… Начнем с того, маркиз, что ни Штеттин, ни Одер, откуда вы предлагаете России отправиться для завоевания Англии, России не принадлежат. Что же касается наших войск, которые его величество король Франции просит выделить для него…

— Да, да! Вы, надеюсь, успели доложить импе-

ратрице?

— Успел. Вот она и спрашивает: где это Версаль усмотрел наши свободные от дела войска? Российская армия бьется на громадных просторах — от Померании до Силезии! И, наконец, императрица препоручила мне задать вам, господин посол, один вопрос…

— Посол короля ответит за короля! — напыжился Лопиталь.

Воронцов усмехнулся:

— Боюсь, что не ответите.

— Отвечу!

— Тогда отвечайте: с каких это пор в Париже стали думать, что Россия находится в состоянии войны с Англией?..

Посол короля ничего не мог ответить за короля. Россия дала понять Франции, что вмешиваться в колониальную войну между французами и англичанами она не станет (у России в этой войне свои интересы).

Людовик был неприятно удивлен. У него уже все было готово для завоевания Англии: в Гавре и Дюнкерке стоял громадный флот для высадки десантов на Британские острова. Англичане же — люди опытные — не стали ждать хорошей погоды и вдребезги разнесли все эскадры Людовика, так

и не отплывшие от берегов Франции. Но мысль о завоевании Англии не оставляла Людовика, и де Еону еще предстоит немало потрудиться над этими королевскими химерами. Но об этом мы расскажем позже, а сейчас вернемся к извечной теме любви.

***

Поздно вечером с куртага возвращалась к себе великая княгиня. С вечера шел дождик, теплый и приятный, в воздухе парило (к грибам, к ягодам, к грозам), а за деревней Тярлевой карета Екатерины, дребезжа стеклами в рамах, застряла в колдобинах. Четверик лошадей, пластаясь брюхами над лужами, никак не мог вырвать колеса из баламутной слякоти.

— Настегни еще! — крикнула Екатерина кучерам… -. И вдруг какая-то сила подняла карету на воздух, аккуратно переставив ее на сухое место. Екатерина глянула в заднее слюдяное оконце: Григорий Орлов, вытирая руки, запачканные о дышло, подмигнул ей — как и в тот, первый раз. Лошади радостно взяли рысистым наметом, а Орлов резво вскочил на запятки.

Всю дорогу шла перестрелка глазами через муть оконца. Посмотрят друг на друга и — смеют-

ся... Так и ехали! Но возле самого дворца Орлов будто сквозь землю провалился, и Екатерине вдруг стало грустно. Ей даже подумалось, что врут люди, воспевая безумную храбрость Орлова, — сейчас-то он чего испугался?.. Встречи с мужем ее? Или голштинских караулов?.. Она прошла к себе. Камер-фрау Шаргородская принесла свечи, взбила подушки на постели великой княгини.

— Идите, милая, идите! — И Екатерина отстегнула пояс...

Окно открылось; перекинув ногу через подоконник, в комнаты упруго и неслышно соскочил Орлов. За его спиной шумела чистая, обмытая дождями листва. Оба молчали. Екатерина собралась с духом. Открыла комод, на дне которого муж ее устроил потайной склад бутылок. Плеснула вина: себе — на донышко, а Орлову — полную чашку.

— Виват, гвардия! — рассмеялась она, счастливая безмерно...

Начинался новый ее роман — самый решительный в жизни этой женщины. Однако не надо думать, что он зиждился исключительно на любви. Это неверно; роман был политический, — именно Орлов, неустрашимый русак с громадными связями по гвардии, и должен был подсадить ее на престол России.

Под этот роман Гришка Орлов кредитовал себя теперь направо и налево. Все давали: от лакея в царской конюшне до графа Сен-Жермена, который скоро появился в Петербурге, как всегда таинственный. Читатель помнит «Пиковую даму» Пушкина? «Тройка, семерка, туз…» Вот этот самый Сен-Жермен и стал другом Орлова. Историки до сих пор спорят: чей шпион был Сен-Жермен — версальский или берлинский?

Если задуматься, то какое странное было время! Где-то клокотали страсти, творили Сумароков и Ломоносов, Петербург отстраивался, хорошея, первые ученики Академии художеств с робостью присели за чистые мольберты, медные губы Сен-Жермена пророчили загадочно, а Петербург расцветал в огнях праздничных салютов:

Виват, Россия! Виват, драгая!

Виват, надежда! Виват, благая!

Победы русского оружия украшали Россию… А лето в этом году было знойное. И очень рано поспела в Петергофе клубника. В оранжереях вельмож, в Мартышкине и под Стрельной, отлично вызревали померанцы и ананасы.

ПАЛЬЦИГ

В разгар лета 1759 года Петр Семенович Салтыков двинул свою армию в поход из Познани, имея три задачи: соединиться с австрийцами, испортить немцам канал у Франкфурта и попытаться совершить набег на Берлин. Конференция связала крылья генерал-аншефу приказом строжайшим, чтобы он следовал советам венского маршала Дауна (побеждавшего медлительностью). Петр Семенович имел свои взгляды на кампанию, желая — как он сам говорил — «баталю дать». Эта «баталя» предназначалась им лично королю прусскому!

Против армии Салтыкова король поначалу выставил армию графа Христофора Дона, очень опытного полководца, сообщив ему:

— Я здесь, в Богемии, превратился в цепного пса и сторожу каждое движение прохвоста Дауна. Увы, счастие разбить русские колонны передаю вам, Дона! Старайтесь излупить их на марше…

Салтыков сразу оказался в трудном положении:

— Даун-то не идет к нам.

Штабные люди предложили ему самому выйти навстречу Дауну.

— Не могу, — отвечал Салтыков. — Тогда мы откроем для Фридриха земли Восточной Пруссии, нами завоеванной. Хуже того: король тут же отсечет нас от Познани и магазинов…

Скорым маршем русская армия настигла эшелоны Дона. Кавалерия Салтыкова рассекала дороги, наскоком врывалась в прусские города. Это был ряд мелких, частых болезненных ударов. Прекрасная подвижная армия Дона, закаленная в битвах за Померанию, была растеряна. Салтыков, как опытный фехтовальщик, окружил ее сеткой уколов. Не выдержав, армия Дона побежала. Фридрих в отчаянии заломил руки:

— Эти напудренные чурбаны бегут? Дона, Дона, Дона.., и он — бежит? Бездарность! Кретин!.. Зовите Веделя!

Ведель, мальчишка среди седых ветеранов Пруссии, был любимцем короля. Ведель никогда не думал. Ведель лишь точно исполнял приказы. Ведель был непобедим. Веделю король всегда верил. Ведель сейчас предстал перед ним…

— Ведель, — потухшим голосом сказал ему король, — ты слышал про этого негодяя Дона?.. Салтыков уже вошел в земли Бранденбурга. Ты

знаешь, славный Ведель: если у меня где-либо потекло, то скважину я затыкаю тобой! Сейчас у меня сносит плотины… Ведель, я не могу сделать тебя, молокососа, своим маршалом… Но я даю тебе права римского диктатора! Отныне твои приказы имеют силу моих приказов. Делай что хочешь, но Салтыков не должен соединиться с австрийцами… Ты меня понял, мальчик?

Ведель был уже на коне.

— Стой! — задержал его король. — Я забыл сказать тебе самое главное. Не вздумай прекратить сражение. Когда потухнет солнце и пушки расплавятся от огня, ты все равно должен продолжать битву.

— До каких пор, ваше величество? — спросил Ведель из седла.

— До тех пор, пока все русские не будут изрублены в куски! Но и тогда битва еще не кончена. Брось эти куски в Одер, и только потом ты, мой Ведель, станешь велик, как Македонский…

Салтыков уже занял Цюлихау — твердо стоял под Франкфуртом.

Ведель шел все время на рысях, — конница Тотлебена не задержала его: Ведель одним ударом выбил Тотлебена из города Цюлихау. Салтыков в ярости вскочил на коня — помчался впереди

казаков на разведку. Старый генерал-аншеф, в ответ на уговоры поберечься, говорил так:

— Король прусский не пужлнвый, все своими глазами глядит. Нешто же мне, российскому воину, отставать от короля?..

Он решил дать сражение пруссакам, не дожидаясь подкреплений и подхода австрийской армии.

— Петр Семенович, — удерживал его Фермер, — как бы нас не разбили тут. От Познани мы далеко, а Фридрих-то рядышком, и помощи от Дауна ждать не след!

Салтыков скатал карты, бросил их на стол:

— Война есть упражнение воинское в чести, в риске и в бесстрашии. Кто рискует — тот выигрывает... У короля прусского многому поучиться можно: человек бессовестный, зато рискованный!

— Петр Семенович, но у Веделя кавалерии больше нашей.

— Зато у него нет такой артиллерии, какова наша.

— Кавалерия прусская намного лучше нашей; она сомнет нас!

— Это кто так сказал? Сие проверить еще надобно... 12 июля Салтыков дал Веделю бой. Возле

деревушки Пальциг состоялось единоборство в силах. Пруссаки первыми открыли огонь из пушек. Русские несли большие потери, но с позиций не отошли. Когда канонада утихла, Салтыков приказал:

— Всех убитых быстро заместить из резерва!

Полки встали опять, сверкая оружием.

Через узкие дефиле Ведель бросил свои войска в атаку — их отбили. Легко отбили, словно играючись. Ведель послал войска снова вперед — опять дали по зубам. Далее Ведель осатанел от упорства русских и стал швырять свои батальоны, как в мясорубку: туда они уходили, но обратно уже не возвращались.

Салтыков резко опустил трубу, оперся на трость.

— Я думал, он умный, — сказал про Веделя, — а он дураком оказался. Таких сопляков бить — даже удовольствия не испытать!

— Не грозитесь, — нахмурился Фермер. — Ведель имеет на руках еще одну карту: прекрасную прусскую конницу.

— Ваш тезис, — ответил генерал-аншеф, — я не утверждаю… Чугуевцев славных пустить в дело! — велел Салтыков.

Чугуевский казачий полк (половина его —

калмыки) ударил во фронт пруссаков. А следом пошла в атаку регулярная кавалерия. Салтыков напутствовал ее в бой такими словами:

— Робяты! — сказал он. — Карабины за плечом держи. Не надо стрельбой отвлекаться… Ты до злыдня доскаки и руби вмах!

Сражение под Пальцигом стало кровавым праздником русского холодного оружия, — именно здесь проявились молодечество и бесшабашная удаль русской конницы.

Ни единого выстрела.

Только ржанье коней. Только свист сабель.

— Руби их в песи! Круши в хузары!

Ведель потерял мужество: у него погибли уже два генерала. К восьми часам вечера все было закончено вчистую, и Салтыкова стали поздравлять со славной викторией.

— Бросьте! — отвечал старик сердито. — Ежели по дружбе хвалите меня — глупо, ежели по лести — негоже… Что мне Ведель этот? Мне прусский король надобен… А сейчас, времени не тратя даром, зарывайте мертвых. Покойникам всем ведите счет подробный. Трофеи сносите в вагенбург.

Победители тут же, на поле битвы, стали копать широкие могилы. Прусских мертвецов было

зарыто в этот день 4220 человек, своих же русские закопали 900 человек. Четыре знамени и три штандарта, захваченные у Веделя, бросили в шатер к Салтыкову.

Воздев на нос очки, старик (в нижней сорочке, держа в тазу с водой воспаленные за день ноги) уже писал донесение в Конференцию. Впервые за эти годы она получала такой отчет. В нем Салтыков особливо подчеркивал человечность русского рядового воина. Если под Цорндорфом пруссаки раненых пленных живьем зарывали в землю, то здесь, под Пальцигом, -

«многие наши раненые прусских раненых на себе из опасности боя выносили; солдаты наши своим хлебом и водою, в коей сами великую нужду тогда имели, их снабжали…»

Пальциг — первая в Семилетней войне битва русских с пруссаками, когда баталию выиграли не только силой и упорством рядовых, — нет, теперь у армии был командующий! И войска постоянно ощущали его железную волю, на себе чуяли биение его мысли. Безобразно показала себя лишь конница Тотлебена: Ведель легко выбил ее из Цюлихау, она не завершила разгрома отступающих войск Веделя после битвы…

Фридрих ждал от Веделя курьера с известием,

что «куски брошены в Одер». Спокойно он взломал печати на пакете… И разом мир потемнел в его глазах. Началось бешенство:

— Найдите мне самую грязную и зловонную лужу в Европе, чтобы я мог выполоскать в ней этого Веделя! Я дал ему то, чем сам не обладаю: права римского диктатора!

Это выше бога… Я послал этого негодяя спасти Берлин. А теперь мне надо бросать войну с Дауном, проститься с Богемией и Саксонией, чтобы спасать самому уже и Берлин и этого сукина сына, который оказался полным дураком при Пальциге…

Вечером он письмом вызвал к армии своего брата Генриха. «Мы давно уже нищие, — писал ему король, — у нас все отнято, у нас ничего не осталось, кроме чести…» Де Катту король сказал:

— Готовьте реляцию в Берлин о Пальцигском сражении, как о сражении не вполне выигранном нами. Не забудьте упомянуть, что Ведель отступил с большим достоинством!

— Каковы проставить потери? — спросил его де Катт.

— Наши потери — 1400 человек… Умножьте эту цифру на десять, и это будут потери русские — 14 тысяч человек…

Армия Салтыкова уже открыла дорогу на Берлин.

***

«Жалкий цыпленок», как звали за глаза Салтыкова, был рожден для войны. Армия раньше его совсем не знала, зато он всегда знал и любил армию. Петр Семенович понимал солдата (хотя солдат не всегда понимал его). Генерал-аншеф не гнушался есть кашу из общего котла, среди ночи вставал, чтобы проверить аванпосты. Был не суетлив и хладнокровен. Он не боялся на ходу перестраивать свои планы. Он быстро подчинялся обстановке, чтобы затем подчинить обстановку своей воле.

Желая сразу же закрепить победу под Пальцигом, пока Ведель не очухался от поражения, Салтыков приказал быстро захватить Франкфурт-на-Одере, и тут к нему прибыл, в окружении блестящей свиты, австрийский маршал Евгений Лаудон.

— Каковы ваши цели в эту кампанию? — спросил он Салтыкова.

— Берлин! — кратко отвечал генерал-аншеф.

— Сначала вы должны помочь нашей армии.

— Нет! — отрезал Салтыков. — Вы бы лучше

нам помогли.

Лаудон поднял палец с громадным сапфиром в перстне:

— Вы забыли, что против Дауна стоит сам король!

— Вот именно, что стоит… Король стоит и смотрит на Дауна, а Даун стоит и смотрит на короля. В гляделки, что ли, играют — кто смигнет первым?

Лаудон категорически потребовал для своих нужд корпус в 30 тысяч русских солдат.

— Вы еще очень скромны, маршал, — съязвил Салтыков, — что кобылу из-под меня не выдергиваете. Дай я вам тридцать тысяч, тогда мне в лазарет лечь надобно… А зачем вам столько людей?

— Мы возьмем Франкфурт, — гордо посулил Лаудон.

— И для этого просите от меня тридцать тысяч солдат?

— Да!

— Франкфурт уже взяли мои пятьсот человек.

— Я вам не верю! — вспыхнул Лаудон.

Петр Семенович заложил два пальца в беззубый рот — свистнул. Моментально явился юный адъютант, что-то дожевывая:

— Звали, батюшка?

— Ключи сюда! — велел генерал-аншеф. Лаудону были предъявлены ключи от Франкфурта-на-Одере.

— Отправляйте их в Петербург, — наказал Петр Семенович, захлопывая ящик. — А вас, маршал, прошу отобедать со мной…

После обеда Лаудон мечтательно сказал:

— Теперь же, генерал, когда Франкфурт взят вами, позвольте мне получить с вас миллион талеров.

— А это еще за что?

— За Франкфурт, конечно! Вена уже рассчитала, что с этого города можно содрать два миллиона; вот и получается, что один миллион — вам, а другой — нам.

— Контрибуций не брали, сударь!

— А также, — клянчил Лаудон, — нам нужно продовольствие.

— Не дам! — ответил Салтыков. — Ныне спешно форсируйте Одер и соединяйтесь своими войсками с моими.

— Не имею на то приказа от Дауна.

— Простите, но.., какой же приказ вы имеете от Дауна? Лаудон отчеканил:

— Чтобы ваша армия соединилась с моим корпусом и шла на подмогу Дауну; тогда Вена берет

на себя и снабжение войск ваших.

Оба замолчали. Лаудон с интересом рассматривал Салтыкова; директивами Петербургской Конференции генерал-аншеф был подчинен маршалу Дауну, и Лаудону было любопытно, как сейчас поведет себя Салтыков. Исполнит он приказ Петербурга или нет?

Салтыков пальцами снял нагар со свечек, заявил твердо:

— Ради соединения с Дауном я отступать не стану. Ежели я Дауну нужен, пусть бросает Силезию и спешит сюда, в центр земель германских, где и решится кровопролитная тяжба народов.

— Вена, — заметил на это Лаудон, — отлично знакома с указами вашей Конференции... Вы разве не собираетесь их исполнять?

— Но я здесь, на месте, лучше Конференции все знаю! Лаудон в смещении потоптался на месте:

— Кому нам жаловаться.., на вас?

— Вот Конференции и жалуйтесь.

Салтыков повидался с генерал-поручиком Румянцевым:

— Хотел я, Петруша, тебя на Берлин отправить, да спя экспедиция, кажись, лопнула... Даун-то ведь не пришел к нам! Прислал своего попрошайку Лаудона, вот с ним и воюй.

— Может, — предложил Румянцев, — пока Фридрих далече, я и успею на Берлин конницей сбегать… Туда и обратно галопом!

— Нет. Уже поздно. Фридрих силы собирает. Скоро король персонально сюда к нам заявится…

Узнав, что Франкфурт взят, австрийцы валом повалили туда, в надежде разграбить богатый коммерческий город. Но на форштадтах уперлись в русские штыки, — дальше ворот их не пускали. На пегой кобыле выехал навстречу союзникам русский генерал Александр Никитич Вильбоа и вынул из ножен ловкую шпагу:

— Назад! Зарублю любого… Грабить-то вы мастера, а вот воевать не умеете…

Теперь и Даун, в отместку Салтыкову, нарушил венские директивы: он не поднял свою армию по тревоге и не пошел к русским навстречу, чтобы совместными усилиями разбить Фридриха одним согласным ударом. Русские остались под стенами Франкфурта, вдали от баз и магазинов, один на один со всей прусской армией.

Даун рассудил — трезво и подло:

Если сейчас Фридрих победит, мы окажемся в большой выгоде. Русские бьются беспощадно, и даже в поражении своем они сумеют нанести Фридриху неслыханные потери… Эти потери для

Пруссии будут невосполнимы, Фридрих сразу же ослабеет. А тогда мы, умные австрийцы, полностью сохранив свои силы, сокрушим Фридриха до конца. И после войны, как непобежденные, мы сможем смело предъявить миру свои претензии… Русским же, как побежденным, будет не до претензий… Итак, все ясно. Моя армия с места не стронется более, пока поединок Фридриха с Салтыковым не разрешится ударами мечей!

…Когда жена Дауна появилась в театре, в ложу к ней (прямо на колени) кто-то из партера бросил дохлую кошку. Кошка была, повторяю, дохлая, тощая, ободранная, и маршальша закатила истерику. Представление театральное сорвалось!

***

Он презирал медлительных людей. Он был скор. И на руку, и на ногу. Мысль же его была — как росчерк молнии на черном небосводе. Мысли ослепляли его. Он спешил.

Даже сейчас Фридрих находил время работать над книгой о походах Карла XII на Россию; эту книгу в разгар боев король опубликовал в двенадцати экземплярах (для истории — не для читателя!).

Чего другого, а энергии у короля было хоть

отбавляй. Иногда близкий к отчаянию, не расставаясь с дозой сильного яда, составляя одно завещание за другим, Фридрих порою словно молодел, свято веря в чудо. Чудеса он придумывал сам. Всю жизнь этот король воспитывал в пруссаках рабский педантизм. Карл XII, шумный и визгливый король Швеции, совсем не был похож на своих подданных — тугодумных и уравновешенных. Фридрих II не походил на немцев, которых властно подчинил своей воле.

Сейчас король шагал, осиянный верой в чудо.

— Идите за мной, — говорил он солдатам, — чудо спасет нас!

Солдат падал в траву, — король склонялся над ним:

— Вставай, приятель! Не время валяться... Трубы славы поют над нами... Уже завтра я обещаю тебе настоящее чудо!

Он едва поверил в падение Франкфурта:

— Невероятно! А где же были мои кордонные отряды?

— Король, их изрубили еще под Цюлихау... Сейчас — по мнению Фридриха

— его могло спасти только решительное поражение русской армии. Призрак Цорндорфской битвы еще витал над его головой, и король-: Сде-

лался осторожным. Бить только наверняка! Но сильно бить… Чтобы русские не поднялись!

— Напишите на наших штандартах, — велел король, — что на этот раз битва произойдет не ради славы, а pro aris et focis… Мы сражаемся отныне «за святилища и очаги» нашего Берлина!

Рядом с королем скакал неустрашимый Зейдлиц. Дни стояли раскаленные, солнце плавилось в зените, а ночи были страшные, удушливые. Вовсю полыхали над Европой зарницы, хлеба сгорали на корню, вытоптанные толчеей давно враждующих армий… По дороге Фридрих безжалостно разбивал австрийцев, пленял их тысячными толпами, захватывал богатые вагенбурги, грабил идущие обозы. Шесть ночей он не закрывал глаз, и эти глаза светились сухим огнем фанатика, верящего отныне не столько в себя, сколько в то чудо, которое он обязан свершить…

Умный человек, король понимал всю опасность будущей битвы.

— Я ничего так не боюсь, — признался он, — как русской артиллерии. Шуваловские гаубицы — это порождение дьявола. Русские медведи не французские комары, а единороги Салтыкова стоят во сто крат больше, нежели все пушки армий Контада и Дауна.

В это время под Франкфуртом создалось весьма странное положение. Совсем невдалеке от лагеря Салтыкова собрались две громадные армии — армия Пруссии и армия Австрии; первая шла, чтобы разбить Салтыкова, но вторая не шла к Салтыкову, чтобы выручать его от ударов Фридриха.

— Будем рассчитывать на себя, — утешился Петр Семенович…

48 тысяч штыков в руках потсдамских ветеранов король уже развернул на армию России. Глубокой ночью его войска начали переправу через Одер ниже Франкфурта, где — на медных понтонах, где — просто вброд, по шею в воде… Фридрих успокоился, когда вся его армада оказалась на другом берегу. Дело теперь за ним.

— Дорогу королю! — закричали адъютанты. В свете коптящих факелов, кося кровавым глазом на черную воду Одера, конь Фридриха ступил на понтоны и — шпоры в бок! — вынес короля на обрывистый берег.

— Вот теперь, — сказал король, глубоко дыша, — мы уже наполовину победили. Мы появились там, где нас не ждали.

Для него развели костер под густым покровом тревожной ночи. Фридрих бросил на землю свой плащ, не раз простреленный в боях, устало лег на

него, велел собрать у костра генералов.

— Мои друзья, — сказал он им, — я не уважаю своих придворных: все они лишь декорация, на фоне которой мне, королю, удобнее играть королевскую роль. Но вас, генералов, я высоко чту: вы куете будущее непобедимой Пруссии… Может, вы сядете?

Они расселись перед ним на траве, кавалеристы широко раскинули свои белоснежные пелерины, словно покойницкие саваны.

— Конечно, — сказал король, куснув травинку, — вам нелегко дались эти походы. Но вы не можете пожаловаться, что вам скучно служить со мной… Сейчас я снова стану вас веселить. Вы уже поняли, надеюсь, отчего я привел вас сюда… В самом деле, — вздохнул он, — мне было бы приятнее сидеть сейчас в Сан-Суси и играть на флейте. Но — увы! — я здесь, на голой земле, я не ел с утра, я не спал шесть ночей…

Потом, поднявшись с плаща, Фридрих закончил:

— Переправой через Одер мы открыли дорогу к успеху. Теперь следует запутать Салтыкова… Вам приходилось наблюдать за жизнью муравейника? Ах, как они деятельны! Все куда-то бегут, спешат, что-то тащат, сталкиваются, снова раз-

бегаются… Вот пусть же и наши войска в канун битвы ведут себя, как эти муравьи; Салтыков должен растеряться от их живости. И не поймет, откуда мы нанесем ему удар…

…Костер медленно угасал. На разодранном плаще, устало раскрыв впалый, словно у мертвеца, безгубый рот, спал король Прусский и курфюрст Бранденбургский.

Над ним рушились звезды. Была как раз страдная пора. Но хлеба Европы погибнут в этом году… По берегу Одера еще долго бродил Зейдлиц, и порывы ветра раздували его белый покров.

Как саван, как саван, как саван… О чем думал он?

Медленно и величаво катил свои воды Одер.., куда?

***

До русского лагеря дошла весть, что король уже рядом, его три колонны, как три бивня, нацелены в грудь русской армии. Лаудон не мог скрыть своего удовольствия.

— Вот, — сказал он Салтыкову, затаенно улыбаясь, — вы еще не сталкивались с ним основательно. Король — это не мальчишка Ведель; он уже обошел вас… Что скажете теперь, генерал-

аншеф?

Салтыков ответил Лаудону:

— Я думаю, что не врут люди, воинский гений Фридриха восхваляя. И впрямь — отличный полководец! У меня зазнайства перед королем нету. Но почту за счастие великое для персоны своей скромной сразиться лично с королем Пруссии!

Салтыков, и без того мало любимый, вызвал всеобщую солдатскую ярость распоряжением рыть шанцы. Копать землю — кому это приятно? Возле селения Кунерсдорф, на виду у города Франкфурта, генерал-аншеф деловито выбрал для армии отличную позицию.

— Копай, ребятушки, копай, — говорил он солдатам. — Да языка не погань словом матерным. Не подобает православным христианам матерны лаяти, понеже матерь наша — земля! В нее же и возвращаемся, и тьму смертную, яко отдых, навечно приемлем…

Фридрих — через шпионов — внимательно следил за работою Салтыкова. Узнал, что русские основательно укрепляют фронт, и решил ударить на них с тыла. Но Петр Семенович — не дурак; он подождал, пока укрепят его солдаты позиции, затем сказал:

— А ну-кась, развернем теперича лагерь… Ко-

пай, соколики, с другой сторонки!

— Пруссак старый, — неслось ему в спину из окопов. — Нацепил косицу и ходит тут… Курдюк с квашеным поносом!

Но Салтыков мнению армии не уступил. Лаской, угрозой, плетями, но приказ заставил исполнить. Глубокий ретраншемент пролег через весь фронт, объединяя фланги армии. Тыл русского войска был укреплен так же прочно, как и фронт его. Покончив с этим, Петр Семенович забрался в прохладу палатки, где его навестил Лаудон:

— Мой штаб закончил подсчет. Наши силы превышают силы прусского короля на двенадцать тысяч человек.

— А король прусский, — отвечал Салтыков, — прав: надобно не числом побеждать, а умением! Коли на одного молодца двадцать сопляков навалятся и побьют молодца — это еще не успех.

— Генерал-аншеф, вы часто ссылаетесь в мнении своем на Фридриха, врага нашего… Уж не влюблены ли вы в него?

— Изверга такого в конфидентах своих не держу. Но учиться у врага, ежели, он толков и опытен, не пренебрегаю. И вам советую над тактикой Фридриха почаще задумываться.

Лаудон спросил — куда ему поставить свой

корпус.

— На гороховом поле.., в резерв! — отвечал Салтыков. — А я спать ложусь… Выспаться надо. Митенька, — позвал он адъютанта, забираясь в кошмы, — ежели король со всеми ложками и поварешками пойдет на нас, ты меня сразу толкай.., без жалости!

***

Шляпа на голове Фридриха — как тогда говорили — созрела до такой степени, что пора уже ей, переспелой, свалиться на землю.

Свалится ли она?

Ранним утром 1 августа 1759 года Салтыкова разбудили.

— Король движется, — доложили ему.

— Ну и слава богу! — Генерал-аншеф молодо вскочил с ложа. — Господи, вразуми меня, — покрестился на иконку. — Ежели ныне совладаю с Фридрихом, кровавый пир разом кончится и век меня Россия благодарить станет. Ну, а ежели опозорен буду… Нет, господи: лучше сразу — ядром меня, чтобы не мучился!

КУНЕРСДОРФ

Уже пахло порохом над Кунерсдорфом, когда Лаудон спросил Салтыкова:

— О чем думает сейчас генерал-аншеф?

— Думать поздно. Сейчас кровью станем расплачиваться за все, что не продумали ранее, на покое…

Они поднялись на пригорок, им подали зрительные трубы.

— Любопытно, чем откроет сегодня Фридрих сражение?

— Как всегда, — зевнул Салтыков, — «косой атакой».

— Почему вы так решили, генерал?

— Это не я так решил, это Фридрих так решает… Я свою жену однажды спрашивал: «Чего ты в одном и том же платье шляешься, коли другие в гардеробе, ненадеваны, пылятся?» А она мне ответила: «Прости, батюшка, стара стала, глупа стала…» Лаудон вряд ли понял его, и Салтыков пояснил далее:

— Фридрих.., он тоже, как старуха скупая: одно платьишко надел, так и носит его не снимая…

Пооборвался уже господин!

Но Фридрих сегодня не спешил открывать битву. Весь прусский генералитет во главе с королем был в седлах. Стояли гуртом на вершине холма, позванивая сбруей и оружием. Фигура короля в черном сюртуке резко выделялась среди пестрых мундиров. Головы генералов, густо напудренные, были обнажены; один король в шляпе. Сюда, в ставку Фридриха, сейчас приводили переметчиков, лазутчиков и пленных. Король, перегибаясь через луку седла, лично задавал им каверзные вопросы… Потом он повернулся к генералам:

— Господа, я выяснил неприятную новость; нам не придется нападать на русских с тыла. Салтыков свой тыл успел укрепить. Из двух флангов противника мы избираем слабейший — левый… Но прошу еще подождать — я не все уяснил для себя…

Сейчас короля смущали сбивчивые сведения о глубоком ретраншементе, связующем русские фланги. Салтыков — через этот ретраншемент — мог перебрасывать свои войска с фланга на фланг. Фридрих же позволить себе такой роскоши никак не мог.

Около девяти часов утра король сказал, морщась:

— Ладно. Начинать можно только одним способом — начать!

Прусская артиллерия взяла под обстрел высоту Мюльберг, занятую войсками князя Александра Михайловича Голицына. Прошло в гуле пальбы еще два томительных часа… Король вел себя как-то странно: он словно не мог решиться на атаку. Лишь ближе к полдню рука Фридриха резко взметнулась кверху.

— Честь и слава! — заверещал он пронзительно. — Даже земной шар не покоится на плечах Атласа столь прочно, как стоит королевство Пруссии на плечах своей бессмертной армии…

И закончил деловитым распоряжением:

— Через виноградники можно пустить инфантерию. Направление атаки — на Мюльберг. Исхождение регементов от Бишофсзее и от Третттина… Прошу, господа, начинать немедля и решительно!

Сражение разгоралось. Сначала, как всегда, Фридриху было неинтересно. Он велел намазать кусок хлеба маслом и подать ему в седло. С аппетитом жуя, король сказал:

— Интересно, когда уже кипит кровь… Вот, когда мои ребята добегут до Мюдьберга, тогда хоть деньги плати за такое зрелище!

***

Излюбленной «косой атакой» (как всегда, как всегда!) король обрушился на левое крыло русской армии, и Салтыков приставил трубу к мутному стариковскому глазу.

— Сейчас король, — точно определил он, — милостию божией, кажись, отберет у нас Мюльберг, сбросит князя с горушки вниз.

В рукопашной резне князь Голицын был тяжко ранен, и его буквально выдернули из рук прусских гренадер, — Фридриху даже принесли в ставку ботфорт с ноги князя.

— Что вы мне тычете в нос старым вонючим сапогом? — обозлился Фридрих. — Иль вы добыли русский штандарт?

Мужество защитников Мюльберга было сокрушено натиском пруссаков. Голицын в спешке боя, истекая кровью, перестроил два полка поперек позиции. Они встали здесь насмерть. Но прусская картечь выкосила их. Потсдамкие гренадеры штыками уже добивали канониров.

Левое крыло русской армии было смято…

Фридриху доложили об успехе: 15 русских батальонов и 42 орудия армии Салтыкова более не существовали.

— Прекрасно! — заметил король. — Сейчас я устранил то, что мне мешало. А мешал численный перевес противника. Теперь же этого перевеса не существует. Что ж, «шах» мы сделали, пора приготовить русским «мат»...

Салтыков не послал князю Голицыну поддержки:

— Резервы прибережем. Фридрих — хитер, и воевать еще не начал: он только пыль нам в глаза пущает... Бой весь впереди, сударь! Солдаты Голицына погибли, но долг исполнили. С высот горних, уже нездешних, они сейчас на нас взирают. Память им вечная и поклон низкий ото всей России!

Над ним засвистали пули, он взял прутик — обмахивался:

— Во, шмели проклятые.., кыш-кыш, негодные! К двум часам дня все укрепления Мюльберга были в руках короля. Но пока пруссаки лезли в гору, неся страшные потери от войск Голицына, Румянцев в шесть линий (в целых шесть!) собрал своих героев на высоте Шпицберга. Сейчас все отступавшие русские копились на Шпицберге, словно в Ноевом ковчеге при потопе.

Издалека Фридрих пристально рассматривал эту высоту.

— Что-то она перестала мне нравиться, — поморщился король, протянув свою трубу Зейдлицу. — Посмотри и ты…

Но пока все складывалось в его пользу. Были порой моменты, когда ему хотелось кататься по траве от восторга:

«Какое счастье! Как везет!» И он даже сказал несколько раз:

— Чудо.., я же вам говорил, что будет чудо! К трем часам дня Фридрих завладел половиною поля битвы, и тут к нему на запаренной лошади прискакал курьер. Этот гонец примчался на берега Одера с дальних берегов Рейна.

— Его высочество принц Генрих одержал великую победу над французской армией при Миндене! — доложил курьер.

— Великолепно, — загордился король. — Скачи обратно, сынок. Поспеши обрадовать его высочество, брата моего, что мы одержали победу здесь — под Кунерсдорфом!..

Наступал острый момент, когда инфантерия была уже на издыхании. Ее пора оставить в покое. Она уже расчистила поле битвы. Теперь, на смену пехоте, пришла пора бросить кавалерию и довершить разгром пушками.

— Я не ошибусь, если скажу, что русские сейчас

побегут. А потому сразу начнем отсекать их от дорог к спасению… Быстро разрушьте все мосты на Франкфурт!

Критический период боя наступил. Салтыков опустился на землю, никого не стыдясь. Коленопреклоненный, он стал молиться. О чем он там беседовал с богом — это осталось тайной Салтыкова, но, отмолясь, он живо воспрянул с земли.

— Побили, но не убили! — сказал отчетливо. — Новизны тут никакой нет: король прусский не продает побед дешево…

В ухо аншефа, оглохшего от грохота боя, кричал Лаудон:

— Они сбросили в озеро мосты… Смотрите, уже занимают Кургунд, от леса скоро пойдет Зейдлиц… Неба уже не видать от пыли! Франкфурт от нас отрезан…

— Ничему не удивляюсь, — отвечал Салтыков. — Король прусский уже начал воевать, но мы-то сиворылые, еще не начинали…

***

Казалось бы, уже все решено: Фридрих близок к виктории.

Но тут в ставку короля стали собираться генералы. И все, как один, с пасмурными лицами.

Взирали искоса.

— Ваше величество, — объявили они, — битву надо заканчивать. Войска уже в изнурении. Если сражение затянуть хотя бы на час, весь наш первый успех полетит к черту.

— Перестаньте болтать вздор! — наорал на них король. — В уме ли вы, когда все идет так чудесно!.. Мне не нужна половинка арбуза — я хочу съесть арбуз целиком. Что мне с того, что я поколотил русских, если политическое состояние Пруссии требует от нас добиться полного разгрома России!

Генералы стояли на своем.

— Есть положения, король, — говорили они, — когда надо ограничить себя лишь половиной успеха, и тогда это будет победой. Если же сейчас достигать второй половины успеха, тогда победа обернется для нас поражением…

Фридрих, сложив пальцы в щепотку, подбежал к ним (маленький король) и снизу вверх заглянул в лица своим бесстрашным, непобедимым генералам…

— И это.., вы? — спросил он жалобно. — От кого я слышу эти слова? Или слава прусских вождей — это миф? Да поймите же наконец: мой успех разложил русскую армию. Я уже ослабил их ду-

шевно. Они — как тряпки сейчас. Их ничего не стоит добить, как щенят. Или вы не видели, как они бежали?

Раздался голос Зейдлица:

— Они бежали, это верно. Но с Мюльберга гуртом перебрались на Шпицберг… Мы победим сегодня, если прекратим сражение сейчас же…

Фридрих не мог поверить своим ушам:

— И ты, Брут?! — вскричал он.

— Нет, король, я не Брут, а твой Зейдлиц… И ты знаешь сам, что я готов жизнь отдать за тебя! Прислушайся же к моим словам.

Фридрих сразу успокоился — перестал играть.

— Тогда будем честны до конца, — сказал он. — Битва при Цорндорфе была лишь наполовину нашей победой. Битвою сегодня при Кунерсдорфе я желаю торжественно закрыть неудачный Цорндорф… Мне это нужно. Наконец, я ваш король, и я имею право делать то, что я хочу.

И тут он заметил Веделя, которого раньше сильно любил, а теперь сильно ненавидел. Ведель скромно стоял в стороне.

— А вот и Ведель! — засмеялся Фридрих. — Иди сюда, мой горемычный Ведель… Ты слышал, что здесь говорят? Можно подумать, что мы торгуемся на базаре. А ведь нам сейчас для полной

победы немного и надо: взять высоту Шпицберг, и тогда мы выиграли не только сражение, но и всю кампанию этого года!

Ведель вдруг исступленно выкрикнул — со слезами:

— Никого не слушайтесь, король... Только — вперед!

Фридрих обнял его, воодушевляясь:

— Ведель, за такой ответ я прощаю тебе даже Пальциг. Верь: я снова полюбил тебя... Итак, господа, все ясно. Нам осталось одно усилие, один лишь рывок на Шпицберг! Я заклинаю вас.., я умоляю вас.., я приказываю вам: идите прямо на Шпицберг!

И он воскликнул трижды, выкидывая вперед руку:

— На Шпицберг! На Шпицберг! На Шпицберг!

***

— Вот он мне и попался, каналья, — сказал Салтыков. — Ах, глупец! Ну, разве же так это делают? Ведь он застрянет своей конницей на узких дефиле... Отныне начинаем разгром короля!

Подсознательно почуяв близость вражьей атаки, аншеф стал сыпать распоряжениями. От его шатра поскакали в огонь и в дым ординарцы. В

ход тронулись резервы. Ретраншемент укрывал перемещение войск от огня. С горы Юденберг, спускаясь с высоты по зеленой, еще не прибитой траве, скученно сошли в низину два свежих русских полка. Фронт был перестроен… Аншеф выждал (старики терпеливы), когда на Мюльберге соберется немцев побольше, и велел открыть по высоте ураганный огонь:

— Тратьте ядра без скупости… Копить сейчас не надо! Горящими яблоками поплыли в небе мортирные бомбы. Фридрих такого еще не видывал, хотя повоевал немало: русские швыряли снаряды с огнем через головы своих войск. Но, быстро сообразив, король бросил свои батальоны на высоту Шпицберга…

Над гвалтом голосов, над пушечным громом, на самом пике этого проклятого Шпицберга, вдруг выросла неповторимая, вся во вдохновении боя фигура Петра Румянцева… Глаза вытаращены, мундир на генерале рван, а в руке — обломок шпаги.

— Стой крепко! — прорычал он. — Ежели кто с места двинется, того поймаю и башку оторву…

Пруссаки уже близко. Бегут. Рты их разъяты в вопле. И начался прибой: волна пруссаков докатилась до Шпицберга — скала! отхлынула и снова

пошла вперед — скала! еще раз, покрываясь кровью, ударила — скала! бросились на Шпицберг всей грудью — скала! Тогда Фридрих, побледнев, крикнул:

— Коня!

***

Фронтальную атаку на Шпицберг повел сам король. Салтыков подозвал к себе трех ординарцев.

— Дворяне, — сказал он им, — двух наверняка убьют, потому пошлю трех сразу. Один из вас доскакать должен до апшеронцев; явите им волю мою — не отступать…

Ни один из трех не доскакал до полка Апшеронского (все пали из седел, разбиты копытами, насмерть изувечены). Но славный полк Апшеронский не дрогнул. Трава была там высока, и вся она в крови, в крови, в крови. До пояса апшеронцы выкрасились в кровь («сидючи на коленях, отстреливались, покуда уже не осталось из них никого в живых…» «Солдатам Апшероиского полка, в ознаменование того, что они в битве при Кунерсдорфе стояли „в крови по колено“, были присвоены по форме чулки красного цвета; при форме в сапогах — они носили сапоги из красной кожи.».

В атаке безуспешной конь был убит под королем. Картечь сразила его адъютантов. Фридрих вернулся из атаки на солдатской кобыле. Вся одежда была иссечена пулями. Фридрих, почти осатанев, погнал свои войска еще раз. Второй раз. Третий!.. Обратно возвращались уже не люди, а какие-то кровавые ошметки — безглазые, безликие, многие тут же сошли с ума…

Шуваловские гаубицы сыпали, торжественно и гулко, вокруг себя смерть полными горстями («С Елисаветой — бог и храбрость генералов, Российска грудь — твои орудия, Шувалов!» — так писал тогда Ломоносов)…

И, как всегда в критические моменты, король позвал:

— Зейдлиц!

Но в ответ услышал — совсем неожиданное:

— Король, мои эскадроны не железные. Фридрих разбил трубу о дерево, в ярости топал ногами, крича на Зейдлица, как на последнего лакея:

— Я все равно не слышу твоих слов, сейчас мне плевать на все слова, какие существуют на свете… Иди в атаку не рассуждая!

Зейдлицу уже подводили боевого коня. Порыв ветра раздул парусом его белую гусарскую на-

кидку — как саван, как саван. Он вдел уже ногу в стремя, но продолжал огрызаться:

— Это безумие, король, бросать на ветер мои славные эскадроны!

— Безумен тот, кто осмеливается спорить со мною.

— От нас же кусков не останется, король.

— Какое мне дело до этого, — вперед!

— Повинуюсь, мой король…

Зейдлиц вскинул свое поджарое тело в мокрое от пота седло. Жестоко надрал уши лошади, разозлив ее перед атакой. Выдернул палаш из ножен, и при свете угарного дня блеснула сизая, как воронье крыло, страшная боевая сталь.

Секретарь короля де Катт был рядом, со своим альбомом. «Что-то надо сказать для истории… Но — что сказать?»

— Мы будем перебиты, — вот что сказал Зейдлиц. И грозная лавина конницы (лучшей конницы мира), взлягивая землю, взметая клочья дерна и песок, рванулась вперед…

Салтыков, увидев, как быстро движется через поле блеск и ярость прусской кавалерии, сказал — почти довольный:

— Вот последний козырь короля… Король продулся в пух и прах! Завтра, видать, с торбой по

дворам пойдет.., любой милостыньке рад станется…

Наперерез прусской кавалерии — клин клином вышибать! — вымахала на рысях русская конница. В пыли и ржанье лошадей рассыпался тусклый пересверк палашей и сабель. Желтые облака сгоревшего пороха низко плыли над головами всадников. Хрипели и давили друг друга лошадьми звенящие амуницией эскадроны…

Весь покраснев от натужного крика, Салтыков повелел:

— Снимай резерв с Юденберга, гони их на Шпицберг, на Шпицберг… Повторяю: с Юденберга — на Шпицберг! Резерв!

Приказ был отдан вовремя, ибо пруссаки уже карабкались на Шпицберг. Гренадеры поддели на штыки русских канониров. Пушки они не могли укатить: пруссаки тут же свинцом их заклепывали.

— Ничего, ничего, — говорил аншеф. — Потом мы их снова расклепаем…

К пяти часам дня прусская кавалерия, разбегаясь за прудами, еле двигала ноги. Медные кирасы были рассечены палашами так, будто русские рубили их топорами. А сам Зейдлиц, плавая в крови от шрапнельных ран, лежал, словно верный пес,

возле ног своего короля:

— Я знал, король, что мы будем перебиты. «Ах, Зейдлиц, Зейдлиц.., и ты не справился?» — Фридриху хотелось плакать. Он отъехал на коне в сторону, и русское ядро, прилетев издалека, ударило его лошадь прямо в грудь. Жаром и нехорошим духом теплой крови пахнуло в лицо. Король едва успел вырвать ногу из стремени — рухнувший конь чуть не размял его. Это была вторая лошадь, убитая под королем сегодня.

— Еще раз — на Шпицберг! — призывал Фридрих. — Мерзавцы, кому я сказал? На Шпицберг, на Шпицберг, на Шпицберг…

Капралы дубасили солдат палками:

— Вставай, скотина, король сюда смотрит.., на Шпицберг!

Началась агония немецкой армии: войска короля судорожно дергало из стороны в сторону. Драгуны принца Вюртембергского («Хох, хох!») прорвались все-таки на Шпицберг. Они пробыли там минуту и сразу полетели вниз, где их быстро прикончили картечью. Король бросил в бой легкую гусарскую конницу Путткаммера — конец был тот же, а сам Путткаммер пропал в атаке безвестно. Фридрих оглянулся назад: там, за его спиной, стояли лейб-кирасиры — его личная

охрана. Король не сказал им ни слова, он только вытянул руку, показывая — куда им скакать и где им умирать.

Эти лейб-кирасиры достались под саблю чугуевским казакам. Над полем Кунерсдорфа нависло — завывающее, как отпевание:

— Руби их в песи, круши в хузары!..

Казаки разбили гвардию Фридриха, командира утащили в плен за косу, а лейб-штандарт Потсдама затоптан был под копытами.

Прусская армия побежала.

Шальная пуля попала в короля. Его спас от смерти золотой футляр готовальни, с которой он никогда не расставался.

Фридрих произнес фразу:

— О боги! Неужели для меня не найдется русского ядра?

Далее никаких исторических фраз за ним не сохранилось — по той простой причине, что канцелярия его разбежалась.

***

И тогда поднялся с барабана Салтыков:

— Пришло время штыка! Гони их теперь.., гони, гони, гони!

***

Иногда удиравшие пытались увлечь за собой и короля Пруссии.

— Оставьте меня, — отбивался Фридрих. — Вы, подлецы, бегите и дальше… Но если все бегут, я должен погибнуть!

Король воткнул свою шпагу в землю, скрестил на груди руки. Он застыл как изваяние, выжидая смерти. А вокруг него, словно щепки в бурное половодье, с воем и топотом неслись его войска. Фридрих почти бессмысленно взирал на свой позор. И даже не заметил, что пуля сорвала с головы его шляпу.

Разбежались все — кто куда… Короля забыли — бросили!

Позже всех удирал от Кунерсдорфа на хромающей рыси гусарский отряд ротмистра Притвица. Кони мотали гривами, острый пот их был невыносим, по пикейным штанам Притвица стекала кровь.

На полном разбеге вдруг замер отряд:

— Там на холме кто-то стоит… Неужели король?

— Я ничего не вижу в этом дыму.., я ослеп!

— Да вон там.., видите? Перед ним торчит шпа-

га… Когда гусары подскакали к Фридриху, он даже не глянул на них. Король закостенел в своем отчаянии. Притвицу возиться с ним было некогда: с пиками наперевес за ними уже гнались казаки. Ротмистр схватил короля за пояс, гусары перекинули его в седло. Настегнули под ним лошадь:

— Король, очнитесь же наконец! Фридрих не брался за поводья, и на скаку его мотало в седле, словно тряпичную куклу: вот-вот вылетит на землю. Притвиц, обернувшись к отряду, гаркнул:

— С нами король, ребята, а потому — на шенкелях! Фридрих вдруг вцепился в руку ротмистра:

— Притвиц, я погиб… Я погиб, Притвиц! Навсегда! Выстрелом из пистолета (одним, зато удачным) Притвиц убил чугуевского офицера, и гусары оторвались от казачьей погони. И все время бегства король хватал ротмистра за руки, восклицая жалобно, как ребенок:

— Притвиц, пожалей меня… Притвиц, презирай меня… Притвиц, убей же меня! Притвиц, я не хочу больше жить…

За прудами, в тени развесистых буков, они спешились. Правили амуницию, подтягивали сбитые в скачке седла. Притвиц одним махом осушил фляжку с вином, размазал кровь на штанах, сказал королю:

— А сейчас побежим дальше. Баталия проиграна — ладно... А вот что нас ждет после поражения.., это, я скажу вам, ваше королевское величество, будет уже настоящее дерьмо! По седлам, гусары! С нами король! Идем дальше — на шпорах, на шенкелях!

***

Салтыкову принесли шляпу Фридриха Великого. Старик расправил в пальцах ее мятые поля, хлопнул по колену, выбивая из шляпы перегар порохов и прах многих битв, многих побед короля...

— Хоть на стенку вешай! — сказал аншеф. — Это почище любых штандартов будет... Одначе, — присмотрелся он к суконцу, — так себе шляпка. Простенькая. Зато она укрывала уж больно горячую голову, которую мы и остуди-, ли сегодня под Кунерсдорфом.

Адъютант доложил командующему, что обед давно стынет.

— Ну, ладно, — огляделся Салтыков. — Баталю я дал. Кажись, и конец всему... Митенька, подсоби подняться. Ноги что-то не идут. Ослаб я... Не пивши, не евши, с утра раннего на ногах. Истоптался весь. Веди меня к столу...

За обедом старик поднял бокал с розовым вином, попросил собрание, чтобы не шумели, — сейчас он говорить станет:

— Сударь мои, победили мы, и победу нашу поясню. Фридрих нас «косой атакой» удавить хотел. Весь наш левый фланг он охватил. Но.., сколько же можно «косить»? Я его на этом и поймал. Фридрих угодил в петлю, которую для нас уготовил. Нельзя хорошее применять неустанно, ибо хорошее от повторений частых худым становится… Надо новые пути изыскивать!

— Ясно! — раздалось за столом. — Наливай.., едем дальше!

— Стой ехать, — придержал собрание Салтыков. — Я главного еще не высказал… Фридрих имел шанс разбить нас сегодня!

— Как? Почему? Когда? — раздались выкрики.

— А разве вы не заметили? — прищурился Салтыков (и все увидели по этому прищуру, что старик-то хитер). — Ему бы, — сказал аншеф, — надо горячку со Шпицбергом не пороть. Бросил бы он свои войска на Юденберг, откуда я резервы-то свои отвел.., вот тогда б он усадил нас крепко!

— Петр Семенович, — спросил его один генерал, — ежели ты ведал про это, так чего же рисковал столь легкомысленно!

— Легкомысленно, сударь, я не рисковал! — вспыхнул старик. — Это Фридрих рисковал легкомысленно, оттого и проиграл… Я же рисковал глубокомысленно!

Через несколько дней с возгласами: «Честь и слава, виват Россия!» — были брошены к ногам Елизаветы еще 28 знамен армии Фридриха…

А шляпу Фридриха и сейчас можно посмотреть. Она лежит на стенде — под стеклом, как реликвия Кунерсдорфа. Ее хранят в Музее Суворова в Ленинграде.

ЧУДО БРАНДЕНБУРГСКОГО ДОМА

Была ночь… Ах, какая ужасная была ночь! Фридрих рухнул на землю, гусары развели костер, и король нашел в себе сил написать в Берлин своему брату:

«Вокруг меня все бегут, и я теряю мужество. Я не вижу выхода из положения и, чтобы не солгать, считаю все потерянным. У меня нет средств к спасению, мне кажется — все погибло. Прощай навсегда!»

В поле отыскали шалаш, короля уложили на ворохе хрустящей соломы. Фридрих метался, часто вскакивал, громко плача:

— Как спасти Пруссию? За лучшее считаю — отречься от престола! Скачите в Берлин, гусары: двору с министрами выехать в Магдебург, богатым купцам забрать капиталы и спасаться…

Всю ночь рыдания короля прерывали сон усталых людей.

— Берлин можно сдать, — разрешил король среди ночи. — Пошлите гонца, чтобы магистрат приготовил столицу к капитуляции!

Эта ночь, проведенная вблизи деревушки От-

шер на Одере, — эта ночь приблизила старость. Когда рассвело, спутники Фридриха были поражены переменой в облике короля. Скорбные черты лица, острые и иссушенные, будто мумифицированные, Фридрих сохранил уже до конца дней своих. Но приобрел он их после Кунерсдорфа.

Наступившее утро не внесло успокоения в душу Фридриха, и он был близок к самоубийству… С лютой ненавистью он кричал:

— О-о, если б мои негодяи умели исполнять долг! Теперь я страшусь своих же войск более, нежели неприятеля…

Так отзывался король о своих солдатах. И это тогда, когда русские — на его же глазах — умирали, целуя свое ружье. Теперь все кончено, и за ночь он утвердился в мнении, что Салтыков уже пирует в Потсдаме, а в Сан-Суси, где книги и картины, где окна полны света, а залы грезят античной славой, там бушуют сейчас пьяные дикари-калмыки… Король провел рукой по воздуху, как бы зачеркивая все свое прошлое: «Прощай, прощай, прощай!» В Отшер явился какой-то офицер и доложил, что привезли несколько спасенных от русских орудий.

— Лжец! — отвечал ему король. — У меня нет

артиллерии. Это ты придумал нарочно, чтобы поиздеваться над убитым горем королем…

Иногда казалось, что Фридрих — на грани сумасшествия. Пока же он горевал, адъютанты его вышли на проселочные дороги. Устроили там настоящую облаву. Много солдат рассеялось по лесам и балкам, таилось в кустах, боясь зажечь огонь. Их выгоняли из укрытий, отводили в поле, строили, ругали, били, ранжировали.

Днем Фридрих узнал, что удалось собрать 10 тысяч человек.

И тогда он горько усмехнулся:

— Не надо меня веселить… Десять тысяч! Это все, что осталось от когда-то великой армии, которая умела потрясать мир!

Но теперь хоть можно было не бояться за свою жизнь. Короля силком покормили, с уговорами усадили на коня, он встал во главе остатков своей армии. Велел безжалостно сжигать за собой мосты…

— Дети мои! — обратился он к солдатам. — Победить мы уже не в силах. Но зато мы способны умереть.

Он заплакал, и армия тронулась за плачущим королем.

Блеск оружия, звон амуниции, скрип колес,

тряска седла и тарахтенье лафетов — все эти приметы похода, столь привычные с юности, незаметно успокоили его. Он облегченно вздохнул, когда узнал, что Берлин не занят русскими.

Король сказал:

— Вот еще одно чудо древнего Бранденбургского дома! Мои победители ведут себя словно пьяные…

Эта новость меняла все. Король отдал приказ перетащить к нему все пушки и припасы из берлинских арсеналов; велел ловить по лесам дезертиров; из крепостей изъял все орудия; он вызвал войска из Померании… «Скоро у меня будет 33 тысячи солдат!» — сообщил он в Потсдам другу детства — Финкенштейну.

Тотлебен передал ему через Саббатку, что Салтыков ругается с австрийцами, которые тянут его в Силезию — прочь от Берлина.

— Спасибо венской кузине, — сказал король. — Кажется, она решила спасти для меня корону… Верю: эта вражда пойдет и дальше, как ползучий лишай. Надо вовремя отсечь Салтыкова от его магазинов в Познани. Помощником в борьбе нам станет голод русской армии… Скоро победители зашатаются, как тени!

Фридрих отныне боя с русскими не принимал.

Он маневрировал. Его армия кружила вокруг Берлина, словно палый осенний лист.

— Пока русские не уберутся за рубежи, — говорил он генералам, — наше дело простое: спасать свою шкуру! Как только они уберутся из моих владений, наступит время Дауну подумать о своей шкуре! Что тут удивительного? Так было всегда: стоит богу вздремнуть, как черти сразу начинают шутить и кувыркаться. Если Салтыков бог, то мы станем чертями и резво спляшем на животе у Дауна!

***

Елизавета велела выбить в память о Кунерсдорфе особую медаль с надписью: «Победителю над пруссаками», и медалью этой наградили всех участников сражения. Салтыкова при дворе всегда считали недалеким, робким человеком. Но торжество Европы — после Кунерсдорфа — было таково, что нельзя было не отметить главнокомандующего, и Петр Семенович получил патент на чин генерал-фельдмаршала…

С чувством перецеловав печати патента, Салтыков долго потом сидел в раздумьях, унылых и знобящих. Когда же начальник канцелярии Веселицкий спросил о причинах неуместной сейчас

печали, фельдмаршал ему ответил:

— Вознаградили так, что выше не взлететь. Но я уже стар и по опыту жизни ведаю: опосля доброго — худого поджидай!

Веселицкий тут загыгыкал, перья перебирая, подлизнулся.

— Да ведь фельдмаршала нелегко залягать, — сказал в усладу.

— Дурак ты! — мудро отвечал ему Салтыков. — Ты сирота казанская, как-нибудь между копытами пронырнешь. А меня беспременно с двух сторон залягают. Не свои, так венские людишки…

«Надлежит удивляться, — писал немецкий историк Ретцов, — тому великодушию, с каким российский полководец поступил с совершенно разбитою и в бегство обратившеюся армией… Ежели бы Фридриху удалось столь решительно поразить россиян, то никакие уважения не удержали бы его: он повелел бы коннице своей ниспровергнуть русских в Одер или искрошить в куски саблями…»

Победители стояли еще вблизи поля битвы; они хоронили павших, чинили повозки и пушки, пили и гуляли. Очень много было пленных — так много, что их отдали австрийцам, дабы самим с

ними не возиться. А 243 прусских артиллериста, как уроженцы Восточной Пруссии, сочли себя уже подданными России и — прямо из плена — встали у русских орудий. Было очень жарко в августе, тысячи погребенных трупов стали разлагаться, и со столь ужасной быстротой, что армии надо было уходить прочь… Салтыков одним махом перебросил войска на левый берег Одер а.

Первый угар победы прошел — пора было браться за дело.

Австрийцы же, ссылаясь на решения своего гофкригсрата, снова заманивали Салтыкова в Силезию и в Саксонию; взять Дрезден у Фридриха — вот цель их кампании.

— А наша задача ина будет, — говорил Салтыков. — Не ради Дрездена война идет. Надобно в Берлине сесть плотно и оттуда, из самого нутра Фридрихова, продиктовать королю те условия капитуляции, каковые мы пожелаем. Австрияки же более о своих огородах пекутся, где у них репка растет. Но пущай Конференция мне башку с плеч снимает, а в Силезию репки рвать не пойду!

Своими силами Салтыков не мог свершить успешное занятие Берлина: армия России потеряла много крови, припасы ее были расстреляны при Кунерсдорфе, провиант кончился, казна

опустела.

— Если сейчас Даун не придет, — рассуждал фельдмаршал, — тогда, спрашивается, на што мы столько людей здесь угробили? У нас была цель ясная — Берлин! А в рекруты мы венцам не нанимались, дабы, Фридриха пужая легонько, на околицах Европы артикулы разные выкидывать…

Наконец к Салтыкову опять прибыл Лаудон.

— А мне советчики не нужны, — заявил ему фельдмаршал.

— Даун не замедлит прийти сюда, — утешил его Лаудон.

Стали ждать подхода армии Дауна. Одна неделя прошла, вторая, третья… Уже лист в трубку свернулся, поля оголились. И вот через семь недель прибыл Даун, но один (без армии!), чтобы попировать в шатрах русской ставки. Армию же свою Даун оставил на задворках Европы, оберегая ее от Фридриха, как пушинку.

За обедом Салтыков убеждал венского главнокомандующего: резон войны есть коалиционная победа над Пруссией, а не земельные приобретения для венской императрицы… Подвыпив, старик так и брякнул прямо в лицо высокомерному Дауну:

— Не спешите вы курфюршества-то делить!.. Мои солдаты два сражения выиграли. А теперь мы ждем от вас: выиграйте хоть одно. Несправедливо, чтобы одна Россия кровью своей умывалась…

Когда Даун отъезжал из лагеря, он сказал о Салтыкове:

— Какой грубый дипломат! Салтыкову это тут же передали.

— Дипломат я грубый, верно, — согласился он. — Но зато патриот тонкий…

Австрийская императрица Мария Терезия переслала Салтыкову дружественное письмо.

— Отвечать надо, — забеспокоился Веселицкий. — Что писать-то ее величеству станем?

Салтыков с полной серьезностью посоветовал:

— Напиши ей так: мол, дурень Салтыков из письма твоего салат сделал и тем салатом своих голодных солдат кормил…

Кончилось тем, что письмо Марии Терезии где-то завалялось; фельдмаршал так и не ответил австрийской императрице.

И все время, пока армия Салтыкова двигалась от крепости к крепости, от города к городу, все время — неустанно! — Фридрих шел за нею, как волк за ослабевшей добычей. Русские оглянутся,

готовые к бою, — и короля как не бывало. Но не вздумай зазеваться, — тогда волк накинется и вонзит в добычу свои острые зубы…

Фридрих сейчас просто не замечал австрийской армии, хотя она была намного мощней русской. Дауна король всегда презирал, а Салтыков заставил короля уважать и себя и свою армию. В конце сентября войска Фридриха вошли в Саганское княжество, и здесь король стал ликовать.

— Виктория! — объявил он. — Главные силы моих противников расчленены мною через Саган, а хитрый Салтыков попадает под удар сбоку… В моей власти нанести ему этот удар!

Русская армия уже сильно голодала. Обозы, поспешавшие из Познани, разбивались отрядами прусских гусар. Лаудон решил покинуть армию Салтыкова

— отойти к войскам Дауна.

— Уходите, — отвечал Салтыков, — у меня лишнего хлеба нет.

Фридрих в это время разработал отличный план разгрома русской армии на ее переправе через Одер («сюрприз» — так назвал он эту операцию). Но опытный полководец остался в дураках: армия Салтыкова уже была на другом берегу, и жарко догорали мосты, еще вчера на-

веденные русскими саперами. Возле крепости Глогау противники разбили свои лагеря — друг против друга.

— Пусть сунется, — сказал Салтыков, явно озлобленный. — Напоследки, прежде чем дверью хлопнуть, я короля выть заставлю!

Дерзость московитов выводила Фридриха из себя, но он боялся сунуться на русских. А между тем Даун не прислал русским обещанного провианта. Вместо обозов прислал советника.

— Итак, — спросил Салтыков у этого советника, — что вы посоветуете есть мне сегодня? И что дать на обед солдатам?

— Даун предлагает вам начать реквизиции у населения.

— Реквизиция — это тот же грабеж, только мудрено назван! — отвечал Салтыков. — Грабеж разлагает армию. Один раз солдат берет у жителя по приказу — то, что нужно ему, солдату. А второй раз берет без приказа — то, что самому жителю нужно!

— Тогда подождите: императрица пришлет вам денег из Вены!

На что Салтыков ответил словами историческими:

— Благодарю! Вот ты езжай от меня в Вену и

там передай своей императрице, что мои солдаты денег не едят! Даун стал подстрекать венский кабинет, чтобы он нажал на Эстергази, а Эстергази пусть нажмет на Конференцию: надо убрать Салтыкова, а над армией снова поставить фермера. Конференция издалека всей властью своей обрушилась на фельдмаршала: его обвинили в том, что он озлобил Вену против России; что он зазнался настолько, что даже не ответил на письмо венской императрицы: грызня же с Веной косвенным путем ухудшила отношения России с Турцией…

Петр Семенович только ахал, руками разводя:

— Вот те на! Я уже и перед турками виноват… Салтыков понимал, что весь этот поход был построен им лишь на риске. Он рисковал часто. Еще при Кунерсдорфе поставил на карту свою честь. Больше рисковать нельзя. Можно свернуть шею. Теперь против его отряда в 20 тысяч человек, оборванных, голодных и усталых, вырастал Фридрих, сверкая новым оружием, и грозился силой в 70 тысяч штыков.

Салтыков велел звать военный совет и объявил:

— Людей понапрасну губить — только славу России омрачать! Никогда завистником не был,

а ныне стал… Королю прусскому — вот кому завидую! Он все на месте решает, и от Берлина вздрючек ему не бывает. Он независим от мнений чужеродных. А меня, как собаку худую, раздергали — то Вена, то наши мудрецы… Когда Кунерсдорф грянул, Даун был в девяти милях от нас. Гаддик с кавалерией в семи милях был. Помогли они нам? Нет. Вот Лаудона прислали. Из девяти полков его только два в бою были. Остальные на гороховом поле как легли, так и не встали, покеда от гороха одна ботва не осталась… Господа высокие! Друзья мои! После наших викторий под Цюлихау, при Пальциге и Кунерсдорфе мы, русские, не желаем быть от бездельников союзных унижены. Не хочет Вена воевать честно — не надо. Мы же, русские, за них кровь проливать не станем… Идем на зимние квартиры!

И русские стали уходить из Бранденбурга. Все блестящие плоды кампании 1759 года оставались погребены. Виною тому — косность, зависть и прямое предательство Вены. Французские историки объясняют все одним — «неисцелимой трусостью австрийцев».

***

Вслед уходящему Салтыкову Фридрих сказал:

— Талантливый был, бродяга! Он меня просто замучил. Но теперь я могу хоть выспаться и подуть в свою любимую флейту…

Отработав на флейте сложный пассаж, король повеселел:

— Пока я тут возился с русскими, этот обмороченный Даун здорово зазнался… Я думаю, пришло время проучить его.

Перед походом Фридрих обратился к своим генералам:

— Я обещал веселье под Кунерсдорфом, но весело нам тогда не стало. Зато сейчас, друзья мои, плакать будет кто угодно, только не мы… Надо отнять украденное у нас!

Действительно, пока армия Салтыкова билась насмерть, Даун под шумок захватывал города и крепости на рубежах Австрии (благо, королю было тогда не до него). Плохо стало Дауну, когда пришел король — отнимать то, что у него стащили за время его отсутствия. Победы Фридриха прокатились быстрой чередой: его войска заняли Виттенберг, разбили австрийцев при Торгау. Даун был поражен королем при Крегисе, пруссаки проникли в Богемию, разграбили там города, собрали с них чудовищные контрибуции, вывезли все запасы провианта… Кончилось «избиение

младенцев» тем, что Даун со своей армией засел в лагере Пирна — как раз на той легендарной горе, куда в самом начале войны Фридрих загнал саксонского короля Августа с его знаменитым на всю Европу бриллиантом зеленого цвета.

Именно тут, на этой горе, Фридрих и оставил Дауна сидеть до весны. Мало того, король еще мстительно заметил:

— Когда Даун обложит своим пометом эту горушку, он будет, в поисках чистого места, спускаться все ниже и ниже…. Последний раз в своей подлой жизни он будет гадить уже в наших объятиях!

Король был груб, но это по привычке, смолоду унаследованной им от батюшки — «кайзер-зольдата». Не теряя времени даром, Фридрих действовал решительно. Из всей армии он имел под своей командой только 24 тысячи человек — этого было мало.

— Мы здорово пообносились. Теперь задумаемся о дураках. Если считать за истину, что в мире на одного умника приходится по сотне идиотов, то смею вас заверить: скоро у нас будет большая армия! Деньги же, которые я истрачу на дураков, никогда не пропадут. А мои казармы в Потсдаме так устроены, что брось туда хоть котенка — и

котенок скоро замарширует!

Фридрих задумал авантюру — позорную и бесцеремонную, как всегда. Верховным командующим этой авантюрой он поставил полковника Колиньона, которого все знали как большого жулика.

— Мой друг, — сказал ему король, — когда тебя нет рядом со мною, мне хочется тебя повесить. Но стоит тебе появиться, как я начинаю любить тебя... Будь же другом — выручи своего короля, ты это уже не раз делал!

— Сколько дадите денег? — прямо и честно спросил Колиньон.

— Сколько я тебе дам денег, об этом никто не узнает...

***

Город Магдебург вскоре объявил свободную запись желающих в прусскую армию. По законам Пруссии «каждый башмачник должен оставаться при своей колодке», рожденный от башмачника сам становился башмачником, как и сыновья его. От «колодки» могла спасти пруссака лишь воинская служба. При записи в Магдебурге платили немало — только запишись. Добрые немецкие сердца не устояли перед звоном талеров. Студент

бросал лекцию, ремесленник откладывал молоток, пивовар отпихивал бочку — все шагали в Магдебург! Хотя прусский солдат и бывал бит палкой, но население Пруссии было приучено к мысли, что идеал человека — это солдат.

Полковник Колиньон был человек с размахом, и по всем землям германских княжеств скоро разбрелись веселые говорливые люди. Они были хорошо одеты, кошельки их звенели, они обнимали красивых молодых женщин. Когда же их спрашивали — кто они такие, откуда весь этот блеск их чудесной жизни, — они скромно отвечали:

— А чего нам не жить? Мы — солдаты прусской непобедимой армии. У нас так: послужил королю — теперь гуляй…

За столами трактиров, в корчмах на перекрестках дорог Европы, за зеленым сукном игорных домов случались такие разговоры:

— Кстати, патент полковника прусской службы.., не угодно ли? Всего двести фридрихсдоров. Могу и чин капитана.., за сто пятьдесят!

Играли они широко. Жили еще шире. Вино текло рекой. Гремели пыльные юбки женщин — жесткие от крахмала, словно кровельная жесть… «Во какие солдаты у Фридриха! Во как они жи-

вут!» Чиновники и купцы кидались на патенты, будто куры на крупу. За чином офицера им уже виделось дворянство, собственный фольварк и скотный двор, а в руке — добрая кружка пива… Они платили! Они щедро платили за продаваемые патенты! И потом всех этих дураков собрали в том же Магдебурге… Для начала построили по ранжиру. Из окон казарм глядели на них новобранцы.

— Эй, — кричали они, — сколько вам заплатили? Гордые «полковники» и «капитаны» оскорблялись этим:

— Нам не платили! Наоборот, мы сами платили… Ворота казарм закрылись. Уже навсегда. А точнее — на всю жизнь (если кто выживет). На спину этим «полковникам» и «капитанам» капралы стали вешать солдатские ранцы. Кто смел сопротивляться — того жестоко молотили фухтелями.

— Я не солдат! За что бьете? Я купил себе чин полковника.

— За то и бьем, что ты — дурак… Где это видано, чтобы чины покупались? Послужи королю — и ты станешь полковником.

— Клянусь всевышним.., вот и патент.., не бейте меня… Где здесь начальство? Я должен все объяс-

нить.., у меня жена, дети…

— Забудь про них! — отвечал капрал с палкой (начальство).

Так-то вот, через жестокий обман, Фридрих собрал для себя новую армию. Полковник Колиньон навербовал ему 60000 человек. Вдумайся в это, читатель: ведь это не просто пять цифр, поставленных рядом, — это 60000 уничтоженных людских судеб. Встань хоть на минуту во дворе прусской казармы, которая не лучше тюрьмы. Ощути на спине тяжесть ранца. Пусть тебя ожгут фухтелем. Пусть захохочут вокруг тебя наглые капралы… Вот тогда ты поймешь, читатель!

ПОЛИТИКИ

Близился 1760 год… Агенты Фридриха (тайные и не тайные) уже трудились по столицам Европы, подготавливая мир для Пруссии.

Сразу же после Кунерсдорфа Фридрих стал настойчиво добиваться мира с Россией; из Ораниенбаума его поддержал великий князь Петр Федорович, но сама Елизавета не совсем тактично показала из-под полы дулю:

— Вот ему, мошеннику… Так и можете передать!

Фридрих был встревожен не на шутку:

— Эти вертопрахи в Париже, Вене и Петербурге ведут себя так, словно меня более не существует как политического деятеля. Но я (хотя это и глупо с моей стороны!), — добавлял король, — все-таки жив. И могу доказать это дрожью своего тела, которое колотится каждый раз, когда я вспоминаю о шуваловских гаубицах!

Через своего гофрата король предложил Ивану Шувалову один миллион рейхсталеров, а Петру Шувалову — четыреста тысяч. Только б они, эти российские заправилы, удержали порыв своих

войск в грядущую кампанию. А уж с Австрией да Францией король и сам как-нибудь разделается!

Но Фридрих не учел одного: Шуваловы были очень богаты, в подачках со стороны не нуждались. К тому же Иван Шувалов уже хлопотал для себя о титуле «дюка прусского» — то есть, говоря попросту, Шувалов метил на место самого же Фридриха.

Исторически Шувалов имел к тому большие основания.

— А почему бы мне и не быть дюком прусским, матушка? — рассуждал он.

— Бирон-то ведь от щедрот Анны Иоанновны стал герцогом Курляндии? А ты разве, матушка, не дала гетманство над Украиной Кириллу Разумовскому?.. Неужели я глупее их и хуже?

Судя по всему, с Россией королю не помириться. Блаженным ветром дохнуло совсем с другой стороны — с берегов Сены. Аббат Берни давно сказал: «Без мира Франция погибнет, и погибнет бесславно!» — за что и был выслан в деревни. Его заменил герцог Шуазель — и сразу же высказал ту мысль, за которую пострадал Берни:

— Нет смысла продолжать эту войну, и французам совсем не трудно было бы помириться с их старым другом Фридрихом, если бы... — Тут

герцог подзапнулся, но все же довел свою мысль до ее логического конца:

— Ох, если бы не эти наши обязательства по отношению к России! Мы и не думали, что в этой войне ей достанется столько славы. Она давно режет пирог победы, а нам, французам, не перепало даже крошки…

Фридрих стал восстанавливать нарушенные связи с Версалем через Вольтера, который имел глупость поздравить Пруссию с победой при Россбахе; тут Вольтер оказался скверным политиком и плохим патриотом, ибо не французы ведь били пруссаков, а пруссаки с удивительным постоянством колотили его соотечественников. Де Еон вскоре понял, что центр всех решений в дипломатии сейчас переносится на берега Невы, — Петербург становится связующим центром войны и мира. Теперь без России Европа не могла сама решить многие вопросы: она прежде должна получить из Петербурга одобрение… Роль России непомерно выросла!

Лопиталю де Еон сказал в эти дни:

— Франция так измотана, война столь непопулярна, что Шуазель наверняка пожелает освободить Францию хотя бы от войны с Англией. Но действовать он станет через Петербург!

Значит, заботы об этом мире лягут на нас и на.., канцлера Воронцова, которого вам и придется уламывать. Задача почти неисполнимая!

Действительно, такие инструкции Лопиталем были получены.

Но едва он заикнулся о мире, как Воронцов — по совету Конференции — ответил ему такими словами:

— Мы, русские, не против мириться, но разговор о мире все-таки решили отложить до полной победы!

Маркиз увял. Русская дипломатия задала трепку и Австрии: был вытащен из серной ванны граф Эстергази.

— До каких пор, — дерзко заметил ему Воронцов, — венский двор будет уклоняться от разговоров о Пруссии? Вы хлопочете о Силезии, Версаль рвет на куски Нидерланды, Англия заодно уж и Испанию грабит в Америке, а.., что же нам, русским? Или только раны свои зализывать?

Эстергази хотел что-то сказать, но Воронцов не дал ему рта раскрыть, твердо договорив до конца:

— Европа должна знать: отныне Пруссия Восточная есть лишь российская губерния, и мы,

никого не грабя, воссоединяем с Россией лишь те земли, что в древности германцами похищены от наших предков — поморян и пруссов… Забрание Пруссии есть историческое реваншированье за все насилия, кои учинены были тевтонами и крестоносцами на землях славянских и прибалтийских!

— Но Франция… Франция… — начал было Эстергази.

— Франции, — пресек его Воронцов сразу же, — до Пруссии нет никакого дела за дальностью расстояния от Версаля до Пруссии!

— Дайте сказать! Ведь Людовик ужаснется, если система равновесия будет нарушена в Европе…

Канцлер империи Российской ехидно усмехнулся:

— А разве мы, а не Фридрих нарушили «равновесие»? Да и равновесие-то это, — ковал железо Воронцов, — создано было Версалем без учета тяжести гирь русских!.. Теперь вернемся к нашим баранам… Ежели Вена по вопросу о Пруссии промедлит, то с новой кампанией мы не поставим в Европу ни одного солдата… Бейтесь тогда с Фридрихом один на один, а мы свое уже получили!

Весна была не за горами, страх Вены перед Фридрихом был велик, и скоро был подписан

договор: Восточная Пруссия на вечные времена переходила к России (теперь этот факт Европа признала уже официально). Но победа под Кунерсдорфом дала Воронцову возможность подготовить и коалицию с Австрией против Турции, этого извечного врага России и друга Франции, — Версалю же об этом даже не сообщали!

— После Фридриха Россия станет турок лупцевать, — сказал Воронцов, присыпав песочком подписание трактата. — Версаль пущай косоротится сколько хочет; мы от своего не отступим.

Грохот русских единорогов на Одере отзывался теперь в Петербурге победным торжеством русской дипломатии!

Русские политики проводили свой курс, не прибегая к помощи Версаля даже по турецкому вопросу, и де Еон понял, что в Петербурге уже карьеры не сделаешь. Людовик был недоволен работой своего посольства в России — Лопиталя он считал просто глупцом:

— Что он там ходит к Воронцову и спрашивает у него то, что я у него спрашиваю? Разве это политик? Настоящий дипломат — это шпион! Через замочную скважину он способен разглядеть весь мир!.. Но самые лучшие результаты в политике, — утверждал король, — достигаются через лю-

бовную связь!

Вскоре курьер доставил де Еону из Парижа письмо лично от Людовика; де Еон прочел его и подавленно сказал:

— Конечно, для любовной связи я не годен, а следовательно, мне надо бежать из Петербурга, не дожидаясь тех великолепных результатов, которые вскоре последуют за любовной связью! Можно быть дураком раз, можно сглупить вторично, но нельзя же дурость обращать в традицию!

***

Шуазель давно мечтал подсунуть любовника Екатерине из своих рук. В парижском полку служил тогда пламенный красавец — барон Луи Бретель. Этого красавца прямо из гвардейской конюшни усадили за изучение инструкций. Не любовных, конечно, а — дипломатических…

Шуазель втолковывал Бретелю свои идеи:

— Работать вы должны через великую княгиню Екатерину. До сих пор ее услугами пользовалась Пруссия, а теперь, попав в ваши объятия, она должна послужить Франции…

Однако перед отъездом из Парижа Бретель выкинул неожиданный фокус:

— Вы подумайте, — восклицал Шуазель, — этот осел, этот олух Бретель женился и везет в Петербург жену. Мало того, он еще имеет наглость утверждать, что безумно в нее влюблен. О чем он думает? Ведь он обязан излучать любовь только в сторону Екатерины!

Людовик к этому сообщению отнесся проще — по-королевски.

— Сколько лет Бретелю? — спросил он.

— Двадцать семь, ваше величество.

— И только-то? В его годы я так не думал; чем больше женщин, тем интересней… Отправляйте Бретеля!

Бретель приехал в Россию. Лопиталь пока — для видимости — оставался послом. Бретель же (в звании полномочного министра) должен был подпереть его авторитет своей красотой и молодостью. Отныне все тайны короля были поручены Бретелю, а де Еон лишь исполнял при нем роль советника и резонера. Честолюбивого кавалера никак не устраивало быть пятым тузом в колоде.

Во исполнение инструкций Бретель поспешил познакомиться с Екатериной. Результат свидания был прямо противоположный заветам Шуазеля: Бретель стал добиваться возвращения Понятовского в объятия Екатерины. Де Еон, конечно,

уже был извещен, что его приятель Григорий Орлов подтвердил русскую пословицу: «Свято место пусто не бывает!» И теперь кавалер, сидя в темной комнате с козырьком на глазах, хохотал до упаду.

— Вы, случайно, — спросил он Бретеля, — свалились в дипломатию не из флота? Ведь только моряки любят взирать за корму.

Де Еон понял: перед ним человек, которого в Петербурге обдурит даже дворник; хорошие человеческие качества — этого для дипломатии еще недостаточно; де Еон признал, что с появлением этого красавца Бретеля французская дипломатия обречена на полный провал в России… Желая помочь, де Еон сказал Бретелю:

— Сейчас главная сила в мире — это русская армия. Следите за ее движением. От маневрирования русских легионов зависит вся дипломатия Европы; это неизбежно, благодаря победам России! Будь я на месте вашем, я бы на победах русского оружия строил политические виды Франции… Нельзя Версалю пренебрегать Россией, как пасынком Европы! Вы же. Бретель, прекрасный мужчина, но роль любовника вам не к лицу. В нарушение всех инструкций Шуазеля продолжайте любить свою жену… Она, ей-ей,

стоит любви гораздо больше ораниенбаумской злой распутницы!

***

Поздним вечером де Еон, скучая, расставил шахматы, и маркиз Лопиталь подсел к нему. Тонкими пальцами кавалер двигал изящную королеву, стремительно приводя Лопиталя к поражению.

— Я хотел бы, маркиз, стать искренним перед разлукой с вами, — признался он. — Быть на побегушках у выскочки Бретеля я не желаю.

— Догадываюсь, — ответил ему Лопиталь. — Так и быть: пока Пуассонье не уехал, поговорю с ним, чтобы он выписал вам «диплом» на болезнь ваших глаз.

Елизавета дала де Еону прощальную аудиенцию. Печально журчали за окнами фонтаны Петергофа, серое море лежало за парком. Над голубятнями парили птицы. Петербург едва угадывался вдали. Пахло водой и абрикосами. Деревья плодоносили, тяжело провиснув до самой земли ветвями. В воздухе знойно парило. Из дверей вышел камергер и тихо, как о покойнике, объявил:

— Ея величество сюда следует.., ждите!

Два дюжих гайдука внесли кресла, на которых сидела Елизавета Петровна. Страшно распухли ее ноги, покрытые язвами, к которым присохли ярко-фиолетовые чулки. Она подозвала де Еона к себе, чмокнула его в щеку, быстро сунула ему что-то в ладонь и заплакала. Гайдуки тут же подхватили ее — унесли в покои. В руке кавалера осталась табакерка с портретом и вензелем императрицы. На миниатюре она была еще молодой, с курносым носом, в кудряшках, грудь наполовину обнажена, она.., уже не такая!

К де Еону подошел грустный Иван Иванович Шувалов:

— Государыня наша плоха… Зря! Зря вы, кавалер, отказались от русской службы. Мы бы сжились. Подумайте; еще не поздно!

Благодаря маститого Пуассонье за медицинский «диплом», де Еон спросил медика о здоровье русской императрицы.

— Ни одна женщина, — ответил врач, — не ведет себя так бестолково в этот кризисный для любой женщины период. Она желает быть здоровой, но обедает в три часа ночи. А засыпает с петухами. Я прописываю ей бульон, но, оказывается, начался пост, и живот императрицы раздут от кислой капусты. К тому же много было

в ее жизни вина и мужчин… Конец наступит внезапно.

Так сказала медицина, а панихиду могли отслужить пушки и дипломатия. Но уже совсем в ином направлении — под руководством голштинского выродка. Было печально уезжать, но уезжать все-таки надо. Последний поцелуй он принял в Петербурге от Катеньки Дашковой, — она всплакнула, помахала рукой.

— Молодость кончилась, — сказала она, вытерев слезы… Обремененный кладью, де Еон поскакал на родину. Отшумели русские леса, промелькнула чистенькая Митава, в дубовом лесу запели ночью рога. Дымно чадя, горели во мраке смоляные факелы. Разбив бивуак в дубраве, близ тракта стоял обоз с траурными дрогами. Полно было в лесу слуг, конюхов, лекарей. Это возвращался на родину русский посол во Франции — Михаила Петрович Бестужев-Рюмин, брат бывшего великого канцлера.

Де Еон вылез из коляски. На пригорке стоял раскрытый гроб, и в нем, перевязанный коленкором, обложенный подушками со льдом, лежал мертвый русский посол. Сквозь толстый слой парафина едва угадывалось его лицо, покойное и величавое. Старый дипломат возвращался в

свое отечество, до конца исполнив долг свой на чужбине. Кавалер де Еон снял шляпу…

Было что-то очень печальное в этой обреченности жить вдали от родины и оставаться ей постоянно верным. А родина.., какая она? Постепенно уже все забывалось.

— Дальше! — сказал де Еон и впрыгнул в коляску.

ЖАЛКАЯ КАМПАНИЯ

Салтыков был человеком честным; когда Конференция стала бранить его за вражду с австрийцами, фельдмаршал заявил прямо:

— Русским на Руси доверия мало. У нас командиру лучше из чужестранцев быть. А я природный русак, вот вы меня и треплете!

Елизавета Петровна встала на защиту Салтыкова, и при свидании с Эстергази императрица сказала в оправдание:

— Бестактные нотации от Дауна и Лаудона, кои получал от них Салтыков, могут истощить терпение человека самого флегматичного. Критики же двора венской императрицы на действия моей армии почитаю оскорбительными для чести российской...

Когда же повидала Салтыкова, тот ее огорошил:

— Кончай войну, матушка!

— В уме ли ты, Петр Семеныч?

— В уме, матушка. Мы свое получили: Пруссия за нами. А дальше — только кровь лить понапрасну станем. Не жди согласия в союзе с Францией

и австрияками: эти страны лишь силу нашу великую используют. Но разумно ли нам далее свои силы тратить, ежели Россия уже отвела от рубежей своих угрозу прусскую?..

Елизавета в ответ сказала, что ей — это ладно, но больше никому другому чтобы Салтыков такие мысли не преподносил, и велела представить план кампании 1760 года. Петр Семенович повиновался, но заметил императрице, что план кампании будет строить лишь ради российских интересов.

— Австрийцы же пусть о своих огородах сами пекутся! Елизавета подавленно ему отвечала:

— Я бы и согласна на то.., да Конференция не станет вопросы иные отдельно от Вены решать. Договоримся, фельдмаршал, так: наружно ты указам моим подчинись, а внутренне я освобождаю тебя от исполнения оных указов — ты волен секретно поступать по своему усмотрению, австрийцев не слушаясь… И это пусть между нами останется.

Салтыковский план кампании Конференция не утвердила. План этот приводил к полной победе над Пруссией, но грозил большими осложнениями с Веной. Политика победила стратегию: отныне русская армия становилась «помощной»

для армии Австрии.

Отъезжая из Петербурга, Салтыков сказал на прощание:

— Холопством наказала меня судьба-злодейка. Чую, что скоро мне и роты не доверят в команду. Прощайте! Охти, я болен…

…План Салтыкова, отвергнутый Конференцией, через полстолетия лег на стол Наполеона, — Наполеон учился побеждать. Фридрих был непобедим, пока не столкнулся с Салтыковым… Наполеон внимательно изучал планы Салтыкова, которого считал одним из самых выдающихся полководцев XVIII столетия!

В нашей стране великих полководцев прошлого знают, так сказать, «в лицо». Советские маршалы носят их чеканные профили на груди. Покажи портрет, и даже дети точно определяют:

— Это Суворов.., а вот это — Кутузов!

Салтыков «в лицо» не угадывается. Его у нас знают мало. В провинции, в тиши краеведческих музеев, во глубине России, он глядит с портретов на новое поколение — седенький, ласковый и хитрый старичок.

Салтыков в нашей стране не знаменит, но он признан нашей страной. Правда, от широкой славы в потомстве он затаился в военных архивах,

в солидных монографиях, в толстенных сводах рескриптов и документов. Он живет среди бумаг так же тихо и незаметно, как и жил когда-то — пока не грянул Кунерсдорф!

В Великую Отечественную войну мы о Салтыкове помнили.

Ибо за этим старичком вырастал призрак Берлина.

***

Фридрих говорил, что «работает теперь, как черт».

— И все должны работать как черти. Однако, — добавлял король, — я весь трясусь, когда подумаю о начале кампании. Глупо с моей стороны еще существовать, но почему-то я еще существую.

Впрочем, король трясся напрасно. Кампания 1760 года была самой жалкой, самой невыразительной за все время войны. Шпионов на австрийской стороне Фридрих как-то растерял, сведения о русских планах текли к нему от Тотлебена, — только бы этот j 1284 не проворовался!

Салтыков по прибытии своем к армии разругал Фермера:

— Почто конница Тотлебена гуляет, где ей угодно? И никогда Тотлебена не видать там, где ему

быть надобно по диспозиции. А мне запорожцев не надобно; взять Тотлебена в шоры!

Впервые тогда обратили внимание на то, что доклады Тотлебена лживы: он доносит о пруссаках, когда их нет; пишет, что пруссаки ушли, — туда идут русские, и вырубаются подчистую пруссаками.

— Подтяните Тотлебена ближе к моей ставке, — указал Салтыков. — Мне надоели его гулянки от города к городу… Самая жалкая из кампаний оказалась и самой бесчеловечной. Немец зверствовал над немцем же! Дорогу для варварства открыли австрийцы. Лаудон, завладев Ландсгутом, признал удрученно:

— У меня нет денег, чтобы расплатиться с моими храбрецами. Так скажите, что я отдаю им этот город на растерзание…

Получив в награду целый город, славный искусными ремеслами и торговлей, имперские войска для начала зарезали тесаками всех его жителей (дети и женщины пощажены не были). Людская кровь ручьями стекала в огонь пожаров .

Фридрих уже вырос под стенами Дрездена, где тогда проживало семейство польско-саксонского короля Августа III. Об этом и напомнил королю де Катт, на что Фридрих ответил:

— Головы курфюрстов так устроены, что не чувствуют боли, когда вырывают волосы у их подданных. Будем же рвать волосы прямо с голов властелинов…

Сделав несколько выстрелов по городу, Фридрих ждал, что Дрезден ему сдадут, дабы не подвергать опасности детей короля. Но.., ошибся: австрийцы столицу Саксонии не сдавали.

— Тогда начинайте, — сказал король. — Мы сейчас устроим из Дрездена второй Ландсгут; люди мы уже давно знакомые, так чего нам церемониться?

«Великолепные дворцы и церкви, истинные памятники искусства и вкуса, рассыпались в развалины. Улицы были покрыты ранеными и раздавленными падением домов и колоколен. Вопли отчаяния раздавались по городу… Пользуясь смятением, австрийские солдаты, не приученные к субординации, пускались на грабеж; неистовства их над бедными жителями умножали общее бедствие… Вскоре цветущий и красивейший город Германии обратился в печальный остов, напоминавший о прежнем величии и богатстве!»

Судьба Дрездена оказалась ужасной: снаружи пруссаки уничтожали его ядрами, а гарнизон

австрийцев уничтожал Дрезден изнутри. Две крысы трудились усердно над одной головкой сыра: одна крыса обгладывала его с корки, а другая забралась внутрь, жрала сыр и тут же гадила…

Фридрих потом спросил:

— Где же австрийские педанты и русские бестии?..

Принц Генрих, — обратился он к брату, — быстро и незаметно прокрадитесь в Бреславль, чтобы опередить Салтыкова… Даун не желает быть высеченным мною. Но когда нельзя высечь господина, тогда секут его лакея. Итак, я готовлю розги для Лаудона…

Лаудон в это время осаждал Бреславль; он послал трубача к коменданту крепости, чтобы передать ему такие слова:

— Мы не пощадим даже младенцев в ваших утробах! На что комендант отвечал Лаудону ничуть не хуже:

— Слава богу, мы пока еще не беременны… Тут к Бреславлю подоспел Генрих Прусский, и Лаудон быстро собрал манатки. Но уже приближалась, отчаянно пыля по горизонту, армия России, и король понял:

— Вот решительный час, когда секира срубает голову! Никак нельзя смириться с соединением

русских с австрийцами…

Далее Фридрих стал похож на жонглера: он катил перед собой один шар (самого Дауна), а сзади его настигал, подталкивая в спину, другой шар (командующий австрийской армии Ласси). В самом деле, когда подумаешь, то в искусстве полководцев бывают забавные положения! Одну армию противника Фридрих толкает перед собой, другая же армия противника толкает его самого, чтобы он еще активнее гнал впереди себя первую… Под городом Лигницем король едва перевел дух и сказал:

— Вот это была гонка! Одного не пойму: кто кого гнал? Я — Дауна или Даун — меня? Но сейчас дело за Салтыковым…

Салтыков подошел под Бреславль, абсолютно уверенный, что в городе австрийцы, и.., его встретили ядрами: город уже был в руках пруссаков.

— Мерзописцы! — ругался Салтыков. — Можно ли быть беспечнее и бездарней? Нам же (нам, русским!) сейчас придется кровью расплачиваться за скудость ума чужого… Армия короля уже за Эльбой и за Шпрее! Если сейчас корпус Лаудона не примкнет к нам, я отвожу свои войска обратно — в Польшу.., хоть в Тамбов, хоть в Иркутск, но здесь толку не будет!

— Наверное, Салтыков немало удивлен, не встретив Лаудона? — посмеивался Фридрих. — Конечно, он сейчас станет ожидать подхода его корпуса. Но, увы, я должен Салтыкова крайне огорчить: Лаудона он больше никогда не увидит…

И далее — за невозможностью высечь господина — король безбожно и безжалостно «высек» его лакея. Это «сечение» было проведено возле города Лигница.

***

Даун прислал Салтыкову письмо, что завтра обязательно атакует Фридриха. На следующий день он прислал письмо, что атаковать Фридриха не станет — один офицер его штаба удрал к Фридриху и утащил с собой все планы кампании… Салтыков махнул рукой:

— Я, кажись, и вправду заболел. Ну, сколько же можно рвать планы? Кулаками цесарцы машут, но когда же бить учнут?

Маленькая армия Фридриха теперь напоминала своим поведением живую скользкую змею. Эта змея искусно выкручивалась между тремя армиями — Дауна, Лаудона и Ласси. Днем австриякам казалось, что змея уже в их руках, осталось

лишь раздавить ее; за ночь Фридрих умудрялся выскальзывать из тисков. Но радость австрийского штаба уже передалась в Вену.

— Мешок готов! — кричали венцы. — Осталось завязать его…

Невдалеке от города Лигница прусская армия окружила свое логово штыками аванпостов. Король прилег возле костерка, накрылся плащом. Мимо проходил солдат и угрюмо буркнул:

— Смотри, Фриц, ты свалился прямо в лужу…

— В том-то и удобство, приятель, — отвечал король с земли, — что пойло и купанье у меня под рукою…

Костерок тихо потрескивал. Белая, как привидение, тень Циттена возникла из мрака ночи, проплыла среди спящих и присела возле огня. Король из-под плаща долго смотрел на этот призрак.

— Смерть, — спросил король у Циттена, — а куда делась твоя коса, которая всегда торчала из-за плеча?

— Пропили косу, король, — хмуро отвечал Циттен.

— Так и быть, — вздохнул Фридрих. — Я подарю тебе новую… Циттен, я сейчас усну, а ты не спи…

Всю ночь Циттен, куря трубку, просидел на

барабане, слушая тишину. Из соседней деревни доносился иногда бой церковных часов. Циттену хотелось в деревню — попить молока, зарыться в сено, отогреться. Кожа барабана противно скрипела под ним…

Было еще совсем темно, когда он растолкал короля:

— Лаудон проснулся! Вставай и ты, король…

К шести часам утра от армии Лаудона остались только рожки да ножки. Король не просто разбил его. Он его растер. Перемешал с землей. Давняя злость нашла выход в мщении… Фридриху доложили, что на подмогу Лаудону движется сам Даун с армией.

— Педант идет спасать то, чего уже не существует, — сказал король. — Мне любопытно знать, как он станет побеждать меня своей медлительностью…

Даун, напоровшись на пруссаков, побежал обратно.

— Видите? — сказал король. — Бегство — это тоже способ достичь победы… Даун этот способ усовершенствовал!

Его поздравляли с победой, Фридрих скупо отвечал генералам:

— Лигниц был для меня улыбкой забытого

счастья. Но вот вам блестящий результат! Вместо соединения русской армии с австрийской получилось совсем обратное: я соединил свои войска с армией брата моего, принца Генриха… А где же русские?

Русских нигде не было: войска России скрытно отошли.

— Посылайте разведку, — велел король, сильно озабоченный. — Что они там еще задумали, эти русские?

На постоялом дворе король долго, скрестив руки на груди, четкими шагами мерил комнату для проезжих. Резко остановился.

— Вот разница между Дауном и Салтыковым, — сказал задумчиво. — Даун — это баран, который слепо упирается лбом в инструкцию, присланную ему из Вены. Это не полководец, а буквоед и догматик неисправимый… Он неинтересен для меня как противник, он просто мне надоел! Салтыков же — артист, человек творческий, это Метастазио, это Лекен, это.., дьявол. Он смело меняет свои планы, и каждое его новое решение мне неизвестно.

Разведка донесла, что — по слухам — Салтыков сильно болен.

— Жаль! — искренне огорчился король. — Про-

сто жаль, что мы с ним противники. Будь другие времена, я послал бы ему письмо с пожеланиями скорее выздороветь… А теперь я должен только радоваться его болезни…

Король не знал, что накануне Салтыков собрал совет, и косица на затылке фельдмаршала тряслась от приступов гнева.

— Я болен и в гипохондрии жестокой плачу почасту. Вот уже немало дней прошло, как связи с австрияками не имею. А из Питера меня рвут, чтобы совместно побеждал.

Совместно.., с кем? Призрак мощи австрийской неуловим, а тень Дауна — не помощник в борьбе. Год потрачен бесплодно в ненужных маршах, чтобы поймать за хвост хоть кого-нибудь — союзников или противника!

Жезл фельдмаршала, сверкнув камнями, ударился в стол.

— Хватит! — сказал он. — Ныне стану просить об отозвании своем из армии. Может, я и вправду недалек.., другой бы дальше моего ушел! В командующих же хочу видеть после себя Петра Александровича Румянцева: молод, храбр, настырен, деловит, не пресмыкающ, не зазнаист, неподкупен и

— патриот дивный! Прощайте, люди русские,

не поминайте меня лихом!

***

Петербург, его двор и окружение императрицы снова стали ломать голову

— кому быть главнокомандующим? Фермер уже изгадил свою репутацию, — ему нельзя доверять армии. Румянцев же — молод, сочли неудобным ставить под его команду таких стариков, как Фермер. Правда, зимой был выкуплен из прусского плена генерал Захар Чернышев, но Конференция побаивалась его строптивости. Напрасно Салтыков из армии требовал Румянцева, только Румянцева… Нет, Шуваловы ходу ему не давали. В главнокомандующие русской армии был назначен Александр Борисович Бутурлин.

Только придворные соображения выдвинули Бутурлина. Смолоду он был красив, как Аполлон, и юная Елизавета любила его без памяти. Пусть больная императрица потешится, видя своего облысевшего, спившегося любовника в чинах высоких. Бутурлин никакими талантами не обладал, его образование оставалось на уровне знаний царского денщика. Он даже не умел читать карту. Палец Бутурлина смело залезал в морские просторы.

— Армию двигать сюды, — говорил он, на что ему отвечали:

— Сюды нельзя, Александра Борисыч.., потопчешь! Пил Бутурлин, словно лошадь, — ведрами. И любил раздавать чины собутыльникам. Чем больше пиля, тем старше становились в званиях. Под утро, очухавшись, Бутурлин спрашивал:

— Петь, а Петь.., ты кто теперича?

— Кажись, капитаном сделали.

— Ой ли? А ты, Сень?

— Я уже в полковниках хожу…

В ответ слышалось тяжкое стариковское покашливание:

— Вы бы того.., поснижались! Эдак и меня скоро нагоните.

Пока ж Салтыков болел, а Бутурлин собирался отъезжать к армии, Фермер должен был исполнить одно решение Конференции, которое определяло судьбу войны и окончательно закрепляло шествие России по Европе.

— Ведено нам Берлин идти брать! — сказал Фермер. — И то исполнят пусть корпусами своими Чернышев с Тотлебеном…

Из песни слова не выкинешь, как не выкинуть и Тотлебена из русской истории. Мы опять сталкиваемся с парадоксом: доверенное лицо

Фридриха, его же платный шпион, должен силой брать у короля его столицу. Но говорить о Тотлебене нельзя без того, чтобы сначала не пропеть возвышенного гимна сундукам. Боюсь, у меня не хватит умения сложить торжественную сагу в честь вещевой тары…

Тотлебен провел жизнь, сгорая на высоком костре страсти к различным сундукам. Страсть эта была почти чувственная (тару он обожал, как любовниц). Просматривая документы о нем, я все время встречал описание сундуков. Сундуки, сундуки, сундуки… Просто жил в сундуке! Разные были сундуки: начиная с громадных, обитых железом, с потайными замками, и кончая элегантными шкатулками. Узнав о походе на Берлин, граф Готлоб Курт Генрих фон Тотлебен загодя стал запасаться порожней тарой…

Осень в этом году была ранняя. Потекли дожди, развезло дороги. Копыта конницы оставляли в грязи глубокие лунки, солдаты с трудом выдирали ноги из слякоти. Русские теперь никуда не уклонялись — они шли прямо на Берлин.

КЛЮЧИ ОТ БЕРЛИНА

Берлин! На славянской реке Шпрее с ее серебристыми в древности водами была деревенька по названию Берлин; в ней жили славяне; они ловили рыбу, охотились в дремучих лесах, жгли языческие костры, а вокруг — тишь, жуть, тьма, вой… Потом из деревни вырос городишко Славянский город Берлин!

Но вот явился бранденбургский маркграф Фридрих Железные Зубы, выстроил здесь замок, который и стал оплотом всего могущества Бранденбурга. За массивами камней, в окружении решеток, ютились члены Гогенцоллернского дома. Славяне заложили начало Берлина, славяне же и отстроили Берлин… Пройдет время, и Берлин станет столицей всей Германии! И никто уже не помнит тех первых пахарей и скотоводов, на костях которых покоится величие этого мрачного города.

***

22 сентября 1760 года в замке Шарлоттенбурга сидели два генерала, уже побитых: Ганс фон Ле-

вальд и Зейдлиц. Берлин засыпал, в окнах гасли огни. Беседу Левальда и Зейдлица прервал топот кованых ботфортов, — к ним явился растерянный берлинский комендант фон Рохов:

— Вы так мирно сидите тут, а Тотлебен уже возле городских ворот. С ним пришел авангард, за ним движется конница Чернышева. Сопротивление Берлина считаю губительным для столицы, и.., я сдам его!

— Не дури, — ответил Зейдлиц. — Армия принца Вюртембергского неподалеку, и она сумеет постоять за столицу.

— Наконец, — добавил Левальд, — это же… Тотлебен! Немало он прожил вместе с нами в Берлине. И сын служит в наших войсках. Славный мальчик, весь в папашу! И король подарил Тотлебену поместье… Фон Рохов, идите к дьяволу со своими страхами!

Берлин тогда был тыловым госпиталем для офицеров Фридриха; здесь же — в столице — содержали знатных военнопленных и многих русских. Хотя Берлин и называли «Афинами на Шпрее», но это была, скорее, обширная, несуразная деревня с населением в 120 тысяч жителей. И вот эта «деревня» проснулась, разбуженная канонадой. Русский авангард, стоя под стенами,

выстреливал ядра и бомбы. Богатые берлинцы быстро вязали тюки и удирали прочь. Остальные решили победить казаков водкой. Кто-то из берлинцев (видать, самый опытный) провозгласил:

— Как можно больше водки! Я знаю русских: они напьются, станут лупить друг друга, а нас уже не тронут.

Водку берлинцы покупали на деньги, собранные в складчину. Но всю водку выдули войска принца Вюртембергского, которые неожиданно вступили в Берлин, опередив Тотлебена. Тотлебен понял, что его надежды захватить Берлин врасплох потерпели крах. Он расстрелял все снаряды, у него остались лишь две пушки, есть было нечего, лошади и люди изнурены до предела, и он

— отошел.

Мы приближаемся к самому интересному моменту русской истории. Чтобы понять все дальнейшее, нам необходимо знать, чего добивался Тотлебен под Берлином. Этот мерзавец желал не только обогащения, — нет, в душе Тотлебена была взлелеяна мысль: обязательно вступить в Берлин одному, чтобы ни с кем не делить славы!

Сейчас он сунулся в ворота наугад, не дождавшись подхода корпуса Чернышева, рассчитывая,

что в панике жителей удобнее прорваться в город. Но во главе гарнизона стали опытные вояки — Зейдлиц с фон Левальдом, они дали Тотлебену тумака, и он отлетел от ворот. Однако Тотлебен был честолюбец упрямый: теперь он обдумывал, как ему поступить, когда войска Чернышева придут.

Далее поведение Тотлебена будет складываться из коварства, двурушничества и удивительной бессовестной лжи! Эта ложь начиналась с того, что Тотлебен в своей первой неудаче приступа к Берлину обвинил Захара Чернышева… Он обвинил Чернышева, который еще не успел доскакать до Берлина!

***

Чернышев шел к Берлину вслепую, ибо Тотлебен сознательно лишал его донесений и сводок. Старше Тотлебена по чину, Чернышев и должен был возглавить экспедицию на Берлин, хотя было ясно: Тотлебен зубами станет держаться за свою самостоятельность. Двигая колонну от Фюрстенвальде, Чернышев на ходу разработал план боя, чтобы разбить войска принца Вюртембергского и сразу ворваться в столицу. На помощь к нему пришла на рысях дивизия Петра Ивановича Панина.

Тотлебен же, по прибытии Чернышева и Панина, сделал вид, будто и знать их не знает. Он продолжал действовать в одиночку, но сумел выклянчить у Чернышева девять тысяч человек. Себя усилил, а соперника ослабил! Затем Тотлебен стал выискивать в обстановке момент, а в Берлине — лазейку. Честного боя с открытым забралом он не признавал.

Чернышев же верхом вымахал под самые стены Берлина:

— Эй, немцы! По чести говорю вам: открывай ворота! На что ему ответили с пушечных верков:

— Мы откроем Берлин, только увидев своего короля.

— Взгляните на мою кобылу, — хохотал Чернышев. — Разве не узнаете кобылы своего короля?

Лошадь под генералом была действительно из королевских конюшен Фридриха. Где он достал ее — об этом Чернышев болтать не любил. Вызывающее поведение его озлобило немцев, и пушечное ядро, дымно воняя, рухнуло неподалеку. Острой щебенкой и песком сыпануло в лицо… Он отъехал к лагерю, — это была его рекогносцировка, — Чернышев как следует рассмотрел ворота.

Берлин, главная кузница всей боевой мощи Фридриха, лежал перед русскими весь в зелени

садов, розовея по утрам черепицей и дымя трубами арсеналов, литейных цехов и сукновален. В очень узком кругу друзей, с Петром Паниным во главе, Захар Григорьевич Чернышев решил:

— Завтра в семь, едва рассветет, быть штурму Берлина! Сигнал для армии — три выстрела горящими брандскугелями…

Чернышев по старшинству своему приказал Тотлебену подойти с корпусом на подмогу для штурма. На что Тотлебен ответил, что этим предложением его так обидели, что теперь он горько рыдает, — и приказа не исполнил. На второй приказ Чернышева — передвинуть легкую конницу за реку — Тотлебен даже не ответил.

Вскоре к Берлину спешно подошел австрийский корпус Ласси. Сразу усложнилась задача Тотлебена: у него появился лишний соперник! Тотлебен обдумывал вопрос: как принизить значение Чернышева и Ласси, а самому стать главным?

И вот ночью, втихомолку, Тотлебен прокрался между корпусами Чернышева и Ласси. Этим маневром он прервал между ними связь, сам занял центральное положение, и теперь без его содействия не могли действовать остальные войска. Из этого видно, что даже в полевой тактике можно

быть интриганом и карьеристом!

Далее Тотлебен — по секрету ото всех — послал в Берлин трубача с письмом в прусский военный совет. Тотлебен передал совету план штурма Берлина, разработанный Чернышевым, и предложил немцам задуматься над своей судьбой… Трубач объявил:

— Благородный генерал Тотлебен скорбит душою за вас. Если будет штурм

— Берлин подвержен станет ужасам от Чернышева и австрийцев. Но если вы сдадите Берлин лично Тотлебену, тогда он берет ваш город под свое покровительство.

Наступал рассвет перед штурмом («невозможно довольно описать, с какою нетерпеливостью и жадностью ожидали войска этой атаки: надежда у каждого на лице живо обозначалась»), Музыканты уже были наготове, чтобы играть; барабаны и литавры вышли вперед, дабы суровой музыкой войны воодушевить атакующих. Врачи разложили на траве свои страшные корнцанги для вынимания пуль из тела, роса покрыла ужасные их ножовки для ампутаций… Все замерло в напряжении: вот-вот вырвутся из пушечных пастей три горящих брандскугеля

— и тогда.., тогда все решится!

Чернышев глянул на свои часы, что болтались в кожаном кисете у золотого пояса.

— Примкни багинеты к ружьям! — скомандовал он. Но из утренней прохлады, от Галльских ворот, вдруг затрубили рожки парламентеров. Тотлебен уже принял от берлинцев условия капитуляции. Еще в три часа ночи он вошел в Берлин, сменил гусарами караулы на гауптвахтах и при воротах, а сам двинулся к дворцу короля... Темны закоулки людской подлости!

Бой, правда, вспыхнул. Но этот бой начался между русскими и австрийцами — за обладание воротами Галльскими и Бранденбургскими. Чернышев велел уступить ворота корпусу Ласси, а сам поскакал на форштадт, где его ждал бригадир Бахман.

— Ты кто таков?

— Я комендант Берлина, — отвечал Бахман.

— Какой дурак тебя назначил в коменданты?

— Мой начальник, генерал Тотлебен.

Повидав Тотлебена, Чернышев чуть не избил его:

— Вам бы кур воровать, а не города брать! Капитуляция прилична, когда ее диктует сила оружия, а не воровство тихонькое. Где гарнизон немецкий? Куда наши пленные подевались?

Тут стало ясно, что весь гарнизон Берлина Тотлебен выпустил; прусские войска, при знаменах и при оружии, быстро уходили на Шпандау, гоня перед собой и русских пленных офицеров. Чернышев, сам хлебнувший горя в плену прусском, этого не стерпел.

— Петра Иваныч, — велел Панину, — бери конницу, измельчи весь гарнизон в капусту, засоли в бочках и бочки сюды прикати!

— Но условия капитуляции того не допускают, — помертвел от бешенства Тотлебен. Чернышев плюнул ему под ноги.

— Видал! — спросил, на плевок показав. — Вот твои условия…

В стремительном набеге русской кавалерии закончил свое бесславное существование гарнизон прусской столицы.

Бой под Шпандау был очень жарким — с огнем пушек и сабельным визгом. Кто не сдавался — того рубили, кто сдавался — того гнали в тыл. Никого из русских не устраивало «то прозаическое, будничное вступление в Берлин, которое подготовил и осуществил Тотлебен». Русские войска в занятии Берлина видели конечный результат кровавой тяжбы; для России «быть в Берлине» означало вздохнуть полной грудью,

словно облегчая себя после изнурительной борьбы с врагом…

Совсем не так думали о Берлине австрийцы: для них Берлин оставался лишь городом, богатым и нарядным, из которого надо брать все, что можно утащить с собою. И если Чернышева отделяла от Тотлебена политическая сторона дела, то венский корпус Ласси стал прямо враждебен русским войскам в Берлине по соображениям человеческой морали…

***

Тотлебен потребовал с Берлина контрибуции в четыре миллиона. Да не новой «эфремовской» монетой, которая худа, а старой. Тогда берлинский банкир Гоцковский бряк-пул на стол генерала мешки с двумястами тысячами талеров.

— Подарок вашим войскам, — объяснил он, подмигивая. Тотлебен ссыпал деньги в свои сундуки, и контрибуции сразу были снижены до полутора миллионов. Немцы выдали только одну треть суммы, а на миллион таллеров подсунули.., вексель!

— За нами не пропадет, — посулил Гоцковский. — С этим векселем вы можете прийти к нам и через сто лет: свое получите.

Австрийский генерал Ласси нагрянул в дом Тотлебена.

— Мой нежный друг, благородство всегда отличало воина от купца, — напомнил он Тотлебену о своей доле.

Тотлебен, сильно страдая, отсыпал ему 50 тысяч талеров, и храбрый Ласси чуть не загрыз его тут же. Он писал в Вену, что с русскими скаредами нельзя иметь никаких дел, ибо этим варварам недоступно понимание рыцарских принципов. Скандал из-за денег стал широко известен: историки Австрии кормились на нем не одно столетие, грязью обливая армию России… Но какое отношение к русской армии мог иметь фон Тотлебен, уроженец Тюрингии, помещик Померании, камергер Саксонии (титул графа получивший, кстати, от самой же Вены) и шпион Фридриха под j 1284?..

Конференция в Петербурге распорядилась обезвредить военные мануфактуры в Берлине, и войска взялись за дело: пушечные, литейные и оружейные цеха были уничтожены.

— Пали, робяты, Лагерхаус теперича, — велел Чернышев. — Хватит им сукно для армии Фридриха валять… Пущай они без мундиров, в одних подштанниках повоюют с нами!

Гоцковский (этот «идейный банкир», на службе Фридриха) среди ночи разбудил Тотлебена.

— Генерал, — трогательно взывал Гоцковский, — королевские фабрики сукна только называются королевскими, но ведает ими не король. Доходы же с сукновален идут на воспитание несчастных сироток в приютах Потсдама… Усмирите варвара Чернышева!

Судьба мифических сироток из Потсдама растрогала жулика.

— Засвидетельствуйте это письменно, — сказал Тотлебен Гоцковскому, — и клянитесь, что это именно так.

Подняли из постели духовника, появилась Библия, и рука миллионера бестрепетно легла на переплет из свинячей кожи.

— Клянусь, что сукновальни работают на сироток! — не моргнув, соврал Гоцковский, и сукновальни были спасены для Фридриха.

Чернышев уже разослал своих казаков вдоль Шпрее, и шесть речных мельниц, делавших порох для армии Пруссии, казаки рванули под самые небеса. Шесть раз прогремели стекла в берлинских домах, — русские не шутили… Чернышев теребил Тотлебена:

— А когда — арсенал? Мы не баловаться сюда

залезли…

— Зачем вы взорвали пороховые мельницы? — ответил ему Тотлебен. — Благодаря вам берлинцы стали терпеть голод.

На что Чернышев хорошо ему сказал:

— Впервые слышу, что берлинцы кормятся только порохом…

Фридрих уже мчался из Силезии на помощь столице, а впереди него неслись курьеры: «Арсенал.., арсенал.., арсенал! Во что бы то ни стало спасти арсенал!» Эта история с арсеналом Берлина до сих пор так и не выяснена до конца. Тотлебен понимал: Фридрих не простит ему, если он взорвет здание арсенала, этот образец берлинской архитектуры, которым король так гордился. Тотлебен все-таки согласился взрывать арсенал. Но.., шатнулись от взрыва дома и деревья. Русская «пороховая» команда погибла целиком. Причины взрыва, ослепившего Берлин, нам неизвестны. Но зато не стало у русских и пороха, чтобы взорвать здание арсенала.

— Тогда.., ломай его! — распорядился Чернышев. Арсенал подожгли, машины сковырнули в реку, оружие из складов побросали вслед за машинами. Разворотили монетный двор, перепутали ременные сбруи колес. Запасы соли для

армии Фридриха лопатами сгребли с набережной прямо в Шпрее.

Австрийцы разместились не в окрестных казармах, как русские, а там, где жратвы да вина побольше, — в центре столицы. Ласси высмеял русские порядки, и над Берлином раздалась другая команда — уже по-немецки:

— Парни, начинай мстить пруссакам за нашу Силезию! Госпитали и богадельни первыми изведали карающую руку господню. Шарлоттенбург еще не ведал, что немец может быть врагом немецкой же культуры. Австрийцы сложили костры из мебели, разбили фарфор, штыками взломали драгоценные инкрустации, резные панели стен и дверей изрубили в щепки, а картины великих мастеров прошлого изрезали ножами в лохмотья. Старинные органы, голоса которых слышны были на всю Европу, они просто уничтожили. В церкви же Треббинской австрийцы вскрыли усыпальницы, тела выбросили из гробов, отсекали покойникам пальцы с обручальными кольцами.

Кроаты и гусары Марии Терезии теперь набрались храбрости.

— Открывай! — ломятся они ночью в двери. Хозяин и жена падают под ударами сабель. Кри-

чат дети…

Дальше терпеть было нельзя. Первое столкновение с имперцами произошло возле потсдамских конюшен короля, которые охранялись русскими часовыми. Сбив караулы, австрийцы вспарывали животы лошадям, рубили в куски королевские кареты. «Зачем?» Вчерашние мужики, солдаты России, не видели смысла в этом безмозглом уничтожении всего и вся…

— Будем стрелять! — вскинулись ружья.

— Попробуй только, — хохотали австрийцы. Залп — и он покрыл этот хохот. На третий день капитуляции Берлина австрийцы раздевали горожан прямо на улицах. Женщины таились от них по подвалам. Четко печатая шаг, сикурсировали русские патрули. Вот опять: звон стекол, плач, истошные вопли…

— Скуси патрон! Вздуй! Полку прикрой.., пали! И на мостовых Берлина пролилась кровь: Петербург не испугался Вены — русские стали расстреливать своих союзников, как худых собак. Ласси понял, что шутки с грабежом плохи, но его спасло приближение армии Фридриха.

***

Весть о занятии Берлина русскими поразила

Фридриха в самое сердце — глубоко, язвяще, почти смертельно… Он признался:

— Отныне я похож на тело, у которого ежедневно ампутируют по больному члену. Еще один взмах ножа — и все кончено. Однако никакое красноречие политиков не убедит меня принять позор капитуляции. Лучше я погибну под развалинами Пруссии!

Он был вынужден бросить войну с Дауном, чтобы поспешить на выручку столицы. Армия короля двигалась на Бранденбург стремительно — как раскаленный метеор, и ничто его не удерживало.

— Я клянусь, — говорил король, качаясь в коляске, — я клянусь всеми силами ада, что Чернышев жестоко будет наказан мною за свою дерзость (о Тотлебене король, конечно же, не упоминал).

Всю силу мести своей, весь опыт полководца, жестокость монарха, который вот-вот лишится короны, — все эти «силы ада» Фридрих размашисто швырнул вперед, чтобы размозжить маленький корпус Чернышева, осмелившийся вступить в его столицу. Но… Чернышев, вовремя оставив Берлин, за три дня форсированного марша уже дошагал до Франкфурта.

Прослышав об этом, король пощелкал паль-

цами:

— Все ясно! Могу предсказать заранее: Даун, пока я летел на Берлин, уже занял Саксонию… Просто удивительно, как этот человек смело хозяйничает, когда хозяин в доме отсутствует!

Поворотив от Берлина обратно на Саксонию, Фридрих велел прислать ему подробный перечень разрушений и потерь столицы. Особенно он переживал уничтожение австрийцами драгоценной коллекции антиков; она досталась ему от кардинала Полиньяка, король годами лелеял и улучшал ее. Теперь красота древнего мира валялась в осколках, разбитая прикладами кроатов.

И последовало вдруг неожиданное признание короля.

— Спасибо русским, — сказал Фридрих. — Именно они спасли Берлин от ужасов, которыми австрийцы угрожали моей столице…

Король выразился именно так, что и зафиксировано свидетелями. И это признание очень важно для нас, русских. Но, сказав «спасибо русским», Фридрих тут же позвал к себе друга детства Финка фон Финкенштейна.

— Сочини-ка, дружище, — велел ему король, — хороший обстоятельный мемуар о злодействах русских в моей столице!

Что и было исполнено, И «спасибо» короля услышал его секретарь, а памфлет распространился на весь мир. Но вот мнение свидетеля беспристрастного — Леонарда Эйлера, который одинаково хорошо относился и к России и к королю Пруссии.

«У нас здесь было посещение, — писал Эйлер, — которое в других обстоятельствах было бы чрезвычайно приятно. Впрочем, я всегда желал, что если бы когда-либо суждено было Берлину быть занятым иностранными войсками, то пускай это были бы русские…»

Вольтер был восхищен стойкостью и дисциплиной в российских войсках. «Ваши войска в Берлине, — сообщал он русским друзьям, — производят более благоприятное впечатление, чем все оперы Метастазио».

***

Европа теперь не сомневалась, что русская армия способна творить чудеса. При занятии Берлина русские потеряли сто человек, пруссаки — более восьми тысяч. Сопоставление удивительное!

Но главное сделано: мы побывали в Берлине! А ключи от Берлина были торжественно переданы

в Казанский собор Петербурга — на вечное там хранение.

В исторически близкое нам время, в суровую годину Великой Отечественной войны, Гитлер настойчиво рвался к Ленинграду, где лежали ключи от его столицы… Но эти ключи оказались недосягаемы для германцев. Ключи от Берлина и поныне в наших руках! Мы получили их от предков наших — на вечное хранение.

МРАЧНЫЕ ТОРЖЕСТВА

Существует банальное выражение: «Его душа пылала ненавистью».

Этот избитый литературный штамп я решил применить к Фридриху. Душа короля действительно «пылала ненавистью», когда он, не поймав Чернышева, развернул свою армию от Берлина — назад, в дожди, в слякоти, на Саксонию… Вот сейчас всем чертям станет тошно!

***

Заняв Лейпциг, Фридрих собрал военный совет. «Надо напасть на Дауна»,

— убеждал король. Но генералы его молчали.

— Вы молчите? Но почему вы молчите?

— Ваше величество, в подобном случае нам лучше повиноваться бессловесно, нежели давать вашему величеству советы.

— Значит, вы находите наш успех невозможным? Опять молчали. Но тут поднялся Циттен:

— Король, мы берем яблоко и не спрашиваем — сладкое оно или кислое. Мы яблоко раскусываем… Кусай и ты Дауна, король!

Громадная армия Дауна раскинулась широко, левое крыло ее лежало на Эльбе, правое покоилось на высоких горах. Фридрих же, наоборот, стиснул свою маленькую армию в плотный кулачок. Сам король и Циттен — два кастета в этом кулачке. Эта неслыханная битва, на которую короля могло толкнуть только отчаяние, разразилась в мокрых лесах при Торгау.

Фридрих сам вел свои войска через лес. Листва, вся в каплях, хлестала его по лицу. Когда он вышел из леса, двести пушек Дауна открыли огонь. От, грохота множества орудий распались тучи на небе, даже прояснело. Столетние дубы теряли свои вершины. Австрийские ядра, влетая в колонны пруссаков, прорывали в рядах солдат коридоры. Но Фридрих, нахлобучив шляпу на глаза, со шпагою в руке, все-таки упрямо шел вперед. И он довел гренадер до пушек Дауна, — батареи сразу умолкли, отбитые.

Бой был жесток. Инфатерия ложилась костьми. Кирасиры-латники с обеих сторон рубились нещадно. Было неясно, кто победит сегодня. Все уже смешалось. Под королем убило лошадь, он стал пересаживаться на другую. Долго не мог поймать ее поводья.

— Подай же их! — крикнул он флигель-адъ-

ютанту.

И полетел из седла на землю… Пуля пробила грудь Фридриха. Он потерял сознание. Через бархатный сюртук обильно текла кровь. Но король быстро пришел в себя и закричал:

— Куда вы меня тащите? Дело еще не кончено… Даун бросил в схватку драгун, и они опрокинули прусскую армию. Это было уже поражение. Самое настоящее. Ночь наступила — глухая, осенняя. Из леса долго кричали раненые. Небеса плотно сомкнулись над павшими. С поля боя Фридриха отвели, поддерживая за локти, в ближайшую деревню. Но все дома уже заполнили искалеченные в битве. Тогда король прошел в церковь. Ему посветили фонарем, и он карандашом стал писать депеши. Допустил до себя врача, — ему сделали перевязку.

— А где же мой добрый Циттен? — убивался король. Циттен пропал со своими отрядами в глубоком тылу австрийской армии. Ночь тянулась неимоверно долго. Король часто просил:

— Выйдите из церкви, посмотрите… Может, уже светает?

Всю ночь он провел в церкви, скорчившись, сидел на ступеньках. Победа Дауна вчера была решительной: половина солдат короля осталась

лежать на поле битвы.

— Мне уже ничего не надо. Мне бы только Циттена… Вот единственный человек, который всегда умел утешить меня!

Но Циттен был счастливее короля: Циттен вначале сражения так далеко вырвался вперед, что даже не знал о разгроме своего короля. И это незнание помогало ему слепо стремиться к победе над австрийцами. Первым делом, уже к ночи, он поразил корпус Ласси. Потом, когда стемнело, Циттен сказал:

— Со свечкой в руках воевать не будешь. А рассвета ждать долго. Давай, гусары, поджигай все деревни…

Ночь высветилась заревом горящих людских жилищ. Циттену стало светло, австрийцы же совершенно не были приучены к ночному бою. Они путались, обстреливали свои же войска. Покорные и растерянные, они сдавались кавалерии прусской тысячными толпами.

Циттен — в белом, раздувшемся от ветра плаще — летал через мрак, освещенный пожарами и выстрелами, как призрак смерти.

— Где Даун? — орал он, потрясая палашом непомерной длины. — Я сегодня убью Дауна.., я оторву ему голову! Я выпущу из него всю требуху…

Дауна он не убил, но зато он его ранил. Даун — это не Фридрих, который, терпя боль, мог продолжать битву. Даун побежал. За своим командующим припустилась его армия — за Эльбу! Поражение короля в битве при Торгау закончилось победой Циттена, — генерал свершил то, чего не мог сделать его величество…

— Кажется, светает, — доложили Фридриху.

— Наконец-то! — обрадовался король, вставая. Он вышел из церкви. Ему подвели коня. Неторопливо Фридрих выехал из деревни навстречу своему войску, скорченному от холода и ран, от боли и позора. Конь короля ступал среди живых, словно через мертвецов, копыта мягко погружались в теплую золу костра… Фридрих ехал молча, печальный, и вдруг — в испуге — остановился.

Издалека скакали на него всадники в белых плащах, почти неслышно, словно подъятые над землей; они были ужасны в своем движении, будто плыли по воздуху, как нечистая сила, и король ослабел:

— Это моя смерть! Всадники Апокалипсиса.., я узнал их!

Первый же всадник, домчавшийся до короля, оказался Циттеном.

Вздыбил он жеребца перед Фридрихом, как над

пропастью.

— Я говорил уже, — хрипато прорычал Циттен, — любой плод надо раскусить, а потом уже болтать…

— Меня разбили, Циттен, — тихо ответил король. — Меня разбил этот дурак Даун. Я рад, что хоть тебя нашел живым.

— Разве такой дурак может разбить великого короля? Король, битва при Торгау выиграна тобою…

Он дарил свою победу пораженному королю. Это было великодушно!

Фридрих заплакал. Взошло солнце, и солдаты, вставая от загасших костров, вдруг увидели перед собой поле Торгау, — поле, сплошь покрытое трупами. Их были десятки тысяч, этих мертвецов, и все эти тысячи людей, еще вчера живых и теплых, были раздеты за ночь саксонскими мародерами… Солнце для того, наверное, и появилось на минуту, чтобы осветить этот апофеоз победы Фридриха. А затем оно снова угасло, опять надвинулись тучи из-за гор. И хлынул проливной ливень. Струи дождя застучали по животам, по спинам, по черепам, вода заливала раскрытые рты мертвецов.

И зябко поежился в своем бархате прусский

король.

— Какое мрачное торжество, — сказал он глухо. — Вот я и думаю; не пора ли нам погреться? Не пора ли на зимние квартиры?

***

Прежде чем развести враждующие армии на зимние квартиры, я хотел бы вновь вернуться к Берлину.

В душе читателя, вероятно, остался неприятный осадок после всего, что было сказано о Тотлебене. В самом деле, старинные трагедии хороши тем, что в конце их зло обязательно наказуется, а добродетель непременно торжествует.

Тотлебен не просто негодяй, не просто шпион. Это был оборотень. Он может служить классическим примером той степени падения, на какую только способен человек в своей гнусности. Ведь он умудрился через предательство продвигать себя по службе не только в Потсдаме, но и в Петербурге.

Но всему приходит конец, и никакие сундуки с золотом уже не помогут, если есть честные люди. Этими честными людьми оказались адъютанты Тотлебена, горячие молодые люди, которые давно (по доброй воле) следили за своим генералом.

Они-то и сделали так, что зло было наказано, а добродетель восторжествовала…

Забежим несколько вперед, читатель, и заглянем утречком 19 июня 1761 года в палатку Тотлебена. Изжеванная кровать, колченогий стул, грязное белье, небритое лицо. Поверх бумаг валяется треуголка генерала с полями колоссальных размеров.

— Вези, — сказал он, и Саббатка спрятал письмо к королю.

Его нагнали на лошадях адъютанты Тотлебена:

— Сымай сапог, стерва!

Из сапога курьера извлекли письма с шифрованными донесениями Тотлебена, подробный маршрут русской армии от Познани до Силезии. Вор был арестован заодно с коллекцией своих сундуков… («Вы можете представить себе, как это некстати сейчас!» — сообщал Фридрих брату своему, узнав об аресте Тотлебена).

Тотлебен не сдавался. Он бушевал. Он обнажил шпагу Он звал караул. Он кричал, чтобы его адъютантов арестовали.

— Расстрелять их всех! — кричал он.

После простонародного битья в морду Тотлебен попритих.

— Писал королю прусскому, — говорил он, рыдая, — затем только, чтобы, в доверие к нему войдя, потом короля в плен взять! Очень уж хотел я матушке-государыне услужить!

Елизавета велела «знатные города проезжать мимо и не останавливаться, а буде можно, то проезжать ночью». Но конвойные офицеры поступали как раз наоборот. В самых крупных городах, среди бела дня, везли Тотлебена прямо на.., базар! Народу там — полно, и генерала водружали на бочку, созывая народ:

— Эй, люди! Вот он, вор Фридриха.., плюйте в рожу ему!

Тотлебен долго отпирался от своего предательства. Тогда русское правительство обратилось с запросом о честности Тотлебена лично к... Фридриху! Вы думаете, король пожалел своего шпиона? Ничуть не бывало! В ответном письме к русскому правительству Фридрих сообщил о Тотлебене, что этот человек известен ему как человек самых грязных и подлых наклонностей, и «не верьте ни единому его слову!» — заключал король.

Тем и кончилась блестящая карьера. А как здорово шагал он по жизни. Ух, как гремели его сундуки!

***

Самая жалкая и самая бесчеловечная кампания 1760 года заканчивалась. Наступала суровая зима.

Фридрих выиграл и эту безнадежную партию в свою пользу (если не считать, что русские побывали в его столице). Король развел свою армию зимовать по крепостям и городам Саксонии. А русские ушли поближе к дому, разбили лагеря в землях Польши и Померании; армия России в это время насчитывала 98 063 человека, она уже втянулась в войну и готовилась к новым викториям. Магазины ее были полны, солдаты сыты и прекрасно обмундированы. Армия России стала теперь столь хороша и закалена в битвах, что в этом году решили даже не проводить в стране рекрутского набора.

Но уже близок был 1761 год — год разбитых надежд России, год национального унижения и глупости непомерной. Смерть подступала к Елизавете Петровне; в эту зиму она уже редко выходила к людям, тихо жила в задних комнатах, жарко протопленных; болея, она много плакала… Бутурлину она сказала:

Саша, кончай войну поскорее… У меня денег

нет уже!

Денег не было, и этим на Руси трудно было кого-либо удивить. Но за прошедшую кампанию с солдатами все-таки сумели расплатиться. Остальные чины империи жалованья не получили. И не скоро еще получат! Не было денег, зато были силы и великое желание добиться победы.

А вот у союзников деньжата водились, но Франция и Австрия боялись дальнейшей борьбы с Пруссией, ибо в этой борьбе усиливалась Россия. Австрия была согласна даже отдать Фридриху всю Силезию — только бы вытянуть ноги из войны. Людовик вдруг декларировал, что «цели войны уже достигнуты»! Если вся война заводилась для того, чтобы Фридрих побил Людовика, тогда — да, можно считать, что Версаль своего достиг!

Петербург устроил шум. Шум был велик! Европа не имеет права выходить из войны без согласия России. Елизавета Петровна заявила, что ее страна все битвы с Фридрихом выиграла, в Берлине побывала, — потому и голос России должен быть решающим.

Вот что она сказала в эти дни:

— Нам хоть после войны слава останется, что викториями довольствовались себе в утеху. Коли в Европе без нас что решать станут, так мы от

союзников отвратимся и с Фридрихом свой мир заключим…

Знал ли Фридрих об этих разговорах? Догадывался. Он зимовал в Лейпциге, куда выписал из Берлина придворную капеллу и своего старого друга маркиза д'Аржанса. Маркиз застал Фридриха за кормлением собак. Король в полуспущенных чулках сидел на полу, резал мясо, разбрасывая куски собакам.

— И это ты? — воскликнул д'Аржанс. — Кто бы мог подумать? Пять соперников пытаются решить судьбу твоей короны на мирном конгрессе в Аугсбурге, а ты… Чем занят ты, Фриц?

— Этим бестиям нравится жрать из моих рук, — отвечал король. — А ты, маркиз, заговорил о мире? Но время мира еще не пришло. В следующую кампанию я выставлю 190 тысяч штыков… Ахай, ахай! Штыки, мой милый, это такие карандашики, хорошо заточенные, которые любого болтуна-дипломата протыкают насквозь. Я люблю писать о мире именно такими карандашами. — И, живо поднимаясь с пола, король спросил:

— Знаешь ли ты, на что я рассчитываю?

— На что же, сир?

— На чудо, — приглушенно отвечал Фридрих. — И это чудо скоро произойдет.

Маркиз д'Аржанс шепнул ему на ухо:

— Ты говоришь «скоро»? Тогда скажи — когда? Фридрих долго молчал, глядя на возню собак, потом метнул на маркиза острый взгляд и вдруг истерично взвизгнул:

— Чудо произойдет, когда подохнет старая русская жаба! Я изнемог в ожидании ее смерти…

КАНУН ВСЕГО

Известие о близости мира едва ли достигло ушей де Еона, когда он гнал свою лошадь по кассельским рытвинам, а за ним мчались пять свирепых пруссаков. «Скорее.., ну же!» И снова шпорил бока коню, с лошадиных губ отлетали назад, как кружево, белые лоскутья пены. Кавалеристы настигли его

— палаши вскинулись над ним. И тогда он выстрелил наугад — из-под локтя.

— Женщина! — вскрикнул один пруссак, и, развернув лошадей, немцы поскакали обратно. Но они все же успели рубануть его палашами — выше и ниже локтя. До Еон потрогал голову: и здесь кровь. Опытная лошадь домчала его до лагеря, и шевалье выпал из седла на траву — как раз напротив палатки графа Брольи... Так началась военная служба бывшего дипломата, а ныне капитана драгунского полка.

***

Людовик отправил де Еона на войну — в адъютанты к графу Брольи. Их было два брата

Брольи: маршал Виктор и Шарль, бывший посол в Варшаве; Шарль Брольи теперь заведовал «секретом короля» — он исполнял обязанности принца Конти. Оба брата жили в одной палатке, и жезл маршала одного хранился возле шифров другого.

Таким образом, король посылал де Еона не только на поле брани: недреманное око Терсье и здесь берег своего агента.

Однажды де Еон разговорился с начальником швейцарской гвардии Рудольфом дю Кастелла.

— Знаете, — сказал задумчиво, — я в Петербурге немало и бранил русских перед королем. Но то ужасное положение, в котором я застал нашу армию, вдруг расцветило русский героизм розами.

Начальник гвардии, весь в латах и бронзе, опустил на плечо кавалера тяжкую длань в боевой железной перчатке:

— Поле битв Франции напоминает мне Версаль, а маршалы — придворные. Но никто не думает о лошадях-солдатах, которые везут ужасный груз этой войны…

Пока де Еон оправлялся от ран, в его батальоне был выбит целый ряд драгун.

— Что с ними? — спросил он. — Убили?

— Нет, они бежали, — был ответ…

Летом 1761 года маршал Субиз сомкнул свою Рейнскую армию с корпусом графа Виктора Брольи. На берегах величественного Рейна пахло мертвечиной, пожарищами и глициниями.

— Нас ждет позор, — сказал Брольи. — Меч Франции — в руках беспутной женщины…

Дезертиров вешали, секли, топили, травили собаками, но ряды гигантских легионов Субиза редели на глазах. Теплым июльским днем началось движение прусской армии под жезлом Фердинанда Брауншвейгского… Маршал Брольи скатал карту:

— И без карт видно, что мы будем разбиты без славы. Вперед же — во славу Франции!

Хромающая лошадь едва вынесла де Еона с поля битвы.

— Помощи! — призывал Брольи. — Скачите за ней к Субизу.

На этот призыв маршал Субиз ответил:

— Если Брольи не стоится на месте, пусть удирает дальше…

Де Еон вернулся в побоище и до конца изведал всю горечь поражения. Разбив маршала Брольи, прусские войска развернулись и прямым ходом пошли на армию Субиза. Растрепанный гонец явился в палатку графа Виктора Брольи…

— Субиз умоляет вас о помощи…

— Ах, теперь он меня умоляет! Так передайте: я не двинусь с места, даже если Субиза будут сажать на кол вот здесь — перед моими шатрами. Я его тоже умолял… Он разве помог мне?

Это глупейшее поражение французской армии вошло в историю под названием «Веллингаузен»… Спрашивается: кто виноват?

— Лошади, — съязвил де Еон, вдруг вспомнив о Фермере.

Рапорты маршалов путались в подвязках мадам Помпадур. Мушками, снятыми со своего лица, прекрасная маркиза отмечала на картах маршруты армий. Офицеры Франции разделились на два резко враждебных лагеря: за Субиза и за Брольи. Де Еон частенько удалялся по утрам за гряду холмов. И там, за холмами, он убивал и калечил сторонников Субиза в поединках. После каждой победы он говорил:

— Конечно, если вы раньше не хотели слушать о подлости Субиза, то теперь вам и вовсе не понять меня.

Рука его окрепла в поединках, и слава шпаги де Еона гремела теперь на всю Францию; ни одного поражения — только победы. Но каким раем казалась ему отсюда, из лагеря Брольи, служба

в Петербурге! И эти два окна с видом на Неву, и треск поленьев в печи, и разговоры с умными людьми до рассвета…

10 августа 1761 года Брольи поручил де Еону доставить через Везер сто тысяч оружейных зарядов в ящиках. Де Еон ответил:

— Вот это здорово! Я теперь, словно извозчик, должен таскать и ящики…

— Граф Герши — ваш родственник, и он нуждается в зарядах…

***

Лошади рушили фургоны в воду. Течение Везера несло и кружило их. Как назло, пруссаки открыли огонь, и река покрылась взметами от ядер. Стучали пули. Мокрый до нитки, потеряв в реке сережку из уха, де Еон ввалился в палатку графа Герши, наполненную звучным тиканьем множества часиков.

— Граф, сто тысяч зарядов.., как вы и просили у Брольи!..

— Молодчага! — ответил родственник. — Дайте я посмотрю на вас… Вы — хороши! Теперь, Шарло, везите заряды дальше.

— По ретраншементам пусть развозят ящики ваши офицеры.

— А мои офицеры — не извозчики, — ответил ему Герши. — Прежде вы полистайте геральдические альманахи, а потом уже вряд ли сунетесь к ним со своими ящиками!

— Мне плевать на их знатные гербы, — обозлился де Еон. — Я свалю все заряды обратно в Везер, а имена ваших сиятельных маркизов впишут на скрижалях позорных памятников…

Граф Герши поднялся:

— Ты неплохо машешь шпагой. А.., каково тебе палки? И тростью (на правах старшего сородича) он огрел кавалера. Но тут же был сражен оплеухой.

— Извините, — сказал графу де Еон. — Но этим дело не кончится, и ваши часики пойдут с молотка… Это я вам обещаю!

Так началась вражда с графом Герши, которая вскоре окончательно запутает судьбу нашего кавалера. А пока что де Еон служил, командуя драгунами. Его покровители, графы Брольи, подверглись опале, но эта опала де Еона почти не коснулась. Он поспешил в Париж, и Терсье был по-прежнему с ним любезен.

— Чего вы желали бы теперь? — спросил он де Еона.

— Если суждено зимовать, так лучше зимовать

в России.

Терсье задумчиво сказал:

— Бретель там сильно мерзнет. А жена его допустила оплошность, не поцеловав руки великой княгини Екатерины, и был страшный скандал, который имел отзвуки даже в Мадриде… На всякий случай, — рассеянно пообещал Терсье, — будьте готовы!

— Ехать в Петербург? Какое счастье…

Терсье сидел перед ним, весь в черном, похожий на священника, лицо главного шпиона короля было почти бесстрастным.

— Не стану скрывать от вас: вы замените Бретеля, вы станете послом в России… Вас ждет блестящее будущее, шевалье, если вы.., если… Впрочем, ступайте! Можете доставать шубы из сундуков. Можете делать долги на дорогу — король их оплатит!

***

В декабре 1761 года, опираясь на костыль, Питт-старший покинул парламент. Фридрих, с уходом своего могучего покровителя, разом лишался британских субсидий. «Еще один шаг русских, — писал король в эти дни, — и мы погибли!» В отчаянии он бросился в союз с татарами; крым-

ский хан прислал, посла в Берлин, крымцы и ногайцы должны были напасть на Россию с юга… Среди всеобщего смятения кабинетов Европы Россия — единственная! — твердо и энергично продолжала идти к полной победе.

В этом году Европа впервые обратила внимание на Румянцева: у России появился молодой талантливый полководец, и ему стали пророчить громкую славу в будущем. Бутурлин со своей армией так и «пробаловался» все лето с австрийцами, а корпус Румянцева отвоевывал Померанию, геройски сражался под Кольбергом. И флот и армия снова были вместе; сообща они открыли эту войну, сообща они ее закрывали.

Теперь Румянцев готовил поход своей армии на Берлин со стороны моря. Не для набега, — для утверждения в Берлине полной капитуляции. Фридрих — как опытный стратег — отлично понял это. Пришло время небывалого упадка духа. Запасшись ядом, король заперся от людей, и целых два месяца его, словно змею из норы, нельзя было выманить наружу. Пруссия обескровела, разруха и голод царствовали в ее городах и селениях. Дезертиры толпами шли к русским, прося о подданстве. Румянцев в эти дни изнемогал от наплыва солдат Фридриха, у которых были от-

резаны носы и уши, — уже наказанные за побег, они бежали вторично…

Совсем неожиданно король покинул свое заточение.

— У меня болят даже волосы, — признался он. — О душе своей я молчу… Кажется, я исчерпал кладезь своего вдохновения, фортуна опять стала женщиной, капризной и подлой. Итак, решено: ради спасения остатков великого королевства я передаю престол племяннику своему — принцу Фридриху Вильгельму Гогенцоллерну.

Он даже не упомянул о «чуде», которое должно спасти Пруссию от полной гибели. Но это «чудо» действительно произошло.

***

И вот в последний раз вскинули гайдуки паланкин — понесли Елизавету Петровну в театр. Распухшей тушей лежала на носилках императрица, оглушенная крепкими ликерами. А рядом вприпрыжку скакал курносый и резвый мальчик в кудряшках, внучек ее Павел, сын Екатерины и племянника Петра. Все дипломаты, аккредитованные тогда в Петербурге, были чрезвычайно взволнованы «поразившей всех нежностью» императрицы к этому ребенку.

В сердце умирающей женщины уже созрело роковое решение: «Петру Третьему не бывать — бывать на престоле Павлу Первому!» Так, отбрасывая прочь законы престольные, дабы уберечь честь России, Елизавета хотела восстановить на престоле России внука, под регентством опытных царедворцев

— Шуваловых… Теперь паланкин плыл по воздуху; мальчик держал в своих маленьких ручонках горячечную и влажную длань царственной бабки.

Публики в театре не было, и Елизавета велела:

— Пустите солдат. Чего же актерам пустому залу играть?

В придворный театр были запущены солдаты с улицы. Посадив на колени внука, Елизавета досмотрела до конца свой последний спектакль. Потом она встала и низко, в пояс поклонилась солдатам. Это был ее последний политический жест: «дщерь Петрова» отблагодарила поклоном солдат, принесших России славные победы.

— Прощайте, люди добрые! — сказала она, горько плача…

Заглушая вином тоску скорой смерти, говорила она близким:

— Одним мучусь! Урод мой племянник все

разворует и опозорит. И будет он ненавидеть все, что я любила, и будет любить, что я ненавижу... Подпустить его к престолу нельзя!

Был день торжественный: Россия салютовала войскам Румянцева, взявшим неприступную крепость Кольберга, профессора академии слагали в честь российского Марса возвышенные оды. В этот день смерть придвинулась к Елизавете, она стала просить:

— Канцлера сюда.., последнюю волю явить желаю! Елизавета умирала в агонии, с глазами, обращенными к дверям. Ей, бедняге, казалось, что сейчас войдет канцлер империи, она передаст ему последнюю волю свою: быть на престоле Павлу!

— Канцлера зовите.., чего ж не идет он ко мне?

Нет! Так и не пришел Воронцов к ней, уже другим занятый — как бы племянницу свою, Лизку Воронцову, за Петра выдать. А куда Екатерину девать? «В монастырь ее, в монастырь!» Елизавета была еще жива, когда великий князь Петр Федорович ощутил себя Петром III, императором всероссийским. Она еще не умерла, когда он вытолкал прочь от Елизаветы верных ей сенаторов и генерал-прокурора. Она еще не умерла, когда Петр стал подписывать отставки и указы о новых

назначениях…

А потом со скрипом растворились двери, вышел князь Никита Трубецкой и во всеуслышание объявил пискляво:

— Ея императорское величество, осударыня наша императрица Лисавет Петровны кроткия изволили опочить в бозе… Плачьте!

Плач придворных заглушил хохот ораниенбаумского урода.

— Ура, ура! — прыгал он, веселясь у гроба своей тетки. — Теперь, воедину с великим Фридрихом, пойдем Шлезвиг воевать для моей любезной Голштинии!

Фридрих находился в Бреславле, когда ему доложили, что прибыл посол из Петербурга («как голубь в ковчеге, принесший оливковую ветвь»). Король выслушал слова о мире с Россией совершенно спокойно; можно только догадываться, какие бури клокотали тогда в его душе… Фридрих отдал несколько официальных распоряжений, но изъяснять свое душевное состояние не стал.

Кроме Фридриха был еще один человек в Европе, которого радовала смерть Елизаветы, — это… Людовик, когда-то бывший женихом покойной императрицы; теперь он не прощал ни ей, ни России славных побед русского оружия.

***

Так закончилось царствование последней из дома Романовых. На престол России воссела Голштейн-Готторпская династия, которую мы привыкли не правильно называть «династия Романовых».

И сидела эта династия еще долго на Руси — до 1917 года, когда ее свергла революция.

МУЖАЙТЕСЬ, ЛЮДИ!

Кенигсберг — столица одной из русских губерний — славен был тогда университетом и нежным мылом янтарного цвета. Знаменитый тишиной провинции и ремеслами, этот город имел странную судьбу и при фашизме на весь мир прогремел своими «изящными» искусствами. Именно здесь, в Кенигсберге, появились такие непревзойденные «шедевры», как бюст Адольфа Гитлера, вытопленный из чистого свиного сала, и голова Геринга — ну как живая! — слепленная опытным мастером из почечного жира баранов. Хотя это искусство и вполне съедобно, но Человечество переварить его не смогло. За это я уважаю Человечество, к которому имею честь принадлежать...

Столкновение ситуаций в истории — не редкость. Когда Гитлер готовил нападение на нашу страну, из книжных магазинов Берлина вдруг исчезли книги о войнах с Россией — генералы вермахта засели за работу. Их занимали судьбы войн прошлого, вообще закономерность борьбы с Россией. Но вот фашисты треснулись башкой в

стены московские — и большим успехом среди них стали пользоваться мемуары Коленкура о походе Наполеона в 1812 году. Теперь гитлеровцы — по Коленкуру! — пытались разгадать свою судьбу в глубоких снегах России.

Но вот грянул 1944 — и Гитлер схватился за Фридриха. Фюрер лихорадочно листал книги этого короля, пытаясь найти в них разгадку «везения» Фридриху в Семилетней войне. И скоро Гитлер на весь мир закричал о чуде.

Немецкий историк коммунист А. Абуш в своей книге «Ложный путь одной нации» пишет: «История немецкого народа — это история народа, насилием превращенного в народ политически отсталый». Действительно, и всякие чудеса, и «белые дамы», и указующие персты, и знамения свыше — все это мы разыщем в арсеналах немецких как идейное оружие германской нации. Теперь Гитлер вбивал в головы подданных версию чуда, которую сам не выдумал, а просто спер из мемуаров «старого Фрица». И отныне в «Вольфшанце» (так называлась «волчья яма» Гитлера в Восточной Пруссии) книги короля не сходили со столов германской ставки.

— Чудо спасет Германию! — вещал Гитлер. — Верьте в меня, как предки ваши верили во

Фридриха, и я принесу вам чудо…

В самом деле, Фридриха от катастрофы спасла смерть Елизаветы. Вильгельм II тоже ожидал чуда, и ему повезло: в 1918 году он дождался «чуда» революции, после чего династия Гогенцоллернов на веки вечные была лишена короны. Ну, а… Гитлер?

Когда советские войска уже дрались на подступах к Берлину, радио разнесло по миру печальную весть о смерти Рузвельта, этого прогрессивного президента США. Казалось бы, вот сейчас и возникнет та ситуация, которая спасла когда-то Фридриха, а теперь спасет Гитлера… Нельзя описать всей радости, которая царила при этом известии в бункерах ставки фюрера. Все ходили как помешанные, хлопали пробки бутылок. Но объединенные нации разломали фашизм — вместе со всеми его «чудесами».

***

Фридрих снова заиграл на своей любимой флейте.

— Небо прояснилось! — воскликнул король. — Morta la bestia, morto il veneno…

— Какой прекрасный дуэт, — отозвался из Петербурга новый император, подыгрывая Фри-

дриху на своей дурацкой скрипице.

И началась чудовищная пляска на свежих могилах русских героев. Один из первых приказов Петра: прекратить военные действия противу прусской армии.

Как нежные любовники, они вступили в интимную переписку.

Петр III писал Фридриху на больших листах серой бумаги, безграмотно и без единого знака препинания. Почерком крупным — почти детским. На том плохом французском языке, который нельзя понять глазами, а можно лишь воспринять на слух.

Фридрих отвечал Петру III на маленьких листочках тоже серой бумаги, грамотно, но тоже без знаков препинания. И почерком бисерным — словно капризная дамочка. На прекрасном французском языке поэта и ученика Вольтера.

— Добрый брат Петр… — летело в Петербург.

— Добрый друг Фридрих… — отзывалось в Берлине. Граф Шверин, взятый в плен при Цорндорфе Григорием Орловым, из пленного стал послом прусским в Петербурге. Самый любимый дипломат императора!

Шверину как-то встретился Орлов, и пруссак похвалился:

— А тебя, Гриш-Гриш, почему послом в Берлин не назначат?

Ответ Григория Орлова надобно высекать на камне, ибо бумага таких слов не выдерживает. Иван Шувалов, видя, что национальное дело России поругано, готов был возглавить заговор против Петра, но разведка Фридриха в России быстро сработала, и Шувалов был сослан. Конференция — за ее патриотизм! — была разогнана, вместо нее Петр образовал Комиссию, где вершили дела два новых фельдмаршала — принц Голштейн-Беккский и принц Георг Голштинский, которому русские уже успели холку намять еще при Гросс-Егерсдорфе, когда этот маршал служил в войсках Пруссии. Вообще тогда в Петербурге творилось что-то немыслимое. В русской гвардии ввели форму прусскую. Говорили, что гвардии совсем не станет в России, — заменят голштинцами. Лейб-кампания Елизаветы была уничтожена. На берегах Невы появились офицеры Фридриха.

— Зачем они тут? — недоумевали петербуржцы.

— А затем, — пояснил сам Петр, — что всю дурацкую русскую армию надобно переучивать заново. Вы слышали? Я вас всех переучу на свой лад. Вот и благодарите Фридриха: он так добр, что

шлет нам учителей.

— Мы таких учителей бивали! — ревели гвардейские казармы…

Екатерина потирала сухонькие ладошки. Нервничала. «Так, — рассуждала она, — отныне все, что бы ни делал этот ублюдок, пойдет мне на пользу. И все — во вред ему же!» В начале апреля молодой императорский двор после погребения Елизаветы переехал в новый Зимний дворец — дивное создание Растрелли, которое и поныне украшает наш сказочный город. Петр самолично распределял — кому где жить. Главные апартаменты захватила Лизка Воронцова. А Екатерину, хотя и была она императрицей, запихнули в самый дальний конец дворца. Она не огорчилась. «И это хорошо!» — радовалась Екатерина…

Фридрих на подмогу Шверину выслал в Петербург своего опытного дипломата — барона Гольца.

— Послушай, Гольц, — сказал ему король, — мне от тебя в России немного и надо… Хочу сущей ерунды! Всего-навсего, чтобы моя политика была политикой всей России!

Гольц напомнил о Пруссии, входившей в состав России, и Фридрих долго трещал по столу пальцами, выбивая марш потсдамских гренадеров.

— Я уже думал… — признался он. — Померанию с Кольбергом русские наверняка вернут нам. Но они, несомненно, оставят за собой Пруссию… Пруссию мы потеряли навсегда.

Гольц с тем и прибыл в Россию, что Пруссия остается русской губернией. Но Петр поступил как последний идиот: он вернул Фридриху всю Пруссию — безвозмездно. И началось предательство Отечества — черное, страшное, трупное. Петр отдал в руки Фридриха русских солдат, чтобы с их помощью король доколотил Австрию; взамен же просил Фридриха помочь ему в войне с беззащитной Данией. Этому кретину был нужен только Шлезвиг; ради этого пятачка чужой для России земли он не видел великой России! Мало того, Петр и Россию-то считал лишь придатком к своей плюгавой Голштинии!

Даже английский посол Ричард Кейт, уж на что был другом и сопитухой Петра III, но и тот не выдержал.

— Послушайте, — говорил он русским, — да ведь это явный сумасшедший. Поступать глупее просто нельзя…

Гвардия волновалась, с надеждой посматривая на желтеющие свечным огнем окна Екатерины. Петр глупел — она умнела; он хохотал — она

грустила; он пьянствовал — она не снимала траура. Отныне все действия Екатерины были политическими жестами, она раздавала вокруг себя авансы на будущее. Постоянно Екатерина как бы подчеркивала перед русскими людьми: смотрите, какая я патриотка России, смотрите, как я живу вашими печалями!..

Она ходила в широких траурных одеждах. Широкие одежды были необходимы ей еще и для того, чтобы скрыть новую беременность. Но как родить во дворце, где каждый вздох слышен, она не знала; как? А от ребенка нужно было избавиться, он мешал ей сейчас, ибо пришло время действовать…

Вечером 11 апреля Екатерина выть хотела от боли. Плод настойчиво просился наружу. А муж, как назло, заболтался и не уходил. Екатерина успела шепнуть своему камердинеру — Шкурину:

— Василь Григорьевич, подожги что-нибудь.., потом озолочу тебя!

Шкурин заметался по городу в поисках — что бы ему поджечь? Ничего не отыскав подходящего, он запалил свой дом, не пожалев добра, и Петр III поскакал смотреть на пожар (он обожал это занятие). Когда же император вернулся, Екатерина встретила его как ни в чем не бывало. И

— уже без траурных одежд. В светлом! Ребенка наспех завернули в тряпки, а Шкурин утащил его на прокорм к какой-то бабке. Так появился на свет божий первый на Руси граф Бобринский — основатель известной фамилии.

Теперь, освободясь от плода и траура, Екатерина могла взять быка за рога. Вскоре она дала аудиенцию новому послу Австрии — графу Мерси-Аржанто, сменившему Николя Эстергази. Вена так надеялась на русские победы, что стала уже распускать свою армию по домам. С новым же курсом русской политики престиж Петербурга оказался расшатан: потеряв свой природный голос, Россия сильно фальшивила. И вот среди всего двора, с высоты трона, Екатерина — в пику мужу! — заверила посла, что Россия — страна честных людей (опять жест)…

В апреле канцлер Воронцов и посол прусский Гольц подписали мирный трактат. Война закончилась взрывом возмущения россиян. А прошлое — по трактату — предлагалось «предать вечному забвению». Но смерть мужей, братьев и отцов предать вечному забвению нельзя одним росчерком пера, и Екатерина отлично сознавала это.

— Передайте его императорскому величеству, — наказала она, — что присутствие мое

на парадном обеде по случаю мирного аккорда невозможно по причине.., кашля! (еще жест).

Из окна она видела фейерверк на Васильевском острове. Сначала вспыхнул огнем жертвенник войны, потом в небе выросли символические фигуры России и Пруссии; вот они сошлись и, быстро сгорая в темноте, успели соединить в дружбе руки. Потом потухло все, но тут же выросло над Невою огненное дерево пальмы — олицетворение мира и согласия вчерашних врагов.

А через месяц случилось еще одно застольное событие. Здесь следует сказать, что Петр III начал свое царствование за столом с кружкой пива; за столом же, проткнутый вилкой, он его рыцарски и завершил. Обед в Зимнем дворце, по случаю обмена ратификациями, стал обедом историческим: именно после этого обеда Екатерина поспешила ускорить события…

Стекла бряцали от грохота салютов. Когда она поставила свой бокал, к ней подошел адъютант мужа, хитрый хохол Гудович:

— Его величество изволят спрашивать вас, отчего вы не встали, когда все здоровье императорской фамилии пили?

На что Екатерина ответила Гудовичу:

— Передайте моему супругу, что император-

ская фамилия состоит лишь из меня самой, моего мужа и сына. А я не столь глупа, чтобы за свое же здоровье вино пить и при этом еще персону свою всем напоказ выставлять!

Гудович доложил ответ Екатерины императору.

— Иди к ней обратно, — велел тот Гудовичу, — и скажи ей, что она дура. Пора бы уж ей знать, что фамилия наша — это мои голштинские дяди, особливо же принц Георг Голштинский, что командиром всей русской гвардии!

Но Гудович еще не успел дойти до Екатерины, как Петр через весь стол

— через головы дипломатов — закричал жене:

— Дура! И будешь дурой…

Екатерина повернулась к соседу, Строганову:

— Александр Сергеич, распотешь ты меня анекдотцем. Придворный понял, что надо разогнать слезы, и — начал:

— Жил один прынц в счастливой Аркадии, и жила пастушка, у коей был воздыхатель горячий и пылкий до игр усладительных…

Конец анекдота таков: Строганова сослали в деревни.

А муженек стал грозиться суровым расследованием, от кого рожден наследник престола

Павел Петрович? И вообще — от кого рождены все остальные дети?.. Екатерина твердо решила: «Ну, миленький, этого вопроса вы не успеете выяснить...» Она — через Орлова — уже заручилась поддержкой гвардии.

Фридрих из Бреславля зорко следил за своим патроном:

— Какой олух! Открывает двери, держа палец под дверями...

И он предупреждал Петра, что русским доверять нельзя, особенно — гвардии русской. Но, залив с утра глаза себе крепким английским пивом, Петр уже ничего не видел, кроме Голштинии.

В один из дней Гришка Орлов появился у графа Сен-Жермена:

— Падре, ваш кошелек неистощим. Дайте еще раз денег на дела, которые...

— ..которые мне уже известны, — отозвался Сен-Жермен. — Но сначала, дружок, — посоветовал он Орлову, — растрать казенные деньги, а потом прибегай к помощи меценатов!

Орлов стащил казну артиллерийского ведомства. Гвардия бурлила, и теперь она в самом деле напоминала янычар с их знаменитым «котлом недовольства». Екатерина готовилась сделать

последний шаг. Петр — не тетушка. За покойной тетушкой стоял ее отец, его слава, за нее горой была лейб-кампания, за нее были традиции войн и союзов. А что у этого забулдыги? Перстенек с изображением Фридриха, бутылка водки да трубка с табаком, от которой он блюет по углам, словно кошка худая…

Двор Петра III отправился на лето в Ораниенбаум, а Екатерина дала прощальную аудиенцию Бретелю. Свидание было приватно — во внутренних покоях, без свиты. Заметив, что взгляд французского посла задержался на скромном медном кувшине, одиноко стоявшем в углу, Екатерина подняла этот кувшин с пола и сказала:

— Вот, господин Бретель, смотрите! Я приехала в Россию, ничего за душой не имея, кроме этой жалкой посудины для умывания. И знали б вы, сколько я наслушалась упреков за свое бедное приданое! Люди, посол, иногда забывают, что бедность человека преходяща, и все может измениться в его пользу. — .

Казалось бы, все уже ясно: «Вынь да положь!» Екатерина, как умная женщина, этим кувшином дала понять, что ей нужна финансовая помощь для дворцового переворота. Но на Бретеля напал какой-то стих недогадливости. Он прохлопал

важный момент, и маркиза Шетарди, который возводил на престол Елизавету, из Бретеля не получилось. И сама Екатерина отпустила его без жалости: Франция, не раскусив намека на бедное приданое, теряла сейчас Россию как союзника на будущие времена.

Когда Бретель выходил из Зимнего дворца, его задержал вечно полуголодный, трясущийся от жадности пьемонтец Одар.

— Я родился нищим, — страстным шепотом сказал он послу. — И пришел к убеждению, что только деньги имеют значение в этом мире. О, как я жажду денег.., много денег… Дайте!

— Отстаньте хоть вы от меня! — выкрикнул Бретель, убегая.

Нет, он ничего не понял. Так и уехал. Екатерина же осталась в столице: своя рука владыка — делала что хотела. Нужные для переворота деньги она получила опять-таки от Англии!

Навестив усадьбу Гостилицы, Екатерина последний раз в жизни видела здесь своего мужа. В прусском мундирчике (голубое с серебром) Петр сидел в оркестре, пиликая на скрипице, и глаза его дремно закрывались от беспробудного пьянства. Возле ног Петра свернулась собачка. А напротив, развалясь телесами, восседала торже-

ствующая Лизка Воронцова. В числе фавориток объявилась и новенькая — Чоглокова; причем, как и принцесса Бирон, тоже горбатая (странный вкус был у этого императора!).

28 июня двор выехал в Петергоф, где его должна была поджидать императрица. Но нашли только платье императрицы. Екатерины же нигде в Петергофе не оказалось. Искали долго…

Петр был смущен, он бегал среди дверей, звал ее.

— Может, под кроватью? — сказал вопросительно. Присел император всея Руси на корточки, заглядывая под кровать. Но, странное дело, и под кроватью Екатерины не оказалось!

***

Над прекрасным городом догорали белые ночи, и в пахучей тишине садов бродил по городу странный старик. Прямой, рослый, гладкобритый, в пышном старомодном парике. Челюсть у него — как кувалда, а зубы — крепкие, без изъяна. Блуждал он по набережным Петербурга, садился у воды, вступал в глухие переулки, что-то думал и бормотал невнятно. Казалось, что этот человек в старости ищет здесь то, что потерял еще в молодости…

Влюбленные часто встречали его по ночам, и было в глазах старика что-то такое замогильное и странное, что люди не выдерживали его прямых взглядов.

«Цок-цок-цок» — звенели кованые ботфорты.

«Тук-тук-тук» — стучала по камням его трость.

— Кто это? — спрашивали молодые, невольно холодея.

— Бирон! — отвечали старые и крестились. — Бирон проклятый снова вернулся… Беда нам, беда русским!

Возвращенный из ссылки Петром, курляндский герцог бродил по столице, где каждый камень кричал от боли под его ботфортом. Но только единожды открыл он рот, чтобы сказать императору:

— Русской нацией должно управлять не иначе как только кнутами и топорами!

Н ушел снова: «цок-цок.., тук-тук…» …Все-таки интересно бы знать — куда делась Екатерина?

ПЕРИПЕТИИ

Снова коляска, бег коней, дороги Европы, взбаламученные войной, и завтраки в гостиницах. Нет ничего забавнее такой судьбы — судьбы дипломата. Давно ли оставил Петербург, и вот снова торопится в Россию, чтобы заступить пост министра-резидента. Это уже повышение: де Еон ехал сменить Бретеля, который — как считали в Париже — не справился с положением. Прочь же с дороги! На смену идет другой, изворотливый и лукавый, с улыбкой на крохотных губах, с кокетливой сережкой в ухе.

Въехав в Варшаву, кавалер остановился у Рыночной площади, на стороне Коллонтаев, где подождал прибытия Бретеля из России.

По улицам польской столицы бродили немецкие сироты и, выпрашивая милостынию, пели под окнами домов — щемяще:

Майский жук, лети ко мне, Отец погиб мой на войне, Мать — в Померании, она В земле, мертва и холодна…

Бретель появился в Варшаве усталый и мрачный.

— Кто же остался за вас в Петербурге? — спросил де Еон.

— Мой секретарь Беранже.

— Это вы ловко придумали! После двух сиятельных маркизов, Шетарди и Лопиталя, в такой сложный момент оставить в России, в самом пекле Европы, какого-то Беранже…

Здесь их настиг курьер из Парижа с почтой. Де Еон первым делом вскрыл письмо от Лопиталя: «Я, по правде сказать, мой милый драгунчик, предпочитаю, чтобы вас послали в другую страну, ибо умники говорят, что второе путешествие в Россию всегда опасно…» Де Еон случайно глянул на Бретеля и испугался:

— Что с вами, барон?

Бретель сидел над депешей к нему из Парижа — ни жив ни мертв:

— Случилось непоправимое: Петра уже нет на престоле… Престол перешел к Екатерине…

Бретель заплакал. Де Еон не мешал ему, понимая состояние своего коллеги. Такие просчеты дипломатам не прощаются. Версаль будет ошарашен. Уехать послу в такой момент…

— Позволите? — И де Еон притянул к себе бумаги Бретеля.

Из них он узнал, что Бретелю надлежало сроч-

но вернуться в Петербург, а кавалеру — выехать обратно в Париж. Тяжело вздохнув, де Еон закрыл двери на ключ и сунул его в карман.

— Нас никто не слышит, — сказал он. — Для меня, во всяком случае, вступление на престол Екатерины не явилось неожиданностью. Честолюбие этой немки не знает границ. Но вы-то… Как вы ничего не заметили и не смогли понять целей заговора?

Бретель с размаху хлопнул себя по лбу.

— Вы наказываете свою голову? — ядовито спросил де Еон.

— Какие мы дураки, — ответил Бретель.

— Сударь, простите, но я не люблю сливаться с обществом!

— Я хотел сказать о себе… Я дурак!

— Вот это уже точнее, — согласился де Еон. — Так что же?

— Вы знали в Петербурге пьемонтца Одара?

— Наглый побирушка! Однако ему не отказать в смелости.

— Да, да, именно… Теперь-то я понимаю, почему при встречах со мною он говорил о семейных делах Екатерины. И все время просил, просил, просил…

— И вы, конечно, не дали! — заметил де Еон.

— Просил всего шестьдесят тысяч рублей, — закончил Бретель.

— Что вы хоть отвечали этому Одару?

— Я сказал, что наш король не любит мешаться в семейные дела.

— Очень похоже на нашего короля! — рассмеялся де Еон. — Но пора бы уж знать, что в монархиях семейные дела всегда есть дела и государственные. Екатерина никогда не простит Франции отказ в помощи, и Франция надолго теряет Россию.

— Как же мне теперь поступить?

— Скорее возвращайтесь в Россию.

— Я не могу вернуться. Стыдно! Как я покажусь при дворе?

— А как вы покажетесь в Париже? — спросил его де Еон.

— Я объясню в Париже…

— Кому, глупец, вы объясните? Коменданту Бастилии?

***

Командующим русской армией снова был Петр Семенович Салтыков, и вот он узнает, что в Петербурге переворот: поганца Петра нету — есть Екатерина… Манифестом Екатерина объявила

«всем сынам отчизны», что слава боевых знамен России «была отдана на попрание ее самым смертельным врагам…» Для Салтыкова этого было достаточно.

— Сыны отчизны! — вышел он перед солдатами с манифестом. — Слава боевых знамен была поругана… Мы вернем честь нашу!

И русская армия, ведомая Салтыковым, начала победное триумфальное шествие, вновь захватывая прусские земли. Паника началась не только в Берлине — паника была и в Петербурге.

Никита Иванович Панин, дипломат опытный, внушал Екатерине:

— Пруссия — не конкурент. Пруссия — вассал наш! Оставим ее стрелой в сердце Австрии… Надо мудрым быть и свои выгоды всегда учитывать…

На полном разгоне армия Салтыкова была остановлена.

— Сорвалось, — сказал старик. — А как здорово мы пошагали…

Екатерина при вступлении на престол заняла шаткую позицию. Переворот был произведен ею под флагом достоинства России, но переворот был совершен в пользу немки (она понимала всю сложность этой опасной ситуации для нее). Ангальт-цербстская принцесса могла удержаться

на престоле только в том случае, если Екатерина станет выражать русские национальные интересы. «Я должна быть святее самого папы римского», — признавалась она. Главное сейчас — отвести войска, утихомирить страсти.

— Моим войскам, — велела она, — кои ныне в Европе за военной надобностью пребывают, от армии Фридриха, короля прусского, отойти немедля же! И никаких дел с ним не иметь. Но…

Шеи царедворцев вытянулись: куда она сейчас повернет?

— Но, — заключила Екатерина, — с войсками имперскими Марии Терезии также не соединяться. Нам и таковые союзники не нужны тоже. А союз с Фридрихом, что заключен моим покойным супругом, похерить и предать забвению, как недостойный России!..

Руководил Екатериною в этот период очень тонкий и ревностный политик

— Никита Иванович Панин, говоривший так:.

— Надобно, чтобы не мы, а они нас искали. Не мы Европу, а пусть Европа ищет дружбы нашей. А мы посмотрим еще — кого приласкать, а кого в передней накормить да и отпустить с миром далее побираться… Следовать же воле Версаля, Лондона или Вены, как поступал Бестужев,

недостойно России, коя является страною не захудалой, а могучей и первой.

— Никита. Иваныч, — соглашалась Екатерина, — я буду вести себя в политике, как опытная куртизанка...

С большим неудовольствием получила она цидулку от Понятовского, который писал, что сгорает от нетерпения припасть к ее ногам и покрыть их страстными поцелуями.

— Гони в шею сего целовальника, — велел Григорий Орлов императрице. — Надо, так и я покрою.

Понятовский был остановлен где-то на полпути в Россию. Екатерина посулила, что сделает его королем Польши, но в Петербург — нет, ни шагу! Она писала бывшему любовнику:

«Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей... Знайте, что проистекло едино из ненависти русских к иностранцам... Прощайте же, бывают на свете очень странные положения!»

Эти «странные положения» при Петре III сделали так, что русская армия была поставлена под знамена битого Фридриха — целый корпус Чернышева был в распоряжении короля. Король торжествовал, имея во власти своей такую

мощную армию, какова русская! Главный виночерпий на пиру раздоров, король просто хмелел от восторга.

А генерал Чернышев ворчал, как и его солдаты:

— Русские волонтирствовать непривычны. Наемничать Руси не пристало. Испокон веков самим кулаков не хватало, чтобы только за себя да за свои домы биться…

Войска Чернышева стояли под Швейдницем, готовые к штурму — умирать по приказу короля в битве с австрийцами. Сеял дождь. По холмам растекалась чужеземная темнота. Люди были молчаливы и хмуры. Завтра жди новых крестов на полях Силезии…

В палатку Чернышева шагнул, легко и ловко, король Фридрих:

— Мой друг, итак, все готово. А — ваши войска? С вашего соизволения, я поставлю их как раз напротив Дауна… Поверьте, я бы поставил их против слабейшего противника, но Даун причинил России и ее армии столько неприятностей, что вы не откажете в удовольствии себе отколотить его как следует?

И вдруг — топот, ржанье, голос гонца;

— Где Чернышев-генерал? Командующему па-

кет.., из Питера!

Чернышев ознакомился с бумагами, велел позвать гонца и расцеловал его грязные небритые щеки:

— Сколько дней скакал?

— Восемь. Ажио закачало всего.

Кошелек с золотом Чернышев бросил в руки курьера:

— Ступай! — И повернулся к королю:

— Соизвольте прочесть…

Так Фридрих узнал о перевороте в Петербурге.

— Даун стоит против вас, — сказал король Чернышеву. — Я не ручаюсь за этого ублюдка, но он может и напасть на вас, ничего не зная о манифесте Екатерины… Будьте, генерал, начеку!

Лагерь ожил, русские запалили на холмах Силезии высоченные, до самых небес, костры, шел пир горою, батовали лошадей казаки.

— Пеки лепешки, кати водку сюды… Нет Петра — есть Катька!

И летели всю ночь над Силезией протяжные русские песни. Даун на русских не напал. Но присутствие русского корпуса помогло Фридриху одержать очередную победу над австрийцами.

— Они неплохие ребята, эти сибирские волки, — задумчиво произнес король. — Пруссия теперь

так ослабела, что, боюсь, станет слишком зависима от России… Портить отношения с русскими я не желаю, и потомкам своим завещаю: бейтесь насмерть с кем угодно — только не дразните русского медведя в его берлоге!

И он повернулся к де Катту:

— Заготовьте распоряжение по всем амптам: до самых рубежей Польши я беру русских на свое довольствие… Комендантам городов отпускать им безвозмездно хлеб, вино, соль, мясо, табак! Не дай бог, если они недоедят или недопьют…

Так закончилась для России эта грандиозная битва. Новых земель Россия не обрела, но Пруссия превратилась в покорного вассала России, а Европа убедилась, что рост могущества России не может быть никем остановлен! Сыны великой русской равнины прошли через многие страны континента, и не было силы, которая бы остановила их стремление к победе… Русские, выходя из войны, могли честно глядеть в глаза миру: они свое дело сделали!

А что было сказать Австрии и Франции? Пруссия осталась в прежних границах. Вена выходила из войны ползком, совершенно обессиленная, а из сердца ее торчала «прусская стрела» — король Фридрих. Франция потеряла не только колонии

в Новом Свете, но и авторитет в Старом Свете, — она скатывалась в разряд второстепенных держав мира.

И одна только Англия, широко рассевшись за океанами, была полностью утешена… Франция, не в силах бороться далее с Англией, собиралась заключать с нею тяжкий мир.

— Мир так мир! — сказал Терсье де Еону. — Будьте готовы с пером и со шпагой.

И де Еон, едва прибыв из Варшавы, очутился снова в коляске. На выезде из Парижа ему встретился Луве де Кувре — известный сочинитель скабрезных романов.

— Куда вы? — спросил писатель, любопытствуя.

— Сейчас в Лондон, — ответил де Еон.

— А что вы там собираетесь делать?

— У меня только одно занятие: делать что-нибудь…

***

Совершенно не понимая — почему, но Луве де Кувре, словно предчувствуя дальнейшие события, в свой знаменитый роман «Похождения Фабласа» вставил и кавалера де Бомона, который действовал в романе переодетым в женское

платье.

Скоро н мы подойдем к тому рискованному моменту, когда нашему герою предстоит переодеваться.

ШУТОВСКОЙ МИР

Проступили вдали неяркие берега Англии, и дипломаты Франции выбрались на палубу корабля. Это были — де Еон и герцог Нивернуа, добрый малый. Глядя на Англию, которая надвигалась на корабль призрачно и медленно, герцог Нивернуа вздохнул:

— Вот на этом берегу живет нация, которая умеет обделывать свои делишки лучше нас с вами. Но мы, — сказал Нивернуа, — на то и дипломаты, чтобы как следует изгадить англичанам их праздничный пудинг… И, клянусь, мы это сделаем!

— А мне, — спросил де Еон, — какая будет отведена роль в этом благородном занятии?

— Наша задача проста: я буду покупать английский парламент, а вы, кавалер, станете расплачиваться за покупки.

Де Еон был ошарашен цинизмом Нивернуа:

— Вы думаете, фрер, что англичане плохие патриоты?

— О наивность! — отозвался Нивернуа, — Пора бы уж вам и знать, что с тех пор, как в древности фникяне изобрели денежные знаки, диплома-

тия народов упрощена до предела.

Берега Англии за это время уже основательно приблизились.

— Что мы сделаем по прибытии? — спросил де Еон.

— Пообедаем! И покажем англичанам, что у нас водятся денежки. И даже больше, чем они думают о нас, бедных французах…

Назначенный послом в Лондон, чтобы заключить мир, герцог Нивернуа был весьма яркой фигурой в дипломатии. Мизерный ростом, почти карлик, он обладал пронырливостью, знанием языков и придворных нравов. Легкий, как мальчик, Нивернуа имел прозвище «сильф».

К тому же он был известным баснописцем Франции; герцог Нивернуа прославил свое имя тем, что вырвал из пламени ватиканской инквизиции книгу Монтескье «О духе законов». В этом — великая заслуга его перед всем Человечеством!

Дрогнув мачтами от киля до клотика, корабль коснулся гордых берегов Альбиона, и Нивернуа сразу же стал пороть горячку:

— Начинайте швырять деньги! Что вы медлите?

— Я не вижу никого, в кого бы мне швырять?

Укажите цель.

— Ослепляйте для начала кучеров и нищих… Да не так, не так! — волновался Нивернуа. — Я не знал, что вы, шевалье, такой скряга… Бросьте весь кошелек и даже не оглядывайтесь!

Писать далее просто страшно: в Лондон прибыли не дипломаты, а какие-то беспутные растратчики, которым давно уже терять нечего. Ночь перед въездом в Лондон они провели в Кантербюри, где под утро их поджидали издатели газет. Нивернуа с презрением обозревал столы, накрытые к завтраку:

— Какие скучные людишки эти англичане. Английская кухня — смерть моя; только ради прекрасных глаз графини Рошфор я согласился на эту дурную пищу. Смотрите, и тухлый заяц… Шевалье, он вас не отвратит?

Посол ограничил себя чашкою шоколада: им подали счет.

— Сколько там? — спросил де Еон.

— Разве это столь важно? — возмутился Нивернуа, скомкав салфетку.

— Сорок четыре шиллинга, герцог, — вступился лакей.

— Можно впустить издателей газет, — велел Нивернуа. Когда их впустили, де Еон швырнул за

одну ночь сорок четыре фунта стерлингов, будто не заметив, что это не шиллинги… Лондонские газеты, увидев такое мотовство, заволновались.

— Мы — голуби мира, — заявил Нивернуа. — Мы перепорхнули через Ла-Манш с миртовой веточкой в клюве. Можете писать о нас что хотите, только не спутайте голубей с индюшками.

И два голубка покатили из Кантербюри в Лондон. Въезд в столицу через Вестминстерский мост великолепен. Но вражда недавней войны еще не остыла в англичанах, и кто-то закричал с дерева — на потеху толпе:

— Две бесхвостые французские собаки! Ату их, ату… Де Еон не успел опомниться, как его «сильф» уже запрыгнул на империал кареты, звонко громыхавшей по булыжникам.

— Доблестные англичане! — обратился Нивернуа к толпе. — Я так несчастен всю жизнь оттого, что не родился среди вас, так стоит ли усугублять это несчастие вашими оскорблениями?

— Ну и мозгляк! — хохотала толпа. — Какие ножки…

— Благодарю, благодарю, благодарю, — кланялся на все стороны Нивернуа с высоты империала. — Джентльмены, вы так добры ко мне! Не будь вас, я так бы и умер, доверяясь только зеркалу,

которое всегда показывало меня неотразимым красавцем!

И он добился того, что толпа грянула аплодисментами, — она признала его превосходство над ними.

— Чему они аплодируют? — шепнул Нивернуа своему атташе. — Разве я сказал какую-нибудь глупость?..

Лондона де Еон поначалу так и не рассмотрел, — было не до него. Необходимо вырвать от Англии мир во что бы то ни стало!

— Могу вас порадовать, — вскоре сообщил Нивернуа. — Лорд Бэдфорд, который отправляется в Париж посланником от Англии, уже продался нам… Теперь возьмемся за самого главу торийского парламента — лорда Бьюта!

И лорд Бьют не замедлил пасть перед блеском золота.

— Теперь соблазним непорочную принцессу Вельскую, — сказал Нивернуа — и принцесса не устояла.

— Ах, эти просвещенные мореплаватели! — смеялся по вечерам герцог, попивая вино. — Они словно сговорились играть на понижение и скоро станут продаваться нам за кварту пива…

Исход мирных переговоров был обеспечен

подкупом, и де Еон был немало удивлен той легкостью, с какой продавались сами и продавали свою страну английские политики, столь кичливые и надменные именно своим традиционным «патриотизмом».

***

Оружие само по себе выпало из рук Франции, и потому мир для Франции был жесток.

— Мы теряем целое государство Канаду, — переживал Нивернуа, — всю долину реки Огайо, левобережье Миссисипи, Гренаду и Сенегал, Минорку, в Индостане у нас остается на Ганге всего пять городов… И вместо флота у нас — одни жалкие плоскодонки! В самом деле, скоро от Франции останется только… Франция!

— Дюнкерк, Дюнкерк, — пугался де Еон каждый раз, когда заходила речь о срытии укреплений Дюнкерка. — Вот что кажется особенно унизительным для нашего короля…

— Дюнкерк — срыть в море! — настаивали англичане. И пришлось согласиться.

— Ладно, — кивнул Нивернуа, страдая. — Земляные работы воспитывают в народе трудолюбие и любовь к землепашеству. Мы даже рады срытию Дюнкерка: меньше будет у нас бездельников…

Когда основные пункты мирного трактата были приведены в ясность, герцог Нивернуа ожил и помолодел:

— Мы еще не дохлые мухи, ибо потихоньку вылезаем из этого гадкого и клейкого сиропа… Что вы там листаете, шевалье?

— Стародавний Утрехтский мир, — ответил де Еон. — Я не хочу сдаваться и отомщу англичанам за бастионы Дюнкерка!

— Чем же?

— Треской, — ответил де Еон…

Опытный игрок в шахматы всегда старается не показать, что заметил промах противника, дабы воспользоваться им потом с выгодой для себя; так и де Еон — помалкивал, пока трактат обрастал статьями. Хваленые британские дипломаты сплоховали: Ньюфаундлендские рыбные промыслы прошли как-то мимо их внимания. «Не замечайте их и далее!» — радовался де Еон. И только по утверждении статей де Еон выдвинул решающий козырь:

— Вот они и попались! Мы потеряли сушу в Америке, но моря возле Ньюфаундленда остались нашими. Герцог Нивернуа даже прослезился:

— Вы же стали настоящим дипломатом!

Иной раз они хохотали сами над собой. Два

циника, молодой и старый, вечно полупьяные сатиры, они что-то решали, о чем-то трезвонили, что-то продавали и покупали. И сами удивлялись: дела идут — да, они двигаются! Чего доброго, скоро через Ла-Манш полетит настоящий голубок мира, туда — в Париж, где его так мучительно и долго ждут усталые французы,..

Однажды в посольстве появился Роберт Вудд (секретарь Бьюта по иностранным делам). Он сказал, что зашел лишь на минутку:

— Дело всего лишь в одной формальной подписи.

— Подписываюсь заранее, — охотно отозвался Нивернуа. — Но, может, вы сообщите ваше последнее отношение к трактату?

— Наш посол в Париже, лорд Бэдфорд, будет извещен об этом; я как раз имею сейчас в портфеле депеши к нему в Париж.

— Чудесно, чудесно. Так не откажите же нам в чести остаться для завтрака… Шевалье, — подмигнул герцог де Еону, — вы, как опытный пьяница, распорядитесь о той бутылке!

Де Еона учить было не надо. Пока «сильф» накачивал своего гостя вином из «той бутылки», де Бон уже взломал замки на портфеле Роберта Вудда. Слесарь тут же приводил застежки в

порядок, а сам атташе проворно снимал копни с депеш. Через полчаса было все закончено, курьер помчался в Париж, и когда через несколько дней лорд Бэдфорд вступил в спальню Людовика, король уже знал, что ему говорить, знал н что скажет ему Бэдфорд.

— Эта прекрасная де Бомон, — признался затем Людовик министру Пралену, — всегда приносит мне удачу… Я обязательно должен отблагодарить его! Вы не знаете, что он любит?

***

Прален был племянником бывшего министра Шуазеля и потому сам стал министром, заменив дядю. К де Еону он относился как к мелюзге, но шевалье заставил его переменить мнение о себе. Весь Париж был ошарашен новостью, казавшейся невероятной.

— Трактат готов и везут ратификации, — сообщили Пралену.

— Кто везет? Сам Роберт Вудд или…

— Нет, их везет наш кавалер де Еон!

— Как? — Пралена почти выбросило из кресла от удивления. — Неужели англичане спятили?

— Да, ваше сиятельство, они так очарованы секретарем герцога Нивернуа, что, противу всех

древних обычаев, доверили отвезти ратификации де Еону…

Так и было. Доверие подвое, если не считать, что при отъезде де Еона из Англии его закидали на пристани тухлой рыбой.

— Вот тебе за Ньюфаундленд! — кричали британцы. Лондонцы пронюхали о взяточничестве тори, газеты выстреливали угрозы но адресу парламента, который за деньги продался французам. Лорд Кадмен, этот блестящий оратор, и таинственный журналист «Юниус» позволили себе глумиться даже над королем Великобритании — Георгом III…

Зато де Еон совершил блистательный въезд в Париж: толпы народа встречали посланца мира, карета его утопала в цветах.

— Мир, французы! — выкрикивал де Еон. — Я привез вам мир… Остров Мартиника остается за нами, а Куба — испанцам, как и прежде… Дела отечества не так уж плохи, французы!

Парижане бежали следом за каретой, а голытьба кричала:

— Еще.., еще что?

И де Еон утешил бедняков Франции:

— Ньюфаундлендская треска, это я вам обещаю, будет на столе бедняков, как и раньше…

Прален встретил его с распростертыми объятиями:

— Король ждет… Отчего я не знал вас раньше? Вы же замечательный дипломат Франции! Что вы любите? Ничего, кроме денег? Отлично… Три тысячи ливров для начала — от меня. Едем же…

Людовик был в восторге:

— Я не имею обыкновения целовать мужчин, но вас.., вас…

И он послал де Еону воздушный поцелуй с кончиков пальцев.

Де Еон, бодая шпагой позади себя воздух, расшаркался.

— Правда, Дюнкерк… — поморщился король. — Но бог выше нас! Не нам, не нам печалиться… Шесть тысяч ливров вы получите из моей шкатулки. Жалованье — в три тысячи, и.., нагнитесь!

Де Еон нагнулся — шею его облег муар.

— Орден святого Людовика.., вам! Какие имеете просьбы?

— Ваше величество, — сказал де Еон, охрипший от крика, — соблаговолите сурово наказать моих кредиторов, которые имеют наглость требовать, чтобы я вернул им свои долги, уже давно протухшие от старости!

Людовик хлопнул его по плечу:

— Я расплачусь за вас, мой славный шевалье.

И король вывел де Еона на балкон — явил его толпе:

— Французы! Вот человек, который привез нам мир…

— Урра-а.., мир, мир, мир!

Людовик захлопнул за собой балконные двери, и сразу в комнатах Версаля наступила тишина, словно в пустой банке.

— Я благодарен вам за мир, — сумрачно произнес король. — Теперь как раз пришло время, чтобы подумать о войне…

Де Еон, приложив ладонь к сердцу, склонился в поклоне:

— С рвением еще большим я готов трудиться на благо военных подвигов вашего королевского величества!

НА КОНЕ – В КАПИТОЛИЙ

Нивернуа недаром прозвали «сильфом» — он никак не мог усидеть на месте. Лондон уже осточертел ему, и герцог засыпал друзей и министров с просьбами об отозвании его. В этих просьбах смешалось все в одну кучу: зайцы и подагра, туманы Лондона и любовь к графине Рошфор, басни и капуста, политика и пудинги, которых Нивернуа органически не переваривал.

Надо было подыскать замену, и Прален вспомнил графа Герши — того самого Герши, который получил пощечину от де Еона на берегу Везера.

Прален не замедлил с отозванием Нивернуа.

— Ваше величество, — доложил он Людовику, — с вашего соизволения на место Нивернуа я назначаю графа Герши.

— Выскажитесь в пользу Герши, — произнес король.

— Имею к тому три довода. Вот первый: Герши в стесненных обстоятельствах — и службою поправит свои дела…

— Второй!

— Маркиза Помпадур, — напевал Прален, — бу-

дет недовольна, если Нивернуа заменят кем-либо из банды графов Брольи.

— Хм.., из банды? Ну, ладно. А третий довод каков? Прален помялся, но король одобрил его вялой улыбкой:

— Смелее, Прален! Мы же старые друзья.

— Вашему величеству уже известно о той упоительной связи, которую я пылко поддерживаю с женою графа Герши.

— Вы настоящий мужчина, Прален! — похвалил его король. — Но последний ваш довод мы переставим на первое место, ибо он самый существенный, и граф Герши да будет послом в Лондоне.

Назначение было заверено, и только тогда Прален сознался:

— Правда, сир, нас ожидает с Герши маленькое неудобство.

— Что такое?

— Дело в том, что этот старый осел Герши совсем не умеет писать грамотно. Право же, нет глупее человека во Франции!

— Это уже не столь важно, — вслух подумал Людовик. — Герши не виноват, что у него были плохие родители. А писать за него станет кавалер де Еон… Кстати, — добавил король, — этот шева-

лье как раз из «банды Брольи».

***

Лучше бы король не говорил этих слов. Прален люто ненавидел семейство Брольи — соперников Шуазелей, и тут же министр решил выбить из седла и самого де Еона. Этот шевалье, по мнению Пралена, и без того получил немало славы. Париж ласкал его как дипломата, дуэлянта, шахматиста и писателя. «Налоги в древности и во Франции» — эта книга де Еона теперь имела еще больший успех, нежели раньше; ее читали повсюду.

— Говорят, он пишет что-то о России, которую любит и куда его тянет, словно задорного петуха на мусорную свалку… — так негодовал Прален.

Однажды де Еону случилось быть в обществе у писателя Сен-Фуа; шевалье подвыпил и разошелся вовсю. Здесь же присутствовал и министр Прален, который подлил масла в огонь.

— Говорят, — сказал он, — вы имеете какое-то особое мнение об этой ужасной баталии, когда герцог Субиз…

— Это подлец известный! — прервал министра де Еон. — Мнение же мое совсем не особое, а лишь честное, ибо я свидетель мужества графов Брольи…

Этого было вполне достаточно, и Сен-Фуа шепнул ему:

— Как вы неосторожны! Мой совет вам: скорей уезжайте в Англию.

— Опять секретарем посольства? Сен-Фуа подошел к Пралену и намекнул ему на желание де Бона быть послом в Лондоне, а не секретарем миссии.

— Сорванец не помрет от скромности, — хмыкнул Прален…

Но тут де Еону помогло нетерпение «сильфа» Нивернуа, который усиленно рвался из Лондона в объятия графини Рошфор и к тарелкам с соусами парижской кухни.

Нивернуа предложил Пралену:

— Чтобы спасти меня, сделайте де Еона до приезда сюда Герши хотя бы министром-резидентом. Честолюбие этой бестии будет удовлетворено, а потом отправляйте его хоть курьером в Россию, где шевалье наверняка сопьется на еловых ликерах.

Герши согласился на присвоение де Еону дипломатического ранга поверенного в делах. Но тут же мстительно добавил:

— России он тоже не увидит. Свои пороки он может развивать до предела в колониях Вест-

Индии, куда я упеку его на съедение кобрам и тиграм…

Нивернуа, едва нога де Еона коснулась берега Англии, сразу же упорхнул на родину. Начинался самый счастливый период в жизни молодого дипломата де Еона. Облеченный личным доверием Людовика, шевалье был отлично принимаем Георгом III; в обществе поговаривали, что де Еон имеет какие-то таинственные шашни с самой королевой Англии — Шарлоттой из дома Мекленбург-Стрелицкого.

— Это все глупости, — отвечал де Еон, когда ему намекали на интимность. — Лучше считайте меня уродом, но только не человеком, способным тратить время на бесполезные любезности…

И он был прав: шла крупная подпольная игра в два банка сразу. Одной рукой де Еон проводил политику наступившего мира, а другой — готовил войну. Две перчатки: бархат и железо! Людовик считал себя униженным срытием редутов Дюнкерка и желал отомстить британцам высадкой десанта в Шотландии (старая его идея).

Перед отъездом в Лондон де Еон имел аудиенцию с королем — строго секретную.

— Вы получите приказания через графа Брольи, который, будучи сослан мною в деревни, про-

должает руководить моим «секретом». Сразу же начинайте рекогносцировки вдоль побережья Англии. Глубокая тайна! — подчеркнул король в своем напутствии. — А чтобы тайну легче было сохранить, я назначаю вашего храброго родственника — маркиза ла Розьера исследовать берега Англии…

«Аминь — король — Бастилия!» — эти слова преследовали де Еона даже во сне.

Теперь в руках де Еона оказались все отмычки военного заговора короля против Англии. По вечерам, запыленный и усталый, возвращался в посольство шпион ла Розьер, из своих сапог выгребал кроки укреплений побережья Англии; все планы войны хранились у де Еона в спальне.

— Тайна слишком велика, чтобы доверять ее подушке, — сказал он однажды. — Мы, конечно, не выдадим секрета короля, но… Вы же знаете, Розьер, какие остолопы у нас министры. Король правильно делает, не посвящая их в свои планы.

Был срочно вызван из Парижа еще один родственник де Еона — молодой красивый забулдыга Шарль де Еон де Мулуаз. Зарядив пистолеты и выставив перед собой длинный ряд бутылок, он теперь, как собака, сторожил документы новой авантюры Людовика.

А де Еон, по примеру своего «сильфа», продолжал швыряться деньгами.

Он так привык широко жить, что реально перестал представлять для себя ценность денег. Он просто замусорил Англию деньгами. Нивернуа давным-давно растратил кассу посольства, н теперь де Еон черпал золото из банков Лондона, не брезгуя и частными карманами. Долги сказочно росли — как лавина над пропастью.

— Но это же не мои долги, — утверждал де Еон. — И я не скрываюсь от кредиторов. Вот мой домашний адрес — пожалуйста, можете записать: Франция, Версаль, король!

Зато де Еон был великолепен, блистая в Сент-Джемском дворце. Он делил свои досуги между болтовней с умной принцессой Бовэ и разговорами с академиком Кондамином, недавно вернувшимся из джунглей Бразилии; он крупно играл с адмиралом Феррерсом и беседовал с ученым Лаландом о тайнах небосвода. Но никто не должен был догадываться, что в его напудренной голове зреют черные замыслы войны.

Людовик был весьма доволен работой своего тайного агента:

— Де Еон всегда приносит мне удачу. Смотрите, он так очаровал англичан, что мы уже пять ме-

сяцев не бросили ни одной лопаты земли, чтобы срыть Дюнкерк! А это чего-либо да стоит...

Лондон прислал в Париж нового английского министра-резидента сэра Нэвиля, но Людовик решительно его не принял.

— По существующим нормам этикета, — заявил Прален, — король Франции может принять аккредитивные грамоты только от дипломата, который рангом никак не ниже ранга посланника...

Вот тут-то Англия и встала на дыбы! Снова поднялся шум вокруг продажности парламента. Англичане ведь — не зрители, а постоянно действующие лица в делах своего государства. И они своего Бьюта только что на улице не били, но бить уже собирались. Нивернуа упорхнул вовремя: в Лондоне прямо называли ту сумму, за которую были куплены статьи мирного Парижского трактата.

Но особенно возмущало англичан то, что Людовик не принял их Нэвиля; как он смел это сделать?

— Наш король, — кричали ораторы на улицах, — ведь принял де Еона, который тоже не имеет ранга посланника! Так пусть же и король Франции примет нашего Нэвиля...

Положение надо было как-то спасать, и дворы Сент-Джемский с Версальским сошлись на компромиссе:

— Сэр Нэвиль да станет полномочным министром Англии!

Прален, скрепя сердце, был вынужден повысить в ранге де Еона:

— Де Еон и де Бомон да станет полномочным министром при дворе короля Англии…

Получив грамоты, шевалье подпрыгнул до потолка:

— Ура! Жизнь прекрасна… Мне всего тридцать лет, я знатен и не знаю счета деньгам. И я — посол… Трепещи же, гордая Англия, скоро мы тебя покараем!

***

Ото всех этих неприятностей жизни де Еон даже похорошел. В Лондоне скоро привыкли к его девичьей фигуре, к его бойкому звенящему голосу, к маленьким рукам, упрятанным в пышную муфту.

«Наша парижанка де Бомон», — говорили англичане, словно не замечая, что «парижанка» пьет крепкое вино, а выражается порою еще крепче, как и положено драгунскому капитану.

— Я въехал на своем коне в Капитолий, — сказал однажды де Еон своим братьям, и ответили ему братья — скептически:

— Помни, однако, что от Капитолия совсем недалеко до Тарпейской скалы, под которой бушует гневное море, и немало людей нашло свою гибель на виду Капитолия — под этой скалой…

ЕКАТЕРИНИАНСТВО

До Петербурга докатилась весть о быстром взлете карьеры де Еона, и Воронцов поздравил его письменно.

«Примите мои поздравления, — сообщал ему русский канцлер, — по случаю того, что ваше министерство отдает в различных случаях справедливость вашим талантам, в чем я, — заканчивал Воронцов, — также искренно участвовал…» Положение же самого канцлера было сейчас шатким. Русская помпадурша Лизка Воронцова приходилась ему сродни, и оттого канцлер имел немалые выгоды в Петровом правлении. А потому, когда взошла на престол Екатерина, присягнуть ей отказался.

— Государь ишо жив, — вещал Воронцов, тряся париком, — как же я преступлю клятве прежней?

И только когда зарыли Петра, словно пса смердящего, в глухом конце Невской першпективы, лишь тогда присягнул канцлер и стал поджидать опалы. Тихий и смирный. Ко всем почтительный…

Достойно удивления, но Людовику очень нравился Петр III.

«Сумасбродное поведение царя и его преданность нашим врагам не имели ничего опасного для нас, — писал тогда граф Брольи. — Они разрывали согласие между нашими дворами, предоставляя Франции полную свободу, чтобы снова восстанавливать турок и поляков против русских…»

А вот как выразился однажды сам Людовик.

— Вы уже знаете, — сказал король, — и я повторяю это теперь совершенно ясно: моя политика по отношению к России клонится лишь к удалению ее, насколько это возможно, ото всех европейских дел! Ввергнуть Россию обратно — во мрак хаоса, анархии и невежества, вот чего бы я хотел лично как король Франции!

И когда взошла на престол Екатерина, Людовик замыслил против России авантюру: Бретелю было поручено отыскать связи с царем Иоанном Антоновичем, намертво запертым в Шлиссельбурге… Легко сказать — отыщи связи, но как? Кучера об этом не спросишь. Шлиссельбург охранялся пушками. А, по слухам, сам Иоанн Антонович был таков, что и слова произнести внятно не умел. Бретель, абсолютно беспомощный, толкался в

передних Зимнего дворца, и Екатерина предупредила своих придворных и канцлера:

— Удвойте внимание к послу Франции, будьте с ним любезны и вежливы, но не более того… Подозреваю я!

Бретель сам понял, что бесполезен в России, и отпросился в Стокгольм… Прощаясь с ним, Екатерина сказала жестко:

— Не говорите мне высоких слов о дружбе! Если ваше правительство такое чистосердечное, каким вы мне его изображаете, то откровенность Версаля является еще одной фальшью… И однако, — добавила Екатерина, — России печально не быть с Францией!

А канцлер Воронцов, тихий и покорный, сидел дома и поджидал опалы. Но опалы все не было и не было… Почему?

На это у Екатерины были свои причины, и здесь она показала себя как очень хитрый и тонкий политик. Екатерина сознательно не трогала Воронцова. Ведь он был другом Франции, и она подчеркнуто, оставляла его на высоком посту канцлера, давая этим понять всей Европе, что Россия верна заветам Петра Великого, который так страстно добивался дружбы именно с Францией!

Это было, конечно, умно придумано Екатери-

ной, но Версаль и здесь не захотел ее понять. Воронцов до 1763 года болтался на виду Версаля, вроде жирной и вкусной наживки, но Людовик — сонной рыбиной — проплыл мимо России, боясь крючка под наживкой или просто не разглядев Воронцова…

Два больших корабля — и Россия и Франция! — после совместной баталии теперь медленно расходились бортами в разные стороны и уплывали своим курсом.., в беспределье, в безвременье.

Печально это, читатель. Очень печально!

Франко-русский союз оказался недолгим, непрочным, он не выдержал испытания огнем и временем. Русский историк К. Гринвальд, живущий и работающий во Франции, пишет:

«…союз, заключенный Людовиком XV и Елизаветой, возник, очевидно, преждевременно. Потребовалось еще сто лет, чтобы правящие круги Франции осознали размеры германо-прусской опасности и значение России для поддержания европейского равновесия…»

Сначала мы воевали с Францией — в 1812 и в 1854 годах.

Потом мы стали дружить с Францией, и в двух колоссальных мировых битвах кровь русская перемешана была с кровью французской. Наши

маршалы носили ордена Франции, наши ордена носят летчики Франции... Отделенная от нас Польшей и Германией, эта страна близка нам, русским. Может быть, причиной тому искусство — музыка, литература, живопись. Искусство — оно сближает народы!

***

Корабль Франции уплыл от России, и Воронцов дождался опалы. На его место — управлять всей внешней политикой — явился деловитый Никита Панин с докладами точными — как алгебра:

— Англия! Особый интерес в нас имеет, паче того — негоциацию: хлеб, пенька, смола, лес. Но в земли восточные проникнуть через наши же просторы желает, и вредила и вредить еще будет.

— Австрия! На наших же штыках желает с турками совладать, но поблажки не жди, матушка: славян, нам кровных, содержит в рабстве своем не слабее турок. И на Дунай пойдет Русь наша с боями великими через венскую хитрость, через козни венские.

— Пруссия! Фридрих спит и видит, умаявшись в борьбе с нами, как бы ему Польшу разодрать, благо страна сия ныне самая безобидная стала, и до союза с нами, матушка, Фридрих весьма охоч

будет. Держать же короля станем на привязи; иной раз пруссаков и подкормить не грех, дабы не закочевряжились…

Никита Иванович с достоинством поклонился:

— Вот каково тебе досталось, матушка, наследство от прошлого: прими и владычествуй нам в радость.

И в ответ Панину поклонилась Екатерина — с иронией:

— Хороший же узелок завязала покойница Елизавета! Однако не из пужливых я, сам ведаешь. И мыслю наперед тако: первое есть и наиглавнейшее

— воссоединить с Великой Русью народы украинский и белорусский. Турцию, дабы не алкала более крови славянской, усмирить войною! И на веки веков стоять от Черного до Балтийского моря крепко. Во всю ступню! России быть в первом ранге, говорила не раз покойница Елизавета, и в том я с нею полностью согласуюсь…

Примчался из ссылки опальный Бестужев-Рюмин, «Меня-то, меня забыли!»

— так и было написано на его лице. Но императрица андреевскую ленту на грудь ему повесила, и — от ворот поворот.

— Немыслимо, — призналась Екатерина Орло-

ву, — быть ему при моей особе: тетушку продавал, и меня продаст, ворон!

Старый карьерист не хотел сдаваться так просто. Бестужев выдвинул в сенате подхалимский проект: сразу же (!) присвоить Екатерине титул «матери Отечества» и немедля окрутить ее с Григорием Орловым.

Бестужев действовал активно. Заручился поддержкой духовенства, собирал под своим проектом подписи вельможные. Гришка обрадовался, что царем станет, но Екатерина повелела проекты Бестужева бросить в печку и забыть о них, как о бессовестных.

— Я и сама, как женщина вдовая, вольна собой располагать. А ты, Петрович, — сказала она бывшему канцлеру, — не суетись шибко, коли кавалером андреевским стал, и езжай куда-нибудь к водам теплым. Пора тебе о здоровье своем поразмыслить…

Вельмож века Елизаветы, что поседели в кознях и хитростях, она осыпала милостями, но разогнала их умирать своей смертью по задворкам империи. Теперь, в канун решающего часа жестокой битвы с Турцией, России требовались новые дипломаты и молодые полководцы — не чета старым.

***

Мы не прощаемся с Россией, как это сделал де Еон. Мы, читатель, еще вернемся к России.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. ПРЕВРАЩЕНИЯ

ЗАНАВЕС

Просматривая однажды «Опыт российской библиографии» известного Сопикова, я под j 4007 обнаружил наличие на Руси книги с таким сногсшибательным заглавием:

«Жизнь, достойная примечания прежде бывшего Кавалера д'Эона, а нынешней Г-жи д'Эоны де Бомонтъ. Переводъ с немецкого С. В.»

Книга была выпущена в Москве «с указного дозволения» в 1787 году, всего в 56 страниц серой шероховатой бумаги, на какой вообще печатались тогда книги. Ко времени выхода в свет каталога Сопикова (1815 год) книжица стоила ерунду — 25 копеек.

Но через семь лет, включенная в смирдинский каталог под j 3402, она уже обозначилась, как редкость, в цене двух рублей. Сумма немалая! Значит, почему-то в русском обществе возрос интерес к личности де Еона.

Но тогда совсем не это меня поразило. А.., сама суть.

«Как же так? — недоумевал я. — Был кавалер, а стал дамой… Может, ошибка издателя на титуле или курьез природы?» С этого времени я внимательно следил за каждым упоминанием имени де Еона в нашей богатой исторической литературе. Не ленился собирать о нем сведения везде, где только можно. Мне повезло: в моей библиотеке собрано, вероятно, все, что касается де Еона.

И постепенно — не сразу! — у меня в душе сложилось убеждение: поведать любопытному читателю необыкновенную историю жизни этого странного и незаурядного человека.

Из предыдущего читатель знает, что король Франции составил заговор против своих министров. Но «секрет короля» переживал тяжелый кризис: абсолютизм Франции входил в полосу климактерии, после чего последуют бессилие и бесплодие.

На авантюрах и вранье прожить трудно. Даже королям!

Именно в личной судьбе де Еона полнее всего и отразилась вся никчемность личной дипломатии королей. А точнее сказать — вообще европейской дипломатии XVIII века…

Как следует отточим шпагу и заострим перо, — в этой части книги нам предстоит особенно

часто ими пользоваться!

Итак, пусть взовьется занавес перед последним актом человеческого ничтожества, и на том багровом занавесе да будут начертаны слова из «Торжествующего хамелеона»:

«Сие поистине одне токмо французы производить способны!»

***

Людовик был удручен, и это заметили многие.

— Терсье, — сказал король поверенному своих тайн, — наш де Еон прислал несколько писем из Лондона, и очень странных писем. Вы не находите? Или назначение послом вскружило ему голову?

— Если так, — отвечал Терсье, — то наша дорога дальше опасна, ибо вожжи сейчас в руках этого молодца!

— Вот именно. Я уже говорил с Праленом, и министр советует отозвать де Еона обратно. Проследите за ним: если де Еон свихнулся, надо приложить все старания, чтобы тайны, ему вверенные, не вышли из его спальни…

Что же натворил там наш веселый и развязный кавалер?

Да в общем-то ничего особенного. Нивернуа

растранжирил посольскую кубышку и улизнул, де Еон наделал новых долгов, и теперь кредиторы требовали расплаты. А где взять? Хотя адрес и был известен: «Франция, Версаль, король!» Однако министерство встревожили даже не долги (какой дворянин не был должен тогда?). Дерзкий тон, в каком де Еон разговаривал с помпадурами и помпадуршами, — вот чего не прощал абсолютизм. Не надо забывать, что наш герой жил в XVIII веке, когда подчиненные были только униженными сикофантами перед престолами своих начальников, и Прален решил пресечь дерзости.

— Граф Герши, — приказал Прален новому послу, — отправляясь в Лондон, захватите и отзывные грамоты на де Еона. Мы подержим его в Бастилии на луковой похлебке.

Людовик отзывные грамоты подтвердил. Но (всегда верный своей двойственной политике) король сумел опередить появление Герши с отзывом де Еона письмом к самому де Еону. Это письмо, несколько странное, сохранилось в архивах Франции лишь в копии… Вот оно — это письмо:

«Версаль, 4 октября 1763 года. Вы служили мне так же верно в женском платье, как и в том, которое носите теперь. Наденьте снова этот костюм

и удалитесь в лондонское Сити. Предупреждаю Вас, что я, король, сегодня подписал, но только своим штампом — а не рукою! — Вашу отставку. Но я, король, приказываю Вам остаться в Англии со всеми бумагами, чтобы ждать дальнейших приказаний. В своей резиденции Вы в опасности, а здесь (т.е. во Франции) Вы найдете сильных врагов себе.

Людовик».

Вскоре и граф Герши появился в Лондоне, с коллекцией часов и распутной женой. Остановился посол в доме приятеля, лорда Голланда. Кавалер де Еон тотчас явился к дипломату, и Герши сразу вручил ему свиток отзывных грамот:

— Прочтите — и завтра же, на утреннем приеме, вы обязаны предъявить грамоты королю Англии, чтобы тут же покинуть Лондон.

Де Еон неожиданно свистнул.

— И не свистите! По возвращении в Париж вам ко двору Версаля уже не являться… Вы человек опасный.

Де Еон в злости сорвал печати, развернул грамоты:

— Я вижу только штамп — не руку короля! И вы, граф, как опытный часовщик, могли бы, кажется, точнее поставить стрелки.

Граф Герши стал хвататься за сердце.

— Несчастный, — кричал он, — вы не знаете, что ждет нарушившего приказ короля!.. Где все архивы посольства?

— Их полная коляскам — ответил де Еон. — Лошади всю дорогу до вас оглядывались на часы: как бы не опоздать!

Лакеи посла втащили в дом рыхлые кипы разных бумаг. В этой неряшливой груде документов, конечно же, не было секретных, — тех, что надо хранить от министров. Но зато не было и половины вообще посольского архива…

— Где все остальное? — оторопел граф Герши. — В чем дело?

— Вот в том-то и дело, что послом в Лондоне остаюсь я…

***

Когда де Еон, блистая серьгой и шпагой, удалился из дома Голланда, к обескураженному Герши подошел его секретарь — молодой и верткий Манэн (которого де Еон считал своим другом).

— Граф, — сказал Манэн, — у этого прохвоста де Еона должны быть еще бумаги. Помимо посольских…

— Какие бумаги?

— Видите ли, граф, я имел честь начинать карьеру в канцелярии принца Конти, и мне известно, какую роль играют подобные сорванцы в черных делах Брольи… Это ужасные люди! Но они многое знают.., больше нас с вами…

Прален воззвал к помощи мадам Помпадур; по дошедшей до нас версии, фаворитка похитила ключ у Людовика, когда король спал, и тишком вскрыла секретную шкатулку, где обнаружила его переписку с Брольи. Но граф Брольи был ее личным врагом, — пора бы уж королю знать об этом!

Пралену и маркизе Помпадур было ровным счетом плевать на самого де Еона, но погубить Брольи они жаждали давно. Ибо Брольи ведал той областью политики Франции, которая была недосягаема — ни министру Пралену, ни фаворитке Помпадур! Жернова этих хитросплетений завращались еще быстрее, и де Еону было суждено угодить своей головой как раз между ними…

Предчувствуя разгром, опытный делец Терсье посоветовал де Еону, как другу, поскорее разобраться с долгами, чтобы освободить энергию для более важного дела защиты «королевских секретов». Граф Герши между тем не возражал восстановить добрососедские отношения со

своим беспутным родственником, и де Еон ежедневно ходил в посольство к нему обедать.

— Так и быть, — согласился де Еон, подобрев от вина и еды. — Я обращусь к его величеству с просьбой, чтобы он расплатился за долги, сделанные мною по настоянию герцога Нивернуа.

Дело о широкой жизни герцога Нивернуа и его секретаря, таким образом, снова повисло в воздухе, как грозовое облако.

Тем временем граф Герши, обладая большой коллекцией часов, тратил немало усилий, чтобы в срок заводить их и регулировать. Очевидно, именно потому у него совсем не было времени, чтобы отрегулировать отношения со своей женой.

Мучимый ревностью, он срывал свое зло на де Еоне:

— Жизнь ваша закончится ужасно! Прикованный к веслу галеры, вы отработаете все деньги, которые прокутили заодно с выжившим из ума Нивернуа… Скажите, что сфабрикованы в масонской лаборатории Прадевка из лондонских доков, с которою вы и герцог Нивернуа не имели дела?

Де Еон тоже не лез в карман за словом:

— Судя по тону, каким вы со мною говорите, граф, вы забыли, что отзывных грамот я еще ко-

ролю Англии не подавал. И еще неизвестно, кто из нас представляет здесь Францию…

Граф Герши все-таки нашел в себе силы духа, чтобы остановить уходящего от него де Еона:

— Послушайте, животное… Окажите мне честь прийти завтра обедать. Видеть вас за своим столом выше сил моих, но англичане должны быть уверены, что мы живем с вами душа в душу!

И де Еон отвечал ему с очаровательной улыбкой:

— Благодарю, что напомнили… Впрочем, — признался он, — столоваться у кого-то, только не дома, это моя политическая система, которой я, еще со времен Петербурга, строго придерживаюсь… Здесь я постоянен, как старая дева в любви к кошкам!

***

Людовик был явно напуган:

— Вы слышали о скандалах, которые затевает де Еон на потеху всей Англии с этим мастером часовых дел? Брольи тоже был приведен в смятение.

— Терсье, — говорил он, — какому человеку вы вверили честь Франции? Ведь еще один скандал — и граф Герши со злости наложит секвестр на

все бумаги де Еона, и тогда тайна короля окажется в руках идиота.

— Я сам в отчаянии, — отозвался Терсье. — Ведь там все наши планы войны с Англией… И — где? В самой же Англии, у нашего посла в Англии!

— Напишите в Лондон, — велел Брольи, — чтобы де Еон надежно спрятал все. Чем глубже утопит тайну — тем спокойнее для нас…

Такой приказ де Еон получил. Он понимал: пока он связан с этими бумагами — сила при нем. Наоборот, оторви его от «секретов короля» — и его разотрут между жерновами Версаля и Лондона.

Шевалье продолжал аккуратно посещать посольство Герши для обедов. Вышколенные официанты каждый раз терялись, кому подавать первому: графу Герши (с его верительными грамотами) или же кавалеру де Еону (с его отзывными грамотами).

— Шарло, — не раз умолял его граф Герши, — положение ужасно. Когда вы наконец образумитесь?

— Когда получу от короля законные грамоты. А не те, что сфабрикованы в масонской лаборатории Праленом.

— Как вы можете? На них — штамп самого короля.

— Верно. Но там не указано, что я кавалер ордена святого Людовика в чине капитана драгунского полка маркиза д'Отишана… А это, согласитесь, весьма важно!

В конце концов графу Герши надоели эти обеды, и однажды за столом между двумя послами появился странный молодой человек с лицом, не внушающим доверия. Де Еон подозвал к себе Манэна:

— Вы, как секретарь посольства, должны мне ответить: почему за столом сидят люди, которых я не имею чести знать?

Манэн ответил — без поклона:

— Это Трейссак де Вержи… А кто он такой — вы можете справиться у него лично, благо языком его бог не обидел.

Де Еон развернулся в сторону непрошеного гостя:

— Трейссак де Вержи, не подавившись куском от страха, отвечайте, что вы здесь делаете, помимо того, что обедаете?

— Я Друг французского посла, — отвечал гость.

— Посол здесь я! Но такого своего друга я впервые вижу… Граф Герши, про вас ходят неясные слухи, будто вы тоже называете себя послом. Если это так, то не интригуйте меня далее… Сознай-

тесь честно — где вы залучили этого страшного объедалу?

Посол j 2 потупил глаза в тарелку.

— Я тоже… — смутился он, — не знаю этого гостя.

— Так в чем же дело? — спросил де Еон. — Сударь, на каких правах вы доедаете этот мой суп из сельдерея и петрушки?

— На таких же, — не растерялся с ответом де Вержи, — на каких и вы, шевалье, жадно поглощаете моих устриц — Встаньте и объяснитесь!

Трейссак де Вержи самообладания не потерял.

— Я лучше объясню не вставая… Дон-Кихот, славный рыцарь Ламанчский,

— сказал де Вержи, не расставаясь с ложкой, — обычно принимал трактиры за замки. А мы с вами, кавалер де Еон, принимаем замок посольства за трактир! Так что я, как и вы, не гублю себя хождением по трактирам.

За столом нависло молчание — время хвататься за шпаги.

— Это тяжелый случай, — вздохнул де Еон. — Между прочим, я окончил коллегию Мазарини, и там меня навсегда отучили от дурной привычки перебивать речь подсудимого… Я свято исполнил сейчас завет своих учителей. Однако, — догадался

де Еон, — по слогу ваших речей я понял, что вы литератор?

— Вы не ошиблись, сударь, — расцвел де Вержи, добрея.

— А потому, — заключил де Еон, — обедайте здесь каждый день. Ибо я уже ничего не могу заплатить за вас! Граф Герши, мой любезный коллега, получил воспитание в лакейской, где привыкли сажать за стол всякого, кто забредет с улицы!

***

В один из дней в доме лорда Галифакса собралась мужская компания. Англичане всегда нравились де Еону тем, что пили не хуже русских; недаром родословие многих лордов и пэров упиралось корнями прямо в коньячную бочку. Шевалье тоже, понятно, не отказался присутствовать на этой попойке. И был немало удивлен, когда тут же встретил и Трейссака де Вержи.

— А-а, сударь, — спросил его де Еон, — вы, кажется, и здесь открыли для себя бесплатную кормушку? Знать бы мне, где тут мусорная яма, чтобы я мог выбросить в нес человека, который имеет наглость выдавать себя за писателя?

— Вы невоспитанный невежа, — покраснел

Трейссак де Вержи. — Я не пророк, но предвижу: вы плохо кончите — Плохо — может быть. Но не гаже вас, сударь.

— Гаже — может быть, — парировал де Вержи. — Но зато не раньше вас, сударь…

Увлеченный выпивкой, де Еон вскоре забыл о нем. Но ближе к ночи, под воздействием вина, началось перед ним раздвоение мира. Люди и вещи расслаивались на составные части. Борода какого-то мусульманского посла вдруг отдельно от посла уехала влево и приклеилась к бритому лицу Трейссака де Вержи.

— Как? — крикнул де Еон, привлекая внимание пьяниц. — Вы еще здесь? Вы еще не насытились, сударь?

— Я не вижу надобности входить в рассуждения относительно размеров своего желудка, — трезво отвечал несчастный писатель.

— Так и быть! — решил де Еон. — Тогда я проткну вам желудок, и пусть лорд Галифакс, как хозяин этого дома, оценит на глаз все уничтоженное вами за его столом.

Шпага кавалера блеснула над бутылками. Он закричал:

— Хоть сейчас-то, перед смертным часом, оставь ты салаты с перцем и майонезом!

Лорд Галифакс заодно с Горасом Вальполем, эти два алкоголика, стали уговаривать де Еона не нарушать мир компании. Но кавалера было уже не остановить.

— Клянусь честью, это был его последний ужин! Мне надоели проклятые шпионы, ходящие за мной по пятам.., я убью их!

Галифакс спьяна велел бить в барабан — в зале появились солдаты королевской гвардии с ружьями.

— А что, индюки? — сказал им де Еон. — Вам, наверное, здорово досталось от моих драгун в Ганновере? Ему подсунули лист бумаги:

— Солдаты не уйдут, пока вы не подпишете обещания не преследовать Трейссака де Вержи и не оскорблять его нигде…

Утром он стал постепенно восстанавливать в голове картину вчерашних событий… Позвонил.

— Кузен, — сказал он брату, — сюда придет некий Трейссак де Вержи, так пропусти его ко мне без задержки. И приготовь, пожалуйста, стол для письма…

Едва Трейссак де Вержи появился на пороге его спальни, как два пистолета уже целили ему в лоб.

— Сударь, — заявил де Еон, не вставая с постели,

— вы помните что-нибудь такое, чего я никак не могу вспомнить?

— Очевидно. Ибо я-то оставался вчера трезвым.

— Похвально! И помните солдат с ружьями?..

— Помню…

— И то, что меня заставили унизиться подписанием бумаги?

— Да, вы подписались, что более не станете меня оскорблять.

— Да, не стану… Вы видите стол?

— Вижу. И стол, и перья. Но я не вдохновенен сегодня.

— Я вас вдохновлю. Садитесь и пишите под мою диктовку.

— Не буду писать! — выкрикнул Трейссак де Вержи, но два громадных курка щелкнули, сразу взведенные. — Ну, хорошо, — нехотя согласился де Вержи, — диктуйте.., я вас слушаю.

— Я, — диктовал ему де Еон, — именующий себя господином Трейссаком де Вержи…

— Я не именую себя — я ношу это имя от родителей!

— Это еще не проверено, — возразил де Еон. — Пишите далее: торжественно обязуюсь более ни под каким видом не проникать во французское

посольство. В случае же нарушения сего договора я обязан представить послу ручательства за свою порядочность от двух или трех высокопоставленных лиц в Париже… Написали? — спросил его де Еон. — Благодарю… Милый кузен, вас-то мне учить не требуется: ну-ка, дайте ему в шею!

Забрав все свое имущество, де Еон переехал на Золотой сквер, где жил шпион маркиз ла Розьер. Именно в эти дни министр Прален доложил Людовику план своих действий:

— Положение в лондонском посольстве, благодаря де Еону, сделалось столь угрожающим для вашей королевской чести, что пора нам прибегнуть к крайним мерам.

— Что вы предлагаете, Прален?

— Я полагаю возможным обратиться наконец к помощи английского правительства, чтобы оно выдало нам де Еона как…

— Договаривайте, — разрешил король.

— Как государственного преступника, подлежащего суду Франции, — заключил Прален.

Людовик выждал минуту — все взвесил:

— Пишите обращение в британский парламент. А я лично напишу графу Герши о дальнейшем.

Он действительно написал графу Герши: удержать бумаги, которые сыщутся при де Еоне, и

передать их только ему — королю! — и никому не сообщать о них, даже Пралену. Но главной фигурой в этой игре продолжал быть де Еон, и король опять сдвурушничал. Одной рукой арестовывая де Еона, другой он его спасал… Письмо Людовика к своему агенту сохранилось в архивах Франции (уже не в копии, а в подлиннике); вот оно:

«Предупреждаю Вас, что я, король, сегодня подписал своим штампом требование о Вашей выдаче. Оно послано Герши и будет представлено им министерству его величества, короля английского. При этом отправлены в Лондон полицейские агенты, чтобы Вас арестовать. Если Вы не можете сами спастись, то спасите Ваши бумаги. Не доверяйтесь секретарю посла, Вашему другу Манэну: он Вам изменяет…»

***

Обычный, как всегда, обед в доме посольства. Де Еон сидел на конце стола — как раз напротив графа Герши.

— Ваше вино.., подогрето, — сказал дворецкий услужливо.

Де Еон отпил из бокала и тут заметил, что Манэн глянул в сторону посла. Это шевалье обозлило: уж не собираются ли эти господа подсчитывать

выпитые им бокалы?

— Еще вина! — велел он дворецкому. — И оставьте графины на столе. Я и сам умею наклонять их до тех пор, пока они не станут пустыми.

Глаза вдруг смежило от сладкой усталости, он зевнул и понял: опий… «Или хуже опия?»

— Вы меня, решили, господа, кажется, отправить в Париж, — произнес де Еон, еле ворочая языком. — Так отправляйте… Но зачем же путать адрес и посылать меня сразу на тот свет?

Собрав все силы, он рывком поднялся из-за стола.

— Ни с места! — обнажил он шпагу. — Я разгадал ваш замысел.

Если бы де Еон выпил мало вина, он бы заснул и спящего его бы отправили на корабль. Но его тут же вырвало, — доза яда в вине оказалась слишком велика!

Дома он уснул мертвецким сном. Когда же проснулся, то письмо короля — через тайного курьера — уже было в Лондоне. И, прочитав его, де Еон вдруг понял, что король боится его, ибо уже невольно попался на удочку своих же «секретов».

В воле самого де Еона было — война или мир с Англией? Стоял вопрос о престиже королевской

власти! О нарушении мирного трактата лично королем Людовиком!

Какое грозное оружие попало в руки этого человека!..

— Мой любезный король, — тихо рассмеялся де Еон, — ну, разве же можно быть таким глупцом?.. Он позвал к себе друзей и произнес речь:

— Мои дорогие пьяницы, мои расслабленные жуиры и вы, блестящие бонвиваны! Наш дом отныне переходит на осадное положение, и вам, как честным шпионам короля, лучше в мои дела не вмешиваться... Маркиз, — сказал он ла Розьеру, — я вам передам кое-какие важные документы. Вы их доставите лично королю в руки! Кстати, вы будете иметь случай поправить карьеру, пошатнувшуюся из-за того, что я затесался в число ваших родственников...

Ла Розьер доставил в Версаль бумаги от де Еона.

— Положите на стол и уходите, — велел ему король. Едва двери за офицером закрылись, Людовик быстро разворошил громадный фолиант с бумагами...

— Мерзавец! — сорвалось с губ короля. — Здесь только его счета: сколько он сожрал и выпил... Но где же мои бумаги?

***

Для начала де Еон анонимно опубликовал королевские письма; а в предисловии к изданию сообщил, что эти письма суть еще самого невинного свойства, — дал понять, что последуют вскоре другие, от которых Версалю не поздоровится.

Европейское общество знало, что Людовик распутен. Но мрачная тайна укрывала знаменитый «Олений парк» в Париже, и никто в Европе не догадывался, что творится за этой глухой оградой… Де Еон в печати публично сорвал завесу тайны с этого «парка».

Тайный гарем, Людовика! Девочки, почти младенцы!

А дальше, читатель, началась военная кампания по всем правилам батальной науки. Маленькая и прекрасная де Бомон официально объявила войну королю Франции — Людовику XV.

Король Франции вызов принял: армия тайных агентов высадилась в Лондоне, чтобы поймать де Еона; в гавани Гревсенда постоянно дежурил наготове французский клипер, чтобы вывезти де Еона на родину; комендант Бастилии уже получил приказ освободить одну из камер в «Башне

молчания», одно название которой говорит само за себя… Франция ополчилась против одного человека!

Де Еон не был трусом: героически шатался по лондонским улицам. Из-за пояса шевалье торчали рукояти пистолей. Однажды его внимание привлекла толпа. Он тоже подошел — глянул из-за плеча зевак. На земле корчился в припадке эпилептик. Его страшно корежило и выгибало в дугу. На губах больного лопались пузыри пены. Когда припадок затих, англичане набросали возле нищего монетки и разошлись…

Эпилептик встал. Деловито собрал деньги. Но, едва успел выпрямиться, как де Еон ударом кулака выбил из его рта кусок мыла, которое так красиво пенилось на губах.

— О негодяй, — сказал шевалье. — Ты думаешь, я забыл тебя? Нет, вспомни же и ты драгунский полк маркиза д'Отишана…

Это был дезертир, скрывавшийся от галер в чужой стране. Он упал перед кавалером на колени, но де Еон велел ему подняться. С большим чувством он спросил дезертира:

— Скажи, приятель: неужели тебе не хочется после мыльной закуски прополоскать рот хорошим пивом?

Они зашли в трактир. Де Еон заказал яичницу и крепкой можжевеловой водки. С грохотом встали рядом между солдатом и офицером Франции две кварты янтарного пива.

— Ешь, — велел де Еон, развязывая кошелек. — Я давно уже догадываюсь, что таких, как ты, немало живет в ужасных доках Лондона. В одном вы, конечно, правы: лучше уж доки и кусок мыла во рту, чем каторжные галеры и клеймо бурбонской нежной лилии, что выжигает палач на плече раскаленным железом!

Дезертир одним махом осушил кварту пива; глаза просветлели.

— Сударь, — сказал он, — а ведь я вас вспомнил. Вы однажды вели нас в атаку… И вы — добрый офицер! Вспомнил, да…

— Я добрый, и подтверждаю твои слова деньгами, — ответил де Еон. — Покажи эти деньги своим друзьям. Денег будет еще больше, когда вы честно послужите мне ради Франции…

На призыв де Еона явились восемь дезертиров.

— Мы даже не дезертиры, — заявили они, — а честные эмигранты, каких много…

— Жаль только, что вас, честных эмигрантов, всего восемь человек… Я согласен: зовите сюда и нечестных!

Началась работа. Дом на Золотом сквере, откупленный у маркиза ла Розьера, превращался в неприступный форт. Тускло глядели на улицу щели бойниц. Осажденные имели пистолеты, ружья и сабли. Бочка с порохом была заложена в подвал дома, а фитиль от нее проведен в спальню кавалера де Еона. Свеча всегда горела наготове; приложи ее к фитилю.., минута, другая, и…

Когда агенты Людовика появились на Золотом сквере, то над крышей болталось знамя Франции, а громадная надпись на доске извещала прохожих издалека:

Джентльмены!

Обходите дом с осторожностью. Мы, решили взлететь на воздух, но не уступить подлым притязаниям графа Герши и его лакеев.

***

Людовик, прослышав об этом, сказал:

— Можно ли не знать границ? Я буду писать королю Георгу…

«Лондонская газета» официально поместила заявление английского короля Георга III о запрещении де Еону появляться при Сент-Джемском дворе. Кавалера формально лишали всех дипломатических званий, впредь предлагалось

считать его государственным преступником.

— Но что особенно скверно, — размышлял о прочитанном в газете де Еон,

— так это то, что они накладывают секвестр на мое жалованье. Однако я разгадал план короля: лишая меня денег, он желает, чтобы я приобрел себе честь и славу… Итак, друзья мои, можете не волноваться за будущее: отныне мы входим в бессмертие!

Через несколько дней Людовик справился у Терсье:

— Какие новости? Снял де Еон осаду или нет?

— Ваше величество, по наблюдениям агентов, из трубы дома валит дым. Но из дома никто не выходит. Армия дезертиров обнаглела и поет оскорбительные для нас песни, которые де Еон тут же для них сочиняет.

— Он не сумасшедший, — призадумался король. — Он просто слишком честолюбив и странен.

— Что соизволите приказать, ваше величество?

— Пошлите ему двести дукатов от меня. Может, ласка приведет его в чувство и наша доброта его облагоразумит?..

Терсье приложил к дукатам и письмо от себя — дружеское. Просил не глупить, не делать свое

положение опасным, рыцарски хранить тайны короля, и заключал словами: «Ваши акции стоят очень низко на версальской бирже». Де Еон дукаты взял, письмо прочел, но выводов никаких не сделал. Ему было некогда.

Толпа англичан в ожидании штурма не убиралась из-под окон минированного дома. Время от времени де Еон в злости сочинял стихи и, вскочив на подоконник, распевал их толпе — на улицу:

За сотни от Парижа долгих лье, С пером в руке и на боку со шпагой, Живет великодушный шевалье, Прославленный безумною отвагой.

Тебе же, рогоносец граф Герши, Как крысе, не выглядывать из сыра; Ревнуй жену, доносами греши, Но скоро под тобою будет сыро…

Граф Герши просто усыхал от зависти, но не мог сочинить в ответ даже строчки. Только уныло тикали часы… Богатейшая коллекция!

В свободное время де Еон с ожесточением работал над новой книгой. Что бы сказал Людовик, увидев те материалы, которыми кавалер пользовался в творческие минуты? Вдохновение де Еон черпал прямо из переписки Нивернуа, Пралена и Герши!

Король узнал об этом и велел посольству в Лондоне очернить автора еще до выхода книги.

Тогда перед графом Герши предстали два матерых борзописца

— Гудар и тот же Трейссак де Вержи.

— Любители нежных муз, — обратился к ним посол, — время не ждет, рвение де Еона надо опередить.

— Можете не сомневаться, граф, — заверил посла Гудар. — Де Еон не успеет поставить точку, как все будет готово. Мы обладаем секретом одной закваски, от которой любое блюдо на второй день не жрут даже свиньи…

А вот де Еон торопиться не стал.

— Профаны! — фыркнул он. — Может быть, они что-то и знают обо мне. Может быть. Но, рассчитывая на похвалы графа Герши, очень трудно создать шедевры.

Вскоре брошюры наемных писак вышли из печати. Де Еон с достоинством выстоял под ушатами грязи. Он украл деньги из посольства? Пусть. Он гермафродит? Пусть…

В один из дней Манэн ворвался в кабинет графа Герши:

— Первый том у де Еона готов!

— О боже, как он плодовит, — застонал Герши, холодея…

В марте 1764 года Лондон выбросил на при-

лавки громадный том под заглавием «Письма, мемуары и переговоры кавалера де Еона». Герши первым из французов раскрыл книгу и прочел о себе, что он дурак, каких свет не видывал, а жена его — шлюха. Данные эти, весьма прискорбные для графа, были подкреплены цитатами из писем Пралена, Нивернуа и самого Людовика.

— Нового тут ничего нет, — сказал Герши. — Перешлите книгу Пралену, тут о нем тоже немало написано…

Прален прочел оскорбительную для себя переписку короля с де Еоном, а заодно министр имел удовольствие узнать несколько тайн дипломатии, о которых он и должен бы знать, как министр.

— Но я этого не знаю! Однако похоже на правду… Передайте книгу его величеству. О короле здесь, слава богу, не упоминается. Но перед нами пока что первый том сочинений…

Людовик узнал из книги, что все его министры слова путного не стоят, а во Франции есть только один человек, достойный высокого звания дипломата, — это.., де Еон!

— Ужасно, — волновался король. — И дальше — хуже. Смотрите: это лишь первый том… Неужели у него хватит материалов?

— К сожалению, — мудро отвечал королю Терсье, — автор придвинул свой творческий алтарь к самому первоисточнику!

***

Как раз в это время умерла мадам Помпадур. Закрытое простынями тело женщины, возлюбленной короля, ночью с руганью утащили куда-то лакеи, которым хотелось выпить, но не было денег. И шел дождь…

Король, стоя у окна, показал на струи воды, со звоном бегущие по стеклам. И сказал, обращаясь к покойнице:

— Ах, мадам! Какой неудачный день выбрали вы для вашей дальней прогулки…

Но смерть фаворитки вернула из деревни графа Брольи, — теперь человек «огня и железа» мог активнее руководить секретной политикой короля. Брольи не успел еще осмотреться в Париже, как де Еон вдруг стал в Англии популярнее короля. Продажность министерства Бьюта была на устах каждого англичанина. Книга де Еона читалась нарасхват.

— Откройте глаза! — призывали ораторы на улицах. — Теперь мы наглядно видим, почему Франция преследует своего дипломата де Еона…

Да, да, именно в его руках таятся сейчас все тайны подкупа нашего парламента! Мы пойдем к нему, и пусть он скажет нам всю правду…

Громадная толпа англичан собралась под окнами:

— Де Еон, покажитесь… Мы хотим видеть де Еона! Шевалье вышел на балкон, сверкнула на солнце его сережка.

— Что вам надобно от меня, джентльмены?

— Скажи, что ты знаешь о наших министрах, — просила толпа.

Де Еон перегнулся через цветочные горшки:

— Первый том моих мемуаров читали?

— Читали… Читали!

— Ну так ждите. Заключению Парижского трактата о мире я отвожу весь тринадцатый том моих сочинений!

В убежище де Еона проник один из пэров Англии — Уилкс.

— Вы не должны бояться меня, — сказал он. — Я член парламентской оппозиции. Мы, радикалы, хорошо осведомлены о тех гонениях, какие вы претерпеваете от своего гнусного правительства…

— Ничего из бумаг не продаю, — поспешно произнес де Еон.

— Но… — замялся Уилкс, — двадцать тысяч фунтов!

— Хоть сто!

— Двадцать пять тысяч, — набавил Уилкс.

— Хоть двести!

— Тридцать тысяч.

— Хоть триста; я не торговец. Парламентер не спешил уйти:

— Оппозиция Англии следит за вашей безопасностью. Британцы недовольны нынешним курсом политики и пойдут за нами. Вы можете быть уверены: мы постоим за вас в борьбе с деспотизмом, и графу Герши не поздоровится… Ну, сорок тысяч фунтов!

— Я подумаю, — ответил де Еон.

***

Терсье развернул перед королем лист бумаги:

— Получено письмо от де Еона, слушайте…

«Вожаки оппозиции предложили мне денег, сколько я хочу, за выдачу бумаг и писем. Вы можете себе представить, как мне противен сей поступок. И, однако, если меня все покинут, то что же мне делать?.. Я объявляю вам формально: заставив меня перейти на сторону английского короля, Франция должна ждать, что вскоре воз-

обновится война, она неизбежна!..»

— За дело, — сказал король, — за дело… Бастилия ждет, камни плачут, цепи рыдают по де Еону! Если не можете залучить его живьем, так убейте же его наконец… Убейте!

Вокруг де Еона сжималось кольцо. Он ходил по улицам, обвешанный оружием, окруженный своей гвардией. Посылал письма к великим людям Англии, но только один Питт-старший ответил ему, и то — уклончиво. Прален слал агента за агентом: в любом виде подайте мне сюда этого паршивца! Граф Брольи, более осторожный и помнящий о заслугах де Еона, действовал путем переговоров: он послал в Лондон своего секретаря Нора.

— Мы согласны оплатить ваши долги, — заявил Нор де Еону.

— Что это значит? Долги делал я, значит, я и буду их оплачивать… Вы мне только дайте для этого денег.

— Но суммы определенной не выделено, — заметил Нор.

— Так, так… А что граф Герши? Остается послом?

— Да.

— Убирайтесь, — ответил де Еон. — Я не спущу

своего флага!

— Зачем вам бумаги короля? Верните их! — взмолился Нор.

— Как зачем? Герши начал против меня судебный процесс по законам Англии о привлечении меня к ответу за клевету… Отдай я вам эти бумаги, чем же мне тогда защищаться?

Ночью человек в маске набросился на де Еона из-за угла. Ударил шевалье прямо в сердце шпагой. Но клинок застрял в портмоне с деньгами, и де Еон успел, выхватив оружие, сразить убийцу наповал… А потом он раскрыл пробитое шпагой портмоне.

— Ну и ну! — сказал де Еон. — Это, кажется, первый случай в моей жизни, когда я удачно поместил свои сбережения…

Накануне суда де Еон пропал, и Лондон наполнился мрачными слухами, что французы заманили его в ловушку и убили. Толпы англичан стекались отовсюду к зданию французского посольства, запасаясь по дороге каменьями.

Зазвенели стекла в окнах, заухали кирпичи в ворота.

— Убийцы! — ревела толпа. — Отродье королевского деспотизма! Вот пусть только выглянет этот ублюдок Герши…

Особенно неистовствовала моложавая кухарка в кружевном чепчике на голове. В подоле ее передника был запас камней как раз по ее маленькой ладони, и она ловко высаживала стекло за стеклом в затаившихся окнах посольства; при этом она звонко кричала:

— Герши, ты скоро уберешься из Англии?..

Читатель, надеюсь, уже догадался, что этой кухаркой был сам кавалер де Еон.

Спокойно проживал он ныне в новом убежище, которое приискал у старухи француженки Дюфур, занимавшейся в Лондоне разными темными делами и делишками. Он скрылся от суда. Судебные пристава, при поддержке солдат с оружием, явились для исполнения приговора. Но вместо кавалера де Еона, изящного дипломата, они обнаружили трех женщин-замарашек. Они гладили белье. На вопрос полиции, где здесь скрывается де Еон, они только рассмеялись.

Особенно хохотала одна из них, распаренная от утюга, с блестящими глазами. Узнать в этой гладильщице белья самого посла Франции, конечно, было можно. Но для этого надо было прийти сюда не полиции, а кому-либо другому — более проницательному…

Трейссак де Вержи, вдыхая запахи нищеты,

привычные ему с детства, перебирал ногами сто двадцать первую ступеньку грязной и разрушенной лестницы. Нетерпеливо толкнул заплесневелые двери.

— Мне хотелось бы видеть мадам Дюфур, — сказал он. Навстречу ему, вытирая руки, поднялась от стола кухарка:

***

— Мадам Дюфур (маленькая запинка) здесь не проживает…

Трейссак де Вержи снял шляпу и улыбнулся:

— А вы, господин посол, готовите ужин для вечернего раута?

— Дело за мясом! — и де Еон взялся за кухонный нож.

— Позвольте присесть вечно голодному писателю?

— Садитесь! — И нож вошел в доску стола, колеблясь. — Так и быть: сегодня я накормлю вас до отвала.

— А какой приятный вид из окна: крыши, крыши… — начал де Вержи, озираясь. — Знаете, сударь, ведь я большой поклонник вашего таланта. Ваше имя будет бессмертно!

— В приложении к моему ваше — тоже, — от-

вечал де Еон. — Вы прославили себя тем, что осмелились соперничать со мною.

— Что делать! — огорчился де Вержи и, кажется, искренне. — Нужда заставила продать свое перо. Меня подбил Гудар, эта отъявленная бездарность, и.., наконец, мне заплатили!

— За деньги можно сделать все, — сказал де Еон, — но никогда не пишите за деньги. Это заставляет торопиться, чтобы золото скорей забренчало в кармане, и писатель уже не заботится о стиле. А стиль — это главное, ради чего стоит потрудиться!

— Пожалуй, вы правы, — согласился де Вержи, поразмыслив.

Де Еон посмотрел ему прямо в глаза:

— Есть веская причина, по которой вы пришли ко мне. Честно признаюсь, что я об этой причине не могу догадаться.

— У вас в Тоннере, шевалье, живет старая мать, — неожиданно произнес Трейссак де Вержи. — Случайно я узнал, что Версаль начал ее преследовать за ваши деяния... В моей чересчур сложной биографии, — поморщился он, — тоже было однажды нечто подобное, и потому-то я решил стать честнее самого себя.

— Благодарю, — ответил де Еон. — В самом деле,

я сейчас говорю уже без иронии, не останетесь ли вы со мной пообедать?..

За обедом де Вержи исповедался перед де Еоном. Манэн тогда подсыпал в вино усыпляющий яд по указке графа Герши; посол пытался подкупить и его, бедного литератора, на убийство кавалера.

— Запечатлейте на бумаге, — попросил его де Еон, — свой рассказ о кознях посольства против меня…

Добровольные показания литератора были размножены в копиях, и де Еон не замедлил разослать их по министрам Франции.

Отравление и подкуп наемных убийц — обвинения куда как хлесткие! Но первым пострадал писатель Трейссак де Вержи: агенты Людовика схватили его (как самого опасного свидетеля) и бросили через Ла-Манш — в «Башню молчания». Утром накануне процесса газетчики Лондона выкрикивали:

— Новое свидетельство версальского деспотизма! Арестован еще один свидетель.., на этот раз буфетчик посольства Франции, который подсыпал яд в бокал де Еона! Вчера ночью буфетчик тоже отправлен за Ла-Манш!

Герши потускнел, часы его тикали вразнобой.

Графиня Герши перестала пользоваться успехом среди мужественных британцев. Дело передали в высокий суд «королевской скамьи». Правительство Англии было согласно погасить этот крупный скандал, но…

— Вы слышите? — сказал в парламенте генерал-атторней Флетчер Нортон.

— Вы слышите, что кричат на улицах? Мы не можем не учитывать эти голоса. Откройте окна — пусть услышат глухие…

— Герши — на виселицу! — раздавалось с улицы. В один из дней процесса, когда Герши вылезал из кареты, толпа англичан набросилась на него. Лошади, испуганные, дернули. Посла поволокло по земле. Окровавленный граф Герши закричал:

— Вы не того бьете, кого надо бить… Я совсем не граф Герши, я только секретарь графа Герши!

Толпою были сорваны с посла Франции все его ордена и разбросаны по земле. Бежав от суда и покинув посольство на произвол судьбы, граф Герши на первом же корабле убрался за Ла-Манш.

— Я изнурен, — заявил Герши министру Пралену. — На этом посту нужен человек, умеющий прыгать в игольное ушко, стрелять из пушек, плавать рыбою под водою, мыться огнем… И еще

надо очень многое уметь, чтобы соперничать с хитрецом де Еоном!

Прален даже не удивился:

— Такой человек в министерстве есть! Вот идет к нам граф Дюран, как всегда веселый и милый… Граф Дюран, — поднялся Прален из кресла, — мы как раз говорим о вашей карьере!

***

Незадолго до этого Брольи беседовал с Людовиком:

— Ваше величество, как это ни странно, но пора начать мирные переговоры с государством, которое выросло незаметно у нас под боком, грозит нам оружием, и этот гневный прыщ называется государством де Еона!

Король был уже сыт по горло — с него хватит.

— Да, хватит, — сказал он. — Если вы настаиваете на мирных переговорах, то послом в эту удивительную страну я назначаю вас… Вот вы, Брольи, сами и выкручивайтесь! Теперь все надежды Брольи были на Дюрана. И вот два веселых чудака встретились на чужбине:

— Это ты, бродяга Дюран?

— А это ты, моя красавица де Бомон?

— Все толстеешь, Дюран?

— А ты хорошеешь? Про тебя много говорят…

— Что на родине, Дюран? — печально вздохнул де Еон.

— Не хватает только революции, а жертв для нее уже достаточно, и даже больше, чем надо для революции… Так что несомненно будут излишки в жертвах.

— Не нужен ли опытный палач? — серьезно предложил де Еон. — Я знаю тут одного, который берет недорого. Работает сдельно — с башки! К тому же он давно без работы, теперь нуждается.

— Сознайся: уж не ты ли этот опытный палач?

— Нет, я при нем состою в помощниках. Под мой топор ложится общий человеческий стандарт. А маэстро выступает на сцену лишь в затруднительных случаях, когда шея закоренелого преступника состоит из одних жил и хрящей.

Дюран был давним другом де Еона; оба они вышли из Тампля, этой школы «секретов короля»; сообща они готовили план высадки французов на берегах Англии; перед Дюраном скрываться было нечего, — де Еон уступил, заявив решительно:

— Едем! Мне все чертовски надоело, я устал… Но — условие: пусть никто во Франции не тревожит мою старуху мать. Матери не должны отвечать за детей своих. Тем более когда мать

глядит в могилу, а сын ее уже начал седеть…

На квартире де Еона было чистенько прибрано, как у пожилой старательной девы. Пяльцы стояли возле окна (мужчины XVIII века любили вышивание не меньше женщин). Острые перья шпаг и рапир висели по стенам… Де Еон открыл люк в подвал:

— Осторожно, Дюран! Прыгайте на эту бочку…

Дюран прыгнул в подвал — это был винный погреб, и Де Еон — за ним. Долго ковырял зубилом стены. Вынул кирпич, вмазанный среди камней:

— Прошу передать мне сертификат короля о пенсии… Дюран выдал ему подлинное обязательство Людовика выплачивать пенсию кавалеру, о котором было сказано в сертификате в самых лестных для де Еона выражениях.

— Я люблю, когда со мной разговаривают в таком тоне.

— А вот и подпись короля, — показал Дюран. Де Еон поднял кирпич над головой. Грохнул его под ноги. А внутри кирпича оказался пергаментный пакет, в котором хранилось письмо Людовика от 3 июля 1763 года с планом нападения Франции на Англию… Дюран повертел письмо в руках:

— Послушай, если только это главное, то.., к чему шум?

— Остальное от меня не получите. Я тоже не дурак! — сказал де Еон. — Король сорвался с моего крючка. С разодранной губой и в дурном настроении, но все же сорвался… Графа же Брольи и прочих я оставлю трепыхаться и далее!

Дюран сложил письмо короля и спрятал.

— Смотри, — сказал. — Я свое дело сделал. Остальным же пусть занимаются с тобой другие.

После этого де Еон еще несколько лет поддерживал с Версалем секретную переписку, хотя Версаль не доверял уже ему тайн. Сведения де Еона были незначительны: он словно сдерживал себя. Только однажды сообщил Людовику, что либералы хотят свергнуть с престола Англии ганноверскую династию. Если Версалю надо, то де Еон согласен принять участие в заговоре…

Людовика словно прорвало:

— Какая наглость! Я не желаю более видеть писем этого шантажиста! Кроме пенсии, ему нечего ждать от меня!

И он вернул Брольи депешу де Еона, крупно начертав наверху королевскую резолюцию: «Де Еона более ни на что не употреблять».

***

Вот когда наступили чудесные годы. Тишина

и покой. Дипломат, сверкнувший когда-то блестящим метеором, повидавший и взлет славы и низость падения, теперь осел за письменным столом. История и политика, торговля и безбрачие, навигация и духовенство, администрация и финансы — таковы были вопросы, занимавшие теперь его буйную голову.

Особенно интересовался де Еон проблемой налогов.

Франция переживала тяжелые годы, и каждый образованный патриот (а де Еон считал себя таковым) должен был много думать, чтобы вывести страну из тупика, в который ее загнали пылкие красавицы, вроде де Шатору, мадам Помпадур, а теперь на шее Франции сидела новая панельная шлюха с чужим именем — графиня Дюбарри.

Историки не признают за сочинениями де Еона глубокого анализа событий и причин надвигающейся катастрофы. Но зато никто не смог отказать ему в таланте изложения: любой сложный вопрос становился под пером кавалера изящным и легким, почти игривым, как шипенье в бокале шампанского.

Изящностью стиля де Еон побеждал отвращение к формуле!

Большая дружба была в эти годы у де Еона с

лордом Феррерсом, известным астрономом и математиком, которого он знал еще по службе в Петербурге. Летние месяцы де Еон проводил в поместье своего друга, вдали от городской суеты. Работал он, как утверждают очевидцы, по пятнадцать часов в сутки.

Запах роз по вечерам бывал удушлив и горек. Бледные лепестки неслышно ложились ему на плечи. Мохнатые гусеницы падали с ветвей корявой яблони, ползали по страницам среди недописанных еще строчек. Де Еон не сгонял их,

— они ему не мешали…

И незаметно закрадывались в душу синие печальные сумерки.

«Что это? — думал он. — Неужели приближение старости?» Наконец гигантский труд нескольких лет жизни был завершен.

В 1774 году тринадцать томов сочинений де Еона стали продаваться в Лондоне и сразу нашли себе читателей. Давно уже не было его врага — графа Герши: после всех побоищ и скандалов граф укрылся в своем имении, отдыхая душой и телом от де Еона. Но однажды кто-то имел неосторожность упомянуть о кавалере в разговоре.

— Повторите мне это имя, — попросил Герши. — Я не ослышался?

Он тут же умер — от разрыва сердца.

Над свежей могилой отца сын графа Герши поклялся отомстить, и вдова старого Герши бросилась в Версаль — к ногам короля:

— Ваше величество, спасите мне сына от де Еона! Последняя поросль знатного рода падет от шпаги самого опасного дуэлянта!

Людовик пожал плечами. «Когда все это кончится?»

— Но у меня, мадам, — ответил он женщине, — совсем нет времени, чтобы следить за всем происходящим во Франции.

— О, как вы жестоки… Постыдитесь! — зло выкрикнула вдова. — У вас нет времени… Но хватает же времени, чтобы быть королем!

Кавалер де Еон ничего об этом не знал, и беда задела его совсем с другой стороны. Начиналась новая эпоха его жизни.

***

Портреты де Еона веером лежат сейчас передо мною. Он изображен — печальный — в мундире полка маркиза д'Отишана, он смотрит на меня — вызывающе — в дамском наряде. Он и женственный, он и мужественный. Улыбка

— умного человека. Когда его изображают

женщиной, то подчеркивают миловидность и выпуклость груди, высоко вздернутой корсетом. Мундир и кружева, парик и чепец.

К сорока годам де Еон мало изменился во внешности: мелкие черты лица, нежные губы, голубые глаза и кожа чистая, поражающая девичьей белизной. Брился он редко, но, как говорят, мог бы и вообще не бриться.

Несмотря на эту внешность, далеко не мужественную, кавалер нравился женщинам. От Парижа — до Петербурга. Но легкий флирт, пальба острот, пустяки в стихах и — полное равнодушие к прекрасному полу, — вот и все, чем кончались его романы. Особенно досаждали с нескромными вопросами собутыльники.

— На мне мундир драгуна! — яростно огрызался шевалье. — Если бы наш век не был таким развращенным, никто не замечал бы моей нравственности… Я пью с вами — достаточно и этого великого порока, но зачем мне приписывать остальные?

Исподволь, незаметно сочились, словно едкая плесень по сырым стенам, нехорошие, темные слухи:

— Говорят, он вовсе не мужчина, а так себе…

— По секрету: он уже ходил в женском платье.

— Да что вы? Не может быть!

— А разве вы не читали книги Гудара? Там ведь сказано прямо, что де Еон — классический гермафродит.

— Гудар — бездарность! Лучше прочтите похождения распутного Фабласа… Там сказано, что девицы де Бомон следует опасаться!

Кое-что сболтнула и княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, прибывшая в Лондон уже не девочкой, какой ее знал де Еон, а почтенной дамой, как президент Российской академии наук. Что схватили с ее языка англичане — так и не разобрался де Еон, но было сказано Дашковой нечто такое, что усилило пакостный интерес публики к драгунскому капитану.

Английский король Георг III, заинтригованный этими слухами, прямо обратился к королю Людовику XV с просьбой ответить:

— Кто де Еон — мужчина или женщина? Феррерс предупредил де Еона:

— Неприятная новость: в Лондоне держат пари, и весьма значительные… Не пора ли вам сменить панталоны на юбку?

— К подобному любопытству я уже привык, — ответил де Еон. — Но еще не привык, и вряд

ли привыкну, чтобы люди интересовались моей персоной на деньги… Я ведь не кенгуру!

— Что поделаешь, дорогой Шарло, — ответил лорд Феррерс. — Мы, англичане, всегда были заядлыми спорщиками. Пари, нисколько не зависящее от искусства красноречия, стало национальным спортом в нашем королевстве…

Вскоре де Еон заметил, что, куда бы он ни направлялся, за ним постоянно следуют один или два ротозея.

Де Еон измолотил двух особенно назойливых спорщиков прежестоко. Но спекуляторов Лондона это не остановило, и Феррерс предупредил его снова:

— Как это ни печально, но вам хорошо бы уехать.

— Что случилось опять?

— Участники пари составили заговор, чтобы заманить вас для телесного осмотра в присутствии нотариуса… Уезжайте!

Де Еон уехал в Шотландию, бродил по холмам, пил горькое пиво и сладкую водку в деревнях, танцевал под волынки на сельских вечеринках. Вернулся в Лондон, надеясь, что скотский интерес к нему поостыл, но… Нет, на следующий же день по приезде явилась целая делегация от

спорщиков.

Теперь в Лондоне образовался «Клуб де Еона».

Явившись в суд, де Еон торжественно присягнул, что не имеет ничего общего с клубом спекуляторов и никогда не согласится подвергнуть себя унизительному осмотру.

— Я капитан драгунского полка и прошу палату судей учесть мое недавнее заявление своему королю: просьбу отправиться в польскую армию… Если я женщина, как вы думаете, то разве такие заявления поступают от женщин?..

— Ах, как вы не правы, мой друг, — сказал ему потом Феррерс. — Этим заявлением вы только подлили масла в огонь.

— Но почему?

— Вам надо было показать под присягой что-либо одно из двух: женщина вы или мужчина. Кто-то выиграл бы, кто-то в пух проигрался бы! Но пари тогда рассыпалось бы само по себе — и вы, Шарло, остались бы в том положении, в каком вам удобнее ныне.

Де Еон, побледнев, шагнул к старому другу:

— Почему вы так сказали сейчас? Неужели и вы.., вы? Почтенный лорд, математик и астроном, отвел глаза.

— Я тоже англичанин, — сказал он. — И притом

вы же не станете отрицать, что ходили… Да, вы уже носили женское платье. И не только в Лондоне… Говорят, что вы были в России под видом женщины. Мало того, поверьте — женское платье вам идет более мужского… Разве не так?

Участники пари, разбившись на легионы, устраивали демонстрации, дебоширя возле дома загадочного драгунского капитана и экс-дипломата.

Агенты спорщиков сумели проникнуть и во французское посольство, которое возглавлял тогда прожженный интриган — граф де Шатле-Ломон.

— Скифы! — загрохотал он в ответ. — Вы разве не знали до сих пор, что де Еон — женщина?.. Ха-ха! Да об этом уже давно только и говорят в Париже!

В самом деле, Людовик заявил однажды при дворе:

— А вы ничего не слышали о де Еоне? Открылось нечто любопытное в этом бесстыднике: на поверку он оказался женщиной, и, говорят, прехорошенькой… Впрочем, в это я не совсем верю, ибо видел его небритым!

«Уехать.., уехать», — мечтал де Еон. Засесть в Варшаве на Рыночной площади, поклониться

королю Станиславу Понятовскому, и… «Неужели он так злопамятен?» А там — Россия! Сверкание снегов, жаркие печи в сенях, говор и смех красавиц, фырканье коней у подъездов, плещущий грохот бальной музыки…

***

Де Еон приехал в Орендч, где зашел в кафе-гауз; здесь ему обещали дать ответ о службе. Было зябко. Попросил, чтобы согреться, чашку горячего пива с сырым яйцом внутри и один морской «гаф-энд-гаф». Тут его застал Друэ — секретарь старого волка Брольи.

— Знать, напрасно ходят слухи, что вы женщина? — молодо рассмеялся Друэ, садясь рядом. — Любая женщина упала сразу бы, отведав из чистилища вашей ужасной кружки!

Де Еон ощущал на себе пытливый взгляд хитреца.

— Что с Польшей? — спросил он не сразу.

— Его королевское величество полагает, что вам совсем нет причин покидать Англию. Тем более, вы сейчас окружены сомнительными слухами, и король не позволяет вам принять польскую службу. Ибо (и вы не станете отрицать этого) служба Польше — это же служба России…

Вы далеко замахнулись, шевалье.

Де Еон допил чертовски крепкий матросский «гаф-энд-гаф».

— Послушайте, юноша, — произнес твердо. — Должно бы уже и постыдиться… Не я ли послужил Франции в двух случаях пером дипломата и шпагою офицера? Неужели его величеству приятно наблюдать, как ныне меня травят, словно обезьяну в клетке? Я не имею своего угла, не завел семьи, я одинок и ничего не скопил под старость. Теперь у меня решили отнять даже мое мужество! Стыдно… Смерть под забором от нищеты — вот что уготовлено для меня Версалем! Будьте вы прокляты!

Вернувшись в Париж, Друэ высказал в министерстве мнение:

— Она это скрывает, но она, конечно, женщина… Брольи, на основе доклада Друэ, составил отчет для короля:

— Ваше величество, с глубоким сожалением извещаю вас, что на протяжении многих лет мы совершали чудовищную ошибку, доверяя высокие посты представительства за границей — женщине!.. Кавалерша Женевьева из бургундского рода де Еонов и де Бомонов провела и здесь нас, ваше величество.

Вольтер откликнулся на это событие ироническим замечанием:

— А наши нравы заметно смягчились, мы близки к гуманизму… Смотрите, де Еон стал орлеанской девственницей, однако до сих пор я не слышал, чтобы его сожгли на костре!

Вскоре, получив из Парижа указание носить одежду, «которая соответствует его полу», кавалер разгадал, кто повинен в этом абсурде, и Людовик получил от него издевательскую просьбу — надевать юбку только по воскресеньям («Дамские туфли ужасно жмут! — сообщал де Еон королю. — Не соблаговолите ли разрешить заодно уж носить мне ботфорты?»).

Людовик не мог слышать имени де Еона спокойно, и вдруг — новое послание. Да какое! Де Еон наконец-то сознался королю, что он женщина, но…

«Ваше величество, — похвастал кавалер из Лондона, — Вы не можете не оценить меня за то, что, находясь среди военных людей, я сохранил такое хрупкое добро, как целомудрие».

Так писал он. И — кому? Людовику — распутнейшему из королей.

Это был опять вызов. Де Еон дразнил короля, как дразнят собак, сидящих на цепи. Собака рвет-

ся, но укусить не может.

***

Старый король выходил в старый сад. Юные красавицы склонялись перед ним, и он похотливо (более по привычке, нежели по надобности) отпячивал толстую нижнюю губу. Слова же, которые произносил при этом король, закреплены в истории.

— Как прелестны… Но к чему их так много в Версале? — удивлялся Людовик. — Король Франции уже давно стар, и одной женщины ему вполне хватает…

С лицом сизого цвета, расслабленный и сонный от разврата, брел король к графине Дюбарри, ставил на огонь камина кофе для последней своей фаворитки. Все понемногу забывалось. Даже Семилетняя война, Елизавета и Фридрих… Ах, этот старый Фриц, вот был безобразник смолоду! Кстати, как же он называл его любовные увлечения? «Котильонами…» Какой дивный танец прошлого!

— Эй ты, недотепа! — орала на короля мадам Дюбарри. — Смотри, черт слепой, твой кофе опять убежал в пламя… Что ты вспоминаешь там и хихикаешь? Рыбьи кости давно сгнили в земле…

Когда Помпадур была жива, ее звали «рыбешкой», теперь она стала «рыбьими костями». А вскоре до де Еона дошли слухи, что Дюбарри имеет к нему какой-то особый интерес. Это очень плохо, когда тобою начинают интересоваться, как диковинкой. И все забыли во Франции: его миссию в Петербурге, его скачку от Вены, мирный трактат и три раны.

Осталось только одно — любопытство:

— Оставьте меня, люди… Мне совестно — за вас! У короля наступила дряблость мысли и страсти. Началось царство Дюбарри, и Людовик был от нее без ума. Он так нахваливал ее везде, что смелый герцог Айен однажды не выдержал.

— Ах, ваше величество, — сказал он королю, — сразу видно, что до мадам Дюбарри вы не имели дела с уличными потаскухами!

Но даже Дюбарри, этой уличной потаскухе, был противен зловонный осклизлый старик. На одну ночь вместо себя она прислала королю дочь плотника. Людовик заразился от нее оспой и умирал, брошенный всеми. Словно испуганные ночные птицы, разлетелись из Версаля метрессы; опустел страшный «Олений парк». И никто — никто! — не захотел видеть своего короля; только три его дочери (Ворона, Швабра и Тряпка) ухаживали

за умирающим.

Ни души, — Людовик исповедовал свои грехи в тишине…

Он умер, и на окне его спальни загорелась одинокая свеча.

Таков обычай Бурбонов: свеча на окне — кончилось старое царствование. Но свеча эта еще не успела разгореться, как в галереях дворца раздался неровный гул и топот.

И внук покойного, уже ставший Людовиком XVI, воскликнул:

— Боже мой, теперь я самый несчастный человек на свете!

А его жена, Мария-Антуанетта, с плачем произнесла слова, которым суждено стать словами историческими:

— Я королева.., а меня ничему никогда не учили! Топот придворных приближался к их комнатам. Работая локтями, обрывая шлейфы платьев, сталкиваясь в дверях, толпа царедворцев спешила упасть к ногам новых светил:

— Король умер — да здравствует король! Но простой Париж встретил смерть Людовика XV крика vin радости, и тут же, на улицах, была сложена песня:

Трепещите, воры и куртизанки, — Ваш папаша

отдал концы…

Граф Брольи представил новому королю (который ничего так не любил, как чинить испорченные замки) полный и всесторонний отчет о «секретах» в политике его дедушки. Людовик XVI, этот коронованный слесарь, распорядился навсегда уничтожить «секрет».

Но вот вопрос: куда деть целую армию тайных агентов, разбросанную по всему миру? Стали думать.

— Дайте им пенсию, — сказал король, — и пошлите их всех к дьяволу!

Все были довольны таким решением, но…

— Что там еще? — недовольно спросил молодой король.

— Ваше величество, мы совсем забыли о кавалерше де Еон, которая поганой мушкой сидит на лице ваших дивных начинаний!

***

Маленькое самостоятельное государство требовало признания своих прав на гражданство, и король был вынужден отправить к шевалье свое посольство.

Маркиз Прюнево, глава этой миссии, доказывал де Еону:

— Все уже довольны судьбой. Осталось только решить с вами. Король прощает вам все ваши удивительные метаморфозы. Только верните нам все документы, прекратите дерзить министрам. А также избегайте мест, где вас могут встретить лица из семейства Герши… При этих условиях приезжайте на родину.

Они пробеседовали полгода (!), после чего Прюнево не выдержал и уехал в Париж, где заявил:

— Он остался неумолим.

— Постойте.., он или она? Неумолим или неумолима?

— Она неумолима.

— Вот так и надобно говорить впредь о де Еоне! О переодевании кавалера в женский наряд существует несколько версий, каждую из которых с одинаковым успехом можно и принять на веру и с таким же успехом отбросить. Совершенно непонятно, почему с такой настойчивостью Версаль домогался видеть де Еона именно женщиной, непременно в женском наряде. Никакие доводы рассудка в этом случае не применимы. Очевидно, сцепление интриг и обстоятельств было уже в то время настолько сложно и запутано, что даже современники де Еона не всегда могли определить мотивы, по которым де Еон стал «женщиной».

В Париже было решено отправить к де Еону еще одно посольство. Министр обратил внимание на подающего большие надежды капитана Помареля. Бедный молодой человек как следует расспросил дорогу до Лондона, на всякий случай причастился, и скоро пакетбот выплеснул его в устье Темзы.

Всю дорогу, жестоко страдая от качки, Помарель думал и взвешивал. Конечно, кавалерша де Еон уже старовата для молодого капитана. Но астрономический счет долгов, сделанных ею в цветущей молодости, настраивал душу Помареля на любовный лад. «Король добр, — ликующе размышлял Помарель.

— И что ему стоит оплатить старые долги? А потом она, может быть, скоро помрет, и я сразу стану богатым вдовцом. И женюсь тогда на молоденькой — по вкусу моих благородных родителей…» С такими-то вот самыми скромнейшими желаниями капитан Помарель с ходу опустился на колени перед капитаном де Еоном.

— Что может воспрепятствовать нашему союзу? — певуче услаждал он кавалера. — Мы даже равны в чинах, — убеждал Помарель, — а это равенство само по себе уже послужит залогом счастья и согласия… Не будьте жестоки!

Де Еон ответил на это вполне серьезно — без шуток:

— А вы смелый офицер, Помарель; так и надо седлать свою судьбу для бешеной скачки в жизни. Но.., мои годы!

— Вы так милы.., так нравитесь мне!

— Да, мои годы и мой несносный характер, — продолжал де Еон. — Боюсь, что эти качества расстроят нашу связь в самом начале… Поверьте: я не единственная женщина, Помарель, которую вы встретите в своей жизни. Встаньте. Вы меня не обрадовали, а.., потрясли, капитан!

И поплыл Помарель обратно, опять ужасно страдая от качки «Помарель — впоследствии, при Наполеоне, достиг высокого положения начальника французской печати.».

Наконец новый министр Франции — граф Вержен — лично взялся за это щекотливое дело. Он был умен, этот дипломат.

— В этом случае, — сказал Вержен, — необходим для успеха архиплут, а не банковская контора… Зовите ко мне негодяя Бомарше! Если уж он не справится, тогда мир треснет.

***

Кто не знает автора «Севильского цирюльника»

и «Свадьбы Фигаро» Пьера Карона — Бомарше? Все его знают.

Однако мало кому известно, что драматургия занимала в его жизни самое последнее место. Представление об этом незаурядном таланте лучше всего дает список его профессий: часовщик, учитель игры на арфе, супруг умирающих богачек, ловец по лесам браконьеров, спекулянт-подрядчик, опытный сводник, поставщик негров в колонии, карточный шулер и.., шпион Франции. Последнее — едва ли не самое главное его занятие, хотя в истории главным делом Бомарше принято считать именно драматургию.

Жизнь этого человека — в своем роде фильм-боевик, отснятый в XVIII столетии. Чего тут только не было!.. Неутомимые скачки, тайны замков, выстрелы в ночной погоне, прыжки с третьего этажа, таинственные незнакомки.., и много-много другого!

Граф Брольи вполне одобрил выбор агента.

Бомарше отнекиваться не стал.

Попутно ему дали задание уничтожить в Лондоне книгу-пасквиль о мадам Дюбарри, написанную жуликом Тевено де Моранда, который и писал только затем, чтобы продавать свои книги на корню. Он даже выслал Бомарше подробный

каталог всех своих сочинений и напротив каждого проставил сумму,

— за какую он согласен предать книгу сожжению. Черт возьми, как подумаешь, из каких только типов не слагается великая мировая литература!

Сейчас Тевено де Моранда «продавал» королю Людовику свою очередную поделку под широковещательным названием «Тайные мемуары одной известной публичной женщины» (фиктивные мемуары, якобы написанные самой графиней Дюбарри). В уничтожении этой книги Пьеру Бомарше должен был помочь де Еон, хорошо знакомый с верхами и низами всей эмигрантской литературы…

Переговоры Бомарше с Тевено де Моранда не заняли много времени. Сообща они отвезли весь тираж за город. Де Еон уже заранее приготовил печи для обжига кирпичей, и они с Бомарше провели здесь дивную поэтическую ночь, пока в огне не погибла последняя страница «Тайных мемуаров одной известной публичной женщины»…

Де Еон понимал, что с появлением умного и беспринципного противника, каким был Бомарше, игра заметно усложняется. Но флаг мужества надо спустить с честью.

Даже проиграв, надо выиграть! Бомарше — все-таки поэт, а поэтов следует ошеломлять…

— Итак, до завтра. — договорились они.

На следующий день Бомарше был проведен слугою в комнаты де Еона. Быстрый взгляд на вещи, взгляд оценщика мебели, — ничего примечательного. Музей холодного оружия и партии шахмат — еще незаконченные, на раскрытых досках. Откуда-то снизу, должно быть из подвала, Бомарше ощутил, как терпко благоухает вином.

Резкий шорох дамского платья за спиной…

Бомарше резко обернулся и — обомлел, ошеломленный.

— Вы удивлены, Бомарше, что я так хорошо сохранилась?

Перед ним стояла миловидная женщина. Рука ее небрежно придерживала накрахмаленные фижмы, кружевной чепец укрывал голову, в ушах — коралловые завитки. Букет живых цветов закрывал грудь, а вокруг ослепительной шеи обвилась узенькая бархотка в сверкающих драгоценных камнях.

— Верить ли мне в это? — прошептал Бомарше. Мохнатый веер — часто-часто — затрепыхался в руке де Еона.

— Это значит, — сказал он (или она?), — что

перед автором комедий я, конечно же, не рискну играть свою старую и надоевшую всем, даже королям, комедию.

— Постойте.., постойте… — не мог опомниться Бомарше.

— Ну да. Пора бы уж вам, мой милый, догадаться, что я женщина… Садитесь, Бомарше, напротив. Каков Париж? И лают ли по-прежнему ньюфаундлендские собаки на Сене, ныряя за утопленниками? Я так любила в юности засыпать под их лай. Виноградный ли год во Франции?

Бомарше похлопал платком по лбу.

— Капитан, я вас не совсем понимаю.., объяснитесь же.

— Ха, как вы наивны, Бомарше! Здесь был до вас капитан Помарель, он куда догадливее: на этом самом месте два часа стоял передо мною на коленях… Знать, напрасно ходят всякие сплетни, что вы озорник и шалунишка… Мне не бояться вас?

Бомарше уже освоился с присутствием в доме женщины.

— Мадемуазель, — сказал он, входя в роль обольстителя, — если правда то, что о вас говорят, то вы очень опытная кокетка!

— О нет, — снова затрепетал мохнатый веер. — Я решила быть честной перед вами… Филидор

был моей первой любовью, вы — моя вторая любовь. Неужели вы не заметили моего смятения?

Рука Бомарше робко обвила талию де Еона.

— Так в чем же дело, душа моя? — сказал он, очарованный невольно. — Маленький роман делу не повредит. Давай же покончим с делами, а потом как следует закоптим окна!

И через несколько дней Лондон был ошарашен.

— Вы слышали? — говорили кругом. — Бомарше уже потребовал от девицы де Бомон башмак, туфлю и пояс для снятия мерки.

— Неужели дело дойдет до свадьбы?

— Да, пора бы уж этой девице успокоиться в замужестве.

— Господа, а Бомарше и здесь не прогадал, невеста хлопочет о пенсии, которая составит немалое приданое.

— Уж кто-кто, а плут Бомарше устроит свои дела… Бомарше вернулся в Версаль и потребовал от Вержена шесть тысяч фунтов стерлингов на окончание дела с де Еоном.

— Что с вами? — спросил министр. — Вы как-то не в себе.

— Ах, милый граф! Париж может хохотать: назревает моя гениальная комедия под названием

«Свадьба Бомарше».

— Но зачем вам столько денег?

— А разве вы, граф, ухаживаете за женщиной без денег?

Вержен спокойно (без поэзии) рассудил так:

— Вот неукоснительное условие для кавалерши де Еон и де Бомон: чтобы никогда она не носила мужского платья, тем более — мундира. Вы слышите, влюбленный Бомарше, что я говорю?

— Неужели вы думаете, — отвечал Бомарше Вержену, — я могу позволить, чтобы моя прелестная жена донашивала старые драгунские штаны? Теперь я и сам заинтересован в этом более, нежели ваше министерство!

...Я часто думал об этом: если де Еон блестяще играл женщину, то Бомарше как раз не играл; он поверил в то, что де Еон — женщина. Я не ручаюсь, что он любил эту женщину, но он сознательно шел на брачные узы с нею.

Вержен случайно оказался прав; де Еон как-то даже не заметил, когда это случилось. Но капкан уже захлопнулся, намертво прищемив его судьбу обручами корсетов. Единожды выступив в роли женщины, он терял право требовать для себя восстановления прав дипломата. И — что очень важно! — ни он сам, ни его противники уже не

могли рассчитывать на поединок с ним. Кто станет обнажать шпагу перед женщиной?

***

Бомарше настолько увлекся предстоящей женитьбой, что решил заодно окупить и накладные расходы на свадьбу. Для этого он баллотировал себя в клубе спорщиков на пари. Ставки на женский пол де Еона после сватовства Бомарше круто подскочили. Теперь семь против четырех выставлялось за женщину!

Бомарше выступил в клубе с заверением:

— Джентльмены, я беру на себя, как вы сами о том догадываетесь, самый неблагодарный труд в этом многолетнем споре, давно зашедшем в тупик побочных соображений. Ваше дело оплатить мне открытие истины, а всю тяжелую работу я выполню сам… Три процента с общего сбора в мою пользу — это разве не честно?

— На кого вы ставите, Бомарше? — задали ему вопрос.

— Как на кого? Естественно, на то, что невеста моя — женщина!

— Это надо еще доказать… — нашлись пессимисты.

— Я докажу! — поклялся Бомарше. — Но я могу

это доказать никак не раньше свадьбы…

Свадьба же могла состояться не раньше, чем Бомарше с де Еоном покончат с официальными делами. Однако после смерти Людовика XV тайна «королевских секретов» пала в цене, и Бомарше торговался со своей «невестой».

— Послушайте, — оскорбился де Еон, — вы ведете себя столь неприлично, что я могу заподозрить вас в неискренности чувства ко мне. Наконец, для кого я стараюсь? Вы же будете тратить мою пенсию… Не так ли заведено в добрых семействах?

Бомарше смущенно оправдывал себя приказами Вержена.

— Ну и скотина же вы, Бомарше! — сказал ему де Еон. — Подумайте еще раз: гожусь ли я вам в супруги? Поэт поискал глазами свою измятую в дорогах шляпу.

— Может, мне уйти? — оскорбился он.

— Нет, нет. Я все равно так люблю вас, негодный Бомарше…

И он (или она) повис (или повисла) на шее великого комедианта. Недаром я предпослал к этой части вступительную фразу из «Торжествующего хамелеона» — «Сие поистине одне токмо французы производить способны!..»

***

Со скрипом выпали ржавые гвозди, и половица, поднятая де Еоном, открыла взору Бомарше незабываемое зрелище. Уложенные в плотный ряд, как поросятки в хлеву, лежали под полом толстые фолианты, аккуратно перевязанные, и на каждом было написано: «Секретно, подлежит возвращению только королю».

— Вот из-за чего шла война! — сказал де Еон. — Из-за этого хлама я страдала немало… Но сначала — договор!

Франция заключила мирный трактат с «девицей де Еон и де Бомон». Статей было много, но главная из них подтверждала, что пол девицы — женский и эта женщина больше не станет грешить международными скандалами. За все это смирение Франция обещала поддержать девицу своими субсидиями и открывала перед ней свои границы.

— Драгунский же костюм с каской, мушкет, пистоли и сабли, — диктовал де Еон, — остаются девице на память… Так и пишите, Бомарше: «на память». И не забудьте указать, что девица де Еон уже носила женское платье в известных королю случаях…

Бомарше увязал секретные бумаги и отвез их в Версаль. Последнее время, от постоянной возни с тяжестями, у поэта даже окрепли мускулы. Людовик XVI великодушно пометил «трактат» задним числом, показав тем самым, что милости королей сыпались на голову де Еона и ранее этого союза.

— Но, — заметил король, — носить орден моего святого патрона Людовика кавалерша может только в провинции. И никогда да не снимет она женского платья! Лишь в этом случае ей будет обеспечена пожизненная рента за прошлые заслуги в дипломатии.

***

Лондонские граверы изображали теперь кавалершу в виде богини Паллады, патронессы наук и мудрости. Иметь женой Палладу, которая обладает к тому же значительной рентой, такое не часто встретишь во Франции, и Бомарше — торжествовал. Париж со дня на день ждал, чем закончится первая брачная ночь драгунского капитана с ловким комедиантом.

— Я счастлив, — говорил Бомарше. — Поверьте, ко мне вернулась легконогая юность…

Между тем все ждали свадьбы, и англичане, как завзятые спорщики, перенесли свои дебаты

даже в газеты. Это надоело де Еону, и однажды на каком-то рауте, невзирая на приличия, он публично послал Бомарше к чертовой матери.

— Опомнитесь, дорогая, — растерялся поэт.

— Ты слышал, негодяй? Убирайся к черту… Свадьба расстроилась, и биржа стала играть на понижение. Газеты писали, что навряд ли де Еон — женщина, ибо женщина не страшилась бы общения с будущим своим супругом. Растерянный Бомарше подкупил авантюриста Тевено де Моранда (книгу которого он недавно спалил в печках), и началась война перьями. Памфлет за памфлетом, один грязнее другого, выбегал из кипящих ядом чернильниц…

Но Вержен пресек эту войну в самом ее зародыше.

— Исполните условия договора, — продиктовал он де Еону в Лондон, — иначе вы лишитесь ренты. И срочно выезжайте на родину!

Исполняя приказ министра, 6 августа 1777 года кавалер появился в гостиных Лондона уже официально признанной женщиной. Голову его украшала бриллиантовая булавка.

— Вопрос разрешен без Бомарше! — заволновалась биржа.

И суды Лондона сразу же наполнились за-

явлениями о возбуждении исков: спорщики требовали оплаты выигранных пари. Королевские судьи хватались в ужасе за пышные парики времен Кромвеля, спикеры, сильно потея, не уставали стучать молотками.

— Джентльмены! Ваши иски удовлетворены быть не могут. Мы имеем только старое решение суда, назвавшего де Еона девицей. Но суду короля Англии еще неизвестно, что в действительности укрывается под женским платьем девицы де Еон и де Бомон!

Прощальный банкет с друзьями, где де Еон блистал в дорогих нарядах, ослепляя гостей белозубой улыбкой и сверканием драгоценностей. Правда, очаровательная хозяйка напилась крепче всех под вечер. Но сомнений ни у кого не осталось: женщина!

— Прощай, Лондон… Неужели навсегда? 13 августа де Еон в дормезе, запряженном четверкой лошадей, тронулся в путь. Но («Что это? Ужас! Ужас!») за кучером сидел опять драгунский капитан со шпагой на боку. Придержав лошадей возле редакции газеты «Морнинг пост», де Еон требовательно окликнул издателя, и тот высунулся из окна на улицу, не веря глазам.

— Ах ты старый беззубый враль! — кричал ему

де Еон. — Не поленись напечатать по моем отъезде следующее:

«Сожалея о тех скандалах, которые были вызваны глупцами и кретинами, я, кавалер де Еон, заверяю торжественно, что никогда не был женщиной». А следовательно, и не способен стать ею в будущем… Трогай!

Лошади понесли его в гавань, а черную биржу Лондона снова затрясло в лихорадочном ознобе различных предположений…

***

Франция дохнула в лицо ему запахом отцветающих яблонь. Сытые лошади с короткими хвостами, откормленные моченным в пиве овсом, быстро везли его в Париж, где он так давно не бывал.

Но в Сен-Дени кавалера остановили: принцесса Луиза (аббатиса монастыря кармелиток) просила удостоить ее обитель визитом. В приемной обители перед бравым драгуном с писком разлетелись по углам испуганные монахини. Сама же принцесса скрылась за решеткой и только чуть-чуть отодвинула ширмочку.

— Мы совсем не ждали увидеть мужчину, дочь моя! — сказала Луиза. — Вот как вредно читать

газеты и верить им.

Впрочем, ханжество принцессы было ничто по сравнению с гневом самого министра Франции.

— Как?! — топал ногами Вержен. — Мало того, что вы осмелились сменить костюм, так вы еще и в мундире капитана? Я вас спрашиваю: по какому праву?

— По праву крови, пролитой мной за Францию… На выходе от министра его встретили две версальские матроны в сопровождении лейб-медика. Тоном приказа де Еону было объявлено, чтобы нигде он не смел появляться в мужском костюме.

— Иначе, — было заявлено ему, — вас ждет суровое заключение в женском монастыре.

— В женском? — расхохотался де Еон. — О, теперь-то я вижу, что во Франции остался только один нормальный человек, да и тот — не разберешь, что такое… Этот человек — я!

Превращение кавалера в женщину было заверено декретом:

«От имени короля приказано Шарлю-Женевьеве-Луизе-Августе-Андрэ де Еон и де Бомон перестать носить драгунскую форму и снова надеть приличные своему полу платья, с запрещением показываться в королевстве в другом,

кроме женского, одеянии. Писано в Версале, 27 августа 1777 года…»

На горизонте жизни кавалера де Еона появилась портниха Антуанна Майо, которой было заказано сразу пять платьев.

— Какой прикажете цвет? — спросила Майо.

— Подберите цвета невинности, — уныло отвечал де Еон…

Но продолжал ходить в мундире, и Вержен снова вызвал его:

— Итак, вы не исполнили приказа короля? На глазах де Еона вдруг появились слезы:

— Что было позволительно за границей, того нельзя делать на родине. Не забывайте, граф, что у меня в Тоннере еще живет старая мать. Можно издеваться надо мною… Но зачем же издеваться над чувством матери, превращая сына ее в дочь!

— Тогда, — заявил Вержен, — вас ждет неприятная дорога…

В окружении солдат де Еона усадили в коляску, наглухо закрыли стекла ширмами и повезли по ночной дороге. Тяжко разомкнулись монастырские ворота, запели женские голоса.

— Сен-Сирская обитель… Вылезай! — сказали жандармы.

Что делал там, среди монахинь, кавалер де Еон

— мне неизвестно. Но до нас дошел оттуда его гневный голос.

— Английский суд вовлек меня в секту девственниц! Версаль же заставил меня сменить платье, дом, мнения, язык, лицо, волосы, моду, тон и манеры! И все это — исключительно по воле короля! Теперь у меня ничего не осталось в запасе, кроме девственности, публично заверенной судьями Лондона. И лучше идти по новой дороге добродетелей, нежели погрязать на старой, среди пороков. Надеюсь, никто отныне не осудит дурного мужчину, который волею короля стал доброй девицей!

Так говорил, так писал, так издевался де Еон…

***

Решив, что смирение кавалерши уже достигнуто, Версаль милостиво забрал его в свои апартаменты.

Не как-нибудь забрал — на дрессировку!

По рисункам самой королевы Марии-Антуанетты был сооружен наряд, какого хватило бы и на четырех фрейлин. Из-под иглы модистки Бертень наш кавалер вышел изящной щеголихой.

По приказу свыше де Еона поселили в семействе опытного царедворца Женэ, в одном из

предместий Версаля — в Малом Монтреле. Дочь этого Женэ (а именно — известная госпожа Кампан) оставила позже «Мемуары», в которых много рассказала о жизни де Еона. Много и напутала она, конечно, в своих мемуарах.

Обед ему носили с кухни короля. Де Еон очень много читал. В карты не играл. Но зато вышивал ковер. Самыми противными днями считал те дни, когда нужно было наряжаться, чтобы следовать в часовни Трианона — заодно с придворными шелестящими дамами.

— Колени, колени… — зловеще шептали статс-дамы. — Когда вы научитесь делать реверанс, не выкидывая колен?

— Ах, какая милая деревенская непосредственность! — потешалась над де Еоном королева Мария-Антуанетта.

Впрочем, после молебна его приглашали к столу, и королева, зная о слабости кавалерши, сама подвигала к нему бутылки. Глазами, мутными от вина, смотрел де Еон на придворных, и это были взгляды, не предвещавшие ничего доброго.

Когда же вокруг него заговорили, что «пора найти утешение в брачной жизни», кавалер де Еон вдруг исчез из версальских предместий. Ковер так и остался незаконченным, и Женэ испугался:

— О, скотина! Захламила нам все комнаты, настругала каких-то веревок, всюду рвань, грязь… Где же она, неблагодарная?

Следы кавалера отыскались на улице Конти, но, прожив тут с неделю, он перебрался в дом Маржу на улице Ноайль.

Шахматы.., книги.., вино.., и — шпаги!

— А на вас на всех я плюю! — так и сказал де Еон. Париж прозвал это чудо — кавалером-амфибией.

***

Толпы любопытных парижан неотлучно следовали за ним по пятам. Все хотели видеть ту, в которую был влюблен Бомарше. Но зеваки соблюдали дистанцию, ибо знали по опыту, что на выходе из Кафе де Фуа «амфибия» — под влиянием выпитого вина и острых закусок — приобретала драгунскую драчливость.

— Женевьева! — кричали на улицах. — Опять ты вышла из дому без муфты. Оберись в мужчину обратно… Что тебе стоит?

Один современник оставил нам описание «кавалера-амфибии». По его словам, де Еон был слишком шумливой гостьей, но «обладала красивым бюстом, приятным голосом, чарующей белизной лица и вызывающей жестикуляцией».

Очевидно, так оно и было! Не дай бог, если де Еон забывал побриться… Парижская газета сообщала тогда своим читателям, что скверно выбритый кавалер «выглядел более чем когда-либо мужчиной именно теперь, когда он стал женщиной».

Одна из дам как-то спросила его в обществе:

— Если не ошибаюсь, когда вы были мужчиной, то говорят, у вас была красивая и стройная нога?

— Дьявол вас побери, — отвечал де Еон, задирая юбки. — Вот же она, если это вас так сильно интересует…

Появление в Париже Вольтера, приехавшего из Фернея в дормезе с дымящей печкой, заставило французов на время забыть о «кавалере-амфибии». Вольтер стоял на закате дней и уже «не совался (как он сам говорил) в дела королей, а больше ходатайствовал за народы».

Сорок важных франкмасонов пешком (кареты ехали следом) отправились на поклон к философу. Впереди процессии шагал глава всей французской магии — граф Александр Строганов, знакомец де Еона по Петербургу. Ложа «Девяти сестер» посвятила Вольтера в звание «профана» (низшее звание в масонстве), а вдова Гельвеция повязала чресла фернейского мудреца сказочным законом своего покойного мужа.

Среди пышных празднеств в его честь Вольтер не забыл и «кавалера-амфибии», признавшись однажды друзьям:

— Я решительно не могу понять всей этой истории с де Еоном! Не понимаю ни его самого, ни Людовика XV, ни Людовика XVI, ни тогдашнего министерства, ни теперешнего…

В феврале 1778 года известная Дюдефан справилась через секретаря, сможет ли принять ее Вольтер, на что ей ответили, что уже триста человек ожидают случая увидеть мудреца. Но для «кавалера-амфибии» очереди не существовало, — настолько велико было любопытство Вольтера… Вольтер после свидания с де Еоном сказал графу Аржанталю:

— А это славная загадка для истории.., не правда ли? Что, если наша академия докажет совершенную подлинность его женского пола и де Еон станет Орлеанской девой, спасшейся от костра?

Но шевалье было не суждено стать Орлеанской девой, спасать отечество и всходить на пламя легендарного костра. Он написал серию памфлетов, которые громыхнули над Парижем, словно петардная батарея. Этим он смутил прежде всего Версаль: выходит, королева напрасно тратилась, сама рисовала, кроила и мерила — из-под юбок де

Еона все равно торчат сапоги лихого драгуна…

Скоро Франция опять начала войну с Англией, вступая в борьбу Канады за независимость. Де Еон только и ждал сигнала военной трубы: теперь его пышные юбки взметали пыль в темных галереях военного министерства. Но старый маршал Виктор Брольи не был уверен в успехе:

— Я знаю вас, мадемуазель, еще по старым кампаниям за храброго офицера. Но как посмотрит на это министр? Военный министр посмотрел на де Еона и увидел… женщину.

И тогда кавалер сорвал с себя ненавистные юбки. Натянул мундир, прицепил шпагу, кинул треуголку под локоть и, напудрив парик, отправился в Кафе де Фуа, чтобы основательно напиться. Вызывающе и броско пестрел бант ордена, качалась в ухе его сережка. Это было уже явное нарушение приказа короля.

К нему подошел русский доброжелатель — Хотинский, секретарь посольства в Париже:

— Зачем вы это сделали, сударь? Вы ведь знаете, что, отказавшись от женского платья, вы лишаете себя пенсии.

— Не тревожьтесь, дружище, — ответил де Еон. — Мои фижмы уже заложены в ломбарде на «Горе благочестия», и нищета отодвинута ровно на

тот срок, с которого его величество король снова поставит меня на свою казенную конюшню…

Он не ошибся: в одну из мартовских суббот 1779 года за ним пришли стражи Версаля, и «кавалер-амфибия» был заключен в кольцо штыков. Тюремный мальпост поджидал его возле подъезда. Он вспомнил Россию, где говорили мудро: от сумы и от тюрьмы не отказывайся, — и смело шагнул в глубину зарешеченного мальпоста. Ширмы на окнах задернули, свистнул бич, и лошади поскакали…

Дижонский замок — тюрьма короля! Возмутитель спокойствия заперт на сто замков.

Без суда, даже без объяснения причин ареста де Еон был затиснут среди заплесневелых камней Дижона, и он стал трясти решетки своей камеры.

— Я был дипломатом, — разносилось по тюрьме, — и представлял лицо всей Франции за границей. Я был воином — и владел оружием, доверенным мне Францией… Никто не может упрекнуть меня, что я плохо служил отечеству. А теперь.., что вы делаете со мною?..

А после Дижонского замка потянулись монастыри. Молитвы, свечи, бдения, шепоты, кляузы, тоска. Он, как бешеный, устраивал скандал за скандалом, вызывал дебош за дебошем — только

бы не жить этой постылой жизнью!

Ворота одной обители раскроются, а другие его примут. Кончилось все это тем, что ни один монастырь Франции не желал иметь де Еона в своих стенах…

Опять летят через забор тряпки, бутылки и книги. Толстущая аббатиса, похожая на раздавленную жабу, кричит:

— Нам не нужны такие поганые девки, что блудят по ночам с монахами и пьют водку, как солдаты… Убирайся, потаскуха!

Де Еон поднял из пыли томик Парни и роман Свифта.

— Эй, жаба! — заорал он в ответ аббатисе. — Хочешь, я поражу тебя в самое сердце?

И он задрал на себе юбки, обнажив тело.

— У-у-у-у-у… — завыла аббатиса, пропадая за оградой.

***

Так-то вот однажды, неся в котомке Парни и Свифта, прошла по дорогам Франции странная женщина — упругой походкой кавалериста, широко размахивая руками. Загорелая, неунывающая. Из зелени садов сверкнули черепицы крыш, пахнуло ароматом глициний.

Вот и Тоннер, милый Тоннер! Отсюда увезли его мальчиком, и сейчас он вернулся… Как блудный сын. Но — кем вернулся?

И свершилось чудо: престарелый аббат Марсенэ, его учитель, был еще жив и встретил его возле церкви словами:

— Шарло, не я ли, скажи, частенько сек тебя по румяной, как яблочко, попочке? Уж кому-кому, а мне-то хорошо известно, что ты не был девочкой… Ах ты сорванец! Ты и здесь набедокурил не так, как все добрые мальчики. Поцелуй же меня, старика…

Давили виноград босоногие крестьяне. Забродило в подвалах молодое вино. А что еще надо драгунскому капитану, отставшему от своего полка? Подтверждая слова аббата Марсенэ, ходил де Еон — на потеху землякам! — бриться в сельскую цирюльню. Висела там над дверями красочная картина: тазик с бритвой, а над ним пролетает комета. У порога оставлял де Еон деревянные бабуши, в одних чулках залезал в кресло. В осколке зеркала смеялась ему женщина, поправляющая на себе платье.

— Мадемуазель, вам бы жениться, — говорил брадобрей Букэн, намыливая щеки «амфибии». — Любая пойдет за вас в Тоннере…

Иногда де Еон совал ему в руки табакерку с вензелем короля:

— Милый Букэн, подержите ее в закладе: опять нужны деньги…

А до чего же тихие вечера на родине, как сладко и утешно пахнет волшебным сеном. Хорошо спится в саду, на отлогих виноградных террасах. Вспоминая далекое детство, зарывался де Еон с головою в вороха листьев, слушал по вечерам рожок пастуха, засыпал под шлепанье водяной мельницы.

Только изредка прорывалось — во гневе:

— Что ты скажешь теперь, принц Конти?.. О, проклятая дохлятина Герши… И ты, подлец Бомарше!

Но протекли годы — самые спокойные в его жизни. Закончилась война с Англией, и де Еон начал собираться в дорогу.

— Пять лет, — сказал он сестрам, — мои сомнительные прелести видели только горох и капуста. У мира появились новые заботы, но пора напомнить королям, что я существую. Очень тихо жили они без меня — пора уже мне поскандалить с ними!

***

Лондонская газета отметила его появление заметкой. Причем журналисты что-то напутали, и читателям было сообщено, что в Англию прибыла вдова известного кавалера де Еона.

Это сразу же всех развеселило… Остряки тогда говорили:

— Наш де Еон превратился во вдову самого себя!.. С нищенским налегке, без перчаток и без муфты, шлепая неновыми туфлями по слякоти, однажды пожилая женщина ударила молотком в дверь дома лорда Феррерса. Это был де Еон, который заявил наследнику:

— Ваш покойный брат, имя которого и титул вы, лорд Феррерс-второй, ныне носите, был моим близким другом…

— Не знаю, — отвечал Феррерс-второй.

— Но, — продолжал де Еон, — лорд Феррерс-первый, мой большой друг, остался мне немало должен, и вот в доказательство векселя… Пожалейте же эмигрантку на чужбине, которая не имеет за душой ничего, кроме доброй памяти о своем друге.

Лорд Феррерс-второй ответил, что не даст ни пенса:

— Если еще увижу тебя, то затравлю бульдогами… Уходящего де Еона нагнал на улице молодой красивый юноша:

— Я сын лорда Феррерса… Мне стыдно за его жестокое обращение. Возьмите у меня вот эти деньги.

— Э! — отвечал де Еон, отмахнувшись. — Бог с вами, с Феррерсами! Я еще не вступил в великий капитул нищих рыцарей.

— Это не милостыня, — сказал Феррерс-младший. — Я даю вам эти деньги в долг… Вы вернете их мне!

— С чего верну? — горько усмехнулся де Еон.

— Я даю вам деньги для того, чтобы вы смогли начать судебный процесс против моего отца, который под старость слишком ожесточил свое сердце… Верьте, я не таков!

Лондонские газеты тут же оповестили весь мир, что знаменитая девица де Еон отпраздновала свое прибытие в Англию новым судебным процессом. «Когда успокоится эта старуха?» К всеобщему удивлению англичан, де Еон процесс выиграл. А скупой лорд Феррерс-второй тут же скоропостижно скончался от жадности. Наследовал ему добрый малый — сын его, ставший лордом Феррерсом-третьим… Вот к нему-то де

Еон и явился за своей долей.

— Вы уже дали мне узнать ваше чувствительное сердце, — сказал он молодому и красивому человеку. — Ваш отец умер не вовремя: мне очень хотелось бы получить с него, но я вынужден теперь получать деньги с вас…

Лорд Феррерс-третий ответил ему — как добрый малый:

— Если еще увижу тебя, то затравлю своими бульдогами.

— Как справедливо! — заметил де Еон. — Как мудра природа, рассудившая, чтобы яблоко падало всегда недалеко от яблони…

Так очутился де Еон на улице… Кому он нужен теперь? Восемь лошадей изабелловой масти, впряженные в стекольный фонарь кареты, плавно выкатили навстречу короля Англии. Карета пронеслась мимо, но де Еон успел разглядеть, что Георг III сидит напротив Питта-младшего. Старым умом дипломата он правильно рассудил, что король взирает в лице Питта на свои растущие колонии за океаном. Грязь из-под колес заплеснула юбки де Еона, но… Разве теперь король узнает его?

— О старость, старость…

И нет даже пенса, чтобы нанять портшез, —

грязную улицу надо переходить вброд. Стены домов в Лондоне пестрели афишками: битва петухов, показ ученого гуся из Ирландии, а завтра состоится кулачная драка между Рейно и Джаксоном. Мордобой по всем правилам теперь заменял прекрасное и тонкое искусство шпаги.

«Лондон, Лондон, — сказал себе де Еон. — Ты, конечно, недостоин моего внимания. Но, чтобы не возвращаться в Париж, который достоин еще менее, я займусь именно тобою, Лондон!..» Здесь мы вынуждены прервать свой рассказ, ибо, безжалостно разрывая ткань событий, в нашу книгу насильно вторгается одна смерть, — смерть, которую мы не вправе не заметить.

***

В тиши Сан-Суси, согбенный и иссохший, тихо и нелюдимо доживал «старый Фриц». В четыре утра гулкие галереи залы уже слышали стук его трости. Король выходил на прогулку. Старость его (без любви, без детей, без ласки) окружали слава и борзые, величие и болезни, шедевры мировой живописи и сборщики налогов. Мундир истлел на нем, из карманов просыпался табак. Он еще долго играл на флейте, но старость лишила его передних зубов и пропал необходимый «амбушюр».

Фридрих пил минеральную воду, ел паштеты из угря. Ночи напролет читал классиков древности и с брезгливо-ядовитой ненавистью наблюдал за развитием немецкой культуры. Он знал собак и гренадер по именам, но имена Клопштока, Лессинга и Гете были для него пустым звуком… Король подолгу смотрел на циферблат часов:

— Они стучали еще деду моему и будут стучать после меня. Как же человек, комок глины и грязи, может пережить сталь и железо? Впрочем, пусть стучат…

Один за другим уходили в загробную жизнь сподвижники его походов — Шверин и Зейдлиц, Кейт и Циттен, а он, король, спешил ставить им памятники.

— Я брожу по плацам Берлина, как по мавзолею. Даже Цицерон не сделал для своей боготворимой Тулии того, что получили от меня по смерти своей мои славные ребята.

Когда Циттен был еще жив, он иногда являлся ко двору с улыбкой застенчивого ребенка. Дряхлый карлик, у которого из уха торчал слуховой рожок.

— Как здоровье, приятель? — кричал король в этот рожок.

— Яблоки уже поспели, — кивал ему Циттен…

В спальне короля, между свечами, настойчиво стучали часы.

— Я, кажется, утомил Пруссию своим долгим царствованием. Это смешно, но я уже сам ощущаю себя только историей…

Он угасал, а глаза его оставались молодыми. По этим глазам можно было догадаться, какой огонь был этот человек раньше. И даже в старости Фридрих умел держать себя величественно в своем изношенном кафтане. Если его замешать в тысячной толпе, то даже в толпе сразу найдешь его, — вот он, это король!

В январе 1786 года ему доложили о смерти Циттена.

— Я узнаю его! — воскликнул Фридрих. — Циттен, как всегда, идет в авангарде… В белом плаще, как в саване, даже на том свете он прокладывает палашом дорогу для своего короля!

Весной его вынесли в креслах на террасу в Потсдаме. Король почти безболезненно смотрел прямо на слепящее солнце.

— Расплавь же меня, — просил он (а кресло, в котором он сидел, называлось уже «вольтеровским»). — Пора заканчивать мне эту канитель…

Приехал из Ганновера знаменитый врач Циммерман.

— Мне известно, — сказал ему король, — что прежде чем врач начинает лечить людей, он должен заполнить людьми целое кладбище. Я не подпущу вас к себе, пока не узнаю точно: есть ли у вас такое кладбище, или вам не хватает короля для его заполнения?

— Ваше величество, мое кладбище уже битком забито.

— Благодарю. Вы искренни. Можете ехать обратно…

Что вы, Циммерман, собрались лечить? Старость? Но старость — неизлечима. Смерть естественна, как и рождение человека.

В своем духовном завещании Фридрих написал:

«Жизнь наша — мгновенный переход от минуты рождения к минуте смерти. Назначение человека в этот краткий период — трудиться для блага общества».

В два часа ночи 16 августа 1786 года остановились старые часы. Эти часы впоследствии увез из Потсдама император Наполеон, и они, видевшие агонию Фридриха Великого, видели и смерть Наполеона на острове Святой Елены. Прусского короля не стало, но осталась его Пруссия — не страна, а призрак страны…

Железная по былой славе Пруссия была на самом деле трухой еще при Фридрихе (хотя мало кто в Европе догадывался об этом). Внешне все было благополучно. Пруссию оберегал от врагов незримый бастион обаяния прусской несокрушимости и слава громких стремительных «блицкригов» короля Фридриха.

Наполеон рискнул тронуть этого зверя.

И случилось чудо: «…города падали градом, как спелые плоды; это было похоже на сон — словно сам бог бросал города и крепости Пруссии в лоно победителя». Что же случилось с Пруссией? Где ее Циттены и Зейдлицы? Где ее храбрые солдаты?.. Даже духу не осталось от прежней мощи. Пух и прах, прах и пепел… А кто виноват? Виноват, читатель, сам король Фридрих Великий!

Как деятель государственный король был реакционен до мозга костей, ярый враг всего передового, — вот это и превратило Пруссию в труху. Она развалилась на глазах пораженной Европы в тот же миг, как только столкнулась с армией нового типа — с революционной армией.

Фридрих же такой армии не знал. Муштра и педантизм, доведенный до совершенства, — привели его армию к разложению. Наполеон взял с Пруссии миллиард во франках, сделал

так, что в Пруссии никто ничего не мог купить; берлинцев шатало от голода, от государства же остался жалкий клочок земли. Несокрушимость Пруссии обернулась мифом, легендой. Фридрих отучил немцев думать («король думает за вас!»). Патриотизм же своего народа Фридрих развивал «китайским» способом: через полную изоляцию Пруссии от всего мира. За границу своих пруссаков король не пускал, чтобы не насмотрелись лишнего, книги иностранные сам читал, но подданным читать не позволял. И так — со всем, чего ни коснись. Прогресс был Фридриху всегда чужд. Машин в Пруссии он не терпел, ибо машина — по его мнению — друг лентяя; пруссак же пусть работает и за себя и за машину. Король воспитывал активных рабов, совершенно забывая о том, что раб, внешне даже активный, в душе остается всегда пассивным. Это его естественное состояние, — палки тут не помогают!

Пруссия настолько была истощена духовно при Фридрихе Великом, что не смогла даже спасти свою честь. Спасать Пруссию взялась армия России. А реформаторов она набрала из саксонцев, ганноверцев, нассаусцев и голштинцев. Сама же Пруссия была неспособна поставить даже одного политического деятеля!

Таковы были жесткие и кислые плоды долгого царствования «старого Фрица». Россия взяла Пруссию под свою опеку — в политике, в экономике, в финансах. Закостеневшую в убогих формах правления, ее стали будить реформами. Затем династия Гогенцоллернов породнилась с династией Романовых-Голштейн-Готторпских (внучка Фридриха II стала женою русского императора Николая I), и многое из того дурного, что воспитал и взлелеял Фридрих, при Николае I было пересажено на русскую почву. И вырвать эту заразу с корнем уже можно было только путем революционным.

***

В следующем 1787 году Лондон был взволнован появлением в своих клубах мулата Сен-Жоржа. Это был здоровенный красавец, ростом под потолок, любимец женщин и веселых мужских компаний. Сен-Жорж считался первым в мире бойцом на рапирах: рука мулата, сплошь из мускулов и нервов, не знала поражений.

Принятый в высшем свете, Сен-Жорж заранее застыл в позе победителя. Принц Уэльский уговорил его показать свое искусство публике, и в Карльтонгаузе состоялся сеанс фехтования.

Ловко и быстро разил мулат соперников. Рапира его металась как молния, разбрызгивая яркие отблески света. Гордым счастливцем шествовал Сен-Жорж — под крики восторга — мимо трибун, и дождем сыпались к ногам красавца цветы и любовные записки от женщин.

— Кто еще? — спросил он, возвысив голос. — Кто еще рискнет на поединок со мною?

Лучшие бойцы Англии уже были побеждены, и теперь англичанам оставалось одно — аплодировать победителю… Придерживая шуршащие юбки, де Еон спустился с трибун для зрителей на арену.

— Принц Уэльский, — сказал он, — я когда-то имел счастие открывать бал с вашей матерью, а потому, хотя бы из уважения к моим годам, потребуйте тишины у публики.

Принц Уэльский поднял руку, восстановив спокойствие зала.

— Сколько лет этой карге? — спросили сверху о де Еоне.

И смущенно улыбался Сен-Жорж, вертя в руке свою рапиру.

— Эй, вы там! — крикнул де Еон обозленно. — Я не скрываю возраста: мне пятьдесят девять лет…

Тут же, на боевой арене, забрызганной кро-

вью побежденных, де Еон с принцем Уэльским составил договор о встрече на рапирах с мулатом. Карльтонгауз дрожал от хохота. Кто-то из публики швырнул в де Еона огрызком яблока. Сен-Жорж оказался благороднее этих зрителей — он пожал руку «старухе»:

— Надеюсь, мы будем драться с наконечниками?

— Никаких помпонов на остриях, — возразил ему де Еон. — Бой будет настоящим, без сентиментальной жалости.

— Но.., как же вы?

— Юбки? — засмеялся де Еон. — Пусть они вас не смущают. Мои юбки сшиты из драгунских штанов.

***

На следующий день, перед турниром, де Еон заточил рапиру и не прикоснулся к вину. Две нижние юбки и платье, хоть тресни, а пришлось напялить на располневшее к старости тело. Иначе — никак нельзя! Обещали присутствовать лучшие красавицы Англии, а они-то хорошо понимают толк в туалетах… Их не проведешь!

Зажгли газовые фонари, и Карльтонгауз наполнился светом. Ярко вспыхнули из полумрака

драгоценности женщин. Разом взлетели к глазам джентльменов лорнеты и монокли. Де Еон глянул на публику — ощутил ее неприязнь к себе. «Ну и рожи… С какого болота прискакали сюда эти снобические жабы?..» Помахивая рукой, стройный и красивый, вышел на арену мулат Сен-Жорж. Гремя крахмальными юбками, голодный и злой, как черт, двинулся на него «кавалер-амфибия»… Мулат шепнул:

— Наденем помпоны… Уверяю — издали никто не заметит.

— Не будем бояться крови, — ответил де Еон.

— Ну, — твердо решил Сен-Жорж, — тогда пеняйте на себя…

Противники разошлись, и в разом наступившей тишине прозвенел отсыревший гонг — банг…

— Сходитесь! — разрешил принц Уэльский. С положения эфеса «ногти вбок» де Еон присел в позиции для первой кварты, и мулат сразу ослепил его своим клинком. Это была мельчайшая сетка ударов, почти незаметных для публики. Но де Еон, как опытный боец, уже ощутил их силу и угрозу.

Молодые мышцы мулата не ведали усталости. А ему сразу же, с первого дегаже, надо рассчитывать и беречь свои силы.

Ему без года уже шестьдесят лет. И — мешают юбки! Сен-Жоржу ничто сейчас не мешает. Его все любят. А над де Еоном только издеваются…

— Терс, терс! — орали с трибун. — Сен-Жорж, колите ее!

Один промах мулата, и плечо его залило кровью. Зал застонал от ярости. Теперь де Еон видел только закушенную губу врага — и дрался насмерть. В лице этого холеного красавца он колотил всю пошлость жизни, которая так оскорбляла его. Которая пренебрегла им. Которая видела его унижение и наслаждалась этим унижением. Которая будет рада, если его сейчас проткнут насквозь.

— Удар! — сказал де Еон. — Принц Уэльский, вы не следите за ударами, а шпага моя не всегда дает следы крови…

Глаза противника запали внутрь. Два укола рапирой наполнили фаворита толпы ненавистью к этой непонятной бабе, что крутится перед ним, взметая песок с арены своими старыми юбками.

— Да будь ты проклята, ведьма! — заревел он, кидаясь вперед.

Де Еон принял оружие врага на квинту, и…

— Фью! — просвистел воздух, рассеченный (третий удар).

Настроение зала пошатнулось — уже неслись другие голоса:

— Де Еон, шинкуйте его! Ростбиф из мулата не помешает…

Глаза — в глаза, клинок — в клинок.

Скачет под ударами мулат. Пылят юбки де Еона. Сбоку-сбоку (шажками мелкими, как горох) четкой фланконадой де Еон рванулся вперед. Усталость уже била через все поры тела, и пора было кончать с противником — быстро и решительно.

Иначе сил не хватит. Придется отступить… Но отступать де Еону некуда: за спиною у него — старость, нищета, презрение, болезни… «Смерть

— или победа!»

— Принц Уэльский, считайте же! — воскликнул де Еон.

Принц-судья едва успевал считать, и гонг, отмечая удары рапиры, вторил ему глухими раскатами.

Весь Карльтонгауз был наполнен теперь ухающим боем меди:

«Банг.., банг.., банг…» Сверху истерично визжали женщины:

— Остановите их! Эта эмигрантка убьет нашего гостя… И, наконец, — вот он, блестящий финал

де Еона:

— Я сделаю вот так.., простите! Рапира Сен-Жоржа, выбитая из руки, взлетела высоко с печальным звоном. Крутясь, беспомощная, она легла на песок арены.

Де Еон дышал, как паровая машина. Шумно. Тяжко. А мулат, посрамленный и жалкий, закрыл лицо руками. Де Еон воздел над головой оружие — свое и противника:

«Ну, Англия, что ты скажешь теперь? Я слушаю тебя…» Сен-Жорж с воплем убежал прочь от позора.

— Шляпу по кругу! — раздался призыв… Честным мужским трудом де Еон приобрел в этот вечер друзей и 465 фунтов стерлингов, собранных принцем Уэльским по подписке. Слава лучшего фехтовальщика Европы ненадолго вернула ему счастье, прилив сил и признание общества. Во всех трактирах висели теперь гравюры с изображением этого необычного боя мужчины с женщиной. Эта же гравюра лежала и передо мною, когда я писал сцену поединка…

***

В одеянии Орлеанской девы де Еон на подмостках королевского театра в Лондоне не раз потом

демонстрировал свое неувядающее искусство. За гонорар

— как за выступление актера. Эти гонорары помогли ему открыть зал фехтования невдалеке от Кенсингтонского парка в столице.

В это же время композитор и шахматист, не знавший поражений, угрюмый Филидор стал искать в Лондоне достойных себе соперников. С тех пор как де Еон встречался с ним еще в юности, в кафе «Режанс», Филидор сильно постарел. Узкое лицо его потемнело, как кора дерева. Неразлучная скрипка бывшего пажа Марии Лещинской постоянно лежала возле шахматной доски. По пять шиллингов брали за вход в клуб, чтобы увидеть соперничество состарившихся друзей.

В 1792 году все имущество де Еона пошло с молотка, описанное полицией за долги — старые и новые. Жестоко он страдал от потери книг, без которых ощутил себя в жизни бесполезным и беспомощным. Пенсии кавалер от Франции давно не получал; близилась нищета. Он поддерживал себя уроками фехтования и сеансами шахматной игры на нескольких досках сразу.

А события близкой революции уже потрясали его отечество. На родине, совсем неожиданно, появился у него защитник, и на этот раз де Еону

очень повезло.

Защитником де Еона стал Марат — «друг народа».

Марат выступил против Бомарше: подлый откупщик, торговец черными рабами Африки, вот он — враг свободы, и Марат ничего не прощал автору «Свадьбы Фигаро».

— Трудно поверить, — говорил Марат, — что в собрании представителей Парижской коммуны находится человек, который был изгнан оттуда с общественным негодованием… Человек, всегда продававшийся министрам и неизменно готовый взяться за выполнение любых постыдных поручений (здесь что ни слово — то правда!). Так, получив поручение выкрасть корреспонденцию кавалерственной дамы де Еон, он был обвинен ею в мошенничестве…

Что могла дать революция де Еону? Только независимость от королей. О кавалере де Еоне, помимо того, что он сам писал о себе (не всегда правдиво), много писали и другие. Ему суждено было еще при жизни своей составить целую библиотеку о себе же! Не было, пожалуй, ни одной столицы Европы, которая бы не выпустила о нем одну-две книги.

И писали по-разному: с удивлением или с иро-

нией, скабрезно и шутливо, серьезно и просто глупо. Но никто не догадался заметить большого протеста маленького человека против великой власти! Де Еон (в моем понимании) был фигурою совсем не смешною — он был трагической личностью.

А потому он и не стал прятаться от революции по задворкам Европы. Уже не «кавалерша де Еон», а гражданка де Еон предложила Франции свои услуги опытного драгунского офицера и дипломата.

И вот ответ Республики: согласны принять под свои знамена!

Снова были сброшены стариком (увы, уже стариком) проклятые чепцы и юбки. Он поспешил встать под трехцветные знамена новой для него Франции. Он уже был в коляске, чтобы ехать в гавань...

Его окружила полиция Лондона (это был королевский надзор):

— Вы не уедете, пока не будут оплачены вами долги...

Мы не знаем, как сложилась бы судьба этого человека далее. Но было б любопытно увидеть де Еона в революции!

***

И потекло время — быстрее, чем вода по клеенке. Англичан можно было привлечь только оригинальностью, и пришлось старику снова облачиться в женское платье. Иначе никто не хотел помогать. Старухе еще помогут, старику же — никогда!

В фехтовальных клубах Лондона скоро привыкли к этой вечно сердитой и грубой старухе, которая долго снимает в передней свои галоши, бредет на арену, чертя шпагою борозду по рыхлому песку, и кричит на учеников простуженно:

— Не так… В ангард снова… Руку, руку назад!

Он был беден, но полиция Лондона почему-то считала де Еона фальшивомонетчиком и зорко следила за «проказливой старушкой». А он имел всего лишь заработок учителя фехтования. Иногда еще давал публичные бои, выезжая для того в Бирмингэм, Саутгэмптон или в Оксфорд. Играл по трактирам в шахматы — на деньги.

И попивал дрянное дешевое винцо…

Так и тянулось до 1796 года. В этом году он вычитал из газет, что умерла русская императрица Екатерина II, оставив Россию в славе и величии. Тридцать четыре года эта женщина стояла у

кормила власти над громадной страной с мужественным и сильным народом. Она добилась своего в дипломатии: если в Петербурге слегка чихали — вся Европа валялась в жесточайшем насморке. Но де Еон не мог представить себе эту женщину в ореоле величия. Он помнил ее другой — с жилистым тонким телом, с крохотной точкой ярко-малиновых губ, всегда сжатых в напряжении, с ее интригами, злостью и распутством.

В этом же году с де Еоном случилось несчастье.

***

Как всегда, пришел де Еон вечером в клуб, чтобы дать урок фехтования знатным балбесам. Среди учеников его появился новичок — сын каких-то принцев из голландских колоний в Ост-Индии, который прибыл в Лондон пообтесаться в высшем свете. Для начала де Еон показал ему, как надо правильно держать шпагу.

— Раскиньте колени.., вот так. Видите? — пружинисто присел перед ним де Еон. — Эфес на отлет, а внимание сюда…

— Покажите, как колоть? — спросил балбес. — Вот так?

И шпага неуча, разорвав сухожилия правой руки де Еона, с треском обломилась. Обломок ее

торчал из-под платья шевалье.

Кавалер слева — здоровой ладонью — закатил принцу оплеуху. Вырвал из руки обломок клинка.

Песок арены забрызгало кровью… Он сказал принцу:

— Будь я моложе, я бы сделал из вас решето…

Несколько месяцев провел в постели. Годы уже не те — почти семьдесят лет. Не заживает все так, как раньше. Когда шевалье оправился, рука его (правая, боевая, кормящая!) не действовала.

Он лишился заработка.

Его подобрала добрая француженка, мадам Колль, на квартиру которой он вскоре переехал. Жизнь де Еона, начатая столь блестяще, теперь замкнулась стенами кухни и швейцарской.

Нацепив очки, старенький де Еон читал возле кухонной плиты газеты — выискивал сведения с берегов родины.

Наконец он дожил и до коронации Наполеона.

«Мадемуазель де Еон, — сказал старик себе, — знаете ли вы, при каком моменте истории присутствуете? Сейчас произошло отпевание гражданки Республики, которая умерла от родов императора, вследствие неудачного цесарского сечения… Что-то будет с тобой, несчастная

Франция?» Наполеон начал дразнить Россию штыками своей гвардии.

— О легкомыслие гения! — говорил де Еон. — Император заблуждается в этой великой стране, как заблуждался в дни моей молодости и великий Фридрих…

Молотили по крыше дожди, и плыли над ними туманы. Де Еон втыкал нитку в иглу, чистил на кухне картофель.

И теперь бывал рад, если загулявший швейцар подносил ему стаканчик с ромом:

— Выпей, старушка…

Выпив, старик оживал. Он снимал со стены свою шпагу, глаза его блестели, как в юности. Часами рассказывал де Еон о стране Севера, что лежит в искристых снегах; встают из метельных сугробов уютные деревянные города; народ там добр и приветлив, а женщины милы и наряд-ны… Мадам Колль отбирала шпагу из рук своей постоялицы:

— Идите, Женевьева, прилягте. И зачем вы пьете вино? Опять ночью будет плохо с сердцем… Ай, какая вы непослушная!

***

И наступила смерть. На восемьдесят втором

году. Из них сорок восемь лет де Еон прожил мужчиной. А тридцать четыре года его считали женщиной. Смерть пришла, и, наверное, он даже хотел ее. Но для этого надо вернуться к первым страницам нашей книги.

Там рассказано, что, не дав опозорить себя при жизни, он был опозорен после смерти.

Мы же, читатель, пойдем с тобой далее. Ибо в 1810 году де Еон совсем и не думал умирать. Хотя его похоронили у церкви святого Патрикия. Нет, именно с его смертью и началась новая жизнь. И не менее удивительная, нежели до гроба. Итак — год 1810-й.

Париж — столица империи Наполеона. Дипломат де Еон, лежащий в земле, вдруг снова понадобился для авантюр императоров. Опять «секреты короля»!

КОНЕЦ
КНИГИ – КОНЕЦ «СЕКРЕТОВ»

Де Еон умер в то время, когда

…гроза двенадцатого года Еще спала.

Еще Наполеон Не испытал великого народа –

Еще грозил и колебался он.

Так писал об этом времени Пушкин. Именно в год смерти кавалера де Еона Наполеон стал активно готовить агрессию против великого соперника на востоке.

Тайные типографии в Саксонии уже нашлепывали миллион за миллионом фальшивые ассигнации, чтобы подорвать экономику России изнутри. В преисподней империи началась обработка общественного мнения Европы; испокон веков агрессоры вроде Наполеона любят прикидываться только обороняющимися, только предупреждающими занесенный якобы над ними удар! Наполеон развивал свою мысль примерно так:

— Русские верны своей излюбленной политике,

завещанной им Петром Первым: держать Европу в постоянном страхе перед мощью своей армии. Есть только одна сила, способная противостоять набегу ее варварских орд, это — моя армия!

Предлог для войны следовало оформить литературно и подкрепить фактами из истории. Чтобы сомнений уже не оставалось; чтобы не было разногласий в походе «двунадесяти языков»; чтобы Европа, дружно встав под знамена Наполеона, смело двинулась на Россию — покончить с ней и с ее мощью одним ударом.

И вот на сцене тайной дипломатии появляется новое лицо — историк Лезюр, состоявший на службе министерства иностранных дел Франции. Задание написать политический памфлет против России — дело нелегкое, но Лезюр охотно взялся за приготовление фальшивки. Результатом его труда явилась книга в пятьсот страниц под названием «О возрастании русского могущества с самого начала до XIX столетия».

Однако Лезюр, хотя и был жуликом, но жуликом от истории. А история — это такое горячее блюдо, что без приправы документов можно только обжечься. Лезюр долго копался в архивах Парижа, выискивая бумаги, обличающие коварство России, пока в его руках не оказалось…

— «Завещание Петра Великого…» — прочитал он. — Что это?

Старый архивариус (помнивший еще графов Брольи) пояснил:

— Сударь, этот документ был вывезен де Еоном якобы из секретных архивов в Петергофе; но никто до сих пор не придавал ему значения, ибо слишком попахивает подделкой…

Лезюр наспех листанул это «завещание» и был удивлен:

— Это как раз то, что требуется нам сейчас… Подложное «завещание» Петра I было напечатано; оно-то и сделало книгу Лезюра главным идеологическим оружием Наполеона в его походе против России. Французская армия шагнула за Неман, а тираж книги Лезюра догонял штабы Наполеона, подстегивая отстающих, воодушевляя сомневающихся…

В «завещании» всего 14 пунктов (составленных, кстати, весьма умно и толково, со знанием русской истории, которой де Еон усердно занимался в свое время).

Возьмем наугад несколько параграфов, чтобы читатель мог составить об этом «завещании» свое собственное мнение:

« 2. Поддерживать государство России в системе

непрерывной войны, дабы закалить солдата в боях и не давать русскому народу отдыха, удерживая его в постоянной готовности к выступлению по первому сигналу…

6. Поддерживать безначалие в Польше, влиять на ее сеймы, и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждом удобном случае и, наконец, полностью покорить…

9. Вмешиваться, невзирая ни на что, силою или хитростью во все европейские распри, и особенно — Германии…

11. В супруги русским великим князьям избирать только германских принцесс и, путем родственных отношений и выгод, умножать союзы для увеличения русского влияния в этой империи…» Сила документа заключалась в том, что некоторые пункты этого подложного завещания были подтверждены царской политикой на практике. Волею исторических судеб Россия находилась в постоянном напряжении войн, солдат ее закалился, а народ втянулся в войну, как в обычное занятие. Россия действительно влияла на Польшу своим авторитетом великого соседа, Польша была раздроблена, а потом и вовсе покорена. И, наконец, начиная с Петра I, ни один великий князь не женился на русской де-

вушке, ни одна великая княжна не вышла замуж за русского, — браки с принцами и принцессами (исключительно германского происхождения) опутали Россию с Германией столь плотной сеткой, что вскоре Романовы стали родственны почти всем домам немецкого происхождения.

Тираж книги Лезюра разошелся по миру. Остатки тиража хранились на квартире министра де Бассано, где огромный завал этих фальшивок в декабре 1812 года видел известный шпион при русской армии — сэр Роберт Вильсон; Вильсон называет издание этой книги «последним проявлением русских заблуждений Наполеона».

Таким образом, де Еон невольно подложил хорошую свинью под круглый стол европейской дипломатии. «Завещание Петра I» «Существует еще одно подложное завещание Петра I, составленное известной княжной Таракановой, но судьба его не входит в тему нашего повествования.» вдруг сделалось документом огромной важности.

Плагиатор Лезюр был хитер: нигде и никогда не упомянул он имени де Еона. Игривая дымка таинственности, окружавшая де Еона еще при жизни, после смерти заволокла его личность непробиваемым туманом. А потом повалил та-

кой густой дым, что многие открещивались при одном имени кавалера.

***

В это время бродили по кабакам Парижа два талантливых шалопая; одного звали Дюма, другого Гайлярде.

Автор «Монте-Кристо», уже тогда имевший соавторов гораздо больше, чем было генералов у Наполеона, усадил за стол и своего собутыльника. Результатом была знаменитая драма «Несльская башня». Дюма-отец, человек нравственности сомнительной, вытряхнул из рукописи песок и поставил на титуле книги свое имя.

Гайлярде был возмущен такой наглостью, и на скамье подсудимых Дюма впервые узнал содержание своего произведения. Гайлярде — вне всякого сомнения! — процесс выигрывал. Но тут появился в суде некий Жанен, и со всем пылом отощавшей юности он затряс кулаками:

— Эту драму написал я, только я! Правосудия, правосудия…

Кто написал эту драму (ныне включенную в собрание сочинений Дюма-отца) — так и не выяснилось. Но Гайлярде, несолоно хлебавши, посторонился дружбы с великим романистом и

завел для себя собственный стол.

За этим столом появилась книга:

«Записки кавалера де Еона, напечатанные в первый раз по его бумагам, сообщенным его родственниками, и по достоверным документам, хранящимся в архиве иностранных дел. Сочинение Фредерика Гайлярде — автора „Несльской башни“…»

Днем с огнем не найти было этой книги, и второй тираж ее расхватали сразу, как и первый. Просто удивительно, как публика попалась на эту удочку! Но текст «завещания Петра» снова был перепечатан в книге — на видном месте.

Гайлярде вскоре же, разбогатев, покинул Францию, и океанская волна выбросила его в Новом Свете, где он вложил свои гонорары от продажи де Еона в издание авторитетного «Вестника Соединенных Штатов».

Дипломаты почитывали скандалезную книжицу, но уже посматривали на Россию настороженно. В это время Леонард Ходзько, ученый студент из Вильно, выпустил в Париже свою книгу: «ПОЛЬША. Историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная».

«Завещание Петра I» Ходзько уже снабдил политическими комментариями; особенно же развил

пояснения к 6 касательно вопроса о Польше, которая, раздробленная, уже не принадлежала сама себе. Фальшивка так часто стала мелькать перед глазами европейских народов, что уже никто не сомневался в агрессивности русских планов…

Грянул 1854 год, и вот что удивительно: Наполеон III в точности повторил Наполеона I, — только «завещание Петра I» из книг вдруг перешло в тысячи листовок, и ветер разбросал их над рядами французских колонн в Севастополе. Проклятая фальшивка вырастала в обвинительный акт против всей русской политики!

Корреадор даже выпустил в свет картографическое издание — «Карту увеличения пространств России со времени Петра I до наших дней», приложив к ней, словно горячительный пластырь, и пресловутый текст «завещания»…

— Это политическое завещание, — внушал Корреадор читателю, — было набросано Петром Первым в 1710 году, вскоре после сражения под Полтавой, исправлено им в 1722 году — после Ништадтского мира, и окончательно отредактировано канцлером Остерманом…

С большим опозданием, но все же позволю себе задать вопрос Корреадору:

— Простите, мсье, а разве бывают завещания

императоров, которые бы редактировались их чиновниками?

***

Вскоре имя де Еона снова выплыло наружу. Остроумный Ломени увлекся личностью автора «Фигаро» и дал публике прекрасную монографию об остроумце прошлого Пьере Кароне — Бомарше. Естественно, что, задев Бомарше, нельзя было миновать и его очередной «невесты».

С глубоким сожалением Ломени пришел к тяжкому выводу:

— Нет, не такая жена была нужна великому драматургу!

И мы согласны с Ломени полностью: конечно, лучше пусть любая другая, но только не такая, как наш кавалер де Еон…

Интерес к личности де Еона не угасал. Одни говорили, что он был мужчиной, другие — женщиной. А патологический осмотр его тела в 1810 году был всеми давно забыт.

«В самом деле, — толковала интеллигентная Европа, — кто это был.., он или она?» Тогда в этом вопросе решил разобраться Луи Журдан, почтенный издатель парижской газеты «Век».

— Кавалер де Еон, — бестрепетно заявил он

публике, — не был и кавалершей.., это былО кавалершО! То есть — нечто среднее между мужчиной и женщиной. Или все вместе: мужчина с женщиной.

И, сделав такое заявление, Журдан назвал свою книгу о де Еоне соответственно: «Гермафродит»; вышла она в 1861 году, и публика набросилась на нее со всем пылом.

Русская историческая наука внимательно присматривалась к тем европейским скандалам, где задевали авторитет преобразователя России. Между тем Россию клевали походя — все кому не лень. Любое военное или политическое потрясение — сразу, будто из-под земли, всплывает и это «завещание».

Даже когда Россия освободила братьев-болгар, даже тогда, на Берлинском конгрессе, Россию одергивают, и вновь, как бельмо в глазу, торчит эта фальшивка.

В самом деле, вот 8 и 9 этого «завещания».

— Что эти параграфы говорят? — рассуждали дипломаты. — Петр Первый завещал потомству: неустанно расширять русские пределы к северу и югу вдоль Черного моря, возможно ближе подвигаться к Константинополю, к Греции и к Индии; обладающий же ими будет обладателем

всего мира. Именно это поползновение России к обладанию миром мы и наблюдаем сейчас во всей русской политике…

Такими выводами иностранные дипломаты зачеркивали все жертвы России, принесенные страной ради свободы славян, и приписывали России агрессивные планы… Что бы ни делала отныне Россия, куда бы ни повернулась своим громадным телом, — везде торчат ее пятки: «Уважаемая великая держава! Вы бы там поосторожнее, в Каракумских песках у Каспия… Не прикроетесь научными целями! Мы-то ведь знаем, что у вас на уме…»

— В чем вы нас подозреваете? — спрашивал канцлер Горчаков.

— Знаем мы ваши черные замыслы, — отвечала Европа.

***

Не успел еще остыть интерес к журдановскому «Гермафродиту», как в Брюсселе появилась невзрачная брошюрка некоего Бергольца, в которой автор смело задал миру вопрос:

— Кто же был действительным автором петровского завещания, которое уже всем набило оскомину? И в брошюре своей ответил:

— Сам император Франции… Наполеон!

И привел тому доказательства. Как видно, этот Бергольц был человеком хорошо начитанным; он изучал «наполеониану» тщательно и придирчиво. Потому-то Бергольц и заметил то, чего не заметили даже маститые историки.

А именно: поразительное сходство высказываний Наполеона о могуществе России (как в начале своей карьеры, так и в ссылке на острове Святой Елены) со всеми четырнадцатью пунктами этого завещания!

«И тут, и там, — пишет Бергольц, — те же общие мысли, одни и те же заключения. А в местах, где биографы цитируют собственные слова императора, снова те же образы и выражения, которые можно найти в речах Наполеона и в документах, им продиктованных…»

Первый голос, пусть даже ошибочный, в защиту России прозвучал. Но брошюра Бергольца не имела никакого веса на безмене дипломатии. Русских продолжали трепать старым способом.

Тогда российская историография подала и свой голос:

— Ни с берегов Прута, ни с поля Полтавской битвы, ни со стола «всепьянейшего собора», ни, наконец, со смертного одра, — утверждали рус-

ские ученые, — Петр Великий никогда не писал своего завещания!

Это верно. Почуяв приближение смерти, Петр велел подать ему грифель и аспидную доску. Тряскою рукою он вывел два слова: «Отдать все...» Но тут силы изменили ему, и он велел звать любимую дочь — умницу Анну Петровну, чтобы продиктовать ей свою последнюю волю. Когда же дочь явилась, император ничего не сказал, ибо уже лишился дара речи. Так и осталось от него завещание всего из двух слов: «Отдать все...» Что отдать? Кому отдать?

Тайну этого он унес в могилу.

***

Но Европа не прислушалась к русской истории. Тем более вряд ли что знал о ней и сам Гайлярде, ставший за эти тридцать лет солидным американским капиталистом и главным редактором «Вестника Соединенных Штатов Америки».

В начале 60-х годов Гайлярде решил побывать на родине в Париже. Здесь он совершенно случайно узнал, что Луи Журдан выпустил своего «Гермафродита», пожиная теперь лавры с хладного чела кавалера де Еона. Гайлярде нанес Журдану визит.

— Дорогой коллега, — сказал он ему примерно так, — очень рад, что озорник де Еон не забыт. К стыду своему, еще не читал вашего «Гермафродита», о чем и сожалею…

Журдан, увидев перед собой живого Гайлярде, чуть не полез от страха под стол. Но все-таки обещал доставить ему свою книгу для прочтения. И, конечно же, слова своего не сдержал.

Гайлярде справедливо заподозрил, что здесь дело нечистое. А потому в 1866 году, снова появившись в Париже, Гайлярде уже не пошел к Журдану, сам достал себе его книгу и…

Я, конечно, не присутствовал при этой сцене, но, возможно, что Гайлярде воскликнул именно так:

— Один раз меня обворовал Дюма, а теперь — Журдан!

В мире почти не существует литератора, которого бы хоть единожды не обокрали. И все же редко встретишь писателя, у которого бы другие писатели украли две книги подряд! Дело подсудное. Журдан был обвинен в контрафакции, на книгу о де Еоне наложили арест. Напрасно Журдан приносил извинения — Гайлярде ничего не прощал. Он был журналистом техасского толка, выпускавшим газеты с револьвером в кармане,

и Париж заблагоухал скандалом Нового Света, который не чета Старому!

Тут закрутил усы великолепный дуэлянт (литератор от убийства или, точнее, убийца от литературы) — Поль Гранье де Кассаньяк, уже обнаживший шпагу.

— Во имя девяти непорочных муз, — заявил он, — я готов завтра же на рассвете проколоть Журдана. Но перед неизбежной смертью своей пусть-ка он заглянет в академический словарь, где контрафакция названа одним лишь словом — воровство!

О, как радовался, наверное, в гробу де Еон, когда над крышкой его гроба раздались опять перезвуки мечей, столь любезные его драчливому сердцу. Но этот спор над покойником закончился таким образом, что парижане только развели руками. Гайлярде вдруг встал в позу грешника и начал колотить себя в грудь, привлекая к себе внимание всей Европы:

— Слушайте, слушайте! Я буду каяться… Мне было всего двадцать пять лет, я как раз написал драму «Несльская башня», которую стащил у меня этот прохвост Дюма. Но вот я встретился с именем де Еона — и стал бредить тайнами. Воображение заработало, и прошу простить меня за

то, что я тогда сгоряча намолол. Де Еон никогда не был любовницей адмирала Феррерса, как не был он и любовником английской королевы Шарлотты! У него не было детей, прижитых в России, и дети его не участвовали в пугачевском восстании и не погибли в ссылке на пороге Сибири…

Гайлярде чуть не плакал от раскаяния. Именно в таком духе он и выпустил во Франции свою новую книгу о кавалере де Еоне.

Самое любопытное, что к этому времени русская историография уже давно не верила ни единому его слову. А историки Европы продолжали верить. Небылицы Гайлярде, конечно, известны автору этой книги, но я совсем не пользовался ими при работе. Ничего случайного — по возможности самое достоверное! Факты из жизни де Еона я старательно просеивал через мелкое ситечко русской критической истории.

Ко времени «покаяния» Гайлярде история уже не грешила вальтер-скоттовщиной, которую позже так остроумно высмеял Марк Твен в своем романе «Янки при дворе короля Артура». На первый план теперь выступила работа в архивах. Время красивых басен и лживых сказок в духе Вальтера Скотта кончилось, — сухой и черствый хлеб документов нужнее истории, нежели краси-

вые расписные пряники.

А что мог дать читателю Гайлярде? Самое серьезное у него было опять-таки «завещание Петра I», якобы выкраденное де Еоном из Петергофа. Вот Гайлярде его и впихнул в свою книгу. Мало того, в газете «Фигаро» он еще похвастал, что «первый обнародовал этот знаменитый документ», — этим бахвальством Гайлярде, таким образом, урвал лучик славы из венца Наполеона!

Но тут был расчет с очень дальним прицелом. Разоблачив себя почти во всем при «покаянии», Гайлярде удержал за истину сам текст завещания. И от этого фальшивка снова укрепилась за бастионами достоверности.

***

Тем временем, вдали от суеты и рекламной шумихи, в архивах Парижа трудился скромный архивист Эдгар Бутарик. Год за годом, не торопясь, рассудительно и мудро, перебирал он старые выцветшие бумаги. Его интересовал черный кабинет Людовика XV — те таинственные депеши, за которыми крылись мрачные интриги секретной дипломатии XVIII века.

И вот на стол Европы была положена капитальная монография, в которой де Еону отводилось

почетное место. В силу вступил документ о де Еоне, и на его основании Бутарик подтвердил, что — да, кавалер де Еон действительно сыграл едва ли не главную роль в дипломатии Семилетней войны между Францией и Россией в их совместной борьбе с агрессором Пруссией.

И тут же, словно по сигналу, начался поход в дипломатию Семилетней войны других историков. Брольи и Бюллау, Ваддингтон и Вандаль, Бэн и Валишевский, Годжкинс и Рамбо, Карнович и Шубинский, — все эти ученые не прошли мимо личности де Еона. Каждый признал за ним видную роль в создании коалиций против Фридриха, но зато историки окончательно запутались в его юбках.

Некоторые (вроде Годжкинса) вообще махнули рукой:

— Это была самая настоящая женщина, и на этом — точка!

В 1875 году пришли могильщики к церкви святого Патрикия и, поплевав на руки, выкопали кости де Еона, свалив их, вместе с трухою гроба, в одну общую яму. Легли поверх рельсы, гугукнул паровоз, и осталось имя де Еона только в списках покойников… Капитал — его величество! — беспощадно раскидывал провода и рельсы,

опутывая ими земной шар. Новая эпоха!

В этой новой эпохе писателям жить стало труднее. Под раскаленной крышей Парижа сидел на чердаке совершенно голый человек и умирал от голода. Он был похож на бедуина, ибо простыня была его единственной одеждой. Звали этого человека — Эмиль Золя; вот упрямый талантище! Он работал крепко и точно. Кирпич за кирпичом откладывал он в фундамент своей будущей славы. Это был неутомимый каменщик мировой литературы! И слава пришла к нему; потребовалось переводить его на все языки мира, и тогда на пороге его жилища появился итальянец Вицителли — как переводчик Золя на язык английский.

Я не знаю, каковы пути, что привели Вицителли к де Еону, но, думается, именно отсюда, от общения с Золя, и возник интерес итальянца к давно угасшей личности французского дипломата и писателя. Вицителли оказался умнее других историков.

Для начала он поехал прямо в Тоннер, где в библиотеке провинции обнаружил вдруг массу бумаг самого де Еона; Вицителли сидел в его доме, стоящем теперь возле полотна железной дороги (и где ныне музей де Еона!), он слушал гудение того камина, который напевал и де Еону в тихие

зимние ночи…

И вот родилась новая книга о де Еоне, в которой автор навсегда разбил множество легенд, и выводы Вицителли сомкнулись с теми доводами, которые еще раньше приводили русские историки. Самые недоверчивые и самые осторожные.

Как в пользу де Еона — так и в осуждение его!

Но Вицителли тоже не удалось похерить фальшивку. «Завещание Петра» засело в дипломатии Европы прочно, словно ржавый колун в сыром полене. Ни туда, ни сюда! И эта фальшивка и по ею пору сидит там — в архивах. Ее не вытащишь зубами оттуда…

***

История должна быть нашим помощником в жизни. Держась за настоящее, мы живем будущим, обязательно исходя из прошлого. Предвижу, что найдется среди моих читателей такой, который скажет:

— Ну, ладно. Это дело прошлое. Сейчас и люди другие. И время другое. Гусиные перья заменены телетайпами. Не шпаги звенят, а взлетают ракеты… При чем здесь завещание Петра Первого и де Еон этот, которого никто не помнит!

Остановись, читатель, не спеши — ты ошиба-

ешься. Я должен и огорчить тебя и озаботить. Нет, ничто не забыто… Фальшивки всегда удивительно живучи! Не время закрывать книгу. Продолжим. Наступили времена — исторически нам близкие. Алексей Толстой работал над романом-эпопеей «Петр Первый», советская кинематография поставила фильм о Петре — эту возвышенную ленту, насыщенную порохом и драматизмом прошлого.

Политики Европы сразу насторожились:

— Отчего это большевики, не признавая монархической власти, так горячо пекутся о воскрешении образа императора Петра? Впрочем, догадаться можно…

А в Берлине — под грохот маршей — кликушествовал Гитлер:

— Мы имеем прямые доказательства, что большевики являются лишь душеприказчиками Петра Первого. Азиатское учение большевизма, исполняя замыслы прежних российских цезарей, теперь вынашивает мечты о поглощении всего цивилизованного мира!

Грянул 1941 год — год нашей беды и нашего мужества, год незабываемый… В ночь перед нападением на Страну Советов царило необычное оживление в гитлеровском министерстве

пропаганды. Геббельс и его подручные спешно фабриковали очередную фальшивку о «русской угрозе миру». И снова за уши было притянуто сюда подложное завещание Петра I.

Мы победили в этой борьбе. Казалось бы — вот конец.

Нет! В высоком сверкающем здании ООН (там, далеко за океаном) должны хорошо знать кавалера де Еона, ибо там до сих пор фигурируют фальшивые 14 пунктов мнимого завещания. Поборники «холодной войны» оживлены. С высокой трибуны звучат их уверения, что коммунисты — продолжатели захватнической политики царизма; что коммунисты мечтают о полном поглощении в свою ужасную «азиатскую систему» всего «свободного мира»...

Никогда не думай, читатель, что история — это только история. Давнее нашей земли и нашего народа удивительно сопряжено с нашим сегодняшним днем.

Не верь тому, кто скажет тебе:

— Это нам не нужно... Это история!

Иногда люди не понимают, что история — это и есть наша современность. Нельзя изучить современную жизнь и познать ее политические требования к нам — без знания истории! Если

человек говорит: «Я знаю историю», — это значит, что он знает и современность. Если человек говорит: «Я знаю только современность», — это значит, что он не знает ни истории, ни современности!

Из ничего ничто и не рождается.

Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас. Воин русский на поле Куликовом — это воин при Кунерсдорфе. Воин при Кунерсдорфе — это воин на поле Бородинском. Воин на поле Бородинском — это воин на Шппке. Воин на Шипке — это защитник Брестской крепости…

Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна

— это мать-Россия; и во все времена кровь проливалась во имя одного — во имя русского Отечества. Мы не провожали в поход павших на поле Куликовом.

Не нас разбудили рыдания Ярославны.

Мы не знаем имен замерзших на Шипке…

И все-таки мы их — знаем! Да, мы их помним, мы их видим, мы их слышим, мы их никогда не забудем.

Ибо это наши предки, читатель.

В истории есть голос крови.

Этот голос ко многому нас обязывает.

Не будем искать славы для себя.

Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!